

Роберт ГОВАРД

НОЧЬ ВОЛКА

Сага древних морей

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
Г 57

Перевод с английского

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

Говард Р. И.
Г 57 Ночь волка. Сага древних морей: Повести и рассказы / Пер. с англ. — СПб.: «Северо-Запад», 1997. — 544 с.

ISBN 5-7906-0036-0.

В сборник вошли ряд повестей и рассказов, таких как «Черви земли», «Тигры морей», «Черный человек» и другие.

Г 8200000000

ББК 84 (7США)

© Ken Kelly, 1986

© Подготовка текста, серийное оформление.
«Северо-Запад», 1997

ISBN 5-7906-0036-0

ОЖИВШЕЕ ПРЕДАНИЕ

К

оррак огляделся и прибавил шагу: это место ему не нравилось. Вокруг тянулись к небу необъятные стволы высоких деревьев, их мрачные широкие ветви закрывали свет солнца. Едва заметная тропинка петляла между ними, порой приближаясь к склону оврага, и тогда Коррак, казалось, шагал по верхушкам провалившегося под землю леса. Иногда — в просветы между деревьями — он

видел жуткие громады горных вершин Корнуола, тянущиеся цепью на запад.

Местные жители считали, что именно в этих горах поджидает своих жертв разбойничья ватага Буруга Жестокого. Редкий смельчак отваживался отправиться горной дорогой, опасаясь нарваться на засаду. Коррак перехватил понадежнее копьё и ускорил шаг. Его поспешность объяснялась не только опасностью, грозящей со стороны угнездившегося в этих местах отребья, но и желанием еще разок заглянуть в родную деревню: ему предстояло длинное утомительное путешествие почти через всю Британию. Хотя он только что достаточно успешно выполнил тайное поручение старейшин варварских племен с равнин Корнуола, ему не терпелось покинуть эти негостеприимные земли. Он с отвращением посмотрел вокруг — от тоски по приветливым лесам, в которых щебетали птицы и носились олени, по высоким белым утесам, возле которых весело играло голубое море. А этот угрюмый мрачный лес казался совершенно необитаемым: до сих пор Коррак не видел ни птиц, ни животных, ни каких-либо признаков человеческого жилья.

Товарищи Коррака по секретной экспедиции все еще задерживались при дворе корнуолского короля, пользуясь его примитивным гостеприимством, и не спешили отправиться восвояси, наслаждаясь заслуженным отдыхом после трудной работы. Но праздность была не свойственна Корраку: он оставил приятелей и отправился один.

Быстро скользящий по лесной тропе воин являл собой фигуру примечательную: более шести футов ростом, могучий и в то же время стройный, сероглазый и светловолосый, он казался чистым британцем. Однако в жилах его текла кельтская кровь, а

длинные соломенные волосы раскрывали в нем — как и во всем их племени — влияние бельгов.

Он был одет в искусно выделанные олени шкуры: кельты еще не очень преуспели в изготовлении тканей, а прочие животные не водились в таком изобилии на землях его родного племени.

Его вооружение состояло из длинного тиссового лука — не слишком изящного, но надежного; длинного и широкого меча в ножнах из бычьей кожи; обоюдоострого громадного кинжала и маленького круглого щита из того же материала, что и ножны. Голову прикрывал металлический шлем, грубо изготовленный — так же, как меч, кинжал и окантовка щита — из бронзы. На щеках и предплечьях воина были наклеваны травяной краской слабые узоры.

Безбородое лицо одинокого путника имело типичные черты британца, четкие и открытые, исполненные нордической поницательной решимости в смеси с безрассудной смелостью и художественностью кельта.

Итак, Коррак шагал по лесной тропе, порядком усталый, однако готовый к бегству или битве, но не желавший ни того, ни другого.

Тропа вела в сторону от оврага, огибая высокое дерево: оттуда доносился шум схватки. Осторожно двигаясь вперед, он раздумывал — припоминая болтовню местных жителей — уж не эльфы ли с гномами выясняют тут отношения. Любопытство взяло верх, и он заглянул за дерево.

Странная картина открылась его взгляду: неподалеку, к стволу могучего дуба прижался истекающий кровью громадный волк, находящийся явно в безвыходном положении, а перед ним, приготовившись к прыжку, припала к земле гигантская пан-

тера. Коррак задумался о причинах их стычки — не часто хозяева лесов встречались в открытой битве. А еще его удивили странные завывания этого огромного кота: казалось, разъяренное животное чем-то напугано, и, несмотря на жажду убийства, пылающую в неистовых глазах, колеблется перед финальным прыжком.

Почему Коррак вмешался в эту схватку, да к тому же встал на сторону волка, он и сам не знал. Несомненно, тут сыграла роль безрассудная храбрость кельта и инстинктивная склонность прийти на помощь слабейшему. Как бы там ни было, Коррак, позабыв про свой лук, выхватил меч и, выпрыгнув из своего укрытия, оказался прямо перед пантерой. Но использовать смертоносный клинок ему не пришлось — пантера, уже встревоженная каким-то неясным обстоятельством, издала жуткий вопль и исчезла среди деревьев так быстро, что Коррак подумал, не пригрезился ли ему этот грозный хищник. Он резко повернулся к волку, опасаясь нападения сзади, но тот смотрел на избавителя, почти растянувшись на земле, затем встал и медленно побрел прочь от дерева, не отводя взгляда от человека; сделав несколько шагов, он отвернулся и запрыгал прочь странной шаркающей походкой. Глядя на ковыляющего зверя, воин почувствовал суеверный страх: ему доводилось видеть немало серых хищников, он охотился на них, бывало, и они нападали на него, но такого волка Коррак не видел никогда.

Поколебавшись, он осторожно двинулся по волчьим следам, отчетливо выделяющимся на мягком суглинке. Пройдя немного, он вдруг остановился, словно пораженный громом, волосы на голове зашевелились от ужаса: *были видны следы только задних лап — волк шел, выпрямившись.*

Коррак осмотрелся. Тишина — лес молчал. Он почувствовал страстное желание повернуть обратно, чтобы как можно больше пространства оказалось между ним и тайной, но его кельтское любопытство не позволило принять разумное решение: он снова пошел по следу. А тот исчез совсем — под большим деревом, пропал, словно его и не было. Холодный пот выступил на лбу воина. Что за мерзкое местечко этот лес? Что за оборотень пытался завести его в глушь? Коррак попятился назад, подняв меч: воинская доблесть не позволяла ему пуститься в бегство, хотя желания было больше, чем достаточно. Он вернулся к дереву, где вначале увидел волка, а потом двинулся по следам зверя в ту сторону, откуда тот появился. Коррак почти бежал, чтобы убраться подальше от чудовищной твари, которая ходит на двух ногах и исчезает в воздухе.

...

Следы становились все менее различимыми, и Коррак сбавил темп до медленного шага. Это оказалось для воина даже благом: он слышал голоса людей, идущих по тропе, прежде чем они увидели его. Он поспешно влез на высокое дерево, раскинувшее ветви над тропой, и улегся на одну из них, держась за ствол.

По лесной тропинке шли трое. Один был крупным, массивным мужчиной, выше шести футов ростом, с длинной рыжей бородой и большой копной рыжих волос, с цветом которых контрастировали его черные выпученные глаза. Одетый в оленьи шкуры, гигант был вооружен громадным мечом. Его сопровождали тощий, как скелет, одноглазый старик и сморщенный косоглазый коротышка.

Коррак узнал их по красочным, пересыпанным проклятиями, рассказам корнуолцев. Стремясь рассмотреть самого знаменитого в Британии разбойника и убийцу, он так наклонился вперед, что потерял равновесие и, соскользнув с дерева, плюхнулся на землю прямо под ноги одноглазому. В то же мгновение Коррак вскочил и выхватил меч, потому что знал: рыжеволосый человек — Буруг Жесткий, истинная беда Корнуола.

Разбойник пробормотал грязное ругательство и, выхватив длинный меч, быстро отскочил назад, уклоняясь от яростной атаки британца: бой начался. Помедлив мгновение, Буруг неистово взмахнул своим чудовищным клинком и ринулся в лобовую атаку, пытаясь сбить воина с ног за счет преимущества в весе; одноглазый скользнул в сторону, стараясь зайти Корраку с тыла, а коротышка отступил к краю леса. Изящное искусство фехтования было еще не ведомо свирепым бойцам далекого прошлого. Они рубили и резали, вкладывая в каждое движение всю мощь закаленного в битвах тела. Сильнейший удар в щит бросил Коррака на землю, и одноглазый, размахивая ножом, кинулся к нему, пытаясь заколоть. Коррак, не поднимаясь, быстро крутнулся на месте и полоснул разбойника по ногам, а когда тот с воем повалился — прикончил кинжалом; затем проворно перевернулся на бок и в прыжке увернулся от меча Буруга. Надежный щит выдержал удар смертоносного клинка, и воин, воспользовавшись секундным промедлением противника, оттолкнул того в сторону и, вложив всю силу в замах, рубанул мечом: голова Буруга слетела с плеч.

Услышав шорох, Коррак мгновенно обернулся и обнаружил, что третий разбойник поспешно покинул место битвы и сейчас мчался по лесу уже до-

вольно далеко от дороги. Воин бросился было в погоню, но тот успел скрыться среди деревьев. Дальнейшее преследование не имело смысла; Коррак вернулся на тропу и торопливо зашагал, временами переходя на бег, прочь от опасного места. Он не знал наверняка, есть ли поблизости еще разбойники, но был твердо уверен, что теперь надо убираться из леса, и делать это как можно скорее. Несомненно, сбежавший негодяй поднимет на ноги всю ватагу, и вскоре они перетряхнут каждый листик в этой глухомани.

Впрочем, пока все складывалось удачно: Коррак беспрепятственно двигался по тропе, не обнаруживая никаких признаков врага. Наконец, он остановился и взобрался на самый верх громадного дерева, возносившего могучую крону в заоблачные выси.

Воин огляделся: со всех сторон его окружал океан листвы. На западе проглядывала тонкая полоска холмов, к которым ему не хотелось приближаться. На севере, но гораздо дальше, вздымались пологие вершины невысоких гор. И только на востоке — где-то у горизонта — он едва смог рассмотреть границу перехода редких лесов в плодородные равнины. До них мили и мили пути, сколько именно — он не знал, но потом его ожидало бы более приятное путешествие: светлые рощицы, зеленые луга, деревни, населенные людьми его племени. Коррак удивился, что смог увидеть так далеко, но ведь и дерево, на которое он взобрался, было настоящим гигантом среди остальных.

Прежде чем спуститься, он взглянул вниз и рассмотрел едва заметную отсюда тропу, по которой только что бежал на восток, смог различить и другие тропинки, пересекающие и отходящие от нее. И тут что-то блеснуло; он присмотрелся к заинте-

ресовавшей его прогалине и увидел нескольких вооруженных людей. Здесь и там почти на каждой тропинке его глаз отмечал мелькание одежды, движение листвы: значит, этот косоглазый разбойник успел оповестить своих товарищей. Теперь они были повсюду, и он, похоже, оказался в ловушке.

До него донеслись ослабленные расстоянием дикие крики: по-видимому, негодяи оповещали друг друга, что их жертва ускользнула. Задержись он на мгновение — и промедление стоило бы ему жизни. Сейчас он находился в относительной безопасности, но все равно разбойники были близко. Он быстро сполз с дерева и скользнул в лес.

Началась самая восхитительная охота, в которой когда-либо участвовал Коррак; жаль только, что добычей был он, а догоняли его другие. Прокрадываясь беззвучной тенью, перебегая от куста к кусту, от дерева к дереву, прячась в канавах, затем снова двигаясь бегом, Коррак устремился прочь — к восточной окраине леса. Он петлял и временами делал крюк к северу или югу, но все же старался держаться неподалеку от тропы, ведущей на восток.

Однако преследователи буквально наступали ему на пятки. Порой проползая среди кустов или затаившись за густыми ветвями, он оказывался на расстоянии вытянутой руки от охваченных азартом погони разбойников. Пару раз они заметили Коррака, и тогда только быстрые ноги да врожденное проворство помогли ему спастись. Перепрыгивая через поваленные стволы и продираясь через кустарник, он скрывался в густом подлеске под разочарованные крики негодяев.

Удирая в очередной раз под улюлюканье разбойников, он неожиданно выскочил к гряде небольших

холмов, которых не заметил, осматривая лесные просторы с вершины громадного дерева. Крики позади внезапно смолкли, воин оглянулся и обнаружил, что его преследователи остановились. Не задерживаясь, чтобы обдумать их такое странное поведение, он бросился вперед, огибая огромный валун, и, зацепившись ногой за тонкий корень, повалился на землю. В этот момент что-то обрушилось на его голову, и он потерял сознание.

* * *

Когда Коррак пришел в себя, то обнаружил, что связан по рукам и ногам, и его куда-то несут. Он осмотрелся. Его тащили на плечах какие-то шуплые, чернокожие карлики. Самый высокий из них едва ли достигал четырех футов, и шагали они, наклоняясь вперед, как будто привыкли проводить жизнь, ползая и прячась; они подозрительно озирались, их черные глаза зловеще поблескивали. Вооружение похитителей состояло из маленьких луков со стрелами, коротких копий и кинжалов; Коррак не заметил ни куска обработанной бронзы, а только тщательно обточенный кремь и обсидиан. Одеты в прекрасно выделанные шкурки кроликов и прочих мелких животных, а также в грубую ткань, эти странные люди были раскрашены с головы до ног охрой и травяной краской. Всего Коррак насчитал человек двадцать. Кто они? Он никогда не видел таких.

Они спустились в каменистую расщелину и, пройдя еще немного, оказались у монолитной скалы: это был тупик. Здесь, по команде одного из карликов, похитители положили британца на землю и затем дружными усилиями откатили в сторону огромный валун. Открылся темный зев пещеры, и странные люди снова подняли Коррака и двинулись вглубь.

Коррак заledenел при мысли о черных глубинах этой ужасной пещеры. Одним богам ведомо, что же это за люди. Во всей Британии и Альбе, в Корнуоле или Ирландии Коррак никогда не видел подобных — черных карликов, живущих в земле. Холодный пот выступил на его лбу: несомненно именно о них рассказывали корнуолцы. Эти злобные уродцы прячутся в своих пещерах днем, а ночью выходят на поверхность: угоняют скот, поджигают дома, убивают людей! Даже теперь, если вы приедете в Корнуол, вам расскажут о них.

Люди — или это были эльфы? — втащили его в пещеру, затем закатали валун обратно на место. Какое-то время воина окружала полная темнота, затем вдалеке загорелись факелы, и процессия двинулась вперед. По пути она все увеличивалась — к ней присоединялись другие люди, освещая дорогу факелами.

Коррак старался рассмотреть пещеру. Неровный свет факелов освещал то одну, то другую стену, и в эти мгновения британец смог рассмотреть примитивные рисунки, выполненные довольно искусно, во всяком случае, гораздо лучше, чем умело его собственное племя. Потолок пещеры терялся где-то во мраке — Коррак знал, что часто небольшое входное отверстие могло привести в пещеру удивительных размеров. В отсветах пляшущего огня странные люди возникали и исчезали безмолвно, словно тени далекого прошлого.

Неожиданно процессия остановилась, Коррака поставили на ноги и развязали веревки, которыми он был опутан.

— Иди прямо вперед, — произнес голос на языке его племени, и он почувствовал, как острие копья коснулось затылка.

Затекшие ноги плохо слушались своего хозяина, и он двинулся по пещере неуверенной шаркающей походкой. Внезапно пол начал резко подниматься вверх. Подъем оказался чрезвычайно крутым, а каменный склон очень скользким, так что Коррак не смог взобраться по нему самостоятельно. Но похитители втащили его наверх, и тут только он заметил, что какие-то длинные плети свешиваются из темноты над головой.

Эти странные люди хватались за них и, перебирая ногами по скользкому подъему, быстро забирались вверх. Оказавшись на ровной поверхности, Коррак обнаружил, что в этом месте пещера делает поворот. Преодолев его, британец ахнул от изумления при виде открывшейся ему картины.

Подземный коридор превратился в огромный зал, непонятно каким образом умещавшийся под землей. Бесконечно высокие стены смыкались в чудовищный купол, теряющийся во мраке. Полноводная подземная река пересекала пещеру из конца в конец. Каменный арочный мост, похоже, природный, соединял берега потока.

Все стены были испещрены отверстиями, которые, судя по всему, являлись входами в маленькие жилые пещерки: внутри каждой горел огонь и копошились какие-то тени. Ровные ряды этих мерцающих отверстий уходили куда-то в высоту. Создать такой город было не под силу обычному человеку! Насколько Коррак смог рассмотреть, в пещерках и снаружи и на ровном полу основной пещеры люди занимались своими обычными делами. Мужчины разговаривали друг с другом и чинили оружие, некоторые ловили в реке рыбу; женщины хлопотали у огня и делали одежду. Все это выглядело, как в любой другой деревне в Британии; и в

то же время было совершенно нереальным: глухая пещера, молчаливые карлики, лениво несущая свои воды река.

Но вот они узнали о пленнике и собрались вокруг него, по-прежнему безмолвно, не выкрикивая оскорблений и непристойностей, как это принято у варварских народов; маленькие люди толпились вокруг Коррака, молча рассматривая его злыми волчьими глазами. Это было так жутко, что несмотря на все свое мужество, воин содрогнулся.

Тем временем похитители подтолкнули британца вперед: у самого берега реки они остановились и снова окружили своего пленника плотной стеной.

Два больших костра вспыхнули перед ним: между ними что-то находилось. Коррак присмотрелся и смог различить высокое каменное сиденье наподобие трона, и на нем — старика с длинной белой бородой, тихого, неподвижного, однако его ясные черные глаза светились холодным огнем.

Старик был одет в какой-то длинный балахон. Одна, похожая на клешню костлявая рука сжимала край сиденья, впиваясь когтями тощих пальцев в серый камень. Другую руку скрывали складки одежды.

Пламя костров плясало и мерцало. Старик поднялся с места, его кривой, похожий на клюв нос и длинная борода четко выделялись на свету. Потом очертания его фигуры стали расплываться, и Коррак с изумлением понял, что видит только светящиеся неистовые глаза старика.

— Говори, британец! — неожиданно прозвучали слова, сказанные сильным чистым голосом без признаков старости. — Говори, если тебе есть что сказать.

Коррак вздрогнул от неожиданности и, запинаясь, спросил:

— Да, да — что вы за люди? Зачем вы меня захватили? Вы — эльфы?

— Мы — пикты, — раздался суровый ответ.

— Пикты!

Коррак слышал рассказы об этом древнем народе из гэльских британцев, говорили, что они все еще прячутся в Силурийских холмах, но...

— Я воевал с пиктами в Каледонии, — запротестовал британец. — Они невысокие, но очень массивные и уродливые, совсем не такие, как вы!

— Это были не настоящие пикты, — прозвучал ответ. — Посмотри вокруг, британец. — И он величественно указал на людей. — Ты видишь остатки исчезающего племени, племени, которое когда-то правил Британией от моря до моря.

Коррак удивленно посмотрел вокруг.

— Слушай, британец, — продолжал голос, — слушай, варвар, я тебе расскажу историю погибшего племени.

Свет костров мерцал, бросая случайные отсветы на стены и молчаливую реку. Голос старика зазвучал в пространстве пещеры:

— Наш народ пришел с юга, через острова, через внутреннее море, через покрытые снегом горы, там часть племени осталась, чтобы противостоять преследовавшему нас врагу. Мы спустились на плодородные равнины и расселились по всей земле. Мы стали богатыми и процветали. Затем в стране появилось два короля, и победитель прогнал побежденного. Потом многие из нас построили лодки и подняли паруса, направляясь к дальним утесам, сиявшим белым светом на солнце. Мы нашли добрую страну с плодородными равнинами. Мы нашли пле-

мя рыжих варваров, которые жили в пещерах. Это были могучие гиганты с огромными телами и совсем малым разумом.

— Мы построили плетеные хижины. Мы возделывали землю. Мы очистили лес и прогнали рыжих гигантов в горы на западе и на севере. Мы были богаты, мы процветали.

— Затем,— тут голос наполнился злобой и яростью, и загремел под сводами пещеры подобно грому,— затем пришли кельты. С западных островов в своих грубых челноках. Они высадились на берегу, но западный берег им не понравился. Они двинулись на восток и захватили плодородные равнины. Мы боролись, но они оказались сильнее. Эти неистовые воины имели бронзовое оружие, в то время как у нас было только оружие из кремня.

— Нас изгнали и поработили. Нас изгнали в леса. Некоторые скрылись в горах на западе, часть ушла к северным горам. Там они смешались с рыжими гигантами, которых мы прогнали так давно, и породили чудовищных карликов, умеющих только воевать.

— Но мы поклялись, что никогда не покинем землю, за которую мы боролись. Однако кельты превосходили нас числом: их было много и приходило еще больше. Поэтому мы стали прятаться в пещерах и оврагах. Мы — кто всегда жил в хижинах, на свету, кто всегда обрабатывал землю — теперь научились жить словно кролики в норах, куда никогда не проникает луч света. В пещерах, которые мы нашли — и это самая большая из них. В пещерах, которые мы сделали сами.

— Вы, британцы,— голос превратился в крик, и длинная рука вытянулась в осуждающем жесте,— вы, и ваше племя! Вы превратили свободный про-

цветающий народ в расу земляных крыс! Мы, кто никогда не убегал, кто жил на воздухе, под солнцем, рядом с ласковым морем, мы должны прятаться, как звери, на которых идет охота, и зарываться, как кроты! Но ночью! О, тогда мы мстим! Мы выползаем из своих укромных мест, оврагов и пещер, с факелом и кинжалом! Смотри же, британец!

Следя за его жестом, Коррак увидел круглый столб из какого-то очень твердого дерева, установленный в яме, выбитой в каменном полу недалеко от берега. Пол вокруг был поврежден, словно там бушевал огонь.

Коррак смотрел и не понимал. Смысл речи старика как-то ускользнул от него. И он по-прежнему сомневался в принадлежности этих странных карликов к человеческой расе. Ему вспомнились рассказы о «маленьком народе»: об их делах, их злобности, их ненависти к людям. Трагическая история исчезнувшего племени не тронула сердце британца. Он не понимал, что видит одну из тайн веков, и тем более не подозревал, что мог бы развеять одну из легенд, причислившей пиктов к эльфам, гномам и прочей фантастической нелюди. Поначалу пиктов признавали человеческой расой, а затем отказывали даже в самом факте существования, точно так, как неандертальцы вошли в легенды о гоблинах и ограх. Впрочем Коррака тревожило совсем другое, а старик, между тем, продолжал:

— Вот, здесь, британец,— выкрикнул он, показывая на столб,— здесь ты заплатишь! Совсем немного — по общему счету, но в полной мере для тебя.

Ликование старика казалось бы дьявольским, если бы не светившаяся в его глазах убежденность в

справедливости возмездия. Он был искренен в своих устремлениях и казался последним защитником великого проигранного дела.

— Но я британец,— запинаясь, проговорил Коррак.— Это не мой народ изгнал ваших предков! Это были гэлы, из Ирландии. А мое племя пришло из Галлии всего сто лет назад. Мы победили гэлов и изгнали их в Эрин, Уэльс и Каледонию подобно тому, как они изгнали ваш народ.

— Не имеет значения! — отмахнулся старик.— Кельт есть кельт. Британец или гэл, не имеет значения. Каждый кельт, который попадает в наши руки, должен платить, будь он воин или женщина, ребенок или король. Схватите его и прикрутите к столбу.

Пикты мгновенно выполнили приказ, и надежно привязанный Коррак с ужасом наблюдал, как возле его ног начала расти гора дров.

— А когда ты достаточно поджаришься, британец,— продолжил старик,— этот кинжал, который уже пробовал кровь сотни кельтов, утолит свою жажду твоей.

— Но я никогда не причинил зла пиктам! — задыхаясь, проговорил Коррак и дернулся в своих путах.

— Ты платишь не за то, что сделал ты, а за то, что натворило твое племя,— сурово ответил старик.— Я хорошо помню, что творили кельты, когда высадились впервые в Британии — вопли умирающих, крики насилуемых девушек, дым горящих деревень, грабежи.

Британец почувствовал, как его короткие волосы на затылке встали дыбом. О, боги, что он говорит! Когда первые кельты высадились в Британии! Ведь это было более пятисот лет назад!

Кельтское любопытство Коррака требовало немедленного удовлетворения, хотя пикты уже изготавились зажечь дрова, сваленные вокруг него.

— Вы не можете помнить этого! Прошли уже сотни лет!

Старик печально посмотрел на пленного воина.

— Я живу уже много веков. В юности я поклялся извести всех ведьм в нашей округе, и одна старуха, корчась у позорного столба, прокляла меня. Она сказала: «Ты не покинешь эту землю до тех пор, пока живет последний ребенок племени пиктов». Ты понял, британец? Мне предстоит увидеть, как когда-то сильное племя постепенно уйдет в забвение, и тогда — только тогда — я смогу последовать за ним. Она наложила на меня проклятие вечной жизни.

Затем его голос загремел так, что наполнил всю пещеру.

— Это проклятие — ничто. Слова не наносят вреда и ничего не могут поделать с человеком. А я живу. Я видел уже сто поколений, и теперь пошла вторая сотня. Что есть время? Солнце встает и садится, и очередной день уходит в забвение. Люди смотрят на небесное светило и по нему направляют свою жизнь. Они идут об руку со временем. Они считают минуты, которые мчат их к вечности. Время придумано человеком, а вечность дело богов. В этой пещере нет места суете, нет звезд, нет солнца — нет времени, а есть вечность. Мы не торопимся, ибо ничто не отмечает бегущие часы. Молодежь выходит наружу. Они видят солнце и звезды и, ощутив пульс жизни, они уходят. Совсем юным я вошел в эту пещеру, и никогда не покидал ее. И — по вашим меркам — я живу здесь тысячи лет, а может быть — один час. Когда то, что называют душой или

разумом — назовите это как хотите — не связано временем, оно может повелевать телом. Наши старейшины в прежние времена знали больше, чем ваш наземный мир когда-либо сможет узнать. Когда я чувствую, что мое тело начинает слабеть, я принимаю магическое средство, известное только одному мне во всем мире. Оно не дает бессмертия — на него работает разум — но оно восстанавливает тело. Племя пиктов постепенно исчезает, исчезает подобно снегу на горе. И когда уйдет последний из них, этот кинжал освободит меня от мира. — Затем он быстро проговорил будничным тоном: — Зажигайте тростник!

• • •

В голове Коррака все завертелось. Он был не в состоянии понять только что услышанное: очевидно, его поразило безумие. А то, что он увидел в следующую минуту, утвердило британца в этой мысли.

Через толпу протискивался волк; более того, он понял, что этот тот самый волк, которого он спас от пантеры в лесу неподалеку от оврага!

Удивительно, как давно и далеко отсюда это происходило! Будто в какой-то прошлой жизни.

Да, это был тот самый волк. Коррак узнал его по странной шаркающей походке. Внезапно это существо выпрямилось и подняло лапы к голове. Ледяной ужас сдавил сердце британца.

Но вот голова волка откинулась назад, и в открывшемся темном провале постепенно проступило человеческое лицо, лицо пикта. Тело волка претерпело еле уловимые превращения, и вот уже волчья шкура упала на каменный пол, а ее обладатель поспешно двинулся вперед, выкрикивая что-то на непонятном языке. Потрясенный Коррак понял, что

видит оборотня! Пикт, уже собравшийся поджечь дрова у ног британца, заколебался и отвел в сторону факел.

Волк-пикт выбрался на свободное пространство и обратился к вождю на кельтском языке, очевидно, чтобы пленник тоже понял его слова. Коррак, несмотря на бедственное положение, уже отметил, что многие пикты разговаривали на языке его племени.

— Остановитесь! Этого человека сжигать нельзя! — И глаза оборотня сверкнули зеленым огнем.

— Это еще почему? — гневно воскликнул старик, сжимая свою длинную бороду крючковатыми пальцами. — Кто ты такой, чтобы идти против обычаев старины?

— Я встретился с пантерой, — отвечал волк-пикт, — и этот британец рисковал своей жизнью, чтобы спасти мою. Неужели пикт может быть таким неблагодарным?

Старик заколебался, раздираемый противоречивыми желаниями — фанатической жадой мщения и столько же сильной племенной гордостью, а в это время толпа зашумела, заволновалась, выкрикивая что-то на своем языке. В конце концов старый вождь кивнул.

— Пикт всегда платит свои долги, — величественно проговорил он, — и никогда не забывает добра. Развяжите его. Ни один кельт не может сказать, что пикт проявил неблагодарность к нему.

Коррака освободили, и он, ошеломленный, пытался произнести слова благодарности, но вождь отшел их.

— Пикт никогда не забывает о враге, даже помня его доброту. — И старик величественно отвернулся.

— Идем скорее,— проговорил оборотень, потянув британца за руку.

Он повел воина по узкому боковому коридору прочь от основной пещеры. Помедлив у выхода, Коррак оглянулся — старый вождь снова уселся на каменный трон; его сверкающие глаза, казалось, созерцали бывшее величие пиктов. Мерцающее пламя костров бросало алые отсветы на эту неподвижную иссохшую фигурку, в которой жил неукротимый дух потерянного племени.

Провожатый вел Коррака дальше и дальше. Наконец они выбрались на поверхность, и британец увидел над головой звездное небо.

— В той стороне деревня твоих соплеменников.— Пикт энергично взмахнул рукой, показывая направление.— Они приютят тебя.

Потом он протянул кельту подарки — одежду из ткани и тщательно выделанной оленьей шкуры; узорчатый пояс, расшитый бусинами; прекрасный лук из рога и кожаный колчан со стрелами, накопники которых были искусно вырезаны из обсидиана; немного сушеной рыбы и пару лепешек. Впрочем, больше всего Коррак обрадовался при виде своего собственного оружия.

— Подожди минутку,— заговорил британец, когда пикт повернулся, чтобы уйти.— Я шел по твоим следам в лесу. Они вдруг исчезли.

Расслышав вопросительную интонацию, пикт тихо рассмеялся.

— Я просто взобрался на дерево: взглянув наверх, ты увидел бы меня. Ну, прощай. Если тебе когда-нибудь понадобится друг, ты всегда найдешь его в Беруле, вожде пиктов Альбы.

Он повернулся и исчез. А Коррак, в призрачном свете луны, зашагал в сторону кельтской деревни.

ДЕТИ ТЬМЫ

Р

ок вел меня по сумрачным аллеям в тени вековых деревьев в пещеру Дагона. Вел, чтобы убить Ричарда Брента. Мой душевный настрой соответствовал первобытной мрачной красоте этих мест. Мощные ветви и густая листва вокруг пещеры преграждали путь солнечным лучам. Неподалеку, у отвесных скал плескалось море, но за густым лесом его не было видно. Царящая вокруг тьма и то, что

мне предстояло совершить наполняли мое сердце неизъяснимой тоской.

Я оказался здесь раньше человека, которого ненавидел. На мгновение я заколебался, но чудесный лик Элеоноры Блэнд, аромат ее золотистых волос волной затопили мою память. Я стиснул рукоять тупорылого револьвера, оттягивающего карман пиджака.

Не сомневаюсь, что если бы не белокурый англичанин, я бы сумел завоевать эту женщину, страсть к которой превратила мою жизнь в муку, а сон в пытку. Каков будет ее выбор? Она не говорила. Думаю, Элеонора и сама не знала этого. Поэтому я решил, — если исчезнет один из нас, девушка достанется оставшемуся. И вот теперь я собирался облегчить ей выбор, прознав накануне, что мой соперник собирается отправиться на прогулку в уединенную пещеру Дагона. Один.

Я не преступник. Просто мне случилось родиться и вырасти в суровом краю на границе цивилизованного мира, где человек берет то, что ему нужно и где сострадание — малоизвестная добродетель. Страсть, терзающая мою душу, вынудила меня убить Ричарда Брента. Я прожил трудную, жестокую жизнь. И моя любовь тоже оказалась ей подстать. Возможно, я слегка повредился рассудком от любви к Элеоноре Блэнд и ненависти к Ричарду Бренту. Сложись обстоятельства иначе, я был бы рад назвать другом этого высокого, ясноглазого и сильного парня. Но судьба решила иначе, — он встал у меня на пути и должен был умереть.

Я шагнул в полумрак пещеры и остановился. Мне прежде не доводилось бывать в пещере Дагона. Однако теперь, когда я окинул взглядом высокий свод, гладкие каменные стены и пыльный пол,

странное чувство, что все мне здесь знакомо, не отпускало меня. Так и не разобравшись в своих ощущениях, я пожмыл плечами, решив, что эта пещера напоминает пещеры юго-восточной Америки, где я родился и вырос.

Умом я понимал: я никогда не был в этой пещере, правильная форма которой породила миф об ее искусственном происхождении. Некоторые ученые утверждали, что много веков назад ее вырубили в скале руки загадочного «Маленького Народа», — неких доисторических существ, о которых упоминается в британских легендах.

Среди местных жителей преобладали кельты. Саксонские захватчики сюда не добрались, и легенды восходили к истокам времен, к тем незапамятным временам, еще до прихода саксов, когда коренные бритты отражали постоянные набеги черноволосых ирландских пиратов.

Маленький Народец занял почетное место в британском фольклоре. Предания гласили, что глубины Дагона стали их последним пристанищем и оплотом в борьбе против человеческой экспансии. Что-то такое там имелось и о давно обвалившихся или замурованных туннелях, соединявших прежде пещеру с сетью подземных коридоров, якобы пронизывающих окружающие холмы. Пытаясь вспомнить эти подробности и размышляя о других, не менее мрачных вещах, я вошел в пещеру и по узкому туннелю направился в большой зал.

В туннеле было довольно темно, но я разглядел на стенах смутные, полустертые контуры загадочных рисунков. Чтобы рассмотреть их получше, я включил электрический фонарик. Нечеткие изображения казались противоестественными до отвращения. Любому становилось ясно, что отнюдь не рука

человека, созданного по образу и подобию божьему, оставила эти гротескные непристойности.

Может это и вправду была работа Маленького Народца? Может, верна гипотеза антропологов о существовании в далеком прошлом расы низкорослых монголоидных существ, стоящих на столь низкой ступени эволюции, что их трудно было назвать людьми? Как предполагалось, они исчезли под напором захватчиков, оставив о себе память в виде многочисленных легенд о троллях, эльфах, гномах и прочей нечисти. Обитая в пещерах, этот народ уходил все дальше в глубь земли, пока совсем не исчез, хотя сказки и сейчас населяют пещеры потомками Маленького Народца...

Я выключил фонарик и, миновав туннель, оказался у подобия дверного проема, слишком правильного для природного образования. Предо мной открылся громадный полутемный зал. Снова меня пронзило чувство, что я здесь когда-то был. В зал спускались ступени — слишком маленькие для ног человека. Они были стерты, словно по ним ходили веками. Я сделал шаг вниз и поскользнулся, бессильный что-либо изменить. Пролетев несколько метров, я, врезавшись в пол головой, потерял сознание...

...Понемногу я начал приходить в себя. Голова гудела. Морщась от боли, я ощупал ее. Я ничего не соображал, не помнил ни где я, ни кто я. То ли меня ударили, то ли я упал, сильно ударившись. Щурясь в полутьме, я осмотрел большую пещеру и понял, что сижу у подножья лестницы, ведущей наверх, в туннель. Запустив руку в окровавленные волосы, я с некоторым удивлением оглядел себя: мускулистые руки и ноги, мощный торс. На мне была набедренная повязка, сбоку свисали пустые ножны. На ногах кожаные сандалии.

Тут я заметил что-то на полу у ног. Нагнувшись, я подобрал тяжелый железный меч с окровавленным лезвием шириной в добрую ладонь. Мои пальцы привычно сомкнулись на рукояти. Тут я все вспомнил и даже рассмеялся при мысли о том, что удар по голове мог отшибить память у меня, Конан-пирата. Да, память теперь вернулась. Мы, на длинных боевых ладьях, устроили набег на бриттов, селения которых и раньше предавали огню и мечу. Днем мы, отчаянные кельты, неожиданно высадились у прибрежной деревушки, и в результате жестокой битвы бритты отступили. Воины, женщины и дети укрылись в чаще дубовых лесов, куда мы не осмелились сунуться. Вернее никто кроме меня.

Среди врагов была девушка, которую я страстно желал: гибкое юное создание с вьющимися золотыми волосами и серыми глазами, изменчивыми и загадочными как море. Звали ее Тамира. Я это знал. Мы ведь не только воевали, но и торговали с бриттами...

Она бежала с быстротой и грацией оленя, и я видел, как между деревьями соблазнительно мелькает ее полунагое тело. Тяжело дыша, сгорая от нетерпения, я погнался за девушкой.

Стоны умирающих и звон мечей стихли вдали. Мы выбежали на небольшую поляну перед пещерой. Я был уже так близко, что слышал дыхание прекрасной бриттки. Еще немного, и я рукой поймал струящиеся золотые пряди. Отчаянно закричав, она упала, и ее крик эхом отозвался у меня за спиной. Повернувшись с мечом наготове я оказался лицом к лицу с молодым бриттом.

— Верторикс! — воскликнула девушка сквозь рыдания, и ярость вскипела во мне. Я знал, что так звали ее возлюбленного.

— Беги в лес, Тамира! — прокричал он и прыгнул на меня как дикая кошка, замахнувшись бронзовым топором. Металл зазвенел о металл.

Мы с бриттом оказались одного роста, но он был гибок и подвижен, я же — массивен и силен. Пара ударов расставила все по своим местам: молодой бритт только оборонялся, отчаянно пытаясь защититься от моих ударов. Я беспощадно наступал, тесня его к лесу. Мой меч обрушивался на его топор, как молот на наковальню. Его грудь вздымалась, кровь текла из многочисленных и глубоких ран. Я удвоил усилия, и бритт зашатался под моими ударами. Девушка закричала:

— Верторикс! Верторикс! Пещера! В пещеру! Он побледнел от страха.

— Только не туда! — выдохнул он. — Лучше смерть! Заклинаю тебя Ильмариненом, беги в лес, спасайся!

— Я не оставляю тебя! В пещеру! Это наш единственный шанс.

Тамира скрылась в пещере. Страх и отчаяние придали юноше сил, и Верторикс, издав боевой клич, нанес отчаянный удар, чуть не разmozживший мне голову. Потом бросился вслед за девушкой и исчез во тьме.

С бешеным воплем, взывая ко всем грозным кельтским богам, я ринулся в погоню, даже не подумав, что бритт запросто мог подкараулить меня у входа. Пещера оказалась пуста, но что-то белое мелькнуло у дальней стены.

Я бегом пересек пещеру и чудом успел остановиться, когда остро отточенное бронзовое лезвие просвистело рядом с моей головой. Мне пришлось отступать. Теперь преимущество оказалось на стороне Верторикса, вставшего у входа в узкий кори-

дор. Я не мог подобраться к нему, не рискуя оказаться разрубленным ударом его топора.

Я взревел от бессильной ярости. Девушка за спиной бритта приводила меня в неистовство. Я яростно атаковал своего врага не теряя в то же время осторожности: выпад, защита и снова выпад, защита и снова выпад. Я надеялся заставить бритта раскрыться в атаке, уклониться и прикончить его прямым ударом до того, как он восстановит равновесие. На открытой местности я одержал бы победу за счет грубого превосходства в силе, но, загнанный в узкие каменные стены, мог лишь использовать колющие удары, а я всегда предпочитал рубить. Но я отступать не собирался. Рано или поздно усталость и раны сделают свое дело, теперь ему не ускользнуть от меня.

Девушка, крикнув Верториксу что-то о поисках выхода, несмотря на его яростные запреты, повернулась и скрылась в глубине туннеля. Я был вне себя и чуть не лишился головы, стремясь побыстрее расправиться с соперником.

Вдруг тишину разорвал женский крик, и Верторикс, побледнев, замер с поднятым топором. Забыв о моем мече и обо мне, с именем Тамиры на устах он кинулся в темноту. Издалека, словно из недр земли донесся ее ответный крик, а вместе с ним — странные шипящие звуки, заставившие меня содрогнуться от ужаса. Затем воцарилась тишина, нарушаемая лишь безумными криками скрывшегося в темноте Верторикса.

Опомнившись, я в отчаянии бросился вслед за исчезнувшей парой. Хотя я и слыл кровожадным пиратом, но главным для меня теперь стало не поразить соперника в спину, а вонзить меч в ужасное существо, похитившее Тамиру.

Уже на бегу я разглядел испещренные какими-то мерзкими рисунками стены туннеля. Мурашки пробежали у меня по коже, когда я понял, что угодил именно в ту самую богомерзкую пещеру Детей Тьмы, легенды о которой пересекли узкий пролив и ужасом наполняли сердца кельтов. До чего же я напугал Тамиру, если она побежала туда, где, как считалось, скрываются последние из порождений тьмы, населявшей эти места изначально, задолго до прихода пиктов и бриттов.

Туннель вывел меня в большой зал. Белая туника Верторикса, мелькнув в полутьме, исчезла в проходе, прямо напротив выхода из туннеля. Раздался яростный крик, грохот, визг и шипение множества глоток, от которых у меня волосы встали дыбом. Рванувшись вперед изо всех сил, я слишком поздно заметил, что пол пещеры на несколько футов ниже, чем пол туннеля. И вот я поскользнулся на крохотных ступеньках и упал, крепко приложившись головой о камень.

Теперь, в полутьме, я стоял и ощупывал разбитую голову. Я со страхом уставился в черный зев коридора, поглотившего Тамиру и ее возлюбленного. Сжимая меч, я, крадучись, пересек подземный зал. Я понапрасну напрягал зрение, вглядываясь в темноту, но учуял резкий запах крови. Здесь кто-то недавно погиб, то ли молодой бритт, то ли его противник.

Я замер в нерешительности. Все свойственные кельтам страхи перед сверхъестественным ожили в моей душе. Зачем рисковать жизнью в мерзких крысиных норах? Проще всего было повернуться и уйти из этих проклятых пещер к солнечному свету и синему морю, где после удачного набега меня ждали товарищи. Но меня терзало любопытство:

что за существа населяют пещеру? Кого бритты называют Детями Тьмы? И еще, в глубь мрачных скал меня гнала любовь к золотоволосой девушке. Я уже представлял себе, как увожу ее к себе на остров, и как мы живем там в мире и согласии.

Я двинулся по коридору, держа меч наготове. Кто знал, что из себя представляют Дети Тьмы? Легенды бриттов наделяли их нечеловеческими свойствами.

Тьма сгустилась. Вскоре я уже оказался в полной темноте. Едва я левой рукой нащупал дверной проем, как рядом раздалось змеиное шипение и что-то вонзилось мне в ногу. Ответный удар вслепую достиг цели. Мертвый противник упал к моим ногам. Я не видел, кого зарубил в темноте, но существо это было определенно разумным: меня ранили оружием, а не клыком или когтем. Меня передернуло, шипение этого существа не походило на человеческую речь.

Из темноты туннеля раздалось ответное, многократно усиленное шипение, словно ко мне приближался целый отряд подобных существ. Я быстро шагнул в дверной проем и снова чуть не рухнул на крохотных ступеньках.

Однако решившись идти вперед, я медленно спускался в самые недра земли, двигаясь осторожно, на ощупь. В любом случае поворачивать было поздно. Вдруг далеко внизу я заметил слабый, призрачный свет. Вскоре туннель вывел меня в гигантский сводчатый зал. Я заглянул за угол и отшатнулся, пораженный ужасом.

В центре святилища возвышался черный алтарь. Его слабое фосфоресцирование заливало каменный зал. За алтарем на постаменте из человеческих черепов лежал загадочный черный предмет, сплошь

покрытый таинственными рунами. Неужели передо мной лежал Черный Камень? Тот древний Камень, происхождение которого, по словам бриттов, скрыто туманом бесконечно далекого прошлого? Именно ему Дети Тьмы поклонялись, как идолу. Легенды утверждали, что именно этот камень возвышался в центре круга других гигантских камней, в местечке, известном нам как Стоунхендж. И стоял там, пока поклонявшихся ему, не изгнали пикты.

На светящемся алтаре лежали двое, связанные сыромятными ремнями: Тамира и окровавленный Верторикс. Бронзовый топор бритта, весь в запекшейся крови, лежал рядом. А перед ними припал к земле Ужас.

Раньше я никогда не видел подобных дьявольских созданий, но сразу понял, кто это, и вновь содрогнулся. Пародия на человека, существо на столь низкой ступени развития, что его искаженный человеческий облик казался более ужасным, чем звериный.

Века, проведенные в темных подземельях, придали этой расе нечеловеческую внешность. В полный рост он не дотягивал и до пяти футов. Тело — костлявое, голова — непропорционально большая. Редкие волосы, скорее напоминающие шерсть, закрывали квадратное лицо с отвислыми губами, обнажающими острые клыки; большие желтые глаза с вертикальными зрачками говорили, что тварь, несомненно, могла видеть в темноте, как кошка. Но наиболее отвратительной оказалась кожа: чешуйчатая, бурая, покрытая бледными пятнами, совсем как змеиная. Пояска из настоящей змеиной кожи опоясывала искривленные узкие бедра. Одна когтистая рука сжимала короткое копьё с каменным наконечником, другая — каменный топор.

Существо, очевидно, не слышало моих осторожных шагов. Я замер в тени туннеля; сверху раздавалось шуршание, от которого у меня кровь застыла в жилах. Дети Тьмы шли за мной по пятам. Черт! Я оказался в западне. Но из зала были другие выходы! И так, единственная надежда на спасение — заключить союз с Верториксом. Хотя и враги, мы были людьми, созданными по единому образу и подобию.

Я прыгнул вперед. Тварь у алтаря, вскинув голову, вскочила и тут же рухнула, обливаясь кровью — мой меч пронзил змеиное сердце. Но, умирая, она завопила. Крик эхом раскатился по подземным коридорам. Я поспешно перерезал ремни, связывавшие Верторикса и помог ему подняться, а затем повернулся к Тамире, которая смотрела на меня умоляющими, расширенными от ужаса глазами. Верторикс, не тратя времени на слова, понимая, что случай сделал нас союзниками, одним взмахом топора освободил девушку от пут.

— По туннелю наверх нам не пробиться, — сказал Верторикс. — Там вся свора. Они схватили Тамире, когда она искала выход, а меня одолели числом. Они приволокли нас сюда, и все, кроме этой мрази, разбежались, разнося по норам весть о намеченном жертвоприношении. Одному Ильмаринену известно, сколько наших соплеменников, пропавших в ночное время, были принесены на этом алтаре в жертву Темным Богам! Бежим в один из туннелей — все равно в какой — все ведут в преисподнюю! Давайте!

Схватив Тамире за руку, он бросился в ближайший туннель. Я поспешил следом за ними. Оглянувшись на мгновение до того, как скрыться за поворотом, я успел увидеть толпу существ, ввалившуюся

в зал. Туннель резко поднимался, и внезапно, чуть впереди, мы увидели яркий солнечный луч. Но наши радостные крики сменились проклятиями. Да, это был дневной свет, проникающий через трещину в своде. Но она располагалась слишком высоко... За нашими спинами ликующе взывала толпа подземных демонов. Я остановился.

— Спасайтесь, если можете! Я остаюсь. Они видят в темноте, а я — нет. Здесь, по крайней мере, я их увижу и смогу дорого продать свою жизнь. Уходите!

Но Верторикс не уходил.

— Что толку быть загнанными, как крысы? Выхода нет. Умрем, как подобает людям.

Тамира закричала, ломая руки.

— Встань позади меня, — велел я бритту. — Когда меня убьют, вышиби мозги своей подруге, чтобы они не смогли схватить ее живой. А потом постарайся прихватить на тот свет побольше этих уродов. Отомстить за нас некому.

Он посмотрел мне в глаза.

— Мы поклоняемся разным богам, пират, но все боги любят храбрецов. Может, мы еще встретимся за Порогом Тьмы.

— Здравствуй и прощай, бритт! — проворчал я, и мы крепко пожали друг другу руки.

— Здравствуй и прощай, кельт!

Я приготовился к своей последней битве. Орда катилась на нас. Глаз выхватывал жидкие волосы, исходящие пеной рты и безумные глаза. Встряхнув горы боевым кличем, я бросился им навстречу, и мой тяжелый меч запел песню смерти. Ухмыляющаяся харя мчавшегося первым исадья ада разлетелась в облаке кровавых брызг. Твари волной захлестнули меня. Я дрался как одержимый, каждый удар

моего меча приходился в цель: рассекал животы, срубал головы, отсекал конечности.

Враги навалились скопом, и я упал. Но тут послышался свирепый рев бритта, и топор Верторикса мелькнул надо мной, разбрызгивая кровь и мозги. Тем временем натиск Детей Тьмы слабел. Я с трудом поднялся, попирая ногами отвратительно извивающиеся тела.

— Смотри, там лестница! — прокричал бритт. — За углом в стене! Наверное, она ведет наружу! Во имя Ильмаринена, быстрее!

Выставив перед собой завесу сверкающего железа, мы отступали шаг за шагом.

На узкой лестнице оказалось не так светло, как в зале, и с каждым шагом становилось все темнее, но враги могли теперь нападать на нас только спереди. Скоро вся лестница была завалена трупами, а отвратительные создания бросались на нас словно бешеные волки. Вдруг твари дружно развернулись и ринулись вниз по ступеням.

— Что происходит? — выдохнул Верторикс, вытирая пот со лба.

— Вверх! Быстро! — приказал я. — Они хотят подняться по другой лестнице и напасть на нас сверху.

Мы помчались вверх по коридору, скользя и спотыкаясь на этих совершенно не предназначенных для ног человека ступеньках. Когда мы пробежали мимо какого-то бокового ответвления, из глубины черного туннеля раздался ужасный вой. Мы проскочили развилку и оказались в извилистом коридоре, слабо освещенном мутным серым светом, просачивающимся откуда-то сверху. Мне показалось, что неподалеку слышен шум воды.

Тамира бежала первой, Верторикс за ней, я замыкал колонну. Вдруг что-то тяжелое упало мне на

плечи, сбив с ног. Удары посыпались на мою голову. Невероятным усилием подмяв под себя противника, я разорвал ему глотку голыми руками.

Когда я поднялся, Тамиры и Верторикса рядом не было. Похоже они потеряли меня, даже не подозревая о чудовище, прыгнувшем мне на плечи. Сделав несколько шагов, я остановился. Коридор разветвлялся, и я не знал, какой путь избрали Тамира и Верторикс. Время на досужие размышления не было, я свернул налево и побежал в полумраке дальше.

Судя по просачивающемуся сверху свету, я был уже не очень далеко от поверхности скалы. Но добравшись до лестницы, я остановился в отчаянии, каменные ступени вели вниз, а не вверх, как я ожидал. Где-то далеко позади вновь послышался жуткий вой. Погрузившись во тьму, я побрел по новому коридору.

Я уже не верил в спасение, но надеялся найти Тамиру и по крайней мере умереть в человеческом обществе, если она и ее возлюбленный, конечно, не нашли выхода. Грохот несущейся воды раздавался теперь у меня над головой. Туннель стал сырым и скользким, с потолка сочились капли воды. Я понял, что нахожусь под рекой.

И снова вырубленные в камне ступени. Уж они-то ведут наверх! Окрыленный надеждой я карабкался вверх, поднимался все выше. И вот уже перед моими глазами открылся выход! Я вышел на дневной свет, оказавшись на скальном выступе высоко над водами реки, с бешеной скоростью пробивавшейся меж высоких скал, у вершины одной из которых и находился выход из подземелья. Теперь, когда до спасения было рукой подать, я колебался, моя любовь к златовласой девушке была так велика,

что я был готов вернуться в эти мрачные туннели в безумной надежде найти ее. И тут...

На противоположной стороне реки я увидел зияющее отверстие пещеры в скале и выступ, совсем как тот, на котором я стоял, только длиннее. Видимо задолго до того как под рекой вырыли туннель, эти два выступа, наверное, соединялись мостиком. И вдруг из темноты вышли две фигуры: одна — сжимавшая в руках окровавленный топор, другая — стройная, девичья. Верторикс и Тамира! Я повернул налево и пересек реку, а они, очевидно, выбрали правый коридор, и он тоже вывел их к реке. Теперь они оказались в западне. На той стороне реки скалы поднимались футов на пятьдесят выше, чем с моей, а по гладкому камню не сумела бы подняться и ящерица. С выступа, где, обнявшись, стояли бритты, было два пути: назад, через забитые врагами ворота в туннель или вниз, в беснующийся в теснинах скал поток.

Я увидел, как Верторикс посмотрел вверх на неприступные скалы, затем вниз и безнадежно покачал головой. Шум реки заглушал их голоса. Я видел, как они, улыбаясь, подошли к обрыву.

Толпа беснующихся порождений тьмы выплеснулась из туннеля и застыла, ослепнув от ненавистного дневного света. В бессильной ярости я стиснул рукоять меча. Лучше бы они последовали за мной!

Дети Тьмы заколебались, и тут Верторикс, засмеявшись, швырнул свой топор в беснующуюся реку, повернулся и обнял Тамиру. Взявшись за руки, влюбленные сделали шаг вперед, в пенящуюся реку, которая словно поднялась им навстречу, и исчезли. Только вода, как слепое бесчувственное чудовище, ревела и ярилась между отвесными скалами.

На мгновение меня охватило странное оцепенение, затем я повернулся как во сне и устало вылез на скалу...— нет, клянусь громом Крома,— я все еще был в пещере! Я потянулся за мечом...

...Когда головокружение прошло, я огляделся, пытаюсь сориентироваться в пространстве и времени. Я, снова бывший Джоном О'Брайеном, а не Конаном-пиратом, стоял у подножья лестницы. Было ли мое видение сном? Мог ли обычной сон столь походить на явь?

Даже во сне мы иногда понимаем, что спим, но Конан-пират и понятия не имел ни о каком ином существовании. Более того, он помнил свое прошлое, как любой другой, хотя в памяти Джона О'Брайена все эти воспоминания постепенно таяли. Но приключения Конана в пещере Детей Тьмы навсегда пребудут в моей памяти.

Я посмотрел туда, где в моем видении находился вход в туннель. Сейчас там была шершавая стена. Очевидно, что ее возвели сравнительно недавно. Туннель просто замуровали.

Изо всех сил навалившись на не успевшую еще просохнуть кладку, я почувствовал, что она поддается. Я отошел и, собравшись с силами, ударил в нее всем телом. Тонкая перегородка с грохотом рухнула, и я под градом осыпающихся камней ввалился в туннель.

Не оставалось никаких сомнений, именно в этом месте Дети Тьмы напали на Верторикса. Когда-то эти камни заливала кровь ночных чудовищ.

Как в трансе, я шел по туннелю. Сейчас слева будет дверной проем. Да. Вот и он. Здесь я сразил существо, которое напало на меня из тьмы. Я содрогнулся. А вдруг потомки омерзительной расы до сих пор скрываются в туннелях?

Желтый луч электрического фонарика выхватил из тьмы крохотные ступеньки. По ним когда-то спускался Конан-пират, теперь — я, Джон О'Брайен. Воспоминания о той, другой жизни ясно стояли у меня перед глазами. Я вошел в полутемный зал и увидел мрачный черный алтарь, сердце мое екнуло. Теперь он пустовал. Не было никакой пирамиды черепов с Черным Камнем, пред которым склоняли головы неизвестные народы задолго до того, как на заре цивилизации появился Египет. Там, где некогда приносили жертвы зловещим божествам, сейчас была только пыль. Нет, это не сон. Я, Джон О'Брайен, в другой жизни — Конан-пират, и приключения, которое я пережил,— реальный эпизод.

Подсвечивая под ноги фонариком, я вошел в каменный коридор, по которому мы тогда бежали. Здесь ничего не изменилось за многие тысячи лет, было все так же сумрачно. Я нашел место, где Верторикс и Конан отражали натиск врагов. Ага, вот тут за углом как раз должна быть лестница. Точно!

Я поднялся, вспоминая, с каким трудом мы с бритом одолевали узкие ступеньки много веков назад, а мерзкие твари шипели у наших ног. Приблизившись к проходу, по которому порождения мрака когда-то пытались обойти нас, я невольно насторожился, заглянул в него и отшатнулся, чуть не потеряв равновесие на стершихся ступенях. Меня прошиб холодный пот. Я поспешно включил фонарь и нервно рассмеялся, увидев лишь голые стены узкого туннеля.

Мое воображение сыграло со мной злую шутку. Я готов был поклясться, что мгновение назад из темноты на меня глядели чьи-то желтые глаза, хозяин которых поспешил скрыться в глубине тунне-

ля. Глупые страхи! Дети Тьмы, конечно, давно исчезли. Безымянная раса много веков тому назад канула в ту бездну мрака, из которого выползла на заре времен.

Я вышел в извилистый коридор, где было немного светлее. Здесь одна из тварей прыгнула мне на спину, а мои соратники убежали дальше и ничего не заметили, скрывшись за поворотом.

Тем временем я достиг развилки туннеля и, свернув налево, направился к ведущей вниз лестнице. Я начал спускаться, каждую секунду ожидая услышать шум реки. Опять стало темно, и, чтобы не упасть, мне пришлось вновь включить фонарь. Да, Джон О'Брайен не так крепко стоял на ногах, как Конан, и оказался не так быстр и силен.

Вскоре я выбрался в сырой коридор, проходящий под рекой, однако, вопреки ожиданию, рева воды так и не услышал. Было ясно, какая бы могучая река не протекала здесь в те далекие дни, в наше время ее не существовало. Я остановился, вспоминая дальнейший путь. Довольно широкий коридор был не слишком высок и от него отходило множество более узких туннелей. Я был поражен разветвленной системой ходов, пронизывающей окружающие холмы.

Не могу описать отталкивающую духоту низких мглистых коридоров глубоко под землей. В какие давние века Маленький Народец вырубил в скале эти загадочные ходы и зачем? Стали ли они последним рубежом обороны от наступающего человечества, или просто служили прибежищем с незапамятных времен? Кто мог ответить на эти вопросы? Я видел звериные лики Детей Тьмы, и тем не менее они сумели вырубить туннели и залы, а этот лабиринт поставил бы в тупик современных инженеров.

Даже если Маленький Народец только завершил работу, начатую природой, все равно это невероятный труд для сравнительно малочисленной расы крохотных созданий.

Я посмотрел на часы и с изумлением понял, что провел в туннелях гораздо больше времени, чем рассчитывал. Я поспешил начать искать лестницу, по которой когда-то поднимался Конан. Она, как и следовало ожидать, вывела меня туда, где когда-то был выступ, а теперь не более чем выпуклость на отвесной скале. За прошедшие века река совсем обмелела, и теперь лишь крохотный ручеек бесшумно бежал к морю далеко внизу.

Да, поверхность Земли меняется, меняются очертания континентов, вырастают и разрушаются горы, исчезают и появляются реки, высыхают озера, и лишь следы без вести сгинувших таинственных рас под землей пребывают не подвластные времени. Следы остаются, но где же их оставившие существа? Может, скрываются в недостижимых глубинах?

Я не знаю, сколько простоял в задумчивости. Но, случайно взглянув на выступ напротив, тоже сильно изъеденный ветрами и дождем, я отступил в глубь туннеля. Там, взявшись за руки появились две фигуры, меня совсем не удивило что это были Ричард Брент и Элеонора Блэнд. Вспомнив, зачем пришел в пещеру, я нащупал в кармане револьвер. Они не могли видеть меня, но ветер доносил до моих ушей их слова, благо между нами теперь не было ревущего потока.

— Ей-богу, Элеонора,— говорил англичанин,— я рад, что ты решилась пойти со мной. Кто бы мог подумать? Легенды о тайных туннелях оказались истинной правдой. Интересно, почему рухнула пергородка? Мне кажется, я слышал какой-то шум.

Может быть, какой-нибудь бродяга забрел в пещеру до нас и сломал перегородку? Как ты думаешь?

— Не знаю,— ответила девушка.— Я помню... ох, да... Такое странное ощущение, что я здесь уже была. Может, во сне, не знаю. Я смутно вспоминаю, как я бегу по этим коридорам, а меня преследуют ужасные чудовища...

— А я был там? — шутя спросил Брент.

— Да, и Джон тоже,— ответила Элеонора.— Но ты был не Ричардом Брентом, а Джон не Джоном О'Брайеном. И я тоже была иной. О, все это так смутно, я не могу ничего толком рассказать. Все в тумане... страшно...

— Я, кажется понимаю,— неожиданно серьезно согласился с ней Ричард.— С тех пор как мы вошли в пещеру и наткнулись на старый туннель, меня тоже не покидает чувство, что я здесь уже был. Какие-то обрывки воспоминаний: ужас, опасность, битвы... и любовь.

Он шагнул к краю пропасти и посмотрел вниз. Элеонора вскрикнула и судорожно вцепилась в него.

— Не надо, Ричард! Не надо!

Он обнял ее.

— Что случилось, дорогая?

— Ничего,— пробормотала она, еще крепче прижимаясь к нему. С расстояния десяти ярдов я ясно видел, что она дрожит.— Просто какое-то жуткое чувство — головокружение и страх, словно я падаю с большой высоты. Дик, не подходи к краю, я боюсь.

— Не буду, дорогая,— ответил он.— Элеонора, я давно хотел тебе сказать... спросить... я не мастак красиво говорить... я люблю тебя и всегда любил. Ты это знаешь. Но если ты не любишь меня, то я уйду и никогда больше тебя не побеспокою. Только

ответь мне, пожалуйста, чтобы избавить меня от мук. Ты любишь меня или американца?

— Тебя, Дик,— ответила она, уткнувшись лицом ему в плечо,— и всегда любила тебя, только сама не понимала. Я просто не могла разобраться в своих чувствах. Но сегодня, пока мы пробирались через это ужасное подземелье, и сейчас, когда мне показалось, что мы падаем с этого выступа, я поняла: я люблю тебя. Только тебя, мой единственный!

Ее золотая головка доверчиво лежала у него на плече. Они поцеловались. Во рту у меня пересохло, сердце сжалось, но безумие, терзавшее мою душу, отступило. Эти двое принадлежали друг другу. Тысячелетия назад они жили и любили, и погибли из-за меня.

Обнявшись, они повернулись ко входу в туннель, и я увидел, как они отшатнулись. Тамира, то есть Элеонора, пронзительно закричала. Из расщелины, щурясь на солнечный свет, выползло отвратительное существо. Да, я узнал эту тварь — ужас забытых эпох. Отродье подземелий покинуло чертоги тьмы давно забытого прошлого, чтобы поймать когда-то ускользнувшую добычу.

Тысячи лет под землей сделали с изначально чуждым всему человеческому существом нечто ужасное. Инстинктивно я знал: это — последняя тварь. До того как кануть в лету, Дети Тьмы потеряли всякое сходство с людьми. И последний из их рода больше напоминал гигантскую змею, обладавшую рудиментарными лапами с кривыми когтями. Пятифутовое исчадие ада ползло на брюхе, оскалив острые клыки, наполненные ядом. Приподняв голову на длинной шее, тварь зашипела. Узкие желтые глаза веяли ужасом смерти.

Я их узнал, именно эти глаза следили за мной из темного туннеля. Тварь побоялась напасть на меня тогда, может быть испугавшись света фонаря.

Она не торопясь подползала к попавшей в ловушку парочке. Смертельно бледный Брент заслонил собой Элеонору, пытаясь защитить ее. И я, Джон О'Брайен, возблагодарил судьбу за шанс искупить мою — Конана вину перед влюбленными.

Чудовище, словно гигантская кобра, поднялось на дыбы, и Брент мужественно шагнул ему навстречу. Я прицелился. Выстрел грянул как гром Крома, и прямо между налитых нечеловеческой злобой глаз монстра появилось аккуратное отверстие. Тварь издала жуткий вопль — так мог бы кричать поверженный Люцифер — и, корчась и извиваясь, рухнула в пропасть.

ЧЕРВИ ЗЕМЛИ

Н

1

ачинайте, солдаты! Пусть наш гость увидит, как действует старое доброе римское правосудие.

Человек, отдавший этот приказ, плотнее запахнулся в пурпурный плащ и опустил в кресло. Точно так же, удобно развалясь, он сидел бы, вероятно, в ложе амфитеатра, наслаждаясь звоном мечей гладиаторов. В каждом движении этого человека читалась непоколеби-

мая уверенность в своих силах. Самоуверенность и гордость вообще считались неотъемлемыми чертами граждан Рима, а Титу Сулле к тому же было чем гордиться: будучи военным комендантом Эббракума, он отвечал за свои действия только перед римским цезарем.

Сулла был мужчиной среднего роста, крепкого телосложения, ястребиные черты его лица свидетельствовали о чистоте текущей в его жилах патрицианской крови; в эту минуту на его полных губах играла язвительная улыбка, превращавшая высокопарные слова о правосудии в издевательство над тем, кому они предназначались. На нем ладно сидела военная форма — кафтан с плотно нашитыми золотыми чешуйками, соответствующий рангу инкрустированный полупанцирь, у пояса — короткий меч, на голове — серебристый шлем. За спиной Суллы несокрушимой стеной стояла стража — вооруженные копьями и щитами светловолосые титаны, рожденные на берегах Рейна.

Перед Титом Суллой разыгрывалась сцена, доставлявшая ему, по всей видимости, величайшее наслаждение. Эта сцена, впрочем, была обычной для любой римской провинции, ее можно было наблюдать везде в огромной Римской империи. На голой земле лежал грубо сколоченный деревянный крест с привязанным к нему полуобнаженным мускулистым человеком. Солдаты готовили железные гвозди, собираясь прибить ими руки и ноги несчастного к кресту.

Кровавая эта сцена имела зрителей — за тем, что происходило на вынесенной за стены города специальной площадке для казней, наблюдали несколько человек: наместник и его чуткая стража, десяток молодых римских офицеров, а также тот,

кого Сулла назвал «гостем», — он стоял неподвижно, подобный бронзовой статуе. По сравнению с изысканной роскошью одеяний римлян его одежда казалась серой и убогой.

У него, как и у окружавших его римлян, были черные волосы, но это единственное, в чем они походили друг на друга. В нем не было той горячей, чуть ли не восточной чувственности, которая характерна для жителей Средиземноморья. Его губы не были столь полными, круглыми и красными, как у них, не было у него и густых выющихся локонов, как у греков.

И кожа его не имела типичного для южан оливкового оттенка, хотя была смуглой. В нем было зато что-то такое, что заставляло вспомнить о мгле и мраке, морозе и ледяном ветре северных стран. Даже глаза его светились, словно из-под глыб льда, холодным темным огнем. Среднего роста, он обладал какой-то врожденной жизненной силой, сравнимая разве что с силой волка или пантеры. Она заметна была в каждой линии его ладного, упругого тела, в густых прямых волосах, в манере наклонять голову подобно хищной птице, в широких плечах, выпуклой груди, узких бедрах и небольших ступнях.

К его ногам прижимался человек, у которого была такая же кожа — на этом их сходство кончалось. Коренастый, очень низкого роста, почти карлик, с могучими жилистыми руками, этот второй сидел на земле, склонив голову с низким покатым лбом; его лицо выражало тупую свирепость, смешанную со страхом. Во внешности человека, распятого на кресте, что-то напоминало «гостя» Тита Суллы, но гораздо больше он похож был на этого силача-карлика.

— Ну что же, Парта Мак Отна,— сказал наместник нарочито небрежно,— теперь ты, вернувшись к себе на родину, сможешь рассказать соплеменникам о римском правосудии.

— Я смогу рассказать,— ответил тот голосом, в котором не было и тени эмоции. На его неподвижном смуглом лице не отражалось ничего от той бури, которая бушевала в его сердце.

— В Риме царит справедливость,— сказал Сулла.— Пакс Романа! Заслуги перед Римом вознаграждаются, преступления караются! — он смеялся в душе над собственным лицемерием.— Сам видишь, посол из страны пиктов, как быстро Рим карает преступников.

— Вижу,— ответил пикт, и в голосе его прозвучала угроза — признак с трудом скрываемого гнева.— Я вижу, что с подданными неподвластного Риму короля обращаются, как с римскими рабами.

— Его судил беспристрастный суд,— парировал Сулла.

— Да! Суд, в котором обвинителем был римлянин, свидетелями — римляне, судьей тоже был римлянин. Да, он не сдержался и швырнул наземь римского купца, который обманул его и ограбил, оскорбив вдобавок. Ах, он еще его и ударил! А разве его король — жалкий пес, который не смог бы разобраться в проступке своего человека? Что, он слишком слаб или слишком глуп и не смог бы судить об этом справедливо?

— Ну и ладно! Вот ты и расскажешь Брину Мак Морну о том, что тут произошло,— сказал цинично Сулла.— Рим, мой друг, не ищет у варваров справедливости. Дикари, попадая в Империю, должны вести себя тихо, а не хотят — пусть получают по заслугам.

Пикт стиснул зубы со скрежетом, сказавшим наместнику, что больше он от посла не услышит ни слова. Римлянин кивнул палачам. Один из солдат приставил гвоздь к широкому запястью несчастного и сильно ударил молотом. Железное острие углубилось в тело, заскрежетав на кости. Человек на кресте сжал зубы, но не издал ни единого звука. Он инстинктивно рванулся, словно волк, попавший в западню. На висках его вздулись жилы, на низком лбу выступил пот, на теле напряглись мышцы. Молоты неумолимо стучали, забивая гвозди в щиколотки и запястья. Кровь струей текла по рукам, разбрызгивалась по кресту. Явственно слышен был треск ломающихся костей. Человек на кресте молчал. Только почерневшие его губы натянулись, обнажая десны, да голова моталась из стороны в сторону.

Парта Мак Отна не двигался с места. На его застывшем лице пылали глаза, мышцы, сдерживаемые страшным усилием воли, окаменели. У его ног сидел на корточках слуга с деформированным телом. Отвернувшись от ужасного зрелища, он стальной хваткой вцепился в ноги своего господина и беспрестанно бормотал что-то себе под нос, как бы молясь.

Наконец солдаты перерезали веревки, чтобы тело казненного повисло на гвоздях. Черные блестящие глаза несчастного неотрывно смотрели в лицо того, кого называли Парта Мак Отна, в них мерцала отчаянная тень надежды. Солдаты подняли крест, вставили его конец в заранее выкопанную яму, поставили крест вертикально и утоптали землю у его основания. Пикт повис на гвоздях, вбитых в его тело, но молчал по-прежнему. Он также вглядывался в лицо посла, но надежда исчезла из его глаз.

— Еще поживет, — безмятежно сказал Сулла. — Эти пикты живучи как кошки. Я поставлю, пожалуй, здесь десяток стражников. Пусть охраняют день и ночь, пока не сдохнет. Эй, Валерий, ну-ка подай ему чашу вина, пусть выпьет за здоровье нашего уважаемого соседа, короля Брина Мак Морна.

Молодой офицер, улыбаясь, налил полную чашу вина и, поднявшись на цыпочки, поднес ее к запекшимся губам висевшего на кресте человека. В бездонных глазах пикта взметнулось пламя страшной ненависти.

Он отклонил назад голову, чтобы даже кончиками губ не дотрагиваться до чаши, и плюнул прямо в глаза молодому римлянину. Тот выругался, отшвырнул чашу в сторону, вырвал из ножен меч и, прежде чем кто-либо успел его удержать, вонзил клинок в тело пикта.

Сулла сорвался с места с возгласом ярости. Человек, которого называли Парта Мак Отна, вздрогнул и молча прикусил губу. Валерий, слегка ошеломленный происшедшим, с унылой миной вытирал свой меч. Молодой офицер действовал инстинктивно, отвечая на оскорбление, нанесенное гражданину Рима, — иначе поступить в возникшей ситуации он не мог.

— Сдай оружие, юноша! — крикнул Сулла. — Центурион Публий, арестуй его. Пусть посидит пару дней в тюремной камере на хлебе и воде — научится сдерживать патрицианскую гордость, когда вершится воля Империи. Ты что, глупец, не понимаешь, что преподнес этой собаке желанный подарок? Кто же, повиснув на кресте, не предпочтет столь страшной участи смерть от удара меча? Взять его! А ты, центурион, проследи, чтобы стража стояла до тех пор, пока вороны не расклюют

труп до голых костей. Парта Мак Отна, я отправляюсь на пир в дом Дементрия. Не желаешь ли пойти со мной?

2

Посол, не сводивший глаз с безжизненного тела, свисавшего с креста, покачал головой. Сулла встал и, иронически улыбаясь, направился в город. За ним следовал секретарь, несший позолоченное кресло, шествие замыкали равнодушные ко всему происходившему солдаты. Среди солдат с опущенной головой шел Валерий.

Парта Мак Отна забросил на плечо полу плаща, еще раз взглянул на мрачный крест и висящий на нем труп, темным пятном выделявшийся на фоне пурпурного неба, на котором начали собираться ночные тучи, и медленно удалился. За ним молча ковлял его слуга.

В одной из резиденций Эббракума человек, которого называли Парта Мак Отна, метался, словно тигр, по комнате. Его обутые в сандалии ноги бесшумно скользили по мраморным плитам.

— Гром, — повернулся он к слуге. — Я прекрасно понимаю, почему ты цеплялся за мои ноги, о чем молил Лунную Госпожу. Ты боялся, что я потеряю голову и кинусь на помощь этому несчастному. О боги, я знаю, именно этого ждала эта римская собака. Его закованные в железо цепные псы внимательно за мной наблюдали, а его лай выносить было труднее, чем обычно. О боги, черные и белые, боги тьмы и света! — Он в приступе ярости выбросил кулак вверх. — И я должен был стоять и смотреть, как моего человека убивали на кресте — без след-

ствия и суда — ведь не назовешь же судом этот позорный фарс! О черные боги мрака, даже вас я вызвал бы, чтобы уничтожить этих мясников. Клянусь Безымянными, за это преступление поплатятся многие, Рим вскрикнет, как женщина, наступившая на змею.

— Он знал тебя, господин, — сказал Гром.

Посол опустил голову и закрыл лицо руками.

— Его глаза будут преследовать меня даже на ложе смерти. Да, он знал меня и до самого конца надеялся, что я ему помогу. О боги и демоны, до каких пор Рим будет безнаказанно убивать моих людей у меня на глазах? Пес я, а не король!

— Во имя всех богов, не кричи так громко! — воскликнул испуганно Гром. — Если римляне хоть на секунду заподозрят, что ты — Брин Мак Морн, висеть тебе на кресте рядом с тем несчастным.

— Они и так вскоре обо всем узнают, — сказал мрачно король. — Сколько же можно носить личину посла, шпиона за врагами? Эти римляне хотели посмеяться надо мной, лицемерно скрывая презрение и пренебрежение под маской любезности. Да, Рим любезен с послами варваров. Он дает нам прекрасные дома под жилье, рабов, женщин, не скупится на вино и золото, но в душе смеется над нами. Их предупредительность сродни оскорблению, а иногда — как сейчас, например, — их презрение проявляется в полной мере. Я видел все это. Я невозмутимо глотал их оскорбления, но это... клянусь всеми демонами преисподней, это уже сверх пределов людского терпения. Мои люди смотрят на меня. Я не могу обманывать их ожидания: любой из них, самый жалкий и ничтожный, вправе рассчитывать на мою помощь и защиту. Ибо к кому еще они могут прийти со своими бедами и горестями? Нет,

клянусь богами, на издевательства этих римских собак я отвечу черной стрелой и острой сталью.

— А вождь в пурпурном плаще? — Гром говорил о наместнике, и в его гортанном голосе бурлила жажда крови. — Он умрет? — Блеснуло обнаженное лезвие меча.

Брин посмотрел на него хмуро.

— Легче сказать, чем сделать. Да, умрет, — но как до него добраться? Его германская гвардия днем стоит у него за спиной, а ночью — у окон и дверей. Среди римлян у него столько же врагов, сколько и среди варваров. Любой бритт с радостью смахнул бы ему голову с плеч.

Гром схватил Брина за плащ.

— Позволь мне сделать это, господин! Моя жизнь ничего не стоит. Я заколю его на глазах у стражи.

Брин усмехнулся и ударил слугу по плечу с такой силой, которая бросила бы наземь любого другого.

— Нет, старый волк. Ты мне очень нужен, и я не хочу, чтобы ты зря рисковал жизнью. Сулла прочтет все, что ты задумал, в твоих глазах, и копыя его тевтонов пронзят тебя прежде, чем ты двинешься с места. Нет, не ножом из темноты, не ядом из кубка и не стрелой из-за угла мы ударим этого римлянина.

Он задумался и снова зашагал по комнате, опустив голову. Постепенно его глаза потемнели от мыслей, настолько страшных, что он не осмеливался произнести их вслух.

— Сидя здесь, в этой проклятой мешанине из мрамора и грязи, я начал немного разбираться в лабиринтах римской политики, — сказал он. — Если на Стене начнется заваруха, Тит Сулла, как наместник этой провинции, обязан будет поспешить туда

со своими центуриями. Но он этого не сделает. Он не трус, но есть вещи, которых избегают даже отчаянные храбрецы — у любого человека можно найти что-то такое, чего он боится. Сулла пошлет вместо себя Гая Камилла, который в мирное время несет патрульную службу у болот на западе, охраняя границу от бриттов, а сам запрется в Башне Траяна. Ха!

Он повернулся к Грому и стиснул своими стальными пальцами его плечо.

— Бери гнедого жеребца и скачи на север. Найдешь там Кормака из Коннахта и скажешь ему, что я прошу его огнем и мечом обрушиться на границу. Пусть его кельты вдоволь напьются крови. Я присоединюсь к ним вскоре. Но пока... пока у меня есть дела на западе.

Глаза Грома сверкнули. Брин вынул из-под туники тяжелую бронзовую печать.

— Вот мои верительные грамоты посла в Римской империи, — сказал он хмуро. — Они откроют тебе любые двери между этим домом и Баал-дор. А если кто-то из стражников окажется излишне любопытным... вот!

Приподняв крышку окованного железом сундука, Брин вытащил из него небольшой, но тяжелый мешочек и подал его воину.

— Если ни один из ключей не подойдет к дверям, — сказал он, — попробуй золотой. А теперь иди! Гром поднял руку, прощаясь с королем, и вышел.

Брин подошел к зарешеченному окну и посмотрел на залитую лунным светом улицу.

— Пусть луна зайдет, — сказал он сам себе, — тогда и отправимся... в преисподнюю. Но прежде рассчитаемся с долгами.

Снизу донесся затихающий вдали стук подков по мостовой.

— С верительными грамотами и золотом пиктскому молодцу никакой Рим не страшен, — шепнул король. — А теперь, пока луна не зашла, надо поспать.

Презрительно скользнув взглядом по мраморным фризам и рифленным колоннам — символам Рима, — король опустил на ложе, с которого давно уже были сброшены слишком мягкие для его закаленного тела шелковые матрацы и подушки. Он уснул сразу же, несмотря на кипевшую в нем ненависть. Первое, чему научила его суровая, горькая жизнь, было умение использовать для сна любую свободную минуту. Обычно он спал крепко и без сновидений, но на этот раз было иначе. Погрузившись в серую бездну сна, во вневременную туманную страну теней, он сразу же увидел знакомую фигуру худого старца с длинной седой бородой — это был Гонар, жрец Луны, главный королевский советник. И Брин удивился, увидев его лицо — оно было белым, как снег, и тряслось, словно в приступе малярии. А ведь сколько Брин себя помнил, ему ни разу не приходилось видеть на лице Гонара Мудрого даже малейшие признаки страха.

— Что нового, старче? — спросил король. — Все ли в порядке в Баал-дор?

— В Баал-дор, где лежит сейчас мое погруженное в сон тело, все хорошо, — ответил Гонар. — Я пришел сюда сквозь пустоту, чтобы бороться с тобой за твою душу. Король, ты сошел с ума, допустив в свою голову мысли, которые сейчас в ней бродят.

— Гонар, — ответил угрюмо Брин, — я сегодня стоял и смотрел, как на римском кресте умирал человек. Я не знаю ни его имени, ни того, кем он

был. Мне это безразлично. Но я знаю, что он был одним из нас. Первым запахом, коснувшимся его ноздрей, был запах вереска. Первый рассветный луч, упавший на его тело, был лучом солнца, поднявшегося над пиктскими взгорьями. Это был мой человек. Если он заслужил смерть, только я мог его на нее послать. Если его надо было судить, только я мог быть ему судьей. В наших жилах текла одна кровь, один и тот же огонь пылал в наших сердцах. Детьми мы слушали одни и те же древние легенды, в юности пели одни и те же песни. Нас связывали друг с другом те же узы, которые связывают меня с каждым воином, каждой женщиной, каждым ребенком в стране пиктов. Я обязан был защитить его. А теперь я должен отомстить за него.

— Но Брин! — воскликнул маг. — Во имя всех богов, прошу тебя, выбери иной способ мести. Вернись домой, собери войско, объединись с Кормаком и его кельтами и затопи Стену на всем ее протяжении морем огня и крови.

— Я сделаю это, — сказал Брин. — Но Сулле я отомщу так, как никто и никогда не мстил ни одному римлянину. Ха! Да что они знают о тайнах этого древнейшего острова, на котором задолго до того, как Рим выполз из болот Тибра, кипела жизнь?

— Брин, нельзя использовать столь мерзкие средства. Даже против Рима.

— Ха! — резко выдохнул король. — В борьбе против Рима годятся любые средства. Я в безвыходном положении. О боги, а разве Рим ведет со мной войну по-честному? Я — король варваров, на моем теле волчья шкура, на голове — железная корона, все мое оружие — пара сотен луков да ломаных дротиков. Что еще у меня есть? Поросшие вереском холмы, хижины из ивовых прутьев, копья моих

горячих соплеменников? А с кем я сражаюсь? С могущественнейшим Римом, с его тяжелыми легионами, его широкими плодородными равнинами, его морями, кишачими рыбой и прочими богатствами, его горами и лесами, его золотом, его сталью, его гневом. И я буду драться с ним мечом и копьем, интригой и вероломством, змеей на тропинке, ядом в кубке, кинжалом из тьмы, да, — голос его стал глуше, — и с помощью подземных чудовищ тоже.

— Ты сошел с ума! — воскликнул Гонар. — Ты погибнешь, не успев выполнить и доли того, что задумал! Ты спустишься в преисподнюю, но вернуться обратно не сможешь! Что будет тогда с твоим народом?

— Зачем народу король, который не в силах ему служить? — спросил Брин.

— Но ты ведь даже увидеть не сможешь тех, о ком думаешь. Ведь они с незапамятных времен живут вне нашего мира, связь между их и нашим миром давно оборвана.

— Когда-то, — сказал король, — ты говорил мне, что все сущее сливается в единую реку жизни. И ты был прав — доказательства этому я не раз уже находил с тех пор. Каждая раса, каждая форма жизни так или иначе связана с другими расами, формами и миром вообще. Где-то есть тот слабый ручеек, который связывает тех, что я ищу, с общим потоком. Где-то есть Врата. И я найду их.

В глазах Гонара мелькнул ужас.

— Горе! Горе! Горе стране пиктов! Горе великому королевству, которое умрет, не успев родиться! Горе! Горе! Горе!

Брин проснулся. Вокруг было темно. Сквозь прутья решетки светили в окно звезды. Луны не было

видно, лишь слабое мерцание над крышами домов указывало на то, что она еще не полностью ушла с небосвода. Король содрогнулся, вспомнив то, что видел во сне, и едва сдержал ругательство.

Он встал, отбросил плащ, натянул на себя легкую кольчугу, пристегнул к поясу меч, поправил кинжал и снова подошел к окованному железом сундуку. Вынув из него несколько небольших свертков, он пересыпал их содержимое в кожаный мешочек, завернулся в плащ и тихо вышел из комнаты. Слуг, которые могли бы шпионить за ним, не было — он решительно отказался от рабов, которых римляне, следуя политике своего государства, навязывали чужеземным послам.

Конюшня располагалась в передней части двора. Брин наощупь отыскал морду своего скакуна и задержал на ней руку, позволяя коню узнать хозяина. Все так же в темноте он оседлал коня и осторожно вывел его на узкую улицу. Луна уже полностью скрылась, мраморные дворцы и земляные хибары Эббракума окутывал только слабый холодный свет звезд.

Брин встряхнул тяжелый мешочек с золотыми римскими монетами. Он приехал в Эббракум, чтобы кое-что разведать, прячась под личиной посла. Однако, варвар до мозга костей, он не смог сыграть свою роль холодно и бесстрастно. Память услужливо развернула воспоминания о диких пирах, на которых вино лилось реками, о римских белогрудых красавицах, которым надоели их цивилизованные любовники и которые с вождением смотрели на молодого варвара, о боях гладиаторов, когда на арене трещали кости, а в амфитеатре груды золота переходили из рук в руки. Он много пил и рискованно играл — так принято было среди вар-

варов. Быть может, та потрясающая удачливость, которая не покидала его, брала начало в спокойствии, с которым он воспринимал и победы и поражения? Золото для него имело значение не больше, чем обыкновенный песок, сыплющийся сквозь пальцы. В своей стране оно ему было ни к чему, хотя он научился ценить его силу внутри границ цивилизованного мира.

В тени северо-западной стены едва различимо вырисовывались во мраке очертания огромной сторожевой башни, в подвалах которой располагалась тюрьма. Брин оставил коня в темной аллее и, словно волк, крадущийся за добычей, растворился во тьме.

Молодого офицера, дремавшего в одной из камер тюрьмы, разбудило кое-какое слабое позвякивание у зарешеченного окна. Он сел и тихо выругался, когда звездный свет, падавший на голый каменный пол через решетку, напомнил ему о перенесенном унижении. «Что ж, — думал он, — придется посидеть здесь пару дней. Пару — не больше. Сулла знает, что у него, Валерия, могучий покровитель. И пусть тогда кто-нибудь хоть слово скажет о том, что произошло! Проклятый пикт!» Ход мыслей юноши, однако, тут же изменился: он вспомнил, что его что-то разбудило.

— Тс-с-с! — послышалось из-за окна.

Это еще что такое? Валерий подошел к окну. Снаружи трудно было что-либо разглядеть при свете звезд, но ему показалось, что он видит какую-то тень.

— Кто это? — он прижался лицом к решетке, пытаясь проникнуть взглядом во тьму.

В ответ послышался взрыв дикого хохота и блеснуло лезвие длинного ножа. Валерий пошатнулся и

рухнул наземь, зажимая рукой зияющую в горле дыру. Кровь текла сквозь его пальцы, скапливаясь в лужу под судорожно подрагивающим телом.

Брин исчез, словно призрак, не задерживаясь ни на секунду, чтобы посмотреть на то, что происходило в камере. Стража, совершавшая обход, вот-вот должна была показаться из-за угла, он уже слышал тяжелый топот ног легионеров.

Сонные патрули, попадавшие пикту на его пути к узкой двери в западной стене, не обращали на него ни малейшего внимания. Щедрые подношения местного ворья и похитителей женщин приучили их к мысли о том, что не следует проявлять излишней бдительности. Однако одинокий стражник у западных ворот — его пьяные товарищи спали поблизости в лупанарии — поднял копье и потребовал, чтобы Брин остановился и назвал пароль. Пикт молча подъехал ближе. Его закутанная в темный плащ фигура угрожающе нависла над солдатом, на бесстрастном лице мрачно светилась пара холодных глаз. Брин поднял руку, и стражник уловил при свете звезд блеск золота, во второй руке пикта сверкнула сталь. Стражник понял и не колебался в выборе: бормоча что-то себе под нос, он опустил копье и открыл ворота. Брин направил в них коня, бросив под ноги римлянину горсть монет. Они золотым дождем зазвенели на мостовой, стражник бросился поспешно их собирать, а пикт исчез, словно его здесь и не было.

В конце концов он добрался до туманных болот на западе. Дул холодный ветер, раскачивая длинный тростник и пригибая к земле болотные травы, несколько цапель тяжело махали крыльями на фоне серого неба, за пустынной равниной тускло поблескивали несколько небольших озер. Тут и там видне-

лись странные пригорки правильной формы, а на горизонте высился ряд монолитных камней — менгиров, — кто знает, чьи руки поставили их там?

Неясным голубоватым пятном вырисовывалось на западе плоскогорье, которое далеко впереди, за линией горизонта, переходило в дикие горы Уэльса, населенные кельтскими племенами, никогда не знавшими римского ярма. Их держал под контролем ряд мощных сторожевых башен. Даже отсюда Брин видел высившуюся далеко за холмами неприступную твердыню, которую люди называли Башней Траяна.

И все же, сколь ни мрачны были болота, окружавшие Брину, на них тоже жили люди. Черноволосые, с черными блестящими глазами, они говорили на каком-то странном, ломаном языке. Брин неутомимо искал Врата. Местные жители пересказывали ему новости, из уст в уста кочевавшие по болотам, в них шла речь о сигнальных кострах, пылающих среди вересковых зарослей, об огне, дыме и грабежах, о кельтских мечах, купающихся в алом море крови. Легионы шли на север, и древний тракт содрогался от мерного топота тысяч и тысяч ног. И Брин улыбался довольно. В Эббракуме Тит Сулла отдал секретный приказ, требуя разыскать пиктского посла, который возбудил его подозрения тем, что исчез в ту же ночь, когда в запертой тюремной камере нашли молодого Валерия с перерезанным горлом. Сулла догадывался, что внезапный взрыв военных действий каким-то образом связан с экзекуцией пиктского преступника. Он активизировал сеть своих шпионов, хотя не сомневался в том, что Парта Мак Отна находится уже вне пределов досягаемости. Сулла готовился покинуть Эббракум, но вовсе не собирался вести легионы на север. Сулла

не был трусом, но у любого человека можно найти что-то, чего он страшится. Комендант Эббракума боялся Кормака из Коннахта, темноволосого вождя кельтских галлов, который поклялся, что вырвет сердце из груди Тита Суллы и съест его сырым. Этим и объясняется то, что Сулла, сопровождаемый своей грозной стражей, отправился в конце концов на запад, в Башню Траяна. Воинственный комендант Башни Траяна Гай Камилл с радостью уступил ему свое место, предвкушая хмельную сладость кровавых сражений у подножия Стены.

Со стороны эти перемещения выглядели по меньшей мере странно, но римский легат редко навещался на удаленный от метрополии остров, а Тит Сулла, с его богатством и выдающимися способностями к интригам, оставался высшей властью в Британии.

Брин, предугадавший все это, терпеливо ждал прибытия Суллы в Башню Траяна, остановившись в заброшенной хижине на краю болот.

Однажды вечером он шел, продираясь сквозь вереск, его мускулистая фигура отчетливо вырисовывалась на фоне пурпурного пламени заката. Он забрался в глубь болот дальше, чем намеревался вначале, но не спешил возвращаться — невообразимая древность этой сонной земли, которую он ощущал всем своим естеством, будоражила его воображение. Но что это? Здесь, в самом сердце болот, тоже жили люди — над самым краем трясины стояла покосившаяся хижина, сложенная из камыша и обмазанная глиной. В открытой двери хижины стояла женщина. Глаза Брина сузились от внезапного подозрения. Женщина не была старой, но в ее взгляде мерцала зловещая мудрость веков, ее одежда, убогая и рваная, и ее волосы, спутанные и всклокочен-

ные, удивительно гармонировали с унылой мрачностью всего, что ее окружало. Алые губы незнакомки раздвинулись в улыбке, обнажая острые хищные зубы.

— Входи, мой господин, — сказала она, — если не боишься оказаться под одной крышей с ведьмой из болот Дагона.

Брин молча переступил порог и сел на заскрипевшую под его тяжестью лавку. В горшке, висевшем над огнем, кипело что-то съестное. Женщина сняла с полки ложку и нагнулась над горшком. Брин внимательно наблюдал за ее плавными, змеиными движениями, присматривался к ее остроконечным ушам, к странно скошенным желтым глазам.

— Что ты ищешь среди болот, мой господин? — спросила она, повернувшись к нему мягким, плавным движением.

— Я ищу Врата, — ответил Брин. — Врата в мир земляных червей.

Женщина резко выпрямилась. Горшок выскользнул из ее рук и разбился.

— Даже в шутку не надо так говорить, — тихо сказала она.

— Я не шучу.

Она покачала головой.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Понимаешь, — сказал он, — очень даже хорошо понимаешь. Мой народ очень стар, он владел этим островом еще до того, как из лона мира появились на свет кельты и эллины. Но он не был первым в Британии. Клянусь пятнами на твоей коже, твоими раскосыми глазами, кровью, которая течет в твоих жилах, я знаю, что говорю.

Она стояла неподвижно, ее уста улыбались, но глаза оставались непроницаемыми.

— Ты с ума сошел, человеке,— наконец сказала она,— если пытаешься искать тех, от кого с криками ужаса бежали когда-то могучие воины.

— Я хочу отомстить,— объяснил он.— В этом мне могут помочь лишь те, кого я ищу.

Она снова покачала головой.

— Не те птицы тебе пели, и не те ты видел сны.

— Шипения змеиного я тоже наслушался,— огрызнулся он,— и не в снах дело. Хватит болтать. Я ищу звено, связующее оба мира. И я нашел его.

— Что ж, человек, пришедший с севера, я скажу, если ты настаиваешь,— снова улыбнулась женщина.— Те, которых ты ищешь, все еще живут под нашими сонными холмами. Они давно отделились от внешнего мира и не вмешиваются в дела людей.

— Но время от времени крадут женщин, заблудившихся в болотах,— сказал он, глядя в ее раскосые глаза.

Она злобно ухмыльнулась.

— Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты отвела меня к ним.

Женщина откинула назад голову и залилась смехом, в котором явственно слышалось презрение. Брин схватил ее левой рукой за платье и потянулся второй рукой за мечом. Она смеялась ему в лицо.

— Руби и будь ты проклят, мой северный зверь! Ты что же думаешь, моя жизнь настолько сладка, что я буду цепляться за нее, словно ребенок за материнскую грудь?

— Ты права,— он разжал пальцы.— Угрозами от тебя ничего не добьешься. Я куплю твою помощь.

— Как? — в ее голосе звучала насмешка.

Брин вытащил мешочек и направил на ладонь струю золота.

— Здесь больше, чем снилось любому из жителей здешних болот.

— Мне этот блестящий металл ни к чему. Оставь его для белогрудых римских женщин...

— Назначь сама цену,— нетерпеливо сказал он.— Голову твоего врага...

— Клянусь кровью, текущей в моих жилах, кровью, в которой горит огонь стародавней ненависти, здесь у меня нет иных, кроме тебя, врагов,— все еще смеясь, она мягко, словно кошка, выпрямилась и ударила в грудь пикта. Ее стилет сломался, скользя по кольчуге, и Брин оттолкнул ее жестом, полным отвращения. Женщина упала на постель из травы, и оттуда снова послышался тихий смех.

— Хорошо, я назову тебе цену, о мой волк! И быть может, придет день, когда ты будешь проклинать кольчугу, сломавшую кинжал Атлы!

Она поднялась с постели и подошла к нему. Ее необыкновенно длинные руки ухватились за его плечи.

— Я скажу тебе, Черный Брин, король Каледонии! Ох, я сразу узнала тебя, когда ты вошел в мою хижину, узнала твои черные волосы, твой холодный взгляд. Я отведу тебя к Вратам в преисподнюю, если ты этого хочешь, но тебе придется заплатить за это своими королевскими обаяниями. Что ты знаешь о моей проклятой горькой жизни? Я, Атла, колдунья с болот Дагона, которую все боятся и смертельно ненавидят, никогда не знала любви мужчины, крепких обаяний, горячих поцелуев. Что я видела и слышала, кроме холодного ветра, мрачного пламени рассветов, шепота трав? Лица, тенью мелькающие под поверхностью воды, следы неведомых существ, поблескивание красных глазищ, ужасное рычание каких-то чудовищ в ночной тьме! А ведь я по меньшей мере наполовину женщина. Раз-

ве я не могу испытывать тоску, печаль, тупую боль одиночества, разве людские заботы и огорчения — это не для меня? О король, подари мне твои горячие поцелуи и крепкие объятия варвара, и тогда в те бесконечные пустые годы, которые ждут меня впереди, горькая зависть к обычным женщинам не поглотит мое сердце без остатка. У меня останутся воспоминания, которыми немногие могут похвастать — воспоминания об объятиях короля! Одна ночь любви, и я отведу тебя к Вратам ада!

Брин хмуро посмотрел на нее. Протянув руку, он крепко сжал ее плечо и молча кивнул головой.

3

Холодная серая мгла влажным покрывалом окутывала короля. Он повернулся к женщине, чьи раскосые глаза блестели рядом в полумраке.

— Теперь ты выполни то, что обещала, — сказал он жестко. — Я искал звено, связующее миры, и нашел его в тебе. Мне нужна единственная святая для них вещь. Она и будет ключом, который откроет невидимые Врата, разделяющие нас. Скажи, как ее найти?

— Я скажу, — ее алые губы раскрылись в злобещей усмешке. — Иди на тот холм, который люди называют Курганом Дагона. Сдвинь камень, закрывающий вход, войди в пещеру. У своих ног ты увидишь шесть каменных плит, окружающих седьмую плиту. Подними ее.

— И я найду там Черный Камень?

— Курган Дагона лишь откроет тебе путь к Черному Камню, — ответила она. — Идти или не идти по нему — решать тебе.

— Будут ли стеречь этот путь? — его рука машинально потянулась к рукояти меча.

Язвительная улыбка скривила ее губы.

— Если ты наткнешься на кого-либо по дороге к Черному Камню, умрешь такой страшной смертью, какой уже многие сотни лет не умирали смертные. Они не сторожат Камень так, как люди сторожат свои сокровища. Зачем им сторожить то, на что люди никогда не покушались? Быть может, они будут поблизости, а может быть и нет. Это риск, на который тебе придется пойти, если хочешь добыть Камень. Но берегись, король пиктов! Помни, когда-то именно твой народ перерезал ту нить, что связывала их с людским миром. Они тогда были почти людьми — жили везде на поверхности земли и наслаждались солнечным светом. Теперь они ушли. Они не знают солнца, избегают лунного света, даже звезды им ненавистны. Да, далеко ушли те, что могли бы стать людьми, если бы не копыя твоих предков.

Серое небо затянулось мутной пеленой, сквозь которую едва просвечивало холодное солнце, когда Брин дотащился наконец до Кургана Дагона — невысокого круглого холма, заросшего странного вида травой. Приглядевшись внимательнее, он заметил на восточной его стороне что-то, напоминавшее вход в туннель, выложенный из грубо обтесанных камней. Вход закрывал огромный валун. Брин навалился на него изо всех сил, но камень даже не дрогнул. Пикт вытащил меч, осторожно подsunул его под валун и, орудуя им, словно рычагом, откатил камень в сторону. Из открывшейся темной дыры пахнуло отвратительным трупным смрадом.

Брин, зажав в руке меч, готовый к любым неожиданностям, шагнул в длинный узкий туннель, обставленный большими плоскими камнями, лежащи-

ми друг на друге. Либо его глаза в конце концов освоились с темнотой, либо дневной свет все же откуда-то проникал в подземелье, но когда Брин добрался до небольшой круглой комнаты, расположенной в самом центре Кургана, он уже мог кое-что видеть. Несомненно, это здесь когда-то лежали останки того, ради кого построили эту гробницу и затем вознесли над нею курган. Теперь, однако, от них на каменном возвышении не осталось даже следа.

Брин нагнулся и, напрягая зрение, увидел, что на полу выложен из камней странный, удивительно правильный узор: шесть хорошо обработанных плит тесно прилегали к седьмой — шестигранной. Брин просунул в щель между камнями кончик меча и осторожно нажал. Шестигранник шевельнулся и приподнялся. Еще усилие, и Брин прислонил его к покатой стене. Заглянув в отверстие, он нашел там несколько маленьких стертых ступеней, ведущих в бездонную непроницаемую тьму. Король, не колеблясь, ступил на первую из них, почти физически чувствуя, как ноги тонут в липкой темноте.

Он спускался, ощупывая стены руками, спотыкаясь и соскальзывая со слишком маленьких для ног человека ступеней. Ступеньки были совершенно стертыми, хотя когда-то их выбивали в сплошной скале. Чем глубже он спускался, тем грубее они становились, превратившись в конце концов в глыбы едва обработанного камня. Направление шахты резко изменилось. Она по-прежнему вела вниз, но стала более пологой, напоминая штольню. Он шел дальше не останавливаясь, цепляясь локтями за выгнутые стены, пригибая голову под низким потолком. Ступеньки исчезли совсем, и скала под ногами казалась скользкой, словно змеиная тропа. «Что же за суще-

ства,— думал Брин,— ползали вверх и вниз по этой шахте? И сколько веков? Туннель сузился, и Брин пополз ногами вперед, с трудом протискиваясь через каменное горло, отталкиваясь от стен обеими руками. Он знал, что спускается все глубже и глубже, и боялся даже думать о той каменной толще, которая отделяла его от поверхности земли.

В темной бездне загорелся слабый, обманчивый огонек. Брин горько улыбнулся. Если те, кого он ищет, нападут на него, как он сможет защититься в этом узком туннеле? Но страха не было, он перешагнул через него еще тогда, когда решался спускаться в преисподнюю. Брин полз дальше и дальше, думая только о своей цели. Но вот, наконец, стены раздвинулись, и он смог выпрямиться. Он ничего пока не видел, но всем телом ощущал невероятную, головокружительную пустоту вокруг себя. Темнота напирала со всех сторон, но он все же рассмотрел за собой вход в штольню, из которой только что выполз: черное пятно на сером фоне. Сделав несколько шагов в сторону, Брин наткнулся на алтарь, сложенный из человеческих черепов. Из-под него сочился мутный, едва заметный свет. Брин не видел его источника, но в данную минуту его это и не интересовало. На алтаре лежало то, что он искал,— Черный Камень.

Брин не тратил времени на благодарственную молитву судьбе за то, что поблизости не оказалось стражей этой мрачной реликвии. Он схватил Камень, сунул его за пазуху и вновь скользнул в туннель.

Когда человек поворачивается к опасности спиной, ее леденящая душу угроза ощущается больше, чем тогда, когда он встречает ее лицом к лицу. Брин полз по туннелю вверх, судорожно стискивая

добычу, и ему казалось, что мрак крадется за ним, обнажая клыки в страшной ухмылке. Холодный пот заливал ему глаза. Он напрягал все силы, прислушиваясь к тихим звукам за собой, ему чудилось, что преследователи вот-вот повиснут у него на пятках. Его тело билась мелкая дрожь, а волосы на голове встали дыбом, словно от ледяного ветра, дующего снизу.

Добравшись до первой из ступенек, он остановился на мгновение, но тут же продолжил путь, спотыкаясь и скользя. Из его груди вырвался шумный вздох облегчения, когда он оказался, наконец, в гробнице, мутная полутьма которой показалась ему теперь ослепительно ярким полуденным светом. Брин положил на место каменную плиту и выскочил наружу. Никогда еще до сих пор желтое холодное солнце не доставляло ему столько радости, рассеяв тени чернокрылых кошмаров, гнавшихся за ним, как ему казалось, по пятам. Он толкнул валун, запирая вход в гробницу, завернул Черный Камень в валявшийся здесь же плащ и поспешил прочь.

Землю скрывала серая пелена тумана. Тишина, вокруг ни души, но Брин чувствовал под ногами, глубоко в земле, спящую жизнь. Продравшись сквозь заросли тростника, он вышел к небольшому водоему, который известен был среди местных жителей как Озеро Дагона. Ни малейшей морщинки не было видно на его голубоватой поверхности — Брин с улыбкой вспомнил местную легенду об ужасном чудовище, обитавшем где-то там, в глубине. Пикт внимательно осмотрелся по сторонам. Ни малейших признаков жизни. Он закрыл глаза и доверился инстинкту, пытаясь уловить ненавистный взгляд невидимого врага. Нет, он был одинок здесь, словно последний на земле живой человек.

Король поспешно развернул плащ и достал Черный Камень. Его мало занимала тайна материала, из которого был высечен этот кусок мрака, и секрет выбитых на нем таинственных письмен — он подбросил его на ладони, прикидывая вес, и, сильно размахнувшись, забросил в самую середину озера. Вода с громким всплеском сомкнулась над Камнем, по ее поверхности пробежали искристые блики, но постепенно водная гладь выровнялась, став такой же, какой была прежде.

4

Колдунья удивленно покосилась на скрипнувшую дверь. Ее глаза изумленно расширились.

— Ты! Живой! И ты не сошел с ума?!

— Я побывал в аду и вернулся, — тихо сказал он. — Более того, я нашел то, за чем пошел.

— Черный Камень! — воскликнула она. — Ты осмелился его украсть? Где же он?

— Это неважно. Не знаешь, мой конь нынче ночью ржал в своем стойле? Я слышал, как что-то трещало под его копытами — что-то, что не было стеной конюшни... Утром я нашел на его копытах кровь, земля тоже залита была кровью. А ночью я слышал странный шум, казалось, где-то глубоко в земле роют черви. Они знают, что это я забрал у них Камень. Это ты меня выдала?

Она покачала головой.

— Нет, я все сохранила в тайне. Но им и не надо было меня спрашивать, чтобы узнать о тебе. Чем дальше уходят они от нашего мира, тем изощреннее становятся их познания в тайных науках. В один прекрасный момент твоя хижина опустеет, и

тот, кто осмелится в нее заглянуть, найдет в ней лишь несколько комочков земли на полу...

Брин усмехнулся.

— Я задумал все это и столько трудов положил вовсе не для того, чтобы погибнуть в их острых когтях. Если они накинута на меня ночью, то никогда не узнают, куда делся их божок... или чем он там для них является. Я хочу говорить с ними.

— Ты осмелишься пойти со мной и ночью встретиться с ними?

— Разрази меня гром! — рявкнул он. — Кто ты такая, чтобы спрашивать, осмелюсь я или нет? Отведи меня к ним сегодня же ночью — я должен договориться с ними о мести. Близится расплата. Сегодня я видел за вересковыми полями серебристые шлемы и блестящие щиты — в Башню Траяна прибыл новый комендант.

Стояла глухая ночь, когда король и его молчаливая спутница вышли из хижины и направились к болоту. Ночь была тихая и такая спокойная, что казалось, все вокруг спит, вся эта древняя земля погрузилась в сладостную дремоту. Вверху мерцали звезды — маленькие красные точки на бархатистом черном фоне неба. Их блеск, однако, затмевало сияние глаз женщины, шагавшей рядом с Брином.

В голове короля металась странная полуоформившиеся мысли. Он чувствовал, что на его плечи давит вся тяжесть прошлого: этими холмами, торфяниками, вересковыми полями, по которым шел сейчас он, чужак и изгнанник, владели когда-то могучие короли — его предки.

В сравнении с его народом кельтские и римские захватчики были всего лишь пришельцами на этом древнем острове. Но и его народ тоже был захватчиком — жила когда-то на острове еще более древ-

няя раса, корни которой скрывались в темной бездне ушедших веков.

Перед ними тянулась полоса холмов — наиболее выдвинутая на восток часть тех немногих возвышенностей, которые далее превращались в горы Уэльса. Женщина вела Брина по тропе, вытоптанной, вероятно, овцами. Они остановились перед широким темным входом в пещеру.

— Вот вход к тем, кого ты ищешь, король! — зло улыбаясь, сказала она. — Осмелишься ли ты войти?

Брин схватил ее за спутанные волосы и бешено встряхнул несколько раз.

— Еще раз спроси, осмелюсь ли я, — прошипел он, — и твоя голова распрощается с плечами! Веди!

Ее смех был сладок, как смертельный яд. Они вошли в грот. Брин выбил кресалом искру, и тлеющий трут осветил огромную, покрытую пылью пещеру. С потолка свисали гроздь летучих мышей. Брин зажег факел, поднял его вверх и внимательно осмотрел затененные ниши, но не нашел ничего, кроме мышиного помета, пыли и паутины.

— Где они? — рявкнул он.

Она скользнула к противоположной стене пещеры и, как бы случайно, оперлась на нее. Зоркие глаза короля едва успели уловить движение ее руки, упавшей на скальный выступ. Он отшатнулся, когда у самых его ног разверзлась вдруг черная бездна. В уши серебряным стилетом снова вонзился женский смех. Он протянул к краю колодца факел и увидел стертые ступени, уходящие вниз.

— Им эта лестница ни к чему, — сказала Атла. — Когда-то они ею пользовались, но это было еще до того, как твой народ загнал их во мрак. Но тебе она потребуется.

Колдунья закрепила факел в нише над лестницей и кивнула Брину. Король поправил меч в ножнах и шагнул на первую ступеньку. Он уже почти полностью погрузился в таинственную тьму, когда что-то заслонило свет над его головой. «Наверное, Атла закрыла вход», — подумал он, но тут же понял, что она спускается следом за ним.

Спуск длился недолго: через несколько минут Брин почувствовал под ногами ровную поверхность. Атла тенью скользнула рядом с ним и остановилась в тусклом круге падающего сверху света.

— Здесь полно пещер, — ее голос звучал в пустоте слабо и поразительно глухо, — но они — не более чем врата к огромным пещерам, лежащим еще глубже. Слова и поступки людей точно так же указывают на бездонные пропасти черных мыслей и замыслов, лежащих за ними и под ними.

Брин почувствовал, что во тьме что-то шевельнулось. Мрак заполнился таинственными шорохами, абсолютно не похожими на звук шагов человека. В пустоте, словно светляки, зажглись слабые искорки. Они приблизились к людям и встали широким полукольцом. За ними виднелись другие — целое море, — они исчезали лишь где-то в невообразимой дали. Брин знал, что эти огоньки — глаза существ, пришедших сюда в таком количестве, что у него кружилась голова при одной мысли об этом.

Он не испытывал страха, стоя лицом к лицу со своими извечными врагами. Чувствуя накатывающие на него из толпы волны страшной ненависти, он лучше, чем кто бы то ни было, осознавал опасность своего положения. И все же он не боялся, хотя перед ним, в этой тьме, материализовался из снов и легенд его народа невыразимый словами

кошмар. В его висках стучала кровь, но не страх, а возбуждение было тому причиной.

— Они знают, что Камень у тебя, о король, — сказала Атла, и хотя он знал, что она боится, и ощущал то физическое усилие, с которым она сдерживала дрожь своего тела, в голосе ее не было даже тени страха. — Ты в смертельной опасности. Они издавна знают твой род — о, они помнят те времена, когда их предки были людьми! Я не смогу тебя спасти. Мы оба будем умирать так, как уже тысячи лет не умирал никто из людей. Если хочешь говорить с ними, то самое время. Они поймут тебя, хотя ты понять их не сможешь. Но нам это не поможет. Ты человек... и пикт.

Брин рассмеялся, и дикая свирепость этого смеха всколыхнула огненное кольцо. С бросающим в дрожь лязгом он выхватил меч и припал спиной к чему-то, что было, — он надеялся — монолитной скалой. Обратив к сверкающим глазам меч и зажатый в левой руке кинжал, он захохотал, и хохот его был похож на рычание кровожадного волка.

— Да! — проревел он. — Я пикт, потомок тех, кто, словно смерч сухие листья, гнал перед собой свору собак — ваших предков! Да, я наследник тех, кто залил эту землю потоками вашей крови и вознес курганы из ваших черепов на алтаре Лунной Госпожи. Если у вас хватит смелости — нападите на меня, я готов к этому. Я сложу башню из ваших отрубленных голов и обнесу ее стеной из ваших трупов. Гнусные собаки, земляные черви, идите сюда и отведайте моей стали! Когда смерть найдет меня во мраке, оставшиеся в живых будут выть над горами мертвых тел, а ваш Черный Камень исчезнет навсегда, ибо только я знаю, где он спрятан, и вам

никакими адскими пытками не вырвать эту тайну из моих уст!

Воцарилась напряженная тишина. Брин вглядывался в мерцающую искорками темноту, готовый к отпору, словно волк, попавший в капкан. Сбоку к нему прижималась женщина, ее глаза сияли. И тут из молчащего круга существ, затаившихся в темноте, донеслось отвратительное шипение. Брин вздрогнул, хотя был готов к любым неожиданностям. О боги, неужели это шипение — речь тех, кого называли когда-то людьми? Атла выпрямилась и прислушалась. Из ее губ ползло то же мерзкое шипение, и Брин, хотя знал тайну происхождения этой женщины, подумал, что никогда больше не сможет коснуться ее, не испытывая отвращения.

Она посмотрела на него, и багрово-красные губы скривила жуткая улыбка, едва заметная в призрачном свете.

— Они боятся тебя, о король! Кто же ты такой, что сама преисподняя дрожит перед тобой? Их пугает не меч твой, но дух, твердый, как сталь. Они выкупят у тебя Черный Камень за любую цену.

— Хорошо, — Брин бросил меч в ножны. — Пусть они пообещают не преследовать тебя за то, что ты мне помогала. И еще, — его голос загремел, словно рык охотящегося тигра, — мне нужен Тит Сулла, комендант Эббракума, который сейчас сидит в Башне Траяна. Я не знаю, как они доберутся до него, но они могут сделать это: когда-то, когда мой народ воевал с Детями Ночи, из хорошо охраняемых домов бесследно пропадали младенцы, но никто и никогда не видел похитителей. Они поняли меня?

Снова послышалось шипение, и Брина снова бросило в дрожь, хотя он не страшился гнева этих существ.

— Они поняли, — сказала Атла. — Завтра ночью, когда землю окутает предрассветный мрак, принеси Черный Камень в Круг Дагона и положи его там на алтарь. Они туда же доставят тебе Тита Суллу. Им можно верить. Они уже много веков не вмешивались в людские дела, но слово свое сдержат.

Брин кивнул головой и направился к лестнице. Атла следовала за ним. Поднявшись на несколько ступенек, он повернулся и посмотрел на поблескивавшее внизу море обращенных к нему раскосых глаз. Он не видел ни лиц, ни тел, эти страшные существа избегали света и не показывались у тусклого круга света, отбрасываемого факелом. Только тихие, шипящие звуки их разговора доносились до него, и он содрогнулся, когда воспаленное воображение заставило его увидеть внизу не толпу двуногих существ, а мириады извивающихся змей, следящих за ним сверкающими, лишенными век, глазами.

Когда они выбрались в верхнюю пещеру, Атла прикрыла вход камнем. Плита прочно встала на место — Брин не заметил ни малейшей щелочки в монолитном, казалось бы, каменном полу. Женщина потянулась за факелом, чтобы погасить его, но король удержал ее руку.

— Оставь, давай сначала выйдем из пещеры, — буркнул он. — В этой темноте еще на змею наступишь.

Мрак взорвался хохотом колдуньи.

5

Солнце уже садилось, когда Брин снова появился на берегу Озера Дагона. Сбросив наземь плащ, он отстегнул пояс с мечом и снял короткие кожа-

ные штаны. Зажав в зубах обнаженный кинжал, Брин осторожно, стараясь не плескать, вошел в воду, выплыл на середину и нырнул. Озеро оказалось более глубоким, чем он ожидал. Ему уже начало казаться, что оно вообще бездонное, а когда дно все же появилось, на поиски камня уже не оставалось времени. Подгоняемый глухими ударами крови в висках, пикт всплыл на поверхность.

Наполнив легкие воздухом, он опять нырнул, но поиски снова оказались безуспешными. Лишь нырнув в третий раз, он нащупал, наконец, знакомый предмет, зарывшийся в придонный ил.

Камень был не очень большим, но тяжелым. Брин уже почти выплыл наверх, когда почувствовал, что внизу что-то происходит. Опустив голову, он попытался проникнуть взглядом в голубоватую глубину, и ему показалось, что он видит там возносящуюся вверх гигантскую тень.

Брин не чувствовал страха, но все же насторожился и поплыл быстрее. Ноги коснулись дна, и он побрел по мелкой воде к берегу. Обернувшись назад, он увидел, как вода в центре озера взбурлила и опала. Пикт тряхнул головой и выругался. Он не принял всерьез старую легенду о водном чудовище, обитавшем в Озере Дагона, и, похоже, чуть было не заплатил за это жизнью.

Король оделся, вскочил на черного жеребца и поскакал прочь от Озера Дагона. Он ехал на запад, в сторону клонящегося к горизонту солнца, по направлению к Башне Траяна и Кругу Дагона. Миля за милей ложились под копыта его коня, на небе появились багровые светлячки звезд, а Брин неутомимо мчался дальше и дальше, крепко сжимая завернутый в плащ Черный Камень. Его сердце билось сильнее, когда он думал о том, как встретится с

Титом Суллой. Атле, попадись римлянин ей в руки, сама мысль о жестоких пытках доставила бы наслаждение, но намерения короля были далеки от этого. Он собирался сразиться с наместником с оружием в руках: пусть победит сильнейший. И хотя Брин наслышан был об умении Суллы владеть мечом, сомнений в исходе поединка у него не было.

Круг Дагона лежал в некотором удалении от Башни Траяна — мрачное кольцо из огромных валунов, в центре алтарь из грубо отесанного камня. Римляне с опаской поглядывали на эти менхиры, не сомневаясь, что их поставили там друиды. Кельты, в свою очередь, считали, что это сделали пикты. Но Брин хорошо знал, чьи руки в незапамятные времена вознесли эти угрюмые монолиты, хотя о цели этого мог лишь догадываться.

Он не сразу подъехал к Кругу. Его разбирало любопытство — он хотел узнать, каким образом его ночные союзники выполняют то, что обещали. Он не сомневался в том, что они смогут похитить Суллу, и был уверен, что знает, как они это сделают. Но его мучили нехорошие предчувствия, ему начало казаться, что он сделал ошибку, используя могущество неведомых измерений и вызволяя силы, которые не сможет обуздать. Его бросало в дрожь, когда он вспоминал змеиное шипение и раскосые глаза, сверкавшие перед ним ушедшей ночью. Эти существа уже тогда, когда его народ загнал их в подземные пещеры, многие века назад, были монстрами, мало похожими на людей. Как отразились на них столетия уединения? Осталось в них хоть что-либо человеческое?

Что-то заставило его направить скакуна к Башне. Он знал, что она где-то близко, ее силуэт уже должен был, несмотря на густую ночную мглу, об-

рисоваться на горизонте. Неясные мрачные предчувствия овладели им без остатка, и он бросил коня в галоп.

И вдруг король пошатнулся в седле, словно от удара,— настолько ужасным оказалось зрелище, открывшееся его глазам. Непроступной Башни Траяна больше не существовало. Удивленный взгляд Брина метался по огромной куче камня, лежавшей на ее месте. Из-под растрескавшихся гранитных блоков торчали разломаченные концы сломанных деревянных свай. В одном из углов выростала из груды штукатурки покосившаяся набок башенка — казалось, что-то одним рывком лишило ее половины фундамента.

Онемевший от изумления Брин сошел с коня. Крепостной ров в нескольких местах был полностью засыпан мусором и выломанными фрагментами стен. Он перешел через ров и углубился в руины. Там, где еще несколько часов назад под тяжелым топотом ног легионеров гудела мостовая, где стены отражали лязг стали и пенье труб, господствовала мертвецкая тишина.

У ног Брина что-то пошевелилось, и послышался стон. Король нагнулся. Перед ним в глубокой луже собственной крови лежал легионер. Пикт с первого взгляда понял, что этот человек умирает. Брин поднял окровавленную голову раненого и поднес к его губам свою флягу. Римлянин инстинктивно втянул сквозь сломанные зубы глоток жидкости, и его остекленевшие глаза приобрели осмысленное выражение.

— Стены раскололись,— прошептал он.— Они рухнули, как рухнет небо в день гибели мира. О Юпитер, с неба падал гранитный дождь и мраморный град!

— Но я не чувствовал, чтобы земля тряслась! — воскликнул Брин.

— Это не было землетрясением,— с трудом выдал римлянин.— Это началось еще до того, как солнце зашло — слабое, невнятное царапание и скрежетание глубоко под землей. Мы стояли на страже и слышали... словно крысы прогрызали ход или черви рыли землю. Тит смеялся, но мы слышали эти звуки весь день. А в полночь крепость содрогнулась и осела, словно из-под нее кто-то убрал фундамент.

По спине Брина Мак Морна пробежали мурашки. Чудовища из-под земли! Тысячи их, словно кро-ты, рыли глубоко под землей... О боги, да здесь земля со всеми этими пещерами и туннелями похожа, наверное, на пчелиные соты... В этих существах еще меньше человеческого, чем он думал...

— Что с Титом Суллой? — спросил он, снова прикладывая фляжку к губам легионера. В эту минуту умирающий римлянин был ему ближе родного брата.

— Когда Башня содрогнулась, мы услышали страшный вопль из покоев наместника,— пробормотал легионер.— Мы побежали туда... Когда взламывали двери, слышали его крики... казалось, они исходили... из недр земли! Ворвались в комнату... она была пуста... только его окровавленный меч лежал там... в каменном полу зияла черная дыра. Тут... крепость задрожала... накренилась... крыша рухнула... я полз... град камней... трещины по стенам...

Римлянин содрогнулся в конвульсиях.

— Положи меня, друг,— шепнул он.— Умираю.

Он испустил дух еще до того, как Брин выполнил его просьбу. Пикт встал и машинально отряхнул руки. Тихо отступив в сторону, он вскочил на

коня и поскакал во тьму. Завернутый в плащ Камень жег его руку, словно раскаленный уголь.

Приблизившись к Кругу Дагона, он заметил исходящее изнутри его странное свечение. Огромные камни выделялись на фоне неба, словно ребра скелета, в грудной клетке которого пылал колдовской огонь. Скакун ржал и становился на дыбы, когда Брин привязывал его к одному из менгиров.

Король, не выпуская из рук Камня, вошел в Круг и увидел стоящую у алтаря Атлу. Ее гибкое тело колыхалось из стороны в сторону. Весь алтарь светился мертвенно-белым светом, и Брин догадался, что кто-то — наверное, Атла — натер его фосфором, добытым в каком-либо из болот.

Он подошел, развернул сверток и бросил проклятый фетиш на алтарь.

— Я выполнил то, что обещал, — буркнул он.

— Они тоже, — ответила она. — Смотри! Они идут!

Брин оглянулся, инстинктивно положив ладонь на рукоятку меча. Конь, привязанный за пределами Круга, дико ржал и рвал поводья. Ночной ветер шумел среди трав, донося до короля отвратительное тихое шипение. Между менхирами проплыла угрюмая волна тени, хаотично колеблясь. Круг заполнился сверкающими глазами, которые держались, однако, в отдалении от фосфоресцирующего алтаря. Откуда-то из темноты донесся человеческий голос, невнятно бормочущий что-то бессвязное. Брин остолбенел, ужас стальными клещами сжал его сердце. Он напряг зрение, пытаясь разглядеть тела существ, толпившихся вокруг него, но увидел только вздымавшуюся волной тень, которая поднималась и опадала, колеблясь подобно жидкости.

— Пусть они дадут мне то, что обещали! — выкрикнул он, разозлившись.

— Так смотри же, король! — воскликнула Атла, и он явственно услышал в ее голосе издевку.

Тень заколебалась, затем всколыхнулась, и из темноты на четвереньках, словно животное, выбежал человек. Упав к ногам Брина, он ползал на животе, вился и дергался, выл, подняв голову, словно издыхающий пес. Потрясенный Брин смотрел, не в силах отвести глаза, на его белое, словно снег, лицо, что-то бормочущие, покрытые пеной губы — о боги, неужели это Тит Сулла, гордый комендант Эббракума, могучий наместник Британии?

Пикт обнажил меч.

— Я думал, что месть направит его в твою грудь, — сказал он тихо. — Но придется сделать это из милосердия. Вале Цезарь!

Блеснула сталь, голова Суллы покатилась по траве к подножию алтаря и замерла там неподвижно, уставившись в небо ничего не видящими глазами.

— Они ничего с ним не делали, — прервал тишину ненавистный голос Атлы. — Это то, что ему довелось увидеть и узнать, сломило его разум. Как и вся его раса, он понятия не имел о тайнах этой древней земли. Сегодня ночью его протащили по таким адским безднам, что там даже ты лишился бы ума.

— Счастливы римляне, что даже не догадываются о тайнах этой проклятой страны! — воскликнул Брин. — Они не знают ни озер, в которых таятся жуткие монстры, ни мерзких колдуний, ни тайных пещер, кишаших во мраке чудовищами!

— Кого же следует больше презирать — их, ставших такими, какие они есть, или людей, алчущих их помощи? — спросила Атла с презрительным смешком. — Отдай им их Черный Камень!

Разум Брина заволокла стена отвращения.

— Да забирайте вы свой проклятый Камень! — крикнул он, поднял фетиш с алтаря и швырнул его в тень с такой силой, что чьи-то кости затрещали, приняв на себя удар. Часть тени отделилась от общей массы, и Брин всхлипнул от омерзения, когда на секунду увидел широкую, удивительно плоскую голову, извивающиеся вислые губы, ужасное скрюченное карликовое тельце, покрытое, как ему показалось, пятнами, и глаза — о, эти неподвижные змеиные глаза! О боги! Мифы подготовили его к тому, что он встретится с ужасом в людском облики, но то, что он увидел, было ужасом из ночного кошмара.

— Возвращайтесь в преисподнюю и забирайте своего идола! — кричал он, вознося к небу стиснутые кулаки, а густая тень пятилась, стекая назад, словно воды какого-то нечистого потока. — Ваши предки были людьми, пусть странными и ущербными, но людьми! Вы же — будьте вы навеки прокляты! — вы действительно стали теми, о ком мой народ говорит с таким презрением! Проклятые черви, возвращайтесь в свои дыры и туннели! Ваше дыхание отравляет воздух, ваши тела оставляют на чистой земле след змеиной слизи, ибо сами вы превратились в змей! Прав был Гонар — нельзя использовать столь мерзкие средства даже против Рима — нельзя!

Он выбежал из Круга, отрясая руки, словно человек, прикоснувшийся к змее. Отвязывая жеребца, он услышал за собой страшный смех Атлы, с которой, словно плащ ночью, спало все человеческое.

— Король пиктов! — кричала она. — Король глупцов! Ты и в самом деле боишься таких пустяков? Останься, и я покажу тебе настоящий ад! Ха! Ха! Ха!

Беги, глупец, беги! Но в тебе уже есть червоточина — ты звал их, и они будут об этом помнить! И в час назначенный они придут к тебе снова!

Он выругался про себя и открытой ладонью ударил ее в лицо. Колдунья упала наземь, с ее малиновых губ струйкой текла кровь, но кошмарный смех звучал еще громче.

Брин вскочил в седло. Он думал о чистом вереске и холодных голубых холмах севера, где сможет обнажить свой меч в честном бою, окунуть свою больную душу в багровый водоворот войны и забыть об ужасе, притаившемся под западными болотами. Король рванул поводья и помчался сквозь ночь, словно призрак, гонимый демонами, но адский смех Атлы еще долго летел за ним во мраке.

КОРОЛИ НОЧИ

Н

1

ож сверкнул и опустил-ся. Крик оборвался, превратившись в предсмертный хрип.

Тело, лежавшее на примитивном алтаре, конвульсивно содрогнулось и застыло. Неровное кремневое лезвие рассекло окровавленную грудь жертвы, а худые костлявые пальцы вырвали трепещущее сердце.

Под седыми кустистыми бровями орудовавшего крем-

невым ножом человека мрачным огнем горели черные глаза.

У груди валунов, служившей алтарем Бога Тьмы, рядом со жрецом, совершившим только что жертвоприношение, стояли четверо мужчин. Один из них был человеком среднего роста, гибким, стройным, темноволосым, его голова была увенчана железной короной, украшенной единственным, но зато очень большим алым драгоценным камнем. Двое других мужчин походили на первого цветом лохматых волос, нависавших над косо обрисованными бровями, и смуглой кожей, но были шире в плечах и массивнее. Лицо первого мужчины свидетельствовало о его остром уме и сильной воле, в лицах его спутников отражалась лишь тупая звериная сила.

Четвертый из стоявших у алтаря существенно отличался от трех остальных. Он был выше их на голову, его волосы тоже были темными, но кожа — гораздо более светлой. Он с явным отвращением наблюдал за кровавым обрядом, давно уже не практиковавшимся в его краях.

Кормака передернуло. Друиды на его родном острове Эрин тоже отправляли жуткие и зловещие обряды, но эти последние не имели ничего общего с тем, что он увидел здесь. Эту мрачную сцену освещал небольшой факел. Среди теряющихся во тьме ветвей угрюмых деревьев-великанов, окружавших поляну, злобно завывал ветер.

Кормака чувствовал себя невероятно одиноким среди этих людей, принадлежавших к совершенно иной, чем он, человеческой расе. Вдобавок ему только что пришлось смотреть, как из живого человеческого тела вырывают бьющееся еще сердце. Жрец, не сводивший глаз с кровавой добычи, ле-

жавшей в его руках, также не вызывал в нем симпатии.

Кормак посмотрел на человека в короне. Неужели Брин Мак МORN, король пиктов, верит, что этот дряхлый мясник может предсказать грядущие события по истекающему кровью людскому сердцу? Его очень занимал этот вопрос, но получить ответ было не просто — черные немигающие глаза короля оставались абсолютно непроницаемыми. Но за ними определенно таилась такая глубина, которую даже Кормак, не говоря уже о ком-то ином, постигнуть был не в силах.

— Хорошие знаки! — воскликнул жрец, обращаясь скорее к двум вождям, чем к Брину. — Я вижу по трепещущему сердцу этого римлянина, что его соплеменников ждет поражение, а сыновей вереска — победа!

Вожди что-то пробурчали, и в их глазах загорелись огоньки.

— Идите и подготовьте ваши кланы к битве, — приказал король. Они удалились, тяжело ступая и раскачиваясь на ходу, как это свойственно людям сильным, но небольшим ростом.

Брин, не обращая больше внимания на жреца, продолжавшего изучать кровавые останки на алтаре, кивнул Кормаку. Галл поспешил за ним. Выбравшись из мрачной рощи на открытое пространство и увидев над собой усеянное звездами небо, он облегченно вздохнул.

Они стояли на высоком холме, у их ног сплошным ковром расстилались темные вересковые поля. Невдалеке, казалось — рукой подать, мерцали в ночи огоньки костров.

Их было не слишком много, что, впрочем, еще ни о чем не говорило. Клань и отдельные отряды

воинов расположились на значительном удалении друг от друга, вглядевшись, можно было заметить огоньки поменьше — горевшие тут и там до самого горизонта. Самые дальние из них принадлежали кострам галлов — соплеменников Кормака, великоленных наездников и прекрасных бойцов. Галльские племена в последнее время начали приобретать все большее значение, оседая на западном побережье Каледонии и закладывая тем самым фундамент того, что позднее превратилось в королевство Дэльрайэди. Слева от лагеря галлов тоже мерцали слабые огни, столь же живописно разбросанные.

Горизонт на юге также светился огоньками, скорее даже искорками далеких костров.

— Костры легионов, — тихо сказал Брин. — Костры триумфаторов. Люди, которые их разожгли, железной рукой держат за горло все иные народы. Теперь и до нас дошел черед. Что ждет нас завтра?

— Если верить жрецу — победа, — ответил Кормак.

Брин нетерпеливо махнул рукой.

— Лунный свет в океане. Шум ветра в пихтовых кронах, — сказал он. — Не думаешь же ты, что я верю в эти бредни? И мне вовсе не доставляли удовольствия муки этого несчастного римлянина. Но надо же было чем-то поддержать боевой дух в моих людях. То, что ты видел, предназначалось Грону и Боцэху. Они сообщат воинам, что гадание было удачным.

— А Гонар?

Брин улыбнулся.

— Гонар слишком стар, чтобы верить хоть во что-либо. Уже за две сотни лет до моего рождения он был верховным жрецом Тьмы. По его сло-

вам, он прямой потомок того Гонара, который был жрецом еще при Бруле Пикинере — основателе моего рода. Никто не знает, сколько ему лет на самом деле. Иногда мне кажется, что он и есть тот самый, первый Гонар.

— Да, я кое-чему научился,— слышался насмешливый голос, и Кормак вздрогнул, когда рядом с ним выросла темная фигура старца.— Достаточно, во всяком случае, чтобы люди верили мне и доверяли. Мудрец должен уметь казаться глупцом, если хочет чего-либо добиться. Я знаю такие тайны, которые разрушили бы даже твой мозг, Брин, доверь я их тебе. А чтобы быть тем, чем я есть для простого народа, приходится опускаться до повседневной, привычной всем магии: танцевать, трясти трещотками из змеиной кожи, мазаться человеческой кровью и копать в куриных потрохах.

Кормак внимательно взгляделся в старца. С его лица исчез отпечаток безумия, теперь он совершенно не похож был на того шарлатана, который бормотал над алтарем заклания. Звездный свет как бы облагородил его, белая его борода стала почтенной бородой патриарха, он, казалось, даже стал выше ростом.

— Вот в ком ты, Брин, сомневаешься,— худая рука показала на четвертое кольцо огней.

— Да,— король упрямо кивнул головой.— И ты, Кормак, знаешь это так же хорошо, как и я. От них будет зависеть результат завтрашней битвы. С боевыми колесницами бриттов и твоей конницей в засаде мы были бы непобедимы. Но недаром говорят, что в сердце каждого викинга сидит злой дух. Ты помнишь, как мне удалось загнать эту стаю в ловушку. Они поклялись тогда, что будут драться с

римлянами. Теперь же, когда их вождь, Рогнар, погиб, они требуют вождя своей же расы. Иначе, дескать, плюнут на все клятвы и перейдут на сторону врага. Без них мы погибнем — первоначальный план сражения изменить уже невозможно.

— Мужайся, Брин,— сказал Гонар.— Дотронься до алмаза на своей железной короне и, быть может, он тебе поможет.

— Ты говоришь со мной сейчас так же, как с моими темными людьми. Я не настолько глуп, чтобы танцевать под эту дудку. При чем здесь алмаз? Ну да, он красив и уже не раз приносил мне удачу. Но сейчас мне нужна покорность этих вот трех сотен головорезов, а не камни, сколь бы драгоценны они ни были. Только эти проклятые викинги способны выдержать лобовой удар римских когорт.

— И все же, Брин,— настаивал Гонар,— помни об алмазе!

— Алмаз! — воскликнул Брин нетерпеливо.— Да, он древнее этого мира. Он был стар уже тогда, когда Атлантиду и Лемурию поглотила морская пучина. Его подарил Брулу, моему далекому предку, сам Кулл-атлант, король Валузии. Это случилось тогда, когда мир был молод... Но чем это может помочь нам сейчас?

— Кто знает...— сказал маг, явно на что-то намекая.— Времени и пространства нет. Нет прошлого и никогда не будет будущего. Есть только настоящее. Все, что когда-либо произошло, происходит или произойдет, заключено в понятии «сейчас». Я погружался в день вчерашний, бродил в завтрашнем — оба они так же реальны, как и день сегодняшний. Позволь мне уснуть и поговорить с тем Гонаром. Быть может, он отыщет возможность нам помочь.

— О чем это он? — спросил Кормак и еле заметно пожал плечами.

Верховый жрец растворился во тьме.

— Он постоянно твердит, что тот, самый первый Гонар, приходит к нему во сне и они говорят друг с другом, — ответил Брин. — Он действительно способен на многое. Мне приходилось видеть, как он проделывал нечто такое, что никому из людей сделать не под силу. Не знаю. Я всего лишь король, человек в ржавой короне, который пытается вытащить племя дикарей из болота, в котором оно увязло. Пойдем посмотрим лучше лагерь.

По дороге вниз Кормак размышлял над тем странным зигзагом судьбы, который повелел появиться среди пиктов такому человеку, как Брин Мак МORN, именно сейчас. Казалось, король живьем перенесся в настоящее из тех дремучих времен, когда такие, как он, владели всей Европой, еще до того, как империя пиктов пала под ударами галльских бронзовых мечей. Кормаку много рассказывали о том, как Брин из никому не известного сына вождя клана Волков стал королем всей Каледонии, объединив большинство пиктских кланов. Но власть его до сих пор оставалась чрезвычайно шаткой, и еще очень многое предстояло сделать для ее укрепления.

Предстоящая битва, первое открытое сражение объединенных пиктских кланов с римлянами, будет решающим для судьбы пиктского королевства.

Брин и его спутник подошли к кострам пиктов. Смуглые люди сидели или лежали рядом с ними, над огнем на вертелах жарилось мясо. Кормака приятно поразили порядок и покой, царившие в лагере: как-никак более тысячи воинов, а до его ушей долетали лишь негромкие звуки печального гортан-

ного напева. Казалось, великая Тишина Каменного Века все еще жила в душах этих людей. Все небольшого роста, многие какие-то сгорбленные. «Гигантские карлики», — подумал Кормак. Брин Мак МORN среди них мог считать себя великаном. Только старики носили редкие бороды, но у всех длинные черные волосы спускались до глаз, придавая еще больше мрачности их угрюмым взглядам. Их тела покрывали волчьи шкуры, ноги оставались босыми. Вооружены они были короткими, сильно изогнутыми стальными мечами, тяжелыми черными луками и стрелами с наконечниками из кремня, стали и меди, а также каменными топорами-молотами. Для защиты у них припасены были лишь примитивные деревянные щиты, обтянутые кожей, да многие вплели кусочки металла в волосы, чтобы хоть так предохранить голову от удара мечом. Некоторые из них, видимо, потомки древних родов, были, подобно Брину, сложены пропорционально, но и в их глазах тоже таилась первобытная жестокость.

«Сущие дикари, — думал Кормак, — хуже галлов, бриттов или германцев. Не ошибаются ли старые легенды, утверждающие, что это они владели миром тогда, когда таинственные города высились там, где сегодня плещется море? Неужели это именно им посчастливилось пережить потоп, уничтоживший могучие империи и снова отбросивший их к варварству, из которого они когда-то уже выкарабкались?»

Неподалеку от лагеря соплеменников короля расположились смелые воины варварских племен, населявших земли, лежащие южнее римской Стены. Ладно скроенные, с голубыми блестящими глазами и лохматыми рыжими шевелюрами, в одеждах из грубого полотна и плохо выделанных оленьих

шкур, они, как и пикты, не носили никаких доспехов. На левом плече у многих из них висели небольшие круглые деревянные щиты, обитые бронзой, у некоторых из-за правого плеча торчали луки, хотя бритты были, как правило, неважными лучниками.

Эти вот луки да бронзовые мечи с закругленными концами и служили им личным оружием. Луки, впрочем, были короче пиктских и били на меньшее расстояние. Рядом с лагерем стояло, однако, оружие, прославившее имя бриттов, оно наводило ужас на всех — и на пиктов, и на римлян, и на северных захватчиков. В мерцающем свете костров поблескивали бронзовой обивкой боевые колесницы. С обеих сторон каждой торчали, словно огромные косы, тяжелые кривые лезвия. Любое из них способно было одним могучим ударом рассечь пополам шестерых мужчин. Здесь же, недалеко, под надзором чуткой стражи паслись спутанные ездовые кони — большие длинноногие жеребцы, довольно-таки резвые и очень выносливые.

— Ах, если бы их было побольше, — вздохнул Брин. — С тысячько колесниц и моими лучниками я сбросил бы легионы в море!

— Свободные бриттские племена вынуждены будут в конце концов покориться Риму, — заметил Кормак. — Я думал, что все они помогут тебе в этой войне.

Брин махнул рукой.

— Кельтское непостоянство. Они никак не могут отрешиться от давних межплеменных и межклановых споров и раздоров. Старики говорят, что и тогда, когда римляне появились здесь впервые, бритты не сумели объединиться, чтобы дать отпор Цезарю. Эти, которые ты тут видишь, пришли ко мне лишь

после того, как из-за чего-то там повздорили со своим собственным вождем. Я не могу на них особенно рассчитывать...

Кормак кивнул головой.

— Понимаю. Цезарь завоевал Галлию только потому, что натравил одни наши племена на другие. В настроении моих людей тоже случаются приливы и отливы, как и в море, но из всех кельтов наиболее непостоянны кимбры. Несколько веков назад мои галльские предки отвоевали Эрин у кимбрских да-наанцев, хотя те значительно превышали их числом. Но их племена сражались с галлами поодиночке, а не как единый народ.

— Кимбрские бритты и сейчас точно так же ведут себя в борьбе с Римом, — сказал Брин. — Эти помогут нам завтра. Но что будет послезавтра, не знает никто. Да и чего мне ждать от чужих, если я не уверен даже в своих людях. Ведь тысячи пиктов скрываются сейчас в глубине страны. Выжидают, держатся в стороне. Я король только по титулу. О боги, дайте мне победу завтра, и все они толпами сбегутся под мои знамена. Но если я проиграю, они разлетятся, как воробьи под порывом ледяного ветра.

В галльском лагере вождей встретили нестройным хором приветствий. Галлов было около пяти сотен — все высокие и стройные, в основном черноволосые и кареглазые. Они держались так, как держатся обычно люди, живущие войной и для войны. Их не связывала излишне суровая дисциплина, но повсюду чувствовалась атмосфера хорошо организованного военного отряда.

Порядка у них было, несомненно, больше, чем у их кимбрских сородичей. Предки галлов в свое время совершенствовались в воинском искусстве

в скифских степях и при дворах египетских фараонов, где служили наемниками. Многие из своего опыта они перенесли в Ирландию. Искусные в металлургии, они сражались не тяжелыми, удобными в рукопашной схватке бронзовыми мечами, но высококачественным оружием из отличной стали. Одеждой им служили шерстяные короткие килты, ступни ног защищали крепкие кожаные сандалии. На каждом из них сверкала кольчуга — легкая, не сковывающая движений, на голове — шлем без забрала. Иных доспехов на галлах не было, ибо их ношение противоречило их понятиям о мужской чести. Подобно галлам и бриттам, сражавшимся когда-то с Цезарем, они презирали римлян за то, что те шли в бой в тяжелых панцирях. Спустя много веков ирландские кланы точно так же будут презирать закованных в железо нормандских рыцарей.

Воины Кормака привыкли воевать в конном строю. Они не знали и не особенно уважали искусство стрельбы из лука. Их щиты были тоже круглыми, обитыми металлом. Личное оружие состояло из кинжала, длинного прямого меча и легкого топора. Их кони, надежно спутанные, паслись поодаль возле костров. Ширококостные, они, быть может, и уступали в силе коням бриттов, но зато намного превосходили их в резвости.

Брин остался доволен осмотром лагеря:

— Да, эти люди — остроклювые птицы войны! Ты посмотри, как они точат свои топоры и перебрасываются шуточками о завтрашнем сражении. Хотел бы я, чтобы эти проклятые пираты в следующем лагере были так же дисциплинированы, как твои люди! Я тогда со спокойной душой вышел бы завтра навстречу легионам.

Они подошли к кострам викингов. Три сотни воинов сидели у огня, играли в кости, точили мечи и беспрерывно хлестали пиво, принесенное пиктскими союзниками, которые гнали его из вереска в огромных количествах.

Викинги посматривали на Брина и Кормака без особой симпатии. Разница между ними и пиктами или кельтами сразу бросалась в глаза. На их обветренных и просоленных лицах совсем по-иному, холодным светом горели глаза. Жестокость и неистовость, отражавшиеся в них, рождены были скорее мрачной решимостью и непоколебимым упорством в достижении поставленной цели, чем свойственной кельтам вспыльчивостью. Атака бриттов всегда была бурной и страшной, но им не хватало настойчивости и выносливости викингов. Бритты, добившись победы немедленно, быстро охладевали и отступали или начинали свару между собой. Иное — эти моряки, в них глубоко внутри коренилось то упрямство, которое вообще свойственно жителям ледяного Севера, и ничто в мире не могло помешать им выполнить то, на что они однажды решились.

Что до внешности, то они были гигантами, могучими, массивными, но вместе с тем стройными. Кельтских предрассудков относительно доспехов они не разделяли — все без исключения носили тяжелые панцири из прокаленной на огне кожи с нашитыми сверху железными пластинами. Панцири спускались им чуть ли не до колен, ноги прикрывали выполненные из того же материала поножи, на головах ладно сидели крепкие рогатые шлемы. Дополнительную защиту обеспечивали большие овальные щиты из твердого дерева, обтянутые кожей и обитые бронзой. Вооружены они

были длинными копьями со стальными наконечниками, тяжелыми стальными же топорами и кинжалами. У некоторых висели на поясе длинные мечи с широкими лезвиями.

Кормаку было не по себе под колючими взглядами магнетических глаз этих рыжеволосых великанов. Целые века враждовали они с его народом, и он помнил об этом даже теперь, когда им выпало сражаться на одной стороне. Но будут ли они сражаться?

Один из викингов, самый высокий и угрюмый, шагнул им навстречу. Дрожащий огонь костра бросал на его покрытое шрамами хищное лицо багровые отблески. В плаще из волчьих шкур, наброшенном на широкие плечи, в шлеме с огромными рогами, среди колыхающихся грозно теней, он казался призраком, возродившимся из мрака варварства, готового поглотить весь мир.

— Ну что, Вулфер? — спросил пиктский король. — Ты пил мед со своими людьми? Вы обсудили то, что следовало обсудить? Что же вы решили?

Глаза викинга сверкнули во тьме.

— Дай нам короля нашей же крови, и мы пойдем за ним в бой. Если ты хочешь, чтобы мы для тебя сражались, дай нам короля.

Брин вскинул руки к небу.

— Ты еще потребуй, чтобы я стащил звезды с неба и нацепил их на ваши шлемы! Это ведь твои люди, разве они не пойдут за тобой, если ты их возглавишь?

— Но не на римские легионы, — ответил Вулфер хмуро. — Нас сюда привел король, и лишь король может вести нас на римлян. А Рогнар мертв.

— Но я ведь тоже король, — молвил Брин. — Вы будете сражаться, если ваш отряд возглавлю я?

— Нам нужен король нашей же крови, — сказал Вулфер. — Мы лучшие из воинов Севера. Лишь за нашего короля мы можем драться и только наш король может вести нас на римские легионы.

Кормак почувствовал скрытую угрозу в словах, упорно повторяемых викингом.

— Вот король с острова Эрин, — сказал Брин. — Может ли он, пришедший с Запада, возглавить вас?

— Мы не позволим кельту командовать нами, откуда бы он ни пришел, с Запада или с Востока, — зарычал викинг, остальные одобрительно зашумели. — Хватит того, что нам придется драться на одной стороне.

Горячая кровь ударила в лицо Кормаку, он протиснулся вперед и стал рядом с Брином, положив руку на рукоять меча.

— Что ты хочешь сказать этим, пират?

Прежде чем Вулфер успел ответить, вмешался Брин:

— Хватит! Вы что, хотите проиграть сражение еще до того, как оно начнется? А как же ваша присяга?

— Мы присягали Рогнару, но теперь, когда он погиб от римской стрелы, мы свободны от присяги. Мы пойдем в бой с римскими легионерами лишь за нашим королем!

— А в бой с нами эти люди пойдут за тобой? — спросил вдруг Брин.

— Почему бы и нет, — викинг бросил наглый взгляд на пикта. — Дай нам короля нашей крови или мы завтра присоединимся к римлянам.

Брин выругался. Его охватила бешеная ярость, которая, казалось, вознесла его над викингами.

— Негодяи! Изменники! Вы же были в моих руках! Что ж, доставайте мечи, если осмелитесь! Кормак!

Оставь свой меч в покое! Эти волки не посмеют укусить короля! Вулфер, ты забыл, что я уже пощадил вас однажды. Вы свалились на наше побережье словно гром с ясного неба, дым пожарищ толстым ковром висел над Каледонией. Я загнал вас в ловушку, когда на руках ваших еще не остыла кровь моих людей, когда вы грабили и жгли пиктские деревни на вересковых полях. Это я уничтожил ваши ладьи, а вас, погнавшихся за мной, завел в засаду. Мои лучники, их было втрое больше, чем вас, уложили бы всех твоих людей, они прямо горели мстью, но я пощадил вас, и вы поклялись, что будете сражаться с моими врагами.

— Так что же, пикты схлестнулись с Римом, а нам подышать? — выкрикнул какой-то бородатый пират.

— Ваши жизни принадлежат мне, — ответил Брин. — Вы грабили нас и убивали, и я не собираюсь отпускать вас целыми и невредимыми на этот самый ваш Север. Вы поклялись, что сразитесь в одной-единственной битве с Римом под моими знаменами. Тем, кто после нее останется в живых, я помогу построить ладьи, и пусть тогда плывут куда захотят, с немалой долей военной добычи вдобавок. Рогнар держал слово, но он погиб в стычке с римской разведкой. И вот теперь ты, Вулфер, затеваешь бунт и пытаешься нарушить клятву, данную вами на мече.

— Мы никакой клятвы не нарушаем, — пробурчал викинг, и король понял, что сломить это тупое упрямство будет куда как не просто. — Дай нам короля, но не из бриттов, пиктов или галлов, и мы умрем за тебя. Но если ты нам его не дашь, завтра мы будем драться на стороне могущественнейшего из владык мира — римского цезаря!

Кормаку показалось на секунду, что король пиктов не сдержится и обнажит меч. Ярость, пылавшая в черных глазах Брины, заставила Вулфера отступить на шаг и положить руку на рукоять меча.

— Глупец! — процедил Мак Мортн сквозь зубы дрожащим от гнева голосом. — Я сотру вас в порошок еще до того, как римляне приблизятся настолько, чтобы услышать ваши предсмертные хрипы. Выбирайте: или вы завтра будете сражаться за меня или сегодня ляжете под черной тучей пиктских стрел и вас захлестнет волна боевых колесниц!

Услышав о боевых колесницах, единственном оружии, ломавшем знаменитую северную стену из сомкнутых щитов, Вулфер изменился в лице, но по-прежнему стоял на своем.

— Умрем, но не отступим, — сказал он упрямо. — Дай нам короля.

Викинги поддерживали его слова коротким гортанным рыком и стуком мечей по щитам. Глаза Брины пылали ненавистью, он хотел что-то сказать, но тут в освещенный пламенем костров круг бесшумно скользнула белая фигура старца.

— Слова, пустые слова... — промолвил Гонар невозмутимо. — Остановись, о король. Итак, Вулфер, если найдется король, достойный вас, ты и твои товарищи будете сражаться под пиктскими знаменами?

— Мы поклялись.

— Тогда успокойтесь, — сказал маг, — утром, еще до начала сражения вы увидите короля. Он не будет ни пиктом, ни галлом, ни бриттом. Сам римский цезарь в сравнении с ним не более, чем деревенский староста.

Все застыли в замешательстве, а Гонар взял под руки Кормака и Брины.

— Идем. А вы, викинги, помните о присяге и моем обещании, я никогда не нарушал данного мною слова. Теперь ложитесь спать и даже не пытайтесь тайком прокрасться в римский лагерь. Пиктские стрелы пощадят вас, быть может, но от моих заклятий вам не уйти. И, кстати, не мне вам рассказывать, как недоверчивы бывают римляне.

Трое мужчин молча шли по волнообразно колышавшемуся вереску, и тихий ветер нашептывал им на ухо какие-то свои жуткие секреты.

— Много веков назад,— произнес Гонар,— когда мир был еще молод, там, где сейчас бушует океан, лежал огромный материк. Обитавшие на нем народы объединены были в королевства, из которых величайшим была Валузия — Мир Очарования. Рим — деревня по сравнению с самым невзрачным из ее городов. Могущественнейшим из валузианских королей был Кулл, пришедший туда из Атлантиды и отобравший трон и корону у местной, клонившейся к упадку династии. Пикты в те далекие времена жили на островах и были союзниками Валузии. Знаменитейшим из них был Брул Пикинер, основатель рода Мак Морнов.

После страшной битвы в Стране Теней Кулл подарил Брулу алмаз, который ты, король носишь теперь на своей короне. Многие века этот камень переходил из рук в руки, став талисманом рода Мак Морнов, символом утраченного величия. Ибо, когда однажды море всколыхнулось и поглотило Валузию, Атлантиду и Лемурию, только пиктам удалось выжить, хотя спаслись немногие из них. Им предстояло заново идти долгим и трудным путем развития.

Они многое по дороге утратили, но приобрели также немало. Разучившись работать с металлом,

они достигли совершенства в обработке камня, особенно кремня.

Этот народ заселил новые земли, которые мы сейчас называем Европой, появившиеся из океанских пучин после потопа. Но тут с севера потянулись на юг новые племена и народы. Раньше они жили среди льдов у самого полюса, понятия не имели об утраченном величии Семи Империй и почти ничего не знали о потопе, изменившем лицо мира. Они шли друг за другом: арии, кельты, германцы, появляясь из некой колыбели рас на севере и спускаясь к югу. Так развитие пиктов снова оказалось заторможенным и их вновь отбросили к варварству.

И вот сейчас мы, их потомки, стоим на краю пропасти, припертые к Стене, и теперь уже речь идет о том, быть нам или не быть. Здесь, в Каледонии, последняя наша ставка, здесь все, что осталось от нашего некогда могучего народа. Правда, мы тоже сильно изменились...

— Все это так...— нетерпеливо бросил король.— Но какое это имеет отношение к...

— Кулл, король Валузии,— невозмутимо продолжал маг,— был когда-то таким же варваром, как ты сейчас. Он твердой рукой правил в своей огромной империи. Со дня его смерти прошло сто тысяч лет, давно уже умер Гонар, друг твоего предка Брула. Но не прошло и часа с тех пор, как я говорил с ним.

— Ты говорил с духом?

— Или он с моим? Это я уходил в прошлое на сто тысяч лет или, быть может, он приходил ко мне оттуда... Думаю, что это все же не я говорил с покойником, это он беседовал с человеком, еще не родившимся. Так или иначе, я говорил с Гонаром,

и мы оба были живыми. Мы встретились там, где понятия времени и пространства теряют смысл. Он многое мне рассказал.

Близился рассвет, и все вокруг начало постепенно набирать краски. По вересковым полям бежали вдаль волны — казалось, вереск кланялся восходящему солнцу.

— Алмаз в твоей короне способен притягивать к себе сквозь столетия, — сказал Гонар. — Поднимается солнце. И с ним появится кое-кто еще.

Кормак и король вздрогнули. Из-за холмов на востоке показался краешек багрового диска. В его огненном ореоле возникла вдруг словно из ничего фигура мужчины. Огромный ростом, он был подобен богам давно ушедшего прошлого. В пробуждающемся от сна лагере послышались изумленные возгласы, там тоже заметили незнакомца.

— Кто это? — с трудом выдавил король.

— Пойдем встретим его, Брин, — ответил спокойно маг. — Это король, которого послал Гонар, чтобы спасти народ Брула.

2

В лагере пиктов воцарилось молчание, когда Брин, Кормак и Гонар направились к неизвестному. Тот приближался к ним мерным быстрым шагом. Подойдя на расстояние нескольких шагов, они увидели, что это человек действительно высокого роста, хоть и не такой громадный, каким он показался им вначале. Кормак даже принял было его за викинга, но сразу уяснил свою ошибку.

Еще никогда до сих пор ему не приходилось видеть воина, подобного незнакомцу. Фигурой он и

правда напоминал викинга, но черты его лица были совершенно иными. Его ровно подстриженные волосы падали на шею львиной гривой и были столь же черными, как и волосы Брина. На гладко выбритом лице с энергично очерченным подбородком блестели серые, как сталь, и холодные, как лед, глаза. Высокий лоб свидетельствовал о могучем уме, квадратная челюсть и тонкая линия губ указывали на силу и отвагу, властность и величественность читались в каждом его движении.

На его ногах были тонкой работы сандалии, тело покрывала сплетенная из стальной проволоки кольчуга, спускавшаяся чуть ли не до колен, бедра охватывал широкий пояс с золотой пряжкой, на котором висел длинный прямой меч в крепких кожаных ножнах. Голову украшал золотой обруч.

Незнакомец остановился перед молча поджидавшей его группой людей, и по лицу его скользнула тень удивления, или, скорее даже, веселого недоумения. Когда его взгляд упал на Брина, он шагнул вперед и произнес:

— Приветствую тебя, Брул. Гонар не говорил мне, что ты появишься в моем сне!

Язык, на котором говорил незнакомец, был, несомненно, пиктским, но слова звучали очень странно и архаично, и Кормак понимал его с трудом.

Он скосил взгляд на Брина. Кормаку впервые довелось видеть короля пиктов несколько выбитым из колеи — тот ошарашенно смотрел на незнакомца, не в силах вымолвить ни единого слова. Чужак продолжал:

— К тому же с короной на голове и с алмазом, моим подарком, вставленным в нее. Ведь еще вчера ночью ты носил его в перстне на пальце.

— Вчера ночью? — выдохнул Брин.

— Вчера ночью или сто тысяч лет назад, это одно и то же,— пробормотал Гонар, явно наслаждаясь возникшей ситуацией.

— Но я не Брул,— ответил король.— Ты сумасшедший, если принимаешь меня за человека, который умер много сотен лет назад. Он был моим предком, основателем нашего рода.

Незнакомец вдруг рассмеялся.

— Ну что ж, теперь я точно знаю, что все это мне всего лишь снится! Будет что рассказать Брулу, когда проснусь утром. Надо же, встретить человека, который заявляет, что он его потомок, когда у Пикинера и семьи-то еще нет. Да, теперь я вижу, что ты не Брул,— он шире в плечах, хотя глаза, рост, осанка те же. Но у тебя его алмаз. Впрочем, не буду с тобой спорить, во сне что угодно может приключиться. Мне показалось вдруг, что я каким-то образом перенесся в некую иную страну. Открываю глаза — и в самом деле все вокруг незнакомо. Это самый странный из снов, когда-либо мне сновившихся. Так кто же вы такие?

— Я Брин Мак Морн, король каледонских пиктов. Этот старец — Гонар, мудрый маг из рода Гонаров. Этого воина зовут Кормак, он король острова Эрин.

Незнакомец тряхнул своей львиной гривой.

— Твои слова звучат непонятно. И Гонар совсем не похож на того Гонара, которого я знаю, хотя тот так же стар, как и этот. А что это за страна?

— Каледония, галлы зовут ее также Альбой.

— А что это за люди? Коренастые, словно обезьяны, таращатся на нас так, что глаза из орбит вылезают...

— Это и есть пикты, мои подданные.

— Как странно корежит людей в снах,— пробормотал король.— А эти, лохматые, что толпятся у колесниц, кто они?

— Бритты из племени кимбров, тех, что живут южнее Стены.

— Какой Стены?

— Стены, построенной Римом, чтобы преградить варварским племенам путь в Британию.

— Британию? — в его голосе прозвучало любопытство.— Никогда не слышал о такой стране. А что такое Рим?

— Как?! — воскликнул Брин.— Ты никогда не слышал о Риме, империи, властвующей над миром?

— Ни одна из империй не властвует над миром,— произнес надменно незнакомец.— Самым могущественным из королевств правлю я.

— Так кто же ты такой?

— Я Кулл, атлант по рождению, король Валузии.

Кормак почувствовал вдруг мурашки, побежавшие по спине. Холодные серые глаза незнакомца смотрели по-прежнему твердо, но то, что он сказал, было невероятно, невозможно и вызывало ужас.

— Валузии?! — воскликнул Брин.— О чем ты говоришь, ведь над остроконечными башнями Валузии уже многие века бушует океан!

Кулл, услышав эти слова, рассмеялся в лицо пиктскому королю.

— Суций кошмар! Правда, Гонар, когда усыплял меня в тайной комнате дворца, предупреждал, что приснятся разные странные вещи. Но я и подумать не мог, что увижу такое. Вдобавок, я ведь все время знаю, что это сон!

Гонар вмешался прежде, чем Брин успел что-либо ответить.

— Не спрашивай богов об их планах,— произнес тихо маг.— Ты король и стал им потому, что в свое время примечал и использовал самые разные благоприятные обстоятельства. Этого человека послали боги, чтобы он помог нам. Разреши, я поговорю с ним.

Брин кивнул головой. Теперь уже вся армия не сводила с них глаз, пытаясь понять, что там происходит. Те, что стояли вблизи, наострили уши, когда Гонар произнес:

— О Великий Король, ты видишь сон, но разве не сон вся жизнь человеческая? Уверен ли ты в том, что вся твоя жизнь до этого не была сном, ведь, быть может, ты проснулся только сейчас? У нас — тех, кто тебе снится, назовем это так, свои войны и своя жизнь. Как раз сейчас на нас надвигается с юга грозная армия, чтобы стереть с лица Земли народ Брула. Ты поможешь нам?

Кулл широко улыбнулся и с явным облегчением ответил:

— Охотно! Мне не раз уже доводилось сражаться во сне. Я убивал, меня убивали, и я всегда, проснувшись, удивлялся этому. Смотрите, я щиплю руку, она чувствует боль, но я ведь все равно сплю. Случалось и так, что во сне меня тяжело ранили, и я всегда чувствовал боль. Да, о люди, приснившиеся мне, я буду сражаться за вас в этой зачарованной стране. Где же противник?

— Ты насладишься упоением битвы больше, если забудешь, что это всего лишь сон,— добавил маг не без умысла.— Считай, что ты и в самом деле перенесся в далекое будущее благодаря алмазу, подаренному тобой Брулу. Он обладает волшебными свойствами и теперь, как видишь, сверкает в королевской короне. Ты появился здесь в тот момент, когда речь

идет о жизни и смерти для народа Брула, воюющего с более сильным врагом.

Мгновение человек, называвший себя королем Ватузии, казался застигнутым врасплох. В его глазах мелькнула тень сомнения, даже страха, быть может, но он тут же громко рассмеялся.

— Хорошо! Веди меня, маг!

Брин уже пришел в себя настолько, чтобы трезво оценивать ситуацию. Если даже в глубине души он сомневался в том, что все это нечто большее, чем некое хитрое мошенничество Гонара, он, тем не менее, предпочел принять все это за чистую монету.

— Скажи, король, ты видишь воинов, стоящих там, опершись на рукояти топоров?

— Этих вот высоких, бородатых и рыжеволосых?

— Да. Победим мы или костью здесь ляжем, зависит от того, будут они драться на нашей стороне или нет. Они клянутся, что уйдут к врагу, если мы не дадим им вождя, который поведет их в бой. Их король погиб, новый их вождь тоже должен быть королем. Таково их условие. Ты поведешь их?

Глаза Кулла загорелись одобрительно.

— Они похожи на Алых Убийц, моих гвардейцев. Я поведу их.

— Тогда идем.

Держась вместе тесной группой, они спустились с холма в толпу перешептывающихся в тревоге воинов.

Викинги стояли в стороне молча, плечом к плечу, изучающе глядя на Кулла. Тот ответил им таким же дерзким холодным взглядом, оценивая их выправку и вооружение.

— Вулфер! — сказал Брин. — Вот вам король! Теперь я требую, чтобы вы выполнили наш уговор.

— Пусть он сам говорит с нами! — сурово сказал викинг.

— Он не знает вашего языка, — возразил Брин, знавший, что викинги понятия не имеют о легендах его племени, — но он великий король...

— Который пришел к нам из прошлого, — спокойно вмешался маг. — Когда-то он был могущественнейшим из королей в подлунном мире.

— Мертвец! — викинги беспокойно зашевелились. Остальные воины придвинулись еще ближе, стараясь не упустить ни единого слова из разговора. Вулфер вскипел от гнева.

— Как призрак может командовать живыми людьми? Вы сами говорите, что этот человек давно умер! Мы не пойдем за трупом!

— Ты предатель и клятвопреступник, Вулфер, — произнес Брин, едва сдерживаясь. — Ты поставил нам условие, считая его невыполнимым. Ты рвешься в бой, но под римскими орлами. Мы нашли вам короля. И он не пикт, не галл и не бритт. Ты нарушишь данное тобой вчера слово?

— Будем драться! — заревел загнанный в тупик викинг и взмахнул над головой топором. — Если ваш мертвец победит меня, мои люди пойдут с вами. Если нет, вы отпустите нас к римлянам.

— Хорошо, пусть будет так, — сказал маг. — Вы согласны с этим, северные волки?

Одобрительный вой и лязг оружия послужили достаточно ясным ответом на вопрос. Брин повернулся к Куллу, который стоял молча, не понимая ни слова из разговора, но, несомненно, о многом догадываясь. Его холодные глаза заметно посветлели,

и Кормак подумал, что им, наверное, доводилось уже видеть немало подобных сцен.

— Этот воин говорит, что тебе придется сразиться с ним за право быть вождем, — сказал Брин. Кулл, глаза которого загорелись предчувствием кровавой схватки, кивнул головой:

— Я понял. Дайте нам место.

— Щит и шлем! — крикнул Брин стоявшим поодаль, но Кулл тряхнул головой в ответ.

— Ничего не надо! — крикнул он. — Раздвиньтесь только и дайте нам место, чтобы было где развернуться.

Воины потеснились, образовав кольцо вокруг противников, уже осторожно приближавшихся друг к другу. Кулл вытащил из ножен меч. Лезвие, блестящее в его руках, было выковано, несомненно, мастером своего дела. Вулфер, покрытый шрамами, оставшимися от подобных стычек и передраг, отбросил назад плащ из волчьих шкур и медленно направился к королю.

И вдруг, когда противников все еще разделяли несколько футов, Кулл прыгнул вперед. Его атака была настолько стремительной, что у зрителей перехватило дыхание, хотя они немало перевидали на своем веку и удивить их чем-либо было трудно. Подобно тигру, настигающему добычу, Кулл обрушился на врага и ударил его мечом, тот едва успел заслониться щитом. Посыпались искры, топор Вулфера метнулся навстречу, но Кулл уже стоял рядом с викингом и сталь лишь просвистела зловеще над его головой. Атлант ткнул мечом снизу и отскочил, словно дикий кот. Его движения были настолько быстрыми, что глаз не успевал их улавливать, но все заметили, что край щита Вулфера выщерблен, а в его панцире появился глубокий разрез.

Кормаку, дрожавший от волнения, пытался понять, каким образом меч атланта пронзил чешуйчатый панцирь викинга. От такого удара по щиту он должен был разлететься на куски, но на нем даже зазубрины не было. Да, подумал он, это лезвие выковано великими мастерами.

Противники снова устремились в атаку. Их клинки сшиблись, блеснув в воздухе подобно молниям. Щит свалился с плеча Вулфера, рассеченный пополам. Кулл пошатнулся, когда топор викинга со всего размаха пал на его голову, едва прикрытую золотой диадемой. Этот удар должен был разрубить золото как масло и расколоть череп атланта пополам, но топор отскочил, и на его острие появилась большая щербина. В то же мгновение на викинга посыпался град тяжелых ударов. Тот пытался парировать их топором, используя все свои силы и опыт, но всем было понятно, что это способно лишь на несколько минут отсрочить его гибель. Неумолимый меч по кускам срезал с него панцирь, со шлема викинга слетел один из рогов, секундой позднее отлетело в сторону лезвие его топора. Меч Кулла, разрубив рукоять топора, рассек шлем викинга и углубился в его череп. Вулфер упал на колени, и по его лицу потекла тонкая струйка крови. Кулл сдержал очередную свой удар, бросил меч Кормаку и подскочил к ошеломленному противнику. Его глаза горели жестокой радостью, он кричал что-то на своем языке. Зарывав по-волчьи, Вулфер собрал все свои силы и вскочил на ноги, в его руке сверкнул кинжал.

Два тела сшиблись, и наблюдавшие за поединком воины закричали так громко, что все вокруг содрогнулось. Рука Кулла проскочила мимо запястья викинга, но его кольчуга приняла удар на себя. Кинжал сломался, Вулфер отбросил бесполезную

рукоять и обхватил атланта руками, стиснув его медвежьей хваткой, несомненно, разможившей бы любого другого на его месте. Но Кулл лишь оскалил зубы в жуткой тигриной ухмылке и ответил тем же. Минуту они топтались на месте, затем викинг начал постепенно клониться назад. Затаившим дыхание зрителям показалось даже, что они слышат треск ломающегося позвоночника. Завизжав от нестерпимой боли, викинг взметнул руки к лицу врага, пытаясь выдавить ему глаза. Одновременно с этим он наклонил голову набок и вонзил свои волчьи зубы в руку атланта. Вокруг ахнули, когда из раны потекла кровь.

— Кровь! Течет кровь! Он не призрак, он смертный!

Разозленный Кулл отбросил викинга и правой рукой нанес ему сокрушительный удар по голове чуть пониже уха. Вулфер отлетел на двадцать футов и упал на спину. Дико взыв от ярости, он снова поднялся на ноги и метнул в Кулла прихваченный с земли камень. Лишь нечеловечески быстрая реакция спасла атланта, но острый край камня рассек ему щеку, разозлив его еще больше. Зарывав по-волчиному, он схватил противника, взметнул над головой и ударил оземь мертвое уже тело с переломанными костями.

Мгновение в долине господствовала тишина. Первыми взорвались галлы, им вторили бритты и пикты. Жуткий вой и грохот мечей, ударяющих по щитам, слышали, вероятно, даже марширующие далеко на юге легионеры.

— Люди Серого Севера! — крикнул Брин. — Теперь вы сдержите свою клятву?

Чего иного, столь же полно отвечающего их дикой натуре, могли желать викинги? Ответ без

слов читался в их глазах. Примитивные, суеверные, с молоком матери впитавшие легенды о воинственных богах и героях, они не имели теперь ни малейших сомнений в том, что черноволосый воин, победивший могучего Вулфера, послан им их суровыми богами.

— Да! Вождя, подобного ему, мы не видели! Кем бы он ни был — мертвецом, призраком или злым духом, — мы пойдем за ним куда угодно! Хотя в Рим, хоть в Валхаллу!

Кулл не понимал слов, но прекрасно понимал о чем речь. Поблагодарив Кормака, он взял у него свой меч, повернулся лицом к викингам и молча поднял его обеими руками вверх.

— Пойдем, — сказал Брин, дотрагиваясь до его плеча. — Римская армия уже на марше, а нам еще многое предстоит сделать. Времени едва хватит на то, чтобы расставить людей до появления врага. Давай-ка поднимемся на вершину того вот холма, — показал он рукой.

Сверху хорошо просматривалась вся долина. Длинной примерно в милю, она располагалась ровной полосой с севера на юг, переходя в узкое ущелье и расширяясь дальше в плоскую равнину.

— Враг пойдет туда, вверх по долине, — пояснил пикт. — У них тяжелые повозки с провиантом и припасами, местность вокруг холмистая, нигде в ином месте проехать они не смогут. Здесь мы и устроим засаду.

— Я думал, что твои люди давно уже укрылись и ждут, — удивился Кулл. — А как быть с разведчиками, враг наверняка их вышлет?

— Мои подданные — дикари и не способны долго сидеть в засаде, — в голосе Брина прозвучала нотка горечи. — Я не мог их расставить, пока не

закончил с викингami. Ставка в этой игре — судьба народа пиктов. Они называют меня своим королем, но это пока не более чем пустой звук. Среди холмов окрест прячется немало пиктских кланов, отказавшихся сражаться под моими знаменами. В той тысяче лучников, что я привел с собой, лишь чуть больше половины моих соплеменников. Римлян что-то около восемнадцати сотен. Это еще не вторжение, но грядущая битва будет решающей, и от нее будет зависеть успех планов расширения Империи. Они собираются поставить крепость немного дальше на севере. Если это им удастся, они заложат новые форты, набрасывая стальную петлю на горло свободному народу. Если же это сражение выиграю я, победа будет за нами. Колеблющиеся кланы присоединятся к нам, и в следующий раз мне будет чем встретить захватчика. Если я разобью эту армию, то уничтожу и все последующие, сколь бы сильны они ни были. Если я проиграю, пикты разбегутся и их сметут на крайний север. Оттуда отступать будет уже некуда, им придется драться, но сражаться с безжалостным врагом они будут уже не как единый народ, а разрозненными племенами и кланами. Ты понимаешь, что тогда ждет народ пиктов. Так вот, у меня здесь тысяча лучников, пять сотен всадников, пять десятков боевых колесниц с полутора сотнями воинов и теперь — благодаря тебе — три сотни тяжеловооруженных северных пиратов. Как бы ты распорядился этими силами?

— Ну что ж... — задумался Кулл. — Я завалил бы камнями северный выход из долины... Хотя нет, это слишком уж похоже на ловушку. Лучше поставить там отряд отчаянных, готовых на все головорезов вроде тех, что ты отдал под мою команду. Три сотни смогли бы удерживать ущелье какое-то вре-

мя, сражаясь с намного превосходящими силами противника. Пока неприятель будет увязать глубже и глубже в сече, лучники со склонов изрядно проредят его боевые порядки. И вот тут-то, имея конницу, укрытую за одним из горных хребтов, а колесницы — за вторым, противоположным ему, я атаковал бы с двух сторон одновременно и стер бы врага в порошок.

Глаза Бриана сияли.

— Именно таков, король Валузии, и мой план.

— А разведчики?

— Мои воины, как пантеры: они могут спрятаться чуть ли не на самой тропе, по которой пойдут римляне. Те, что войдут в долину, увидят лишь то, что мы захотим им показать. Те, которые перевалят хребет, назад уже не вернутся. Стрела тиха и быстра... Все будет зависеть от тех, кто станет в ущелье. Это должны быть воины, способные сражаться в пешем строю и удерживать напор тяжеловооруженных легионеров достаточно долго, чтобы капкан захлопнулся. Кроме викингов поставить там мне некого — мои полутолые пикты с короткими мечами не продержатся и нескольких минут. Кельты тоже вооружены слабовато, они привыкли воевать в конном строю, да и нужны мне в ином месте. Именно поэтому я так отчаянно цеплялся за викингов. И вот теперь, зная все это, станешь ли ты с ними в ущелье? Сможешь ли удерживать римлян до тех пор, пока не настанет наш час? Помни, большинство из вас погибнет.

Кулл лишь улыбнулся.

— Мне уже не раз приходилось рисковать жизнью. Хотя Ту, мой главный советник, сказал бы, что моя жизнь принадлежит Валузии и я не имею на это права...

Его голос дрогнул, уголки губ скривились.

— Клянусь Валкой! — воскликнул он, неуверенно рассмеявшись, — я чуть было не забыл, что это всего лишь сон! Все вокруг кажется таким реальным! Но ведь это сон, так что со мной станется, даже если я погибну? Проснусь и все, так уже не раз случалось. Так веди же меня, король Каледонии!

Кормак, направляясь к своим людям, лихорадочно пытался разобраться в том, что видел и слышал. Конечно, все это сплошная мистификация, но все-таки... Справа и слева от него слышались громкие голоса воинов, которые готовились занять отведенные им позиции. Этот черноволосый король — наверное, сам Нейд, кельтский бог войны. Или все же действительно некий древний король, перенесенный Гонаром из прошлого? Или легендарный воитель, прилетевший прямо из Валхаллы? Но тогда он не человек, а дух, призрак! Но ведь из его ран текла кровь! Правда, раны богов тоже кровоточат, хотя это для них не смертельно.

О том же спорили воины.

В конце концов, подумал Кормак, даже если это сплошной обман, он поддержит дух армии, эта цель вполне достижима. И в самом деле, вера в то, что Кулл ниспослан богами, настолько возбудила не только викингов, но и пиктов и кельтов, что все прямо-таки рвались в бой. Кормак снова и снова спрашивал себя — во что же он верит? Этот человек, несомненно, чужой в этих краях. В каждом его движении и взгляде скрывалось нечто, говорившее о том, что его родина лежит где-то невероятно далеко, и дело было не только в пространственном отдалении. Был некий знак Времени, тень туманных ущелий и пропастей ушедших веков, лежащих меж-

ду черноволосым гигантом и современниками Кормака. Разум галла был уже на краю бездны хаоса, но Кормак, удержавшись от последнего шага, рассмеялся при мысли о том, что он тоже участвует в этом фарсе.

3

Солнце уже клонилось к закату, тишина невидимой мглой висела над долиной. Кормак взглянул на хребты холмов по обеим сторонам ущелья. В колышущемся на ветру вереске, покрывавшем крутые склоны, притаились сотни пиктских воинов. Долина казалась бы лишенной малейших признаков жизни, если бы не было трех сотен викингов, стоявших в тесном строю в самом узком месте ущелья. Они полностью перекрывали проход стеной из сомкнутых щитов, образуя нечто вроде клина. На его острие, словно наконечник копья, стоял человек, называвший себя Куллом, королем Валузии. На нем не было шлема, лишь тонкой работы обруч или, скорее, диадема из какого-то твердого металла, напоминавшего по внешнему виду золото, прикрывала его волосы. Левой рукой он держал щит, принадлежавший прежде королю пиратов Рогнару. Его правая рука крепко сжимала тяжелую железную булаву. Викинги поглядывали на него с восхищением и надеждой. Они не знали его языка, он — их, не здесь приказывать было уже нечего. Повинуясь указаниям Брина, они заняли позицию, и теперь у них была одна, всем понятная задача: любой ценой удерживать ущелье.

Брин Мак Морн подошел к Куллу. Они посмотрели друг другу в глаза — тот, чье королевство еще

не народилось, и тот, страна которого исчезла во мраке прошлого. «Короли тьмы,— подумал Кормак,— безымянные короли ночи, властвующие над туманными безднами, неясными тенями...»

Король пиктов протянул руку.

— Ты больше чем король, ты настоящий мужчина. Если мы оба выживем, проси у меня что хочешь...

Кулл лишь усмехнулся, отвечая на рукопожатие.

— И у тебя, король теней, душа сродни моей. Похоже, что ты нечто большее, чем творение моего спящего мозга. Быть может, придет день, и мы встретимся наяву, в настоящей жизни.

Брин с сомнением покачал головой, вскочил в седло и тронул узду, направляя коня на восточный откос. Когда он исчез за гребнем, Кормак преодолел нерешительность и спросил:

— Скажи, странный человек, ты и в самом деле человек из мяса и костей, или ты дух?

— Во сне все кажется настоящим. Пока не проснешься,— ответил Кулл.— Но этот сон самый странный из всех, когда-либо мне сившихся. Даже ты, которому суждено исчезнуть бесследно, когда я проснусь, кажешься мне таким же реальным, как Брул или Конан, Ту или Келькор.

Кормак покачал головой точно так же, как до него Брин, поднял руку в знак прощания, повернул коня и пустил его рысью.

Он остановился на вершине западного холма. Далеко на юге висело в воздухе небольшое облачко пыли. Сквозь сизый туман угадывалась голова марширующей колонны. Ему показалось, что он слышит, как гудит земля под мерным топотом сотен закованных в сталь ног. Он спрыгнул с коня, и один из младших вождей, Домнаил, подхватил скакуна

под уздцы и повел вниз по склону, в заранее подготовленное укрытие, замаскированное густой растительностью. Лишь изредка мелькавшая среди листьев тень свидетельствовала о том, что в роще затаились пять сотен воинов, каждый из них держит сейчас руку на ноздрях своего скакуна на случай, если тому вздумается заржать. «Сами боги сотворили западню из этой долины», — думал Кормак. У нее было плоское, лишенное растительности дно, склоны покрывал густой вереск. Но к подножиям холмов нанесло за многие годы немало плодородной земли, регулярно смываемой со склонов дождями. Там-то и зеленели рощи, достаточно густо, чтобы укрыть не только его конников, но и полсотни боевых колесниц.

На северном конце долины, хорошо заметные издали, стояли викинги во главе с Куллоу. Их флаги прикрывали пиктские лучники, по пять десятков с каждой из сторон. На западной стороне, где скрывались галлы, вдоль хребта и под самым гребнем залегли в вереске около сотни пиктов, каждый со стрелой на тетиве лука. Остальные пикты укрылись на восточной стороне — над бриттами и их колесницами. Ни они, ни галлы с противоположной стороны не могли наблюдать за тем, что происходит в долине, поэтому для связи были заранее оговорены соответствующие сигналы.

Длинная колонна легионеров уже втягивалась в долину с юга. Легковооруженные всадники, разведчики, рассыпались веером, огибая пригорки. Подъехав на расстояние полета стрелы к молча стоявшим викингам, они остановились. Некоторые из них повернули коней и поскакали к колонне, остальные развернулись в цепь и направились вверх по западному склону — осмотреть местность. Это был кри-

тический момент. Если они что-то заметят, все пропало. Кормак, вжавшись как можно глубже в землю, в который раз подивился умению пиктов маскироваться. Он видел, как один из римлян проехал в трех футах от того места, где лежал пиктский лучник, но ничего не увидел.

Разведчики добрались до гребня и остановились, оглядываясь по сторонам. Большая их часть повернула коней и поскакала вниз по склону. Кормака удивляла небрежность, с которой велась разведка. Ему не приходилось раньше сталкиваться в бою с римлянами, и он ничего не знал об их дерзости и невероятной просто хитрости. Но эти люди, особенно офицеры, были слишком самоуверенны. С той поры, когда каледонцы в последний раз сражались с легионами, прошли многие годы. К тому же большинство легионеров лишь недавно были переведены в Британию из Египта, они недооценивали здешних жителей и ни о чем не догадывались.

Трое разведчиков взобрались по восточному склону и исчезли за гребнем. Еще один, остановившийся менее чем в сотне ярдов от места, где лежал Кормак, внимательно вглядывался в заросли поодаль. Тень подозрения появилась на его бледном лице с орлиным профилем. Он повернулся в седле, как бы собираясь окликнуть товарищей, но вместо этого дернул поводья и, наклоняясь вперед, поехал к роще. Сердце Кормака забило сильнее — легионер мог в любую секунду повернуть коня и поскакать назад, чтобы поднять тревогу.

Он с трудом сдержал желание выскочить из укрытия и напасть на римлянина. Тот, казалось, чувствовал напряжение, пронизывающее все вокруг, и сверлившие его взгляды сотен глаз. И тут звон тетивы невидимого лука прорвал тишину — римля-

нин сдавленно вскрикнул, взметнул обе руки вверх и свалился с коня, из его спины торчала длинная черная стрела. В тот же миг из вереска выскочил коренастый карлик, схватил жеребца под уздцы и повел вниз, в укрытие. К римлянину тем временем подскочил еще один невысокий сгорбленный воин, и Кормак увидел, как сверкнуло лезвие ножа, занесенное над его головой. Еще секунду спустя все вокруг успокоилось. Пикты и их жертва исчезли, и лишь колышущийся вереск намекал на то, что там что-то произошло.

Галл приподнялся и посмотрел в долину. От трех разведчиков, переваливших через восточный гребень, ни слуху ни духу. Было понятно, что они уже не вернутся. Остальные разведчики, видимо, сообщили о том, что лишь один-единственный отряд собирается удерживать ущелье, поскольку колонна даже не замедлила движения. Двенадцать сотен тяжеловооруженных воинов оказались теперь прямо под тем местом, где лежал Кормак, и земля тряслась в ритме их ровного неуклонного марша. В основном среднего роста, мускулистые, закаленные в десятках военных кампаний, прекрасно вооруженные, спаянные жесточайшей дисциплиной, они шли вперед, под их ногами и ногами таких, как они, дрожал весь мир и разваливались империи. Сияли вознесенные ввысь орлы, равномерно покачивались гребни на шлемах, ярко блестели доспехи... В их руках было типичное оружие римских легионеров: короткие острые мечи, копья и тяжелые щиты. Не все они были италиками, в их рядах шагали романизированные бритты, а одна из центурий — целая секция — была полностью укомплектована высокими светловолосыми норманнами и галлами, сражавшимися за Рим столь же беззаветно, как и родо-

тые его граждане, отличаясь большей даже, чем они, ненавистью к своим сородичам-варварам.

По сторонам колонны пехоты двигалась конница, фланги охраняли лучники и пращники. За ними медленно тащился на десятках тяжелых повозок армейский обоз. Уже издали бросалась в глаза фигура командующего римской армией, он в походе всегда занимал одно и то же место в строю. Галл много слышал о нем раньше и знал, что зовут его Марк Суллий.

Гортанный рев потряс воздух, когда колонна приблизилась к преградившим им дорогу пиратам. Судя по всему, римляне намеревались разделаться с ними с ходу, не перестраиваясь, ибо даже не снизили темпа марша. Воистину, если боги хотят кого-либо погубить, то лишают его разума. Кормак, правда, не знал этой пословицы, но, так или иначе, ему начало казаться, что великий Суллий всего лишь глупец. Римская спесь и нахальство во всей их красе! Марк привык иметь дело с запуганными, униженными племенами изнеженного Востока и понятия не имел о военной тактике народов Запада.

От колонны оторвался и поскакал прямо к ущелью отряд всадников. Это была не более чем попытка поугатать противника; конники, грозно завывая, повернули коней за добрых три длины древка копья до неподвижно стоявших викингов, засыпав их лавиной дротиков и копий, разбившейся на плотной стене из щитов. Викинги по-прежнему молчали. Один из всадников, однако, решил на большее. Поворачивая коня, он крутнулся в седле, наклонился и ткнул копьем прямо в лицо Куллу. Огромный щит короля парировал выпад, а его рука молниеносно нанесла удар. Тяжелая булава сокрушила шлем

и разможила голову легионера. Даже конь легкомысленного римлянина пал на колени: столь велика была сила удара. Только теперь из уст викингов вырвался короткий и дикий радостный вопль. Пикеты, стоявшие на флангах, поддерживали викингов пронзительным визгом и выпустили вслед всадникам тучу стрел. Люди Вереска пролили первую вражескую кровь! Приближавшаяся колонна тоже взревела и ускорила шаг; перепуганный конь первой жертвы сражения промчался мимо нее, волоча за собой труп, зацепившийся ногой за стремя.

Первая шеренга римлян с чудовищным лягом ударилась о неподвижную стену щитов. Ударилась и отлетела назад — стена не сдвинулась ни на дюйм. Римские легионы впервые встретились с построением, успешно противостоящим их лобовому удару, — далеким потомком спартанских, фиванских и македонских боевых порядков, которому суждено было позднее превратиться в знаменитый английский квадрат.

Щиты сталкивались с грохотом, короткие римские мечи искали щели в сплошной их плетине. Копья викингов, торчавшие над стеной щитов на равном расстоянии друг от друга, жалили врага и тут же возвращались назад, роняя ручейки крови с наконечников. Тяжелые боевые топоры обрушивались сверху, рассекая сталь, мясо и кости.

Кормак видел Кулла, скалой возвышавшегося среди коренастых римлян все так же во главе викингов. Каждый его удар был подобен удару молнии. Какой-то высокий центурион, прикрывавшийся высоко поднятым щитом, взмахнул мечом и бросился на него, но наткнулся на булаву, вдребезги расколотившую меч, расколовшую щит и вогнавшую шлем вместе с головой в плечи.

Следующая шеренга легионеров стальной змеей изогнулась у клина, пытаясь зайти с тыла. Но проход был слишком узок, а лучники опытные и меткие.

На таком расстоянии стрелы легко пробивали щиты и доспехи, навывлет прошивая тела солдат. Римляне отхлынули, истекая кровью, практически разбитые, а викинги, переступая через тела погибших товарищей, сомкнули ряды. Перед ними сплошным валом лежали трупы легионеров.

Кормак вскочил на ноги и взмахнул рукой. По этому сигналу Домнаил и остальные его люди вынырнули из укрытия и галопом поскакали по склону, рассыпаясь лавой вдоль хребта над ущельем. Кормак, нетерпеливо глядяваясь в противоположный склон, сел в седло подведенного ему коня. Где же Брин и его бритты?

Внизу легионеры, обозленные неожиданным отпором горстки защитников ущелья, перестроили боевой порядок. Повозки, остановившиеся было на какое-то время, тяжело покатались вперед, и колонна двинулась за ними, собираясь сломать хребет противнику всей своей массой. На этот раз атака не могла не быть успешной, удар всей армией в тысячу двести солдат раздавит людей Кулла, их просто напросто втопчут в землю. Галлы Кормака дрожали от нетерпения, дожидаясь сигнала.

И вдруг Марк Суллиус повернулся и посмотрел на запад, где уже вырисовывалась на фоне неба длинная линия всадников. Даже со столь значительного отдаления Кормак заметил, как побледнел вождь римлян — он наконец-то понял, какую ловушку ему тут приготовили. Наверняка в этот момент в голове его беспорядочно металось: западня, этого мне не простят — опала, так и так конец.

Он видел, что отступать поздно. Слишком поздно и перестраиваться, прячась за повозками. Было только одно правильное решение, и Марк — опытный, несомненно, солдат, пусть и допустивший непростительную ошибку — немедленно его принял. Его голос, словно сигнал тревоги, перекрыл шум битвы, долетев даже до Кормака. Галл не понял слов, но понял намерения. Марк приказывал легионерам прорубить дорогу к спасению из капкана, пока он не захлопнулся окончательно.

Теперь уже и легионеры осознали опасность положения, в котором оказались. Подгоняемые отчаянием, они рванулись вперед и с невероятным ожесточением обрушились на врага. Стена щитов пошатнулась, но устояла. Дико горящие глаза галлов и более спокойные италиков яростно впились в пылавшие над сомкнутыми щитами глаза викингов. Противники спшибались, рубили мечами, кололи копьями, резали кинжалами, убивали и погибали в гуще кровавой сечи. Топоры возносились и падали, копыта ломались на выщербленных мечах.

Где же, о боги, Брин и его колесницы? Еще несколько минут этой резни, и из защитников уцелеть никого в живых не останется. Они уже погибали один за другим, хотя снова и снова смыкали ряды. Эти северные пираты умирали стоя, каждый на своем месте, а развевавшаяся над их золотоволосыми головами львиная грива Кулла сияла словно знамя. Его багровая булава орошала все вокруг кровью, оставляя за собой трупы, в которых трудно было узнать что-либо человеческое.

В мозгу Кормака что-то щелкнуло, словно дверца открылась: «Ведь они там погибли все до одного, пока мы будем ждать сигнала Бринала», и он закричал:

— Вперед! За мной, галлы!

В уши ударил дикий вой. Отпустив поводья, Кормак направил коня вниз по склону, и пять сотен визжащих всадников, склонившись к лошадиным шеям, устремились за ним.

В тот же миг туча стрел пала на долину с двух сторон, а ужасный вопль атакующих пиктов вонзился в небеса. С восточного хребта, подобно молнии в летнюю грозу, летели боевые колесницы, с раздутых страшным усилием конских ноздрей брызгала пена, копыта скакунов, казалось, вообще не дотрагивались до земли. В колеснице, мчавшейся впереди всех, стоял, расставив ноги и вцепившись в поручень, Брин Мак Морн. Его черные обычно глаза посветлели и горели неуголимой жадной битвы. Полунагие бритты верещали и щелками кнутами, словно одержимые демонами. За колесницами неслись пикты. Они были по-волчьи и на бегу стреляли из луков, вереск волна за волной выбрасывал их отовсюду.

Столько успел заметить Кормак во время этой сумасшедшей скачки, бросая по сторонам быстрые взгляды. Между галлами и главными силами римлян цепью развернулась конница последних. Мчавшийся впереди своих людей вождь первым наткнулся на копыта римских всадников. Одно из них он и убил щитом и, высоко поднявшись в стремях, ударил мечом сверху, развалив противника чуть ли не пополам. Следующий легионер метнул копье и убил Домнаила, но в ту же секунду жеребец Кормака грудью налетел на коня врага, и тот повалился наземь, сбросив ездока под копыта. В следующий момент страшный вихрь гальской атаки смел с дороги римскую кавалерию, топча и разбрасывая по сторонам ее кровавые ошметки. И вот уже вереща-

щие демоны Кормака ударили по пехоте, смешав ее боевые порядки. Сверкнули мечи и топоры, и галлы врезались в тесные ряды легионеров. Римские копья и мечи вершили кровавый пир. Окруженные со всех сторон значительно превосходящим по числу противником, галлы гибли как мухи.

Но до того, как ситуация стала критической, ударили колесницы. Они подкатили почти одновременно, но чуть ли не в самый момент столкновения возницы повернули коней, и колесницы помчались параллельно римским шеренгам, скашивая людей, как пшеницу. На кривых лезвиях у бортов колесниц легионеры погибали сотнями, а бритты дополняли опустошение, бросаясь на римские копья и яростно работая двуручными мечами. Пикты прямо из колесниц пускали стрелы в лица римлянам, некоторые, отбросив луки, прыгали на легионеров, стараясь вцепиться в горло врагу. Опыленные запахом крови, они, подобно разъяренным тиграм, не обращали внимания на раны и умирали накануне победы, а их последний предсмертный выдох был похож на яростное рычание.

Битва продолжалась. Правда, римляне были дезорганизованы и разбиты, их боевые порядки разрушены, почти половина их пала, но те, что еще жили, бешено сопротивлялись. Окруженные со всех сторон, они в одиночку или сбиваясь в небольшие группы рубили и резали ненавистных варваров. Лучники, прашники, всадники, пехотинцы — все смешались в одну бесформенную массу. Запертые в ущелье легионеры по-прежнему наседали на викингов, преграждавших им дорогу, а за их плечами ревела главная сеча. С одной стороны буйствовали галлы Кормака, с другой неустанно косили людей колесницы. Отступать было некуда, ибо и ту доро-

гу, по которой римляне вошли в долину, перекрыли пикты. Они захватили повозки, вырезали марки-танток и теперь беспрерывно стреляли из луков в спины легионерам. Длинные черные стрелы с легкостью пробивали сталь, прошивая иногда несколько человек сразу. Смерть собирала кровавую дань не только среди римлян, пикты тоже десятками падали под ударами римских мечей и копий: галлы, придавленные мертвыми телами своих лошадей, превращались в кровавые клочья под ногами сражающихся; по колесницам струями текла кровь возниц.

Тем временем не стихала битва и в узком ущелье. «Великие боги! — думал Кормака, бросая косые взгляды по сторонам между ударами. — Неужели они еще держатся? Они держались! Едва десятая их часть стояла еще на ногах, ежесекундно умирал один из них, но остальные упорно отбивали бешеные атаки легионеров.

Над полем брани еще возносился неслабнувший грохот сражения, а стервятники уже начали слетаться отовсюду и кружили теперь высоко в небе, нетерпеливо дожидаясь своего часа.

Кормака, пытавшийся прорубиться сквозь толпу легионеров к Марку Суллиусу, видел, как под ним убили коня. Однако ездок тут же поднялся на ноги, окруженный со всех сторон врагами. Меч римлянина трижды сверкнул и трижды нанес смертоносный удар. Из гущи сражавшихся вынырнул Брин Мак Морн, с головы до ног забрызганный кровью. Подскочив к римлянину, он отбросил свой сломанный меч и выхватил из-за пояса кинжал. Марк ударил, но король пиктов ловко уклонился, схватил руку с мечом и ткнул кинжалом раз и второй, пронзая тело под блестящим панцирем.

Все заревели, увидев смерть вождя римлян. Кормак с трудом собрал оставшихся в живых галлов и, терзая бока скакуна шпорами, вихрем промчался сквозь разбитые боевые порядки сражавшихся еще легионеров, спеша к ущелью.

Еще издали он увидел, что опоздал. Все викинги, эти суровые морские волки, были мертвы. Они погибли там же, где дрались, даже после смерти оставаясь в строю — лицом к врагу, с поломанным окровавленным оружием в руках, все так же грозные в своем молчании. Между ними, перед и везде вокруг валялись трупы тех, кто пытался их сломить. Напрасно. Они не отдали врагу ни пяди той земли, на которой стояли. Они погибли, но смерть не пощадила и их противников. Те, которым удалось избежать пиратских топоров, пали под пиктскими стрелами и галльскими мечами.

Но нет, еще и здесь далеко не все было кончено, еще горел огонь сражения. Кормак увидел, что у западного края ущелья целая стая галлов в римских панцирях окружила одинокого воина. Черноволосый гигант, на голове которого сверкала золотом диадема, отчаянно защищался и нападал сам. Легионеры знали, что им не уйти от смерти, их товарищи погибали один за другим, но они решили, пока не наступил их черед, отомстить по крайней мере этому черноволосому предводителю северян.

Набросившись с трех сторон, они постепенно вынудили его отступить к стене ущелья и далее на склон. Весь путь отступления гиганта был усеян скрюченными трупами, каждый шаг давался легионерам с колоссальным трудом, даже просто удерживать равновесие на крутом склоне было чрезвычайно трудно.

Кулл уже лишился и щита и булавы, его огромный меч по рукоять был залит кровью, тонкой работы кольчуга висела клочьями. Из многочисленных ран, покрывавших его тело, текла кровь, но глаза радостно блестели, в них отражалось наслаждение битвой, уставшая рука вновь и вновь наносила неотразимые удары.

Кормак видел, что ему не успеть: там, уже на самой вершине холма, в могучего короля, силы которого, пусть сверхчеловеческие, были все же не беспредельны, нацелился целый лес копий и мечей. Кулл разрубил надвое череп рослого легионера, возвращая меч назад, направил лезвие в горло другого. Шатаясь под лавиной ударов, он послал меч в грудь следующему, и тот свалился к его ногам, захлебываясь кровью. И тут, когда уже дюжина мечей взметнулась над его головой, чтобы нанести последний, смертельный удар, произошло невероятное.

Солнце тонуло в волнах западного моря, окрашивая в алый цвет вересковые поля, как бы превращая их в моря крови. На фоне солнечного диска возвышался, как и тогда, когда появился впервые, Кулл.

Внезапно полотнище сгущающейся мглы взметнулось вверх, и за королем раскрылось некое огромное пространство. Потрясенный Кормак за эту долю секунды успел заметить иное небо, голубые горы, мирно поблескивающие озера, золотые, пурпурные и сапфировые башни, возносящиеся над стенами чудесного города. Этот пейзаж, отразившийся в облаках и заслонивший тянущиеся до самого моря, поросшие вереском холмы, дрогнул и исчез, растаяв в воздухе, словно мираж.

Галлы на вершине холма побросали оружие и теперь ошарашенно оглядывались по сторонам —

их страшный противник исчез, не оставив никаких следов, кроме трупов их товарищей.

Кормак повернул скакуна и медленно, словно во сне, поехал назад. Копыта его коня расплескивали лужи крови, тяжелые ее капли стучали по шлемам мертвецов. Над долиной гремел радостный клич победителей.

Все это казалось Кормаку чем-то чуждым, нереальным, невозможным. Среди изрубленных искалеченных тел, с трудом передвигая ноги, шел человек — галл с трудом узнал в нем Брина. Кормак соскочил с коня и преградил ему путь. Пиктский король был безоружен, окровавлен, на его панцире зияли дыры, один из вражеских ударов оставил глубокую щербину в его короне, но алый алмаз все так же звездой горел в ней.

— Я думаю, не убить ли мне тебя сейчас,— сказал галл, с трудом выговаривая слова, как обычно говорит человек, не совсем еще пришедший в себя.— Ибо кровь этих честных воинов на твоей совести. Если бы ты раньше дал сигнал к атаке, хоть кто-нибудь из них уцелел бы.

Брин скрестил на груди руки. Его глаза были усталыми и тусклыми.

— Убей, если хочешь. Я уже по горло сыт этой резней. И вообще, королевские заботы и хлопоты, как ты знаешь, далеко не мед. Королю приходится играть и обнаженными мечами, и человеческими жизнями... Ставкой здесь была судьба моего народа. Да, я пожертвовал викингами, и это вызывает во мне мучительную боль. Они были настоящими людьми! Но если бы я отдал приказ об атаке раньше, все могло бы решиться иначе. Еще не все римляне тогда втянулись в ловушку, еще хватало места и времени, чтобы перестроиться и дать нам отпор. Король

обязан думать о своем народе и не может позволить, чтобы его личные чувства или симпатии влияли на его решения. Поэтому я ждал до последнего, и поэтому погибли пираты... Да, мне бесконечно жаль их, но мой народ теперь спасен!

Кормак, совершенно опустошенный, опустил меч.

— Да. Ты настоящий король. Ты рожден, чтобы властвовать над людьми,— тихо сказал он.

Взгляд Брина скользил по долине. Отовсюду несло тяжелым запахом крови. Победители грабили побежденных. Те римляне, которые бросили оружие и сдались, пытались таким образом избежать смерти, стояли в стороне под охраной нескольких галлов.

— Мое королевство и мой народ спасены. Теперь пикты повалят ко мне толпами, и когда Рим снова двинет на нас легионы, ему преградит дорогу единый могучий народ. Но я бесконечно устал. А что с Куилом?

— Может, я что-то не так понял, мой разум и зрение слишком заняты были сечей,— ответил Кормак,— но мне показалось, что я видел, как он исчезает, растворяется в лучах заходящего солнца. Я поищу его тело.

— Не надо,— сказал Брин.— Он вышел из солнца на рассвете и ушел в него же на закате. Явился к нам издалека, пронизав вечный туман, и вернулся. Вернулся в свое королевство.

Кормак оглянулся. Уже смеркалось. За ним стоял неизвестно откуда взявшийся Гонар.

— В свое королевство,— словно эхо повторил маг.— Время ничто, и пространство — тоже ничто. Да, Кул вернулся в свое королевство и в свое время.

— Значит, он был призраком?

— А разве ты не жал ему руку? Не слышал его голос, не видел его кровь, не помнишь, как он смеялся, как ел, пил? Не видел, как он сражался с врагами?

Кормак стоял, не в силах сдвинуться с места.

— Значит, человек может перенестись из одного времени в другое в своем теле и со своим оружием... значит, он был смертен, как и тогда, когда жил в своем времени? Значит, Кулл погиб?

— Он умер сто тысяч лет назад,— ответил Гонар.— В своей эпохе. И римские мечи здесь ни при чем. Разве вам не приходилось слышать легенду о путешествии короля Валузии в чудесную страну, лежащую вне времени, где ему пришлось сражаться с могучим врагом? Это сражение закончилось только что... Только что или сто тысяч лет назад...

ТИГРЫ МОРЕЙ

-М

1

орские тигры! У них сердца волков и тела из закаленной стали! Пожиратели ворон, смысл существования которых в том, чтобы убивать либо быть убитыми! Этим великанам ласкает слух звон мечей, он для них звучит нежнее самых сладких любовных песен!

Усталые глаза короля Геринта затуманила печаль.

— Ну и что в этом нового? Вот уже многие годы такие же

люди то и дело нападают на моих подданных, точно обезумевшие от голода волки.

— А разве мы с тобой не читали в римских книгах, как Цезарь стравливал волков с волками? — отозвался менестрель Донал. — Если ты помнишь, именно благодаря этому римлянам удалось покорить наших предков. А ведь наши прадеды в свое время считались волками из волков.

— Зато их потомки напоминают скорее ручных овец, — со скорбью в голосе негромко произнес король. — За долгие годы мира с Римом наш народ забыл воинское искусство. А сейчас, когда Рим потерял бывшее величие и силу, мы боремся только за выживание и не способны даже на то, чтобы защищать своих женщин.

Донал поставил кубок и облокотился на массивный резной дубовый стол.

— Стравить волков с волками! — воскликнул он. — Ты сказал, — да я и сам это знаю, — что невозможно снять войска с границ, чтобы отправить их на поиски твоей сестры принцессы Елены. Этого нельзя было бы сделать, даже если бы ты точно знал, где ее разыскивать. Значит, тебе придется нанимать людей, а эти, про которых я только что тебе говорил, своей отвагой и дикой силой, пожалуй, превосходят напавших на нас англов настолько же, насколько англы превосходят наших мягкотелых крестьян.

— Однако пойдут ли они против своих соплеменников, да еще под предводительством бритта? — задумчиво произнес король. — И будут ли они хранить мне верность?

— Они со своими соплеменниками ненавидят друг друга не меньше, чем мы ненавидим и тех, и других, — отвечал менестрель. — Кроме того, ты

можешь пообещать им высокую награду за возвращение принцессы Елены.

— Расскажи-ка мне о них поподробнее, — решил король Геринт.

— Их вожак, Вулфер Головорез, такой же рыжебородый гигант, как и они все. Он по-своему умен, но викинги избрали его вожаком, конечно, из-за его непомерной отваги и ярости в бою. Своим любимым боевым топором он орудует играючи, хотя это тяжелое оружие на длинной рукояти, он с легкостью разрубает этим топором мечи, щиты, тяжелые шлемы и крепкие головы своих врагов. Когда Вулфер, с ног до головы забрызганный кровью, сверкая глазами и потрясая рыжей бородой, врывается в ряды неприятеля, мало находится смельчаков, способных встать на его пути.

Однако там, где надо шевелить мозгами, он во всем полагается на своего верного товарища. Этот его советник и правая рука умен и изворотлив, как змей. Нам он давно известен. Он не из викингов, это кельт по имени Кормак Мак Арт, его еще называют *Кливин*, или попросту Волк. Одно время он был вожаком ирландских пиратов, совершавших набеги на Британские острова и грабивших побережье Галлии и Испании. Время от времени они нападали даже на самих викингов. Однако гражданская война разметала его людей по свету, а сам он присоединился к Вулферу. Люди Вулфера — куты, датчане. Их земли лежат южнее норвежских.

Кормак Мак Арт одновременно и хитер, и безрассудно отважен, как все кельты. Он высокий и мускулистый, его можно уподобить тигру, тогда как Вулфер напоминает, скорее, дикого быка. Кормак рубится в основном мечом, и в искусстве поединка ему поистине нет равных. Викинги фехто-

вать не умеют, им что мечом, что молотом орудовать, все едино. Кельт же превосходно владеет мечом и с мечом в руках даст сто очков вперед любому из них. В нашем мире древнее искусство римских фехтовальщиков почти забыто, и Кормак — редкое исключение. Рассказывают, что в битве он хладнокровен и потому очень опасен, не зря его прозвали Волком. Но иногда в пылу смертельной схватки он забывает обо всем, охваченный неистовой яростью, и тогда он становится страшнее самого Вулфера, и нет такого врага, который смог бы выстоять против бешеного кельта.

Король Геринт легким кивком дал понять, что внимательно выслушал своего менестреля. — Ты смог бы быстро отыскать их для меня?

— Ваше Величество, это можно сделать хоть сейчас. Они сейчас ремонтируют свой драккар в небольшом заливе на западном побережье. Места там довольно безлюдные, и викингов это вполне устраивает — они хотят как следует подготовиться к выступлению против англвов. У Вулфера только один корабль, но он стоит многих — он быстроходен и увертлив, а его люди дерутся столь отчаянно и дружно, что англы, юты и саксы боятся Вулфера больше, чем кого бы то ни было другого. Вулфер любит сражаться, а если к тому же награда будет достаточно высокой, он сделает для вас все, что будет в его силах.

— Обещай ему все, что он захочет, — негромко произнес Геринт. — Похитили не просто принцессу, похитили мою любимую маленькую сестренку.

Тонкие черты его красивого лица одновременно выразили нежность и боль.

— Положитесь на меня, Ваше Величество, я все сделаю как надо, — ответил Донал, наполняя свой

кубок. — Я знаю, где найти викингов, и смогу договориться с ними. Но вам, Ваше Величество, придется самому — именно самому — дать Кормаку ваше королевское слово в том, что вы исполните любое его требование. Эти западные кельты гораздо более недоверчивы, чем сами викинги.

Геринт кивнул. Он хорошо знал своего менестреля. Донал был малый себе на уме, он мог часами болтать о всяких пустяках, но когда дело касалось серьезных вещей, он умел держать язык за зубами. Кто-то проклинал его изворотливость, кто-то восхищался ею, а мастерство, с которым он владел арфой, открывало ему даже те двери, которые не уступили бы топору. Донал выходил невредимым из таких переделок, в которых многие отважные воины попросту погибали. Он был дружен со многими морскими вождями, о которых среди британцев ходили легенды одна другой мрачнее, однако у Геринта не возникало ни тени сомнения в своем менестреле. Король доверял ему во всем.

2

Датчанин Вулфер погладил свою рыжую бороду и задумался. Это был настоящий великан; под чешуйчатыми железными латами угадывались горы мышц. В своем рогатом шлеме Вулфер казался еще выше. Огромная рука сжимала древко большого боевого топора, и Вулфер являл собой почти точную копию древнего варвара. Однако несмотря на свой грозный вид предводитель викингов был явно растерян и сбит с толку. Так ничего и не придумав, он повернулся и задал какой-то вопрос сидевшему рядом с ним воину.

Высокий и мускулистый, этот воин был все же не так по-бычьему огромен, как Вулфер, однако в каждом его движении была видна прямо-таки тигриная легкость и гибкость, которые отличали его от вожака викингов. Был он смугл, гладко выбрит, из-под шлема, украшенного султаном из конского волоса, виднелась ровно подстриженная черная грива. На нем не было золотых украшений, столь любимых викингами, а одет он был в легкую кольчугу.

— Ну, Кормак,— обратился к нему вождь,— что ты об этом думаешь?

Кормак Мак Арт промолчал. Его холодные серые глаза, не отрываясь, вглядывались в глаза менестреля Донала. Донал был худощав и невысок ростом, голубоглазый, с непокорными светлыми волосами. По его причудливой одежде можно было сразу определить придворного шута. Он не взял с собой ни арфы, ни меча и сейчас напряженно всматривался в суровое, испещренное шрамами лицо кельта.

— Я доверяю тебе не больше, чем любому другому,— прервал, наконец, молчание Кормак,— и одного твоего честного слова мне недостаточно. Почему я знаю, может, все это простая уловка, чтобы отправить нас на поиски чего-то, чего и на свете-то нет, а может и того хуже — прямо в лапы к врагам? Кроме того, у нас есть небольшое дельце на восточном побережье Британии...

— То, о чем я вам говорю, принесет вам куда больше, чем любая пиратская вылазка,— перебил его менестрель.— Если вы пойдете со мной, я отведу вас к человеку, чье слово весит больше моего. Но к нему мы пойдем только втроем: я, ты и Вулфер.

— Ловушка! — рявкнул рыжебородый ют.— Ну, Донал, такого я от тебя...

Кормак медленно покачал головой, продолжая смотреть прямо в глаза менестреля.

— Нет, Вулфер, если бы это была ловушка, Донал тоже оказался бы обманутым, а в это я не могу поверить.

— Если ты действительно так считаешь,— сказал Донал,— то почему не можешь поверить моему честному слову во всем остальном?

— Это совсем другое дело,— спокойно ответил пират.— Пока что только мы с Вулфером рискуем нашими шкурами, а вот потом, если мы тебе поверим, рисковать придется всей команде. Поэтому я просто обязан все сам проверить. Я не думаю, что ты лжешь, но ведь и тебя могли обмануть.

— Тогда пошли скорее. Я отведу вас к тому, кто сможет рассеять все ваши сомнения.

Кормак поднялся с большого камня, на котором сидел, и поправил шлем. Вулфер проворчал что-то себе под нос, недоверчиво качая головой, и отдал приказ викингам, сидевшим неподалеку вокруг небольшого костра. Одни из них жарили над костром оленину, другие играли в кости, остальные осматривали вытащенную на берег ладью. Вокруг шумел густой лес, сплошной стеной окружавший поляну на берегу залива. Эта поляна, казалось, самой природой была предназначена для пиратской стоянки.

— Корабль уже почти готов,— пробурчал Вулфер, глядя на драккар.— Завтра утром мы могли бы уже выйти в море и заняться нашими делами...

— Не ворчи, Вулфер,— успокаивающе отозвался кельт.— Если тому человеку, о котором говорит Донал, не удастся нас убедить, мы вернемся и завтра уплывем отсюда, чтобы заняться нашими делами.

— Если только вернемся.

— Ты слишком подозрителен. Донал с самого начала знал, что мы расположились здесь на ремонт. Если бы он хотел нас выдать, он давно мог привести сюда королевскую конницу или британских лучников. Я думаю, что Донал, как и прежде, ведет честную игру. Пока что я не склонен доверять тому, кто стоит за ним.

Они уже покинули поляну и теперь шли густым лесом. Склон становился все круче, а лес редел. Вскоре они вышли к высоким скалам, возле которых лишь кое-где росли небольшие группы деревьев, да местами высились огромные старые дубы. Скалы громоздились так причудливо, что казалось, будто этими огромными камнями когда-то играли титаны. Местность выглядела совсем дикой и суровой. Путники обогнули одну из скал и увидели под кряжистым дубом высокого человека, закутанного в пурпурный плащ. Рядом никого больше не было, и Донал быстрыми шагами направился к незнакомцу, знаком пригласив своих спутников следовать за собой. Лицо Кормака оставалось непроницаемым, а Вулфер что-то проворчал в бороду и, перехватив поудобнее свой верный боевой топор, огляделся по сторонам, готовый в любой миг дать отпор любому противнику. Все трое остановились рядом с незнакомцем, и Донал снял украшенную перьями шляпу. Незнакомец откинул от лица плащ, и у невозмутимого кельта вырвалось изумленное восклицание:

— Боги! Да это же сам король Геринт!

Однако ни он сам, ни Вулфер не спешили пасть на колени либо обнажить головы. Эти дикие морские разбойники не признавали над собой ни королевской, ни чьей-либо другой власти. Сейчас в их поведении не было ни излишней дерзости, ни подострастия. Вулфер во все глаза глядел на челове-

ка, чья государственная мудрость и бесспорная доблесть завоевали добрую славу. Викинги с уважением относились к этому монарху, которому удавалось годами сдерживать напор саксов, стремившихся к Западному морю.

Перед ютом стоял высокий стройный сероглазый человек с тонкими аристократическими чертами лица. Кроме черных волос, ничто не указывало на примесь римской крови в его жилах, однако весь его облик наводил на мысль о древней, насчитывавшей много веков цивилизации, поверженной в прах нахлынувшими варварами. Он как бы олицетворял собою то, что осталось от могущественной некогда Римской империи, захлебнувшейся в крови, в которой топили ее орды завоевателей. Кормака, как и все кельты, не питавший теплых чувств к своим уэльским сородичам, невольно проникся сочувствием к доблестному королю, и даже Вулфер, встретив пронизательный взгляд короля бриттов, испытал что-то вроде благоговения. Подданных короля Геринта со всех сторон припирали к стенке, заставляя думать только о спасении собственной жизни, однако этот народ не собирался складывать оружие и отчаянно дрался с врагами, спасая остатки своей древней культуры. Временами эта отчаянная борьба казалась безнадежной. Боги Рима пали под ножами готов и вандалов, варвары хозяйничали во дворцах цезарей, о которых уже мало кто помнил. И лишь эти кельты, сплоченные Геринтом на отдаленном острове, хранили верность традициям древней Империи.

— Вот те воины, о которых я говорил вам, Ваше Величество,— почтительно произнес Донал. Геринт кивнул и поблагодарил его, сохраняя истинно королевское достоинство.

— Они хотят из ваших уст услышать подтверждение тому, что я им уже рассказал,— с той же почтительностью сказал менестрель.

— Друзья мои,— негромко заговорил король, я пришел сюда, чтобы просить вас о помощи. Мою сестру принцессу Елену, которой нет еще и двадцати весен, похитили. Я не знаю, как это случилось, и кто это сделал. Однажды утром она направилась на верховую прогулку в лес в сопровождении своей горничной и паж, и с тех пор ее никто больше не видел. Это случилось тогда, когда на наших границах царил абсолютное спокойствие, что вообще бывает крайне редко. Когда мы бросились искать принцессу, то нашли только изуродованное до неузнаваемости тело паж в маленьком болотце в лесной глуши. Поодаль в лесу мирно паслись их оседланные лошади, однако принцесса Елена и ее горничная бесследно исчезли. Мы перевернули вверх дном все королевство от границ до морского берега, но никаких следов так и не нашли. Нашли люди, посланные с тайной миссией к англам и саксам, тоже вернулись ни с чем, и наконец мы решили, что принцессу похитила одна из пиратских шаяк, случайно высадившаяся на нашем побережье. Они, видимо, не задерживались на берегу и вскоре опять ушли в море.

Что касается поисков на море, то здесь мы совершенно беспомощны. У нас нет кораблей — остатки британского флота погибли в сражении с саксами за Корнуол. Но даже если бы у нас и сохранился флот, нам некого было бы снарядить в дорогу, хотя речь идет о жизни принцессы Елены. Сейчас нам дорог каждый человек: с востока нам угрожают англы, на юге — воронье Цедрика. Мое отчаяние заставило меня обратиться за помощью к

вам. Вы уже поняли, что я не могу даже приблизительно сказать, где искать мою сестру. Я не могу сказать, как вызволить ее, если вы ее найдете. Я могу только просить вас: ради Бога, найдите принцессу, спасите ее и привезите ко мне, а я уплачу любую цену, которую вы за это назначите.

Вулфер выразительно взглянул на Кормака. Этот взгляд означал, что предложение короля следует обдумать, и кое-кто должен этим немедленно заняться.

— Прежде чем мы отправимся на поиски, нужно бы условиться о цене.

— Так вы согласны?! — воскликнул король, и его лицо осветилось надеждой.

— Не торопитесь,— остудил его пыл Кормака.— Сперва давайте договоримся об условиях. Вы просите нас о нелегком деле; мы должны найти девушку, о которой известно лишь то, что она кем-то похищена. Что, если мы избороздим все океаны и вернемся с пустыми руками?

— Я заплачу вашу цену в любом случае,— порывисто сказал Геринт.— Золота у меня достаточно. Если бы только я мог обменять его на воинов! Однако меня предостерегает пример Вортигерна.

— Если наши поиски окажутся успешными, и мы привезем принцессу живой или мертвой, вы заплатите нам сотню фунтов чистым золотом и еще добавите по десять фунтов за каждого из тех, кто погибнет в этом деле. Если мы не сможем найти принцессу, вы все же заплатите нам по десять фунтов за каждого убитого, но сверх этого мы ничего не потребуем. Мы не саксы, чтобы трястись над каждой монеткой. Кроме того, вы должны нам позволить отремонтировать корабль в одном из ваших заливов, доставить нам все, что потребуется для

ремонта, и пополнить наши припасы. Согласны ли вы, Ваше Величество, на такие условия?

— Согласен, и вот вам моя рука! — король протянул руку, и Кормак почувствовал нервное пожатие длинных аристократических пальцев Геринта.

— Когда вы выйдете в море?

— Как только вернемся к нашему драккару.

— Я отправлюсь с вами, — неожиданно сказал Донал, — и еще один человек очень хотел бы участвовать в поисках принцессы.

Он коротко свистнул и чуть было не лишился головы: пронзительный свист очень уж напоминал сигнал к атаке, и пираты схватились за оружие. Однако Кормак и Вулфер тут же успокоились, когда увидели, что из лесу вышел один-единственный человек.

— Это Марк, сын благородного бритта, — представил юношу Донал, — нареченный жених принцессы Елены. Если вы не возражаете, он тоже присоединится к нам.

Юноша был высок и отлично сложен, на нем красовались доспехи и шлем легионера, на поясе висел длинный тяжелый меч. Черные волосы и оливково-смуглая кожа красноречиво свидетельствовали, что в жилах их обладателя течет горячая южная кровь, и что его род едва ли не древнее королевского. Взгляд больших серых глаз был печален, на юном лице легко читалось беспокойство и волнение.

— Я умоляю вас позволить мне отправиться с вами, — Марк обращался к Вулферу. — Боевое искусство мне знакомо, а сидеть дома, не зная ничего о судьбе моей возлюбленной невесты, и ждать вестей от вас для меня было бы хуже смерти.

— Что ж, — пророкотал Вулфер, — отправляйся с нами, если хочешь. Похоже, что в этом походе твой меч не будет лишним. Король Геринт, неужели у вас нет никаких догадок о том, кто похитил вашу сестру?

— Никаких. В лесу мы нашли единственный маленький след возможных похитителей. Вот это.

Король достал что-то из складок одежды и протянул вожаку викингов. Вулфер внимательно взгляделся в маленький отполированный наконечник стрелы, казавшийся совсем крохотным на его огромной ладони, затем передал наконечник Кормаку. Кормак поднес его к глазам. Лицо кельта осталось непроницаемым, лишь глаза на мгновение вспыхнули. То, что он сказал, прозвучало для всех неожиданно:

— Пожалуй, с сегодняшнего дня я отпускаю бороду.

3

Свежий морской ветер раздувал паруса драккара, а ритмичный плеск множества весел служил аккомпанементом старой матросской песне, которую дружно пели гребцы. Кормак Мак Арт стоял на корме, полностью облаченный в доспехи, и султан из конского волоса, украшавший его шлем, развевался на ветру. Рядом с ним, опираясь на топор, стоял Вулфер и время от времени подавал громкие команды рулевому.

— Кормак, — неожиданно спросил викинг, — а кто сейчас правит Британией.

— А как ты думаешь, кто правит Аидом, когда Плутону приходится отлучиться? — ответил кельт вопросом на вопрос.

— Я же не прошу тебя пересказывать мне римские мифы, которые ты знаешь,— обиделся Вулфер.

— Рим хозяйничал в Британии, как Плутон в Аиде,— уже серьезно ответил Кормак.— Теперь, когда Рим пал, британские вожди и короли готовы глотки друг другу перегрызть за корону. Восемьдесят лет назад, когда Аларик со своими готами разграбил столицу Империи, легионы были выведены из Британии. Британии нужен был король, и тогда Вортигерн провозгласил себя королем. Он сам впустил в свой дом волков — нанял ютов Хенгиста и Хорса с их дружинами, чтобы обороняться от пиктов, ты это и сам знаешь. Следом за ютами пришли англ и саксы и потопили остров в крови. Вортигерн был свергнут. Теперь Британия разделена на три кельтских королевства. Пираты держат в страхе восточное побережье и медленно, но верно продвигаются к западу. Южным королевством Дамнонией и прилегающими к ней землями Сейр Одан управляет Ютер Пендрагон. В срединном королевстве от границы с Дамнонией до Камбрианских гор властвует Геринт. К северу от его владений лежит страна, которую бритты называют Стратклайдом,— в ней правит король Карт. Жители Стратклайда — самые дикие из всех бриттов, ибо римлянам так и не удалось завоевать их племена. То же самое можно сказать и о западных областях Дамнонии, и о западных горах во владениях Геринта, да и многие варварские племена не испытали римского владычества и сейчас не подчиняются ни одному из трех королей. На острове вольготно чувствуют себя грабители и бандиты, а между тремя королями тянутся бесконечные дразги благодаря воинственному характеру Ютера и свирепому нраву Карта.

Если бы не Геринт, безумный Ютер и необузданный Карт давно бы уже вцепились друг другу в глотки.

Сообща они действуют очень редко, и хватает их ненадолго. А кроме того, на острове гнездятся еще юты, англ и саксы, которые постоянно на ножах друг с другом и с кельтами, а и те, и другие, и третьи все время подтягивают подкрепления с континента, и их сородичи приплывают на остров в своих длинных низких кораблях.

— Вот об этом я знаю,— заявил ют.— Я и сам немало этих кораблей отправил прямиком в Мидгард. Наступит день, когда вся Британия станет нашей.

— Да, эта земля стоит той крови, которая за нее льется,— согласился кельт.— А что ты думаешь о тех двоих, что плывут сейчас с нами?

— С Доналом мы давно знакомы. Когда он касается струн своей арфы, у меня в груди сжимается сердце, и я будто снова становлюсь безусым юнцом. А если надо, то он возьмет в руки меч, мы знаем, что он неплохо владеет оружием. Ну а римлянин,— так Вулфер назвал Марка,— что ж, он похож на опытного воина, хотя и очень молод.

— Его предки три сотни лет командовали легионами в Британии, а еще раньше сражались под орлами Цезаря в Галлии и Италии. Только благодаря хорошо усвоенной римской стратегии британским рыцарям до сих пор удается сдерживать саксов. Однако Вулфер, что же ты ничего не скажешь мне о моей бороде? — Кельт провел ладонью по жесткой щетине на подбородке.

— Никогда я не видел тебя таким заросшим,— пророкотал ют.— Разве что бывали такие многодневные сражения, когда у тебя просто не было времени вовремя поскоблить щеки.

— Еще несколько дней, и мои шрамы окончательно спрячутся,— усмехнулся Кормак.— Тебе ничего не припомнилось, когда я приказал взять курс на дальриадийскую Ару?

— А что мне должно было припомниться? Я решил, что ты просто собираешься порасспрашивать о пропавшей принцессе тамошних диких скоттов.

— С чего же ты решил, будто я думаю, что они могут что-то знать?

Вулфер пожал плечами:

— Ты всегда знаешь, что делаешь, я это давно понял.

Кормак достал из сумки кремниевый наконечник стрелы.— Только у одного из племен на этих островах могут быть такие стрелы,— сказал он.— Это каледонские пикты, которые владели здешними землями задолго до кельтов. Они пользовались такими кремневыми наконечниками в каменном веке и сражаются ими сейчас. Я своими глазами видел такие стрелы, когда служил в дружине короля Дальриадии Гола. Вскоре после того, как из Британии были выведены легионы, пикты, точно голодные волки, набросились на южное побережье. Однако юты, англы и саксы отбросили их назад, на окраину обитаемых земель, и с тех пор прошло столько времени, что король Гарт и его подданные, которые граничат с пиктами, просто забыли об их существовании.

— Значит, ты думаешь, что это пикты похитили принцессу? Но как...

— Вот об этом нам и предстоит узнать, и именно поэтому мы направляемся в Ару. Скотты с пиктами вот уже добрую сотню лет живут бок о бок. Почти все это время они враждовали друг с дру-

гом, однако сейчас между ними заключено перемирие, и скотты должны знать, что творится в Империи Мрака. Так иногда называют королевство пиктов, а оно и в самом деле темное, мрачное и жутковатое. Понять эту древнюю расу нам, пожалуй, не под силу.

— Так нам надо поймать какого-нибудь скотта и поговорить с ним по душам!

Кормак покачал головой:

— Нет, ни в коем случае. Я сойду на берег и потолкаюсь среди них. Не забывай, что они мои соплеменники.

— Эти твои соплеменники повесят тебя на первом же попавшемся суку, если только узнают,— проворчал Вулфер.— Любить тебя им не за что. Ты, правда, в ранней юности верой и правдой служил королю Голу, но с тех пор ты уже столько раз совершал набеги на побережье Дальриадии, и не только с твоими ирландскими разбойниками, но уже и со мной...

— Потому-то я и отпускаю бороду, старое морское чудовище,— рассмеялся кельт.

4

На изрезанное шхерами западное побережье Каледонии опустилась ночь. Вдалеке на востоке темнели под звездным небом громады гор; на берег набегали волны и тотчас же бежали прочь, чтобы докатиться до других заливов и незнакомых берегов. «Ворон» стоял на якоре в северной части укромной затоки, притаившись под крутым берегом. Кормак уверенной рукой провел драккар через рифы под покровом темноты. Кормак Мак Арт

хоть и родился в Ирландии, но все без исключения острова Западного моря служили ареной его приключений с тех пор, как он впервые взял в руки меч, поэтому он знал эти места как свои пять пальцев и подвел бы судно к берегу даже с закрытыми глазами.

— Ну вот,— сказал он,— а теперь я иду на берег. Но только один.

— Позволь мне пойти с тобой! — пылко воскликнул Марк, однако кельт только покачал головой.

— Своей речью и внешностью ты сразу выдашь нас обоих. Тебе, Донал, тоже нельзя пойти со мной, хотя я и знаю, что звуками твоей арфы наслаждались короли скоттов. Кроме меня ты один знаком с этим побережьем, и значит, только ты сможешь вывести наш драккар из затоки, если я не вернусь.

Кельт был неузнаваем — короткая густая борода изменила черты лица, под ней исчезли шрамы. Он снял свой шлем с украшением из конского волоса и стащил с себя замечательную легкую кольчугу. Вместо этого он надел простой круглый шлем и облачился в грубые дальриадийские латы. На «Вороне» можно было найти доспехи любых народов.

— Ну что, старый волк,— Кормак с усмешкой повернулся к Вулферу,— молчишь, но я же вижу, как горят у тебя глаза. Ты тоже хочешь отправиться со мной? Да уж, дальриадийцы, несомненно, встретили бы тебя с почетом! Еще бы! Ты же их давний добрый друг. Кто, как не ты, так ловко жег их деревни и без счета топил их лодки?

Вулфер беззлобно выругался.

— И в самом деле, скотты так нежно нас любят, что, только завидев мою рыжую бороду, наверняка повесят нас обоих без долгих разговоров. И все

же, не будь я вожаком на этой посудине, нипочем не отпустил бы тебя на такое опасное дело одного. Ты ведь у нас такой бестолковый!

Кормак от души рассмеялся.

— Жди меня до рассвета, но не дольше,— сказал он напоследок.

Скользнув по борту драккара, кельт с головой ушел под воду, вынырнул и, несмотря на тяжелые доспехи, тянувшие его ко дну, быстро поплыл к берегу. Он какое-то время плыл вдоль скал, выматривая удобное место для того, чтобы выбраться на берег. Наконец, он нашел такое местечко. Правда, не всякий горный козел решился бы взбираться на скалы именно в этом месте, однако у Кормака не было ни времени, ни желания искать дорогу полегче. Призвав на помощь всю свою сноровку и опыт, он выбрался из воды и вскарабкался на вершину скалы. Вглядевшись в темноту, он направился по камням туда, где скалы становились более пологими. Вскоре он уже шагал на юг, туда, где горели вдалеке тусклые огоньки костров дальриадийского города Ары.

Заслышав сзади осторожные шаги, он мгновенно повернулся, выхватив из ножен меч, готовый встретить врага лицом к лицу. Перед ним возник силуэт великана.

— Грат! Какого дьявола...

— Вулфер боялся, как бы с тобой чего не случилось, и послал меня следом.

Кормак взорвался. Он долго на разные лады клял и Грата и Вулфера. Грат невозможно выслушивал брань, и Кормак прекрасно знал, что спорить с ним бесполезно. Огромного роста ют был беззаветно предан Вулферу и слепо выполнял любые его приказы. Он был немного не в себе с тех пор, как в

одной из схваток его ранили в голову. Однако он был отчаянно смел, и на него всегда можно было положиться, а его опыт лишь немногим уступал опыту самого Кормака.

— Ладно уж, делать нечего, идем дальше, — сказал великану Кормак, отведя душу. — Однако запомни: в деревню со мной ты не пойдешь. Спрячешься где-нибудь, понял?

Грат кивнул и последовал за кельтом. Кормак быстро пошел вперед, Грат не отставал и двигался почти неслышно, что было удивительно для такого гиганта.

Кормак надеялся на то, что благополучно выполнит задуманное и к рассвету вернется на драккар, однако шел осторожно, внимательно вслушиваясь в ночную тишину, готовый к неожиданной встрече с целым отрядом воинов, которые могли выйти из Ары или, наоборот, возвращаться по домам. Но пока все было спокойно, им с Гратом сопутствовала удача, и вот уже Ара была перед ними на расстоянии полета стрелы.

— Укройся здесь под деревьями, — прошептал Кормак великану, — и что бы ни случилось, не вздумай и близко подходить к городской стене. Если услышишь, что началась свалка, дожидайся утра, а если я не вернусь за час до рассвета, беги к Вулфегу. Ты все понял?

Грат, как обычно, кивнул и исчез за деревьями, а Кормак направился к стене.

Ара стояла на берегу небольшого сильно вдававшегося в сушу залива. На берегу Кормак увидел несколько грубых дальриадийских лодок. Такие лодки служили скоттам для вылазок против бриттов и саксов, а также для поездок в Ульстер за припасами. Ара была скорее военным лагерем, чем мирным

поселением, настоящая Дальриадия начиналась довольно далеко отсюда.

Впечатление Ара производила достаточно убогое — несколько сотен жалких хижин, окруженные невысокой стеной из грубо обтесанных камней. Однако Кормаку был хорошо известен неукротимый нрав здешних жителей. Каледонские кельты, конечно, не славились ни богатствами, ни хорошим оружием, однако это с лихвой восполняла их звериная свирепость. Сотня лет, проведенная в постоянных стычках с пиктами, бриттами и саксами, не слишком способствовала развитию культуры, и жителей Ары можно было считать настоящими дикарями, однако им удалось сохранить боевой пыл своих предков. То же самое можно было сказать и обо всех каледонских кельтах. Многие их поколения десятилетие за десятилетием теряли достижения своих ирландских соплеменников в науках и искусствах, однако унаследовали от прадедов первобытную ярость в битвах.

Их предки пришли в Каледонию из Улада, откуда их вытеснили более сильные южные ирландские племена. Кормак по своей крови принадлежал к тем завоевателям: он родился в Коннахте, и теперь не испытывал никаких теплых чувств по отношению к каледонским кельтам, как, впрочем, и к своим сородичам в северной Ирландии. Вместе с тем, он жил среди них достаточно долго, чтобы сохранить уважение к их бойцовским качествам.

Кельт бесшумно подошел к воротам и окликнул стражей, не дожидаясь, пока они заметят его первыми. Часовые спокойно сидели возле костра в полной уверенности, что вокруг все тихо — типично кельтская беспечность. Чей-то хриплый голос приказал Кормаку стоять на месте. Зажегся факел,

и в его неверном свете Кормак увидел над воротами суровые, заросшие кудлатыми волосами лица и пристально вглядывавшиеся в него холодные серые и голубые глаза.

— Кто ты такой? — спросил один из воинов.

— Парта Мак Отна из Улада. Хочу поступить на службу к вашему вожаку Ихейду Мак Эйлайбу.

— Ты промок насквозь.

— Было бы странно, если бы я умудрился выйти сухим из воды, — отвечал Кормак. — Прошлым утром я и еще несколько человек вышли на лодке из Улада. В море мы встретились с саксами, и похоже, только мне одному удалось избежать их стрел и не пойти на дно. Я доплыл до берега, вцепившись в обломок мачты.

— А саксы куда подевались?

— Я видел, как их парус исчез на юге. Должно быть, хотели столкнуться с бриттами.

— Как же случилось, что береговая стража не заметила тебя, когда ты выбрался на сушу?

— Я вышел на берег почти в миле отсюда к югу, увидел огоньки за деревьями и пошел сюда. Мне приходилось бывать здесь раньше, и я знал, что это Ара, — сюда-то мы и собирались.

— Похоже, что он не врет, — проворчал один из дальриадийцев. — Впустите его.

Ворота распахнулись, и спустя мгновение Кормак оказался в стане своих заклятых врагов. Возле хижин горели костры, у ворот собралась толпа зевак, прислушивавшихся к разговору между стражниками и незнакомцем. При взгляде на этих людей можно было судить и обо всем населении этой дикой суровой земли. Среди любопытных было довольно много женщин мощного телосложения, но порядком растрепанных. Чумазы полуголые ребя-

тишки со спутанными грязными волосами во все глаза смотрели на Кормака. Он обратил внимание на то, что у каждого в этой толпе имелось какое-то оружие, даже едва научившиеся ходить несмышленишки тискали в ручонках камни или палки. Такой готовности к схватке требовала от этих людей их полная опасностей жизнь. Кормак отлично знал, что в случае опасности даже самые маленькие дети будут драться, как дикие котята. Он и сам когда-то был таким же. Ничего удивительного, что римлянам так и не удалось покорить этот народ.

С тех пор, как Кормак дрался бок о бок с этими свирепыми воинами, прошло пятнадцать лет. Он не боялся быть узнанным кем-нибудь из прежних товарищей. Благодаря своей густой короткой бороде не боялся он и того, что в нем узнают соратника Вулфера.

Один из стражников велел кельту следовать за ним и повел его к самой большой хижине. Кормак не сомневался в том, что это и есть резиденция вождя и его приближенных. В Каледонии никогда особенно не заботились о роскоши. Дворец короля Гола оказался обыкновенной избой, разве что чуть более просторной, чем остальные. Кормак усмехнулся себе под нос, сравнив это поселение с великолепными городами, в которых ему приходилось бывать. Однако главное в городе все же не башни и стены, а люди, которые в нем живут, — подумалось ему.

Его ввели в просторную комнату. Здесь несколько десятков воинов сидели вокруг огромного грубо сколоченного стола, большинство из них то и дело прикладывались к кожаным бурдюкам. Во главе стола восседал сам вождь, которого Кормак знал издавна, а возле его ног валялся полупьяный мене-

стрель. Кормак невольно сравнил это всклокоченное существо с бессмысленной улыбкой на испитом лице с подтянутым изящным Доналом. Да, ничего не скажешь, нравы кельтского двора были просты, даже, пожалуй, слишком.

— О сын Эйлайба,— почтительно произнес сопровождавший Кормака часовой,— к нам из Ирландии прибыл воин, который хочет поступить к тебе на службу.

— Кто твой вождь? — прохрипел Ихейд, и тут Кормак понял, что дальриадиец совершенно пьян.

— Сейчас я свободный воин,— отвечал Волк.— Но раньше я служил в дружине Донна Руат Мак Фина, короля Улада.

— Садись и пей с нами,— приказал король и подкрепил свое приглашение неверным взмахом волосатой руки.— Потом поговорим.

На Кормака больше никто не обращал внимания. Двое скоттов подвинулись, чтобы он смог сесть за стол, кто-то подал ему кубок, до краев наполненный излюбленным напитком кельтов — обжигающим ирландским самогоном. Быстрым взглядом Кормак окинул пирушку дальриадийских воинов и обратил внимание на двоих, сидевших почти напротив него. Одного из них он хорошо знал — это был Сигрел, норвежский изгой, нашедший убежище здесь, среди злейших врагов своего народа. Кровь бросилась Кормаку в голову, когда его взгляд встретился со злобным взглядом северянина, устремленным прямо на него. Однако взглянув на соседа Сигрела, кельт забыл обо всем.

Это был невысокий кряжистый воин, смуглолицый, гораздо более смуглый, чем сам Кормак. Мрачный взгляд черных глаз на неподвижном лице был сродни взгляду змеи. Коротко подрезанные черные

волосы перехватывал тонкий серебряный обруч. Всю его одежду составляла набедренная повязка да широкий кожаный пояс, на котором висел короткий зазубренный меч. Пикт! Кормак едва удержался от радостного восклицания, его сердце затрепетало в предчувствии удачи. Однако он решил не торопиться и для начала попытался заговорить с королем Ихейдом, повторив свою придуманную историю в надежде, что тот упомянет в разговоре принцессу Елену, если только знает что-нибудь о ней. Однако вождь дальриадийских воинов был чересчур пьян для того, чтобы вести какие-то разговоры. Он орал варварские песни, отбивая такт рукояткой меча по столу и совершенно не прислушиваясь к дикому аккомпанементу арфы пьяного менестреля. Замолкал Ихейд лишь для того, чтобы влить в себя очередную немалую порцию отвратительного на вкус пойла, которым потчевали за этим столом. Пьяны были все кроме Кормака и Сигрела, внимательно наблюдавшего за новым гостем.

Пока Кормак пытался придумать, как бы завязать разговор с пиктом, менестрель закончил одну из своих диких песен, в которой Ихейда Мак Эйлайба называл Альбийским волком, величайшим из воинов.

Пикт, пошатнувшись, вскочил на ноги и ударил пустым кубком по столу. Он был мертвецки пьян — пикты пьют обычно слабое вересковое пиво и непривычны к крепким кельтским напиткам. Ирландский самогон быстро валит их с ног. Вот и этот пикт еле языком ворочал, его неподвижное лицо как-то обмякло, и только глаза сверкали двумя черными углями.

— Это правда, Ихейд Мак Эйлайб — великий воин,— выкрикнул пикт на каком-то чудовищном

наречии, отдаленно напоминавшем язык кельтов,— но даже он не самый великий из воинов Каледонии. Никто не может сравниться в величии с королем Брогаром Темным, который восседает на древнем троне пиктов! А следующий за ним — Грулк! Да, это я, Рубака Грулк! В моем доме в Гротто на полу лежит ковер из скальпов бриттов, англоv и саксов, да и скоттов тоже!

Кормак с досадой передернул плечами. Пьяная болтовня этого хвастуна могла задеть кого-нибудь из менее пьяных скоттов, того и гляди, вспыхнет драка, и от пикта останется мокрое место. Тогда от него уже ничего не узнаешь. Однако пикт продолжал, и его следующие слова заставили Кормака прислушаться с удвоенным вниманием.

— Кто из всей Каледонии, как не Грулк, похитил у южных бриттов прекраснейшую в мире девушку?! — выкрикнул он, дико вращая пьяными глазами. — Нас было пятеро в лодке, когда буря отнесла нас на юг, к землям Геринта. Мы высадились на берег в поисках пресной воды и в глухом лесу повстречались с тремя бриттами — юношей и двумя хорошенькими девицами. Парень полез было в драку, но я, Грулк, повис у него на плечах, повалил на землю и снес ему голову своим верным мечом. А девиц мы погрузили в лодку и поплыли с ними на север, и добрались до Каледонии и доставили их прямо в Гротто!

— Пустое хвастовство! — наудачу перебил пикта Кормак. — В Гротто сейчас нет таких женщин, о которых ты говоришь, — добавил он в надежде услышать что-нибудь еще полезное.

Пикт зарычал, словно раненый зверь, и схватился за рукоять меча.

— Когда старый Гонар, наш верховный жрец, увидел ту, что была одета получше и назвалась Ат-

лантой, он воскликнул, что эта девушка предназначена судьбою в жертву богу Луны, ибо носит на груди знак, о котором ведает лишь он, Гонар. И тогда он отправил эту девушку вместе с ее подругой, имя которой Марсия, на Остров Алтаря в Шетляндах. Специально для этого скотты дали ему лодку, и он отправил девушек под охраной пятнадцати лучших воинов. Атланта — дочь знатного бритта. Бог Голка будет рад такой жертве.

— И когда же они отправились в Шетлянды? — ухмыльнувшись, спросил Кормак, не обращая внимания на то, что пикт все еще держится за рукоять меча.

— Вот уже три недели тому назад. Но еще не наступила ночь Лунной Жертвы. Однако ты сказал, что я лгу...

— Выпей и забудь об этом, — пророкотал один из воинов и подал пикту полный до краев кубок. Пикт схватил кубок обеими руками и окунул в хмельную жидкость чуть ли не пол-лица. Он пил огромными глотками, и струйки вина стекали по его обнаженной груди. Кормак поднялся из-за стола. Он узнал все, что ему было нужно, и теперь надеялся, что скотты слишком пьяны, и никто не заметит его ухода. Вот через стену будет не так легко перебраться. Однако едва он успел об этом подумать, как увидел, что поднялся не он один. Изгнанный с родины викинг Сигрел обходил стол, направляясь к Кормаку.

— Что же ты, Парта, так быстро утолил жажду?

Внезапным движением он едва не скинул шлем с головы кельта. Кормак оттолкнул его руку, но Сигрел уже победно кричал:

— Ихейд! Мужи Каледонии! Среди нас лжец и преступник!

Пьяные воины ошарашенно таращились на него.
— Это *Кормак Кливин!* — Выкрикнул Сигрел, хватаясь за меч. — Кормак Мак Арт из шайки викинга Вулфера!

Кормак взвился, словно раненый тигр. В неровном свете факелов блеснула сталь, и голова Сигрела покатилась под ноги не успевшим опомниться скоттам. Одним прыжком пират подскочил к двери и отворил ее ногой, когда скотты, протрезвев, сорвались с мест и с яростными криками схватились за оружие.

В одно мгновение вся деревня была на ногах. Жители, видевшие, как Кормак выскочил из дворца с обгаренным кровью мечом, без долгих рассуждений пустились за ним в погоню. Пьяные дружинники, выкатившиеся, наконец, из дворца, ревели от бешенства и выкрикивали настоящее имя гостя, крики сливались в один сплошной рев. Теперь за Кормаком гналась, казалось, вся Ара от мала до велика.

Кормак летел, не чуя под собой ног, тенью скользил между хижинами и, наконец, добрался до городской стены. В этом месте стена не охранялась, стражники стояли только у ворот. Легко перемахнув через низкую стену, кельт помчался к лесу. Быстрый взгляд через плечо показал ему, что преследователи не потеряли его из виду. Воины перебирались через стену с оружием в руках.

Еще немного, только бы добраться до первых деревьев! Он бежал, пригнувшись, каждое мгновение ожидая, что в спину вонзится стрела. Однако на его счастье дальриадийцы были неважными лучниками, и ему удалось невредимым добраться до кромки леса.

Основная масса его преследователей отстала от него ярдов на сто, но один из каледонцев умудрил-

ся вырваться вперед, и теперь Кормак слышал за спиной его тяжелый топот. Кельт резко повернулся, чтобы расправиться со своим единственным врагом, однако из-под его ноги неожиданно вывернулся камень, и кельт упал на одно колено. Он успел выставить вперед свой меч, чтобы отразить удар, но в то же мгновение из-за дерева выпрыгнул рыжий великан, выбил тяжелый меч из руки скотта, и в следующий миг безжизненное тело дальриадийца навалилось на Кормака.

Кельт отбросил тело скотта и вскочил на ноги. Погоня приближалась, и Грат со звериным рычанием повернулся лицом к противнику, однако Кормак схватил его за руку и увлек за собой в лесную чащу. В следующее мгновение они оба, лавируя между деревьями, уже неслись туда, откуда недавно пришли в Ару.

Позади трещали ветки под ногами дружинников, и слышалась яростная брань. Не одна сотня каледонских воинов принимала участие в этой безумной погоне за двумя заклятыми своими врагами. Лес становился все гуще, и Кормаку с Гратом приходилось теперь бежать медленнее, время от времени замирая в тени деревьев или бросаясь ничком за кусты, чтобы пропустить преследователей вперед. Им удалось оторваться от погони на достаточно большое расстояние, когда до слуха Кормака донесся отдаленный собачий лай.

— Проклятье! — пробормотал кельт. — Мы ушли далеко от них и могли бы теперь выйти к скалам и быстро добраться до корабля. Но если они пустили по нашим следам собак, то мы приведем их дьявольское племя прямехонько к Вулферу. Их здесь столько, что они в два счета разделаются с нашим драккаром и со всей нашей командой. Если

мы поплывем, то нам, может быть, удастся сбить их со следа.

Кормак резко повернул на запад, почти под прямым углом к тому направлению, в котором они бежали, и они с Грантом ускорили бег и почти тут же оказались на небольшой поляне лицом к лицу с тремя дальриадийцами, осыпавшими их проклятиями. Не так уж сильно они оторвались от преследователей, как показалось поначалу Кормаку, и кельт, ругая себя последними словами, успел подумать, что драка наделает немало шума, который, конечно же, привлечет всех остальных скоттов.

Один из скоттов бросился на Кормака, двое навалились на Грата. Мощный удар кулака кельта пришелся прямо в небольшой крепкий щит, и меч дальриадийца опустил на его плечо, рассек металл и коснулся волос. Но прежде чем скотт успел нанести следующий удар, Кормак одним резким движением перерубил своему противнику левую ногу и вторым быстрым ударом меча снес голову с плеч падающего воина.

Тем временем Грат, обладавший силой дикого медведя, пробил щит каледонийца, словно тот был бумажным, и рассек надвое голову врага. Кормак повернулся, чтобы помочь Грату, как раз в тот момент, когда второй напавший на юта воин с отчаянием затравленного зверя набросился на великана. Кельту показалось, что меч скотта до половины вошел в широкую грудь товарища. Однако Грат схватил врага за горло, оттолкнул и нанес ему страшный удар своим мечом, почти пополам разрубив тело несчастного скотта и сломав лезвие.

— Ты тяжело ранен, Грат? — Кормак попытался стащить с великана доспехи, чтобы остановить кровь, однако тот отбросил руку кельта.

— Пустяки, царапина, — пренебрежительно отозвался он. — Гораздо хуже, что я лишился меча. Бежим!

Кормак недоверчиво покачал головой, однако повернулся и побежал в прежнем направлении. Оглянувшись, он удостоверился, что Грант следует за ним без особых усилий, и прибавил шагу, заслышав приближающийся лай. Через несколько мгновений кельт и ют снова были в густых зарослях. Вскоре они услышали плеск волн и выскочили на скалистый берег, с которого к воде склонялись деревья. Дыхание Грата сделалось тяжелым и прерывистым. К северу виднелись очертания мыса, за которым стоял «Ворон», между заливом Ары и этим мысом вдоль берега мили на три тянулись скалы. До «Ворона» оставалось примерно столько же.

— Придется плыть отсюда, сплунув, проворчал Кормак. — Чтобы добраться до Вулфера, нам придется обогнуть тот мыс, другого пути нет. Скалы там слишком крутые, мы не сможем через них перебраться. Может, это и к лучшему: собаки потянут здесь наш след. Что с тобой, во имя богов?!

Грат покачнулся и рухнул вниз лицом, его раскинутые руки оказались в воде. Кормак мгновенно оказался рядом с ним и перевернул великана на спину, однако в глазах юта уже не было жизни. Свирепый оскал на его лице сменился маской вечного покоя. Кормак рванул кольчугу, пытаясь услышать биение сердца, — сердце остановилось. Когда кельт отнял руку от груди друга, она была вся в крови, и он изумленно присвистнул. Как мог человек с такой ужасной раной возле самого сердца пробежать добрых полмили? Кормак горестно покачал головой. Собачий лай, прозвучавший где-то неподалеку, заставил его поспешить. Проклинаая

скоттов, он стянул с себя кольчугу, шлем, сбросил башмаки, потуже затянул пояс с висевшим на нем мечом и бросился в воду.

Залив окутывала предрассветная мгла. Вулфер расхаживал по палубе своего драккара, беспокойно посматривая на воду. Но вот он услышал негромкий звук, примешавшийся к размеренному плеску волн, бьющихся о берег или о борт корабля. Негромко окликнув товарищей, он перегнулся через борт. Рядом с ним в темноту всматривались Марк и Донал. Из воды показался темный силуэт человека, которого можно было принять за призрак. Наконец окровавленный полуобнаженный Кормак Мак Арт выбрался из воды и перевалился через борт на палубу.

— Скорее на весла, волки, и в море. Сейчас здесь будет несколько сот дальриадийцев. Ведите судно на Шетлянды — сестру Геринта пикты отправили туда.

— А где Грат? — спросил Вулфер, и Кормак опустил голову.

— Забей в мачту бронзовый гвоздь. Теперь Геринт должен нам десять фунтов.

Печаль, мелькнувшая в его глазах, смягчила холодную жесткость этих слов.

5

Марк места себе не находил, метался по палубе драккара. Ветер наполнял паруса, гребцы дружно работали длинными веслами, и судно резво бежало по волнам, однако беспокойному бритту казалось, что они не двигаются с места.

— Почему пикт называл ее Атлантой? — воскликнул он, обращаясь к Кормаку. — Имя ее служанки и

в самом деле Марсия, но где доказательства того, что вторая девушка — именно принцесса Елена?

— Какие тебе еще нужны доказательства? — отозвался кельт. — Неужели ты думаешь, что принцесса настолько глупа, чтобы признаться похитителям, кто она такая? Если бы пикты узнали, что в лапы к ним попала сестра Геринта, они потребовали бы выкуп в половину королевства.

— Этот пикт говорил о Лунной Жертве. Что это такое?

Вулфер и Кормак обменялись взглядами, затем Кормак взглянул на Марка, открыл было рот, но промолчал.

— Скажи, — посоветовал кельту Донал. — Лучше, если он будет знать.

— Пикты чтят странных и страшных богов, — произнес, наконец, Кормак, — и те, кто бороздит моря, кое-что знают об их обычаях, правда, Вулфер?

— Верно, — подтвердил викинг. — Немало наших друзей погибло на их алтарях.

— Один из этих богов — бог Луны Голка. В ночь Лунной жертвы ему приносят в жертву девушку знатного рода. Его мрачный черный алтарь стоит на пустынном острове в Шетляндах, его окружают каменные колонны вроде тех, что ты видел, наверное, в Стоунхендже. Вот на этом алтаре в полнолуние и совершается обряд жертвоприношения.

Марк вздрогнул и сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— О боги Рима! Неужели такое возможно?

— Рим пал, его боги мертвы и нам уже не помогут, — мрачно отозвался Вулфер и поднял свой острый боевой топор. — Нам поможет оружие. Как только мои волки попадут в этот каменный круг,

Голка получит такую жертву, о которой ему и не мечталось никогда!

— Парус справа по борту! — раздалось с наблюдательной площадки. Вулфер быстро повернулся направо, а в следующий момент все, кто был на палубе, увидели странный длинный и низкий корабль.

— Драккар, — пробурчал Кормак. — Летит нам наперерез под полными парусами.

В холодных голубых глазах рыжебородого юта полыхнула ярость. Зычным голосом он отдал несколько быстрых команд своим людям.

— Клянусь костями Тора, этот наглец получит свое! — воскликнул он.

Марк схватил юта за плечо:

— Ты предлагаешь драться с каждым пиратом, что повстречается нам на пути? — яростно крикнул юный бритт. — Ты согласился искать принцессу Елену и не имеешь права рисковать, особенно теперь, когда мы идем по четкому следу. Ты что же, готов все бросить на полпути в угоду своей любви к кровавым побоищам?

В глазах Вулфера сверкнуло бешенство.

— Это ты посмел указывать мне на моем корабле? — прорычал он. Даже ради Геринта со всем его золотом я не покажу корму первому попавшемуся забияке. Он хочет драки, и он ее получит.

— Вулфер, Марк абсолютно прав, — вмешался Кормак. — Однако клянусь кровью богов, уйти мы уже не успеем, придется драться. Они плывут прямо на нас, и уже отсюда видно, что на палубе готовятся к схватке.

— Все равно не ушли бы, — буркнул ют, но по выражению на его лице было ясно, что его это вполне устраивает. — Я узнал эту посудину. Это

«Огненная женщина» моего смертельного врага Родда Торвальда. Она не уступает в скорости «Ворону» и мчалась бы за нами неотступно до самых Шетлянд, так что нас ждет переделка.

— Значит, надо быстро подготовиться к драке, — сказал Кормак. — На удачный таран у нас шансов мало, давай пойдем на абордаж.

— Я родился в морском бою, а драккары топил задолго до того, как узнал о твоем существовании, — огрызнулся Вулфер. — Я знаю, что надо делать. А тебе, парень, — повернулся он к Марку, — приходилось бывать в таких стычках?

— Нет, но если я испугаюсь, можешь повесить меня на носу твоего драккара, — со злостью ответил бритт.

Вулфер отвернулся, скрывая довольную ухмылку.

В те далекие времена не было принято маневрировать, да и корабли викингов гораздо позже стали поворотливыми. Длинные низкие драккары мчались навстречу друг другу, и их команды, толпившиеся на палубах, осыпали друг друга проклятиями.

Марк огляделся по сторонам. Вокруг него были оскаленные, с горящими ненавистью глазами лица ютов. Тогда он взглянул вперед, туда, где на палубе вражеского корабля стояла стена светлоглазых светловолосых викингов. Многие из них угрожающе били мечами по щитам, скаля зубы. Молодой бритт невольно поежился, но не от страха, а от того, что ему стало не по себе, как стало бы не по себе любому человеку, встретившему стаю голодных волков.

Когда корабли сблизились на достаточное расстояние, в обе стороны градом полетели стрелы. В стрельбе из лука люди Вулфера имели явное преимущество, они были прославленными лучниками в

северных морях. Их противники так же, как и саксы, плохо владели искусством стрельбы из лука, и стрелы не причинили никакого вреда команде «Ворона». На драккаре неприятеля Марк насчитал уже четверых упавших. Было похоже, что в числе погибших оказался рулевой: корабль неожиданно повернул и стал описывать широкую дугу вокруг «Ворона». Марк увидел, как к рулю бросился высокий светловолосый викинг, и понял, что это сам капитан Родд Торвальд. Ему удалось вернуть корабль на прежний курс. Еще несколько мгновений, и драккары с треском ударились борт о борт.

Над водой разнесся многоголосый рев викингов, и вскоре морские волны обагрились кровью. Все смешалось. С обеих сторон полетели abordажные крюки, намертво сцепляя корабли. Каждый стремился оказаться на палубе врага и занять выгодную позицию. Марк сцепился с каким-то желтоглазым великаном, и, пытаясь оторвать его от борта, увидел через плечо противника Родда Торвальда, бросившего руль и устремившегося к борту. Марку удалось, извернувшись, перерезать своим длинным мечом горло викинга, и он уже занес ногу на борт, как Родд подскочил к нему и занес свой меч. От неминуемой гибели Марка спас внезапно появившийся перед ним щит — это менестрель Донал успел спасти юноше жизнь.

Неподалеку на палубе Вулфер широким движением смертоносного топора расчистил себе путь, и в следующее мгновение он уже стоял на палубе «Огненной женщины». Следом за ним на палубу чужого корабля прыгнули Кормак, Торфин, Эдрик и Снорри. Бедняга Снорри погиб, едва его ноги успели коснуться чужой палубы, секундой позже топор викинга раскроил голову Эдрика. Однако оборона

викингов была сломлена, и люди Вулфера волной хлынули на палубу вражеского драккара.

На скользкой от крови палубе в смертельной схватке сшиблись вожаки. Топор Вулфера смахнул наконечник копья Родда Торвальда, однако Вулфер не успел нанести второй удар. Торвальд выхватил меч из чьей-то мертвой руки и ткнул им в грудь Вулфера. Кольчуга Вулфера в одно мгновение окрасилась кровью, однако он с безумным ревом двумя руками поднял над головой свой топор и со всей силой опустил его на плечо Торвальда. Топор как сквозь бумагу прошел сквозь железный панцирь, и Родд Торвальд упал к ногам рыжебородого юта, разрубленный почти надвое.

Среди людей Вулфера раздались победные крики. Однако викинги дрались отчаянно: они знали, что побежденным пощады не будет. Марк оказался в самой гуще, бок о бок с ним дрался Донал. Марк безумствовал — мысль о том, что они тратят на этих пиратов драгоценное время, тогда как принцесса Елена где-то ждет спасения, приводила его в неистовство. Эти проклятые пираты отвлекли Вулфера, и пока они дерутся, Елена может погибнуть. От этой мысли глаза юноши заволокла красная пелена. Огромный викинг выбил щит из его руки, но Марк, казалось, даже не заметил этого.

— О боги! — вздохнул, взглянув на него, Кормак. — Никогда не слышал, чтобы римляне становились берсеркерами, но...

Рука Марка двигалась мерно, словно часть немолотого механизма, а глаза неотрывно смотрели на медальон, висевший на бычьей шее одного из пиратов. Чей-то меч угодил в его шлем, однако юноша даже не заметил этого. Медальон словно загипнотизировал его и заставил с новыми силами

обрушиться на врага. Этот медальон на золотой цепочке был выкован из золота, а на его крышке красовался рубин, похожий на лист аканта. С леденящим душу криком Марк обрушился на пирата, посмеявшегося завладеть этой драгоценной реликвией. Он даже не успел понять, что стальное лезвие его меча пронзило насквозь тело противника.

Упав на колени, Марк сорвал медальон с безжизненного тела и поднес его к губам. Тут же, словно опомнившись, он тряхнул умирающего викинга за плечо.

— Говори правду! — выкрикнул он на языке англов, который должен был понимать викинг. — Перед лицом смерти скажи правду: откуда у тебя этот медальон?!

Глаза пирата уже закатывались, но последним усилием воли он проговорил: — Одна из тех девушек... на ... лодке у пиктов...

— Что вы с ними сделали?! — Марк изо всех сил встряхнул обмякшее тело.

К ним подскочил Кормак и тоже бросился на колени рядом с Марком, мгновение спустя к ним присоединился Донал, и все они склонились над умирающим пиратом.

— Мы продали их... — прошептал тот, — Торлейфу, сыну Хорди за... Глаза пирата закатились, и его голова стукнулась о доски палубы. Марк в отчаянии взглянул на Донала.

— Ты видишь, Донал, — воскликнул он, потрясая медальоном. — Ты видишь? Это медальон Елены, я сам ей его подарил! Они с Марсией были на этом корабле! А теперь... Кто такой Торлейф, сын Хорди?

— Успокойся, — произнес Кормак. — Это пират из северян, угнездившийся на Гебридах. Не теряй надежды. Если Елена попала к викингам, то она

сейчас в большей безопасности, чем была бы, останься она в лапах дикарей из Хьятленда.

— Но теперь нам нельзя терять времени! Боги послали нам эту весть, и если мы опоздаем, то можем опять потерять след!

Палуба и нос драккара были свободны, хоть и залиты кровью, но на корме еще кипела схватка. В морских битвах того времени не было принято щадить противника, и юты добивали викингов. Никому из побежденных и в голову не приходило молить о пощаде, они дрались до последнего дыхания.

Кормак обошел тела убитых и умирающих и с трудом прорубился к Вулферу. Тот, забыв обо всем на свете, орудовал своим смертоносным боевым топором. Кормак с огромным трудом оттащил Вулфера в сторону.

— Угомонись, старый волк! — выкрикнул он. — Мы победили, Родд Торвальд мертв. Стоит ли тушить об этих дурней добрую сталь?

— Я не сойду с этой палубы, пока кто-то из них жив! — рывкнул разгоряченный битвой ют. Кормак рассмеялся.

— Остынь! Этот бой не последний. Прежде чем мы их перебьем, они отправят к праотцам еще двух-трех наших, а сейчас нам нужен каждый. Только что умирающий болван сказал, что принцесса в поместье Торлейфа, сына Хорди, на Гебридах.

Вулфер широко ухмыльнулся. В списке его врагов числились почти все вожаки викингов.

— Это правда? Эй, волки! Бросайте этих крыс! Пусть себе тонут или плывут, куда хотят. Мы идем на Торлейфа, сына Хорди!

Ругаясь во весь голос, он вновь окунулся в водоворот сражения и по одному вытолкнул своих людей

с «Огненной женщины». Оставшиеся в живых и истекающие кровью пираты Торвальда недоуменно смотрели вслед победителям; вся палуба была сплошь покрыта трупами и сломанным оружием.

— Эй вы, жалкие крысы! — выкрикнул на прощание Вулфер. Гребцы на «Вороне» уже взяли за весла. — Оставляю вам ваше корыто и падаля впридачу! Делайте, что хотите, и благодарите Тора за то, что я вас пощадил!

Побежденные молчали, хмуро глядя на победителей, затем один из викингов, рослый угрюмый воин, выкрикнул в ответ, потрясая окровавленным топором:

— Придет день, и ты, Головорез, проклянешь Тора за то, что оставил в живых Хальфгара по прозвищу Волчий Клык!

Несколько позже Вулферу пришлось вспомнить это имя, но сейчас он хохотал и издевался над викингами, оставшимися на борту вражеского драккара. Кормак пытался его успокоить.

— Не стоит оскорблять побежденных, — говорил он. — И, кроме того, ты ранен, тебя надо бы перевязать. Дай-ка, я займусь твоей раной.

Марк молчал и не сводил глаз с медальона. После битвы он чувствовал безмерную усталость, однако его одолевали тревожные мысли. Он пытался постичь собственную душу: ведь нескольких мгновений оказалось достаточно, чтобы он лишился трезвости и рассудительности, унаследованных его родом три сотни лет назад от римских офицеров. Все подмяла под себя первобытная кельтская ярость, та самая, которая остановила когда-то великого Цезаря. В этой схватке он стал одним из окружавших его дикарей. Юноша чувствовал, что он, как и весь остальной, римский некогда, мир, возвращает-

ся в лоно, породившее быт его предков. И не тех, что жили три столетия назад, а куда более древних, общих с Головорезом Вулфером.

6

— Отсюда уже рукой подать до Калджорна, где Торлейф, сын Хорди, выстроил свою усадьбу, — сказал Кормак и посмотрел на мачту, в которой торчали шестнадцать бронзовых гвоздей.

Северяне постепенно заселяли Гебридские и Оркадские острова, устраивались и на Шетляндах. Однако их стоянки еще не выглядели настоящими поселениями, а были обыкновенными пиратскими лагерями.

— У Торлейфа четыре корабля и сотни три воинов, — продолжал Кормак. — А у нас только «Ворон» и неполная сотня. Поэтому мы не сможем взяться за дело так, как любит Вулфер: сойти на берег и сжечь все, что горит. Да и не удастся так просто вырвать у Торлейфа такую добычу, как принцесса Елена. Надо будет действовать хитростью.

— Вот что пришло мне в голову: стоянка Торлейфа на восточной стороне острова Калджорн, а островок этот совсем небольшой. Мы подойдем к нему ночью и с запада, там полно отвесных скал, за которыми можно будет до поры спрятать драккар. Люди Торлейфа обычно там не шляют. Я сойду на берег и попытаюсь отыскать принцессу.

Вулфер рассмеялся.

— Здесь тебе придется потруднее, чем со скотами. У тебя на носу написано, что ты кельт, так что не успеешь и шагу ступить, как они вырежут ремни из твоей шкуры.

— Вот увидишь, я заползу к ним, как змея, и они понятия об этом иметь не будут,— отозвался Кормак.— Твои северяне считают себя большими хитрецами, поэтому их будет не трудно обвести вокруг пальца.

— Я пойду с тобой,— сказал Марк.— На этот раз я не собираюсь отсиживаться в стороне.

— А мне, значит, останется грызть когти на западном побережье,— проворчал Вулфер.

— Погодите-ка,— вмешался Донал.— Мне кажется, Кормак, что мой план будет получше твоего.

— Тот план, или этот, не все ли равно? — сказал Вулфер.— Надо заставить Торлейфа врасплох и напасть на него.

— Если бы ты дал себе труд *задуматься*, ты бы такого не сказал,— ядовито ответил ему Кормак. Он один мог себе позволить разговаривать с вожаком таким тоном.— Собаки Торлейфа почуют нас издали и поднимут такой лай, что мертвеца разбудят, а не то что дружинников. Что ты хотел предложить, Донал?

— Собака может залаять и на змею,— произнес арфист.— Однако если она залает на раба из бриттов, то никто из викингов не обратит на это внимания. На Калджорне наверняка не меньше рабов, чем самих пиратов, так что бритт, одетый в лохмотья, не вызовет никаких подозрений. Я мог бы обратиться в их лагерь под видом раба и попытаться разузнать все, что нам нужно, чтобы вызвать принцессу Елену.

— Рабы сразу заметят чужака,— рассудительно сказал Кормак.— Как ты можешь быть уверен, что они не выдадут тебя? Вовсе не все пленники попали к Торлейфу из земли Геринта, а даже если бы это было так — не все подданные относятся к Геринту

одинаково. Он был бы не королем, а святым, если бы пользовался всеобщей любовью.

— Я и не говорю о всеобщей любви к Геринту,— ответил Донал.— Но наверняка все пленники Торлейфа ненавидят варваров, обративших их в рабство. Так что никто меня не выдаст, хотя они, конечно, и поймут сразу, что я чужак. Но они наверняка поймут и то, что я не желаю добра их хозяину.

Кормак, Вулфер и Марк переглянулись. Марк открыл было рот, но не нашел, что сказать. Кормак, коротко рассмеявшись, похлопал Донала по плечу.

— Так и быть, арфист,— сказал он.— Мы высадим тебя на западной окраине острова и будем ждать твоего возвращения.

— Но если окажется, что собаки Торлейфа спят по ночам... Вулфер потряс своим огромным топором.— Тогда уж будем действовать по-моему.

Холодный и колючий ветер с моря пронизывал Кормака и тех, кто вместе с ним всматривался в темноту, до самых костей. Пятьдесят гребцов на «Вороне» дремали, не выпуская из рук весел, готовые в любой момент к отплытию в случае опасности. Кормак с Вулфером и десятком людей дожидались возвращения Донала.

— Он может не вернуться сегодня,— с горечью сказал Марк, кутаясь в шерстяной плащ.

— Из трех дней, о которых мы с Доналом условились, у него остался еще один,— отозвался Кормак.— Не горячись. Нетерпение никогда не сослужит доброй службы.

— Да уж,— буркнул Вулфер, обтирая топоролой куртки.

— Это очень плохо, что ее захватил именно Торлейф,— неожиданно высказал Марк то, что его

мучило.— Два года назад на нас напал его брат Ролл. Наша конница преградила путь викингам, когда они возвращались с добычей. Мы тогда перебили их всех.

Кормак взглянул на римлянина.— Да, я слышал об этом,— произнес он.— Они с Торлейфом были близнецами, хотя и непохожими друг на друга. Ролл был коренаст и светловолос, а Торлейф очень высокого роста, и волосы у него такие же темные, как у меня.

— Торлейф отправил своего племянника Рольфа, сына Ролла, чтобы выкупить тело и похоронить его по их языческим обрядам,— продолжал Марк,— однако было уже поздно. Мы сбросили трупы в реку, как только закончилась схватка.

Вулфер удивленно покачал головой.— Значит, их тела обглодали угри? Что ж, если бы Ролла убил я, то поступил бы так же. И Торлейфа ждет та же участь, если только боги будут милостивы ко мне.

— Ты сказал *мы*,— переспросил Кормак.— Это что же, люди Геринта?

— Я и мои люди! — воскликнул Марк.— А как еще следовало поступить с этими бандитами, которые грабили и резали наших людей, как скот?!

— Ну, что сделано, того не воротишь,— сказал Кормак.— Но Елена поступила мудро, назвавшись другим именем.

Вулфер усмехнулся.— Да уж! — сказал он.— Если бы Торлейф узнал, кто она на самом деле, то лучшее, на что она могла бы надеяться, это то, что он отдал бы ее на забаву сразу всем своим воинам.

— Тсс! — Кормак приложил палец к губам.— Сюда кто-то идет.

Ночь выдалась безлунная, с моря дул пронизывающий ветер. Вулфер и Марк увидели чью-то тень

уже в пятидесяти ярдах. Человек направлялся в их сторону, ветер пытался свалить его с ног.

Негромко лязгнули мечи, которые Марк и Кормак выхватили из ножен.

— Это я,— услышали они голос Донала.— Впрочем, если вы сомневаетесь, то я останусь здесь, а вы подойдите и убедитесь.

— Не валяй дурака, Донал,— с нескрываемой радостью ответил Кормак.— Иди сюда скорее! Какие новости ты нам принес?

— Новостей достаточно,— сказал менестрель, подходя к пиратам.— Только давайте я расскажу все на «Вороне» в теплом трюме.

На нем был коричневый плащ с капюшоном и грубые серые штаны, босые ноги до самых колен облепила холодная грязь.

— Постой! — озабоченно проговорил Кормак.— Погони за тобой нет?

— Как будто нет,— ответил Донал, тяжело дыша. Его рубаша была мокрой от пота, несмотря на ледяной ветер. Пройти через весь остров под покровом безлунной ночи оказалось делом нелегким, хотя менестреля не обременяли ни доспехи, ни оружие.

— Тогда подождем здесь часок-другой,— сказал Вулфер.— Мы потеряем гораздо больше времени, если попытаемся отчалить до рассвета.

— Ты прав,— согласился Кормак, протягивая Доналу бурдюк британского пива.— И время потеряем, да и кого-нибудь из людей можем больше не увидеть — свалится за борт в темноте на таком ветру, и поминай, как звали. Так что выкладывай свои новости, менестрель.

Донал утолил жажду и заговорил.— Атланта и в самом деле находится в лагере Торлейфа. Ее неотлучно охраняют две женщины и два вооруженных

викинга. На ночь ее спальню запирают снаружи. Торлейф уверен, что получит за нее большой выкуп.

— Так значит, они знают, кто она такая? — воскликнул Вулфер.

— Нет, — покачал головой Донал. — Атланта сказала ему, что она дочь Артура, конюшего короля Ютера. Так что в ближайшее время послы Торлейфа отправятся на юг, в Дамнонию для переговоров.

— А когда они вернутся, выяснив, что она солгала, — горячо воскликнул Марк, — Торлейф подвергнет ее служанку, а может быть, и саму Елену страшным пыткам, чтобы узнать правду! Мы должны спасти ее!

— Раз ее запирают в спальне, мы не сможем напасть на них ночью, — хмуро отозвался Кормак. — Все, на что мы способны, — это огонь, а тогда девушка наверняка сгорит вместе с теми, кто сторожит ее.

— Торлейф не будет пытать служанку Атланты, — сказал Донал. — Сын Ролла Рольф, племянник Торлейфа, увез девушку из лагеря на корабле, на котором викинги обычно добираются до континента. Они отплыли прошлой ночью, так что все вокруг только диву дались. Рольф у Торлейфа вместо сына, так что никто не посмел перечить, раз парню захотелось развлечься со служанкой.

Донал держал в левой руке бурдюк с пивом, словно арфу, сам этого не замечая. Он уже успел вспомнить, что он королевский менестрель, и рассказывал, словно хотел потешить пиратов сказкой.

— Мы можем захватить Рольфа в плен! — сказал Марк. — Предложим его дядюшке обменять его

на Елену, жизнь на жизнь. От *такого* выкупа Торлейф не сможет отказаться, будь она хоть дочерью Геринта!

— Ничего не выйдет! — почти весело ответил Донал. — Елена вовсе не пленница Торлейфа.

— Что ты говоришь?! — потрясенно воскликнул Марк.

Кормак взял Донала за подбородок и пристально всмотрелся в его лицо. — В плену у Торлейфа Марсия, одетая в платье своей госпожи и украшенная ее драгоценностями, — проговорил он. — Я правильно угадал, менестрель?

— Да, — ответил Донал. — Я бы и сам сейчас рассказал. — Он погладил подбородок.

— В следующий раз не увлекайся так, а то суть твоего рассказа может ускользнуть, — сказал Кормак. — Но вообще-то ты молодец. Я горжусь тем, что дружен с тобой.

— Этого-то я и боялся! — упавшим голосом проговорил Марк. — Конечно, Рольф узнал Елену — ведь он видел ее тогда, два года назад. Но почему он увез ее, а не выдал дяде?

Кормак пожал плечами. На востоке небо начало светлеть. — Давайте-ка возвращаться на корабль, — сказал он. — Когда мы доберемся до «Ворона», будет уже достаточно светло, чтобы отчалить. Не будем терять времени.

На лице Марка было написано отчаяние.

— Блеск золота способен ослепить кого угодно, Марк, — обратился к бритту Донал. — Рольф прекрасно понимает, что его дядя не согласится принять выкуп за сестру Геринта. Парень, видно, решил сам получить состояние и отделиться от дяди.

Позади послышался глухой звук удара. Кормак выхватил меч. — Вулфер! — окликнул он. — Вулфер!

Огромный ют шел за ними, на ходу вытирая окровавленный топор.— Один мерзавец все же шел за Доналом от самого лагеря,— удовлетворенно сказал он.— Было бы досадно навестить Торлейфа и не дать работы моему топору.

Глава седьмая

Четверо гребцов на корме и двое рядом с Кормаком на носу размеренно взмахивали веслами, и «Ворон» плавно скользил вдоль лесистого берега.

— Мы что, входим в эту реку? — крикнул Вулфер от рулевого весла.

Весной, когда в верховьях реки таяли снега, течение здесь было, наверное, бурным. Но сейчас река несла свои воды так сонно и лениво, что камыши возле берегов, казалось, даже не шевелились. Ничто не указывало на то, что здесь прошел корабль, однако если Рольф владел определенным мастерством, то он мог провести свой легкий ял так, что он не задел камышовые заросли.

— Нет, не будем рисковать...— начал было Кормако, но тут его острые глаза увидели в небольшом водовороте клочок белой ткани.— Да, клянусь дьяволом! — воскликнул он.— Они, должно быть, останавливались здесь прошлой ночью. Войдем, только осторожнее. Только бы не сесть на мель!

Гребцы с правого борта налегли на весла, разворачивая драккар. По команде Вулфера люди перебежали с носа на корму, и «Ворон» вошел в устье. Теперь гребцы на корме бросили весла и быстро перебрались на нос. Однако несмотря на этот маневр корабль царапнул килем дно.

Когда опасность сесть на мель миновала, Кормако, перегнувшись через борт, веслом достал из водоворота вещь, которая привлекла его внимание. Это был полотняный пояс, не очень умело рас-

шитый узором из цветов. Пиктские женщины такого не носили. Однако этот пояс был слишком прост для жены какого-нибудь вожака. Те, кто был побогаче, позволяли себе носить пояса из кожи, а этот пояс вполне мог принадлежать служанке Елены.

«Ворон» прошел опасный поворот, и Кормако командовал:

— Гребите к берегу! Мы их нашли!

Одномачтовый скандинавский ял был вытащен так далеко на берег, как только его можно было вытащить в одиночку. С подветренного борта было устроено ложе, рядом остывшая кучка углей.

Рольф со своей пленницей *был* здесь. Причина, заставившая их покинуть судно, бросалась в глаза: у противоположного борта лежало тело пикта, пронзенное широким мечом викинга. Из леса до слуха Кормака донесся лязг оружия и отчаянный крик.

— Вперед! — воскликнул кельт.— Десять человек пусть останутся на корабле, остальные со мной, иначе весь наш риск может не оправдаться!

Звуки битвы внезапно стихли. Еще один крик разнесся над лесом и оборвался: видимо, раненому не хватало дыхания. Кормако и следом за ним викинги бежали, подгоняемые яростью, по следу. Кормако отбросил всякую осторожность — только бы не опоздать! Увидев двух мертвых пиктов, он на мгновение остановился как вкопанный.

Берег был болотистым, под ногами хлопала болотная жижа. Видимо Рольф с девушкой, отразив нападение, бросились бежать в надежде добраться до твердой земли и где-нибудь укрыться. Ярдах ста от реки им действительно удалось найти убежище.

В крутом известняковом откосе на высоте шести футов над землей постоянные ветры выдули широкую выемку. В этом углублении стоял залитый кровью светловолосый викинг и с яростью загнанного зверя смотрел вниз. Откос окружали десятка три пиктов. Их предводитель — вождь или жрец — потрясал жезлом, на который был насажен череп с горным хрусталем в глазницах.

Выемка в известняке была неглубокой. Викинг мог стоять во весь рост только у самого ее края. За его спиной пряталась девушка, лицо которой удивительно напоминало лицо короля Геринта. В окровавленной руке она крепко сжимала кинжал.

Белый известняк был забрызган кровью, у подножия откоса лежало несколько раненых или убитых пиктов. Рольф, а это был он, унаследовал от отца широкие плечи и был отличным бойцом.

Его тело защищала только легкая кольчуга, щит остался на корабле, когда внезапно напали пикты. Половина пиктов была вооружена луками. Когда их товарищи отступили от смертоносного меча викинга, лучники дружно выстрелили.

Легкие стрелы пиктов не могли пробить кольчугу, но руки и ноги Рольфа не были защищены, а одна из стрел впиалась в его правую щеку. Рольф обломал ее древко, оставив в щеке зазубренный наконечник.

Пикты продолжали осыпать юношу стрелами, еще немного — и он истечет кровью из многочисленных ран.

Все это Кормак увидел в одно мгновение. Он со своими людьми был уже не более, чем в двадцати шагах от места схватки. Однако ни викинг, ни пикты еще не увидели их. Рольф с решимостью безумца бросился с откоса вниз на своих врагов.

Ему навстречу шагнул пикт с длинным копьем и тут же нашел свою смерть — он упал, перерубленный надвое яростным ударом меча юного викинга. Однако остальные тут же налетели на Рольфа, точно пчелы на медведя, один из них подло ударил викинга ножом в спину.

Одним прыжком Кормак оказался рядом с пиктом и снес его голову с плеч, пираты бросились на пиктов. Кормак взглянул на Елену — к незащитной девушке подбирались три пикта. Кельт мощным ударом меча перерубил одному из них хребет. Второй удар рассек панцирь второго пикта и разрубил его тело от плеча почти до пояса. Третий пикт обернулся и с кошачьим проворством метнул копье прямо в лицо Кормака.

Кельт увернулся, и копье просвистело возле его левого уха. Кормак не успел поднять меч — пикт замертво свалился ему под ноги с кинжалом между ребрами. Елена едва удержалась на краю выемки — с такой силой она ударила ненавистного пикта.

Кормак опустил меч и оглянулся. Схватка закончилась. Уцелевшие пикты бежали в лес. Вулфер свирепо оглядывал поле битвы, но на этот раз на его топоре не было ни единого пятнышка крови. Он стоял у руля на «Вороне», потому и добежал до места схватки, когда она уже была закончена.

— Спускайся, девочка, — обратился Кормак к принцессе и протянул руку, чтобы помочь ей. — Мы выполняем повеление твоего брата. Теперь мы доставим тебя прямо к нему и получим золото, которое он нам пообещал за твое спасение.

На миг Елена заколебалась, потом подала ему окровавленную руку и легко спрыгнула на землю.

— Елена! — воскликнул Марк. В руке у него был жезл вожака пиктов, которого он убил своими руками. — Любимая, ты ранена?

Девушка, не обращая никакого внимания на жениха, порывисто шагнула туда, где двое ктов отгаскивали от Рольфа тела убитых пи ктов. — Похоже, северянин жив, — сказал один из них.

— Это нетрудно исправить, — Вулфер поднял над головой топор.

— Нет! — отчаянно вскрикнула Елена. Она бросилась на землю и прижалась к залитой кровью кольчуге Рольфа, потом повернулась к своим спасителям с искаженным от ярости лицом.

— Это Рольф меня спас! — выкрикнула она. — Он знал, что может сделать со мной его дядя, если только узнает, кто я такая. *Рольф* хотел отвезти меня к брату, и не за деньги, а во имя нашей любви. Пикты обещали сохранить ему жизнь, если он вернет меня для их Лунной Жертвы. Вы видите, что он им на это ответил! — Девушка кивнула на убитых пиктов.

— Она сама не знает, что говорит! — вырвалось у Марка. — От того, что ей пришлось пережить, у нее помутился рассудок.

— Принцесса! — обратился к ней Донал. Меч в его руке выглядел нелепо. — Принцесса, Рольф прекрасно понимал, что пикты не пощадят его, даже если он выполнит их требование. Он спасал себя, а не тебя.

— Чем они клялись, девочка? — спросил Вулфер. Топор он все еще держал в руках. — Должно быть, могилами своих матерей? Это их любимая клятва.

— Их жрец поклялся Голкой, богом Луны, — ответила Елена. — Он поклялся, что луна остановит

кровь в его жилах, если он не отпустит Рольфа живым и невредимым.

Вулфер взглянул на Кормака, удивленно приподняв бровь.

Кельт кивнул.

— Такую клятву пикты должны были сдержать, — произнес он. — Рольф, конечно, это знал не хуже нас. Поднимись, принцесса. Он молод и полон сил, а его раны не столь глубоки, чтобы отнять у него жизнь. Но его нужно побыстрее перевязать.

Девушка благодарно взглянула на Кормака и поднялась.

— Значит, я должен оставить этого храбреца, моего кровного врага, в живых? Так что ли, кельт? — спросил Вулфер.

— Да, — твердо ответил Кормака, глядя ему в глаза.

Ют вздохнул. — Бьорн, ты лучше всех знаком с искусством врачевания. Сделай все возможное, чтобы спасти этого молодца.

— А что делать с ним потом? — растерянно произнес Марк. Он обвел взглядом своих товарищей, избегая смотреть на бледное лицо Елены. — Отнесем его к его кораблю и оставим там?

— Рольф отправится с нами, — сказала Елена.

Вулфер хмыкнул. Девушка вспыхнула и опустила глаза, затем решительно вскинула голову и продолжила: — Мы с ним так решили. Если мой брат благословит нас, я выйду замуж за Рольфа. А если Геринту будет угодно по-другому распорядиться его судьбой, я все равно останусь с ним.

— Ну, это нас уже не касается, — сказал Кормака. — Главное — вернуть тебя брату.

— Принцесса, ты сошла с ума! — воскликнул Марк. — А как же обещание, которое ты дала мне?

— Тебе его дал мой брат! — ответила Елена. — Мы с Рольфом любим друг друга с тех пор, как встретились два года назад!

— Два года назад, после того, как его отец залил кровью нашу землю! А своих сыновей, когда они вырастут, ты отправишь на юг, чтобы они продолжили то, что начал их дед?

— Время кровопролитий когда-нибудь должно закончиться, — просто сказала девушка. Она опять покраснела, но это была краска гнева, а не стыда. — Если я могу приблизить этот день, выйдя замуж за человека, который любит меня, который рисковал жизнью ради моего спасения, — пусть будет так, Марк. Пусть будет так!

Марк еще не успел убрать в ножны меч, на котором уже засыхала кровь жреца пиктов. Словно в беспамятстве, он занес меч над Еленой. Донал хотел схватить бритту, но наткнулся на руку Кормака.

На голову Марка опустился топор Вулфера. Бритт выронил меч, его тело обмякло, однако упал он не сразу, а только когда ют освободил топор.

Елена, оцепенев от ужаса, смотрела на Вулфера. Он оторвал полосу от плаща Марка и вытер свое страшное оружие, затем спокойно произнес:

— За тебя, девочка, мы должны получить сотню фунтов золотом. Разве я мог позволить кому бы то ни было лишить нас обещанной награды?

Кормак взглянул на тело Марка и задумчиво произнес:

— Его время прошло. Может быть он и сам успел это понять. Однако мы отвезем тело его воинам и скажем им, что он погиб, как герой, окруженный бешеными пиктами.

Елена опустилась на колени и разрыдалась. Она бессознательно гладила руку Рольфа. Донал вздохнул и убрал в ножны свой меч.

— Хо! — воскликнул Кормак, оглядев молчавших пиратов. — Пора нам, братцы, возвращаться на корабль. Не станем же мы здесь дожидаться, пока Торлейф обнаружит, что его провели!

МЕЧИ СЕВЕРНОГО МОРЯ

1

кул!

Почерневший от дыма потолок содрогнулся от рева, рога и кубки громыхали по дубовым столам, собаки, скорее похожие на волков, с рычанием дрались за объедки. Во главе самого большого стола сидел Рогнар, прозванный Рыжим, гроза Северного моря. Он поглаживал в раздумье длинную бороду и внимательно наблюдал за пирующими — за стола-

ми сидело более сотни воинов, им прислуживали златокосые девы и рабыни. Стены зала покрывали ковры и шелк, на них висели золотые украшения, восточное оружие, рога и препарированные головы диких зверей.

Северяне упивались победой. Пал Рим. Франки, готы, вандалы и саксы захватили лучшие в мире земли и теперь отбивали атаки еще более диких племен, напавших с севера. Едва франки осели в Галлии, ассимилируясь более зрелой латинской культурой, в устьях их рек появились длинные ладьи викингов, сеющие смерть и разрушения. Все чаще Восток, Запад и Юг содрогались под яростными ударами северян. Викинги начали постепенно заселять Гебридские и Орнейские острова. Хотя чаще всего острова эти служили им не более чем опорными пунктами при подготовке очередных набегов, на некоторых из них викинги заложили постоянные поселения. Одним из них и была усадьба Рогнара на острове, который скотты называли Кадбаном, пикты Каломаром, а викинги Валгардом.

Слово Рогнара было здесь законом, воля — священной, неудивительно поэтому, что он с удовлетворением поглядывал на пирующих. Мало у кого из викингов была столь же крепкая дружина, сколоченная из светловолосых великанов-норманнов и ютов, первых и в бою, и в пьянке. Даже теперь, пируя, они не расставались с доспехами и оружием, лишь рогатые шлемы лежали рядом на лавках. Взгляд Рогнара остановился на одном из них — он казался чужаком в той тщательно подобранной компании. Столь же высокий и плечистый, как и его соседи, он имел, однако, смуглую кожу, черные волосы, холодные глаза стального цвета и был тщательно выбрит. Лицо его покрывали многочисленные шра-

мы, на нем была надета простая кольчуга, лишенная всяких украшений.

Пока Рогнар приглядывался к гостю, в скаллы вошел еще один воин и направился напрямик к вожаку. Вновь пришедший был высоким и пропорционально сложенным юношей, безбородым, но с заметными уже усами.

— Здравствуй, Хакон! — приветствовал его Рогнар. — Что-то тебя не видно было в последнее время.

— Охотился на волков в горах, — ответил пришелец, тоже поглядывая на темноволосого воина.

— Это Кормак Мак Арт, — пояснил Рогнар, — его драккар разбился тут поблизости этой ночью. Он единственный спасся. Представляешь, пришел сюда утром, мокрый с головы до ног. Каким-то чудом ему удалось уговорить стражников, и они привели его ко мне вместо того, чтобы прикончить на месте. Он дрался по очереди с лучшими бойцами дружины. Ран, Тостиг, Хальфгар — он всех их разоружил, даже не поцарапав!

Хакон, услышав это, уважительно поклонился Кормаку. Кельт кивнул и ответил на прекрасном староирландском языке:

— У меня много друзей среди викингов.

Хакон смотрел на него еще пару мгновений, но, наткнувшись на холодный и спокойный взгляд, вновь повернулся к вожаку. Ирландские пираты не столь уж редко появлялись в этих местах, они плавали аж в Испанию и даже в Египет, хотя их корабли уступали по мореходным качествам драккарам викингов. Вообще-то между этими двумя народами шла непрерывная война, они были конкурентами, соперничающими за влияние на Западных морях.

— Ты вовремя попал к нам, Кормак, — сказал Рогнар. — Завтра погуляешь на моей свадьбе. Клянусь молотом Тора, в моей жизни хватало женщин, были у меня и римлянки, и ютки, а когда они мне надоедали, я сплавлял их своим людям на потеху. И думать никогда не думал о женитьбе. Но время идет, пора позаботиться о сыновьях, и я нашел девушку, которая мне их родит. Эй, Осрик, Евдрут, приведите-ка сюда бриттку! Сейчас ты сам ее оценишь.

Взгляд Кормака скользнул по сидевшему поодаль Хакону. Постороннему, не слишком внимательному наблюдателю показалось бы, что на лице юноши блуждает усталая улыбка, но кельт успел заметить, как его челюсти свела внезапная судорога. Судя по всему, за маской равнодушия скрывалось немало напряжение.

В зал вошли три женщины, следом за которыми вышагивали два здоровенных викинга. Женщины приблизились к Рогнару, и две из них отступили на несколько шагов назад.

— Посмотри, Кормак, разве она не достойна стать матерью сыновей викинга?

Кельт взгляделся в стоявшую перед ним красную от гнева девушку. Ей не было и двадцати лет, но ее тело было телом вполне зрелой женщины. Девушка явно не желала быть покорной узницей. Одета, как и все норманнки, она, несомненно, рождена была далеко от этих мест. Золотые волосы, голубые глаза и белая, лишь слегка смугловатая кожа указывали на ее кельтское происхождение. Судя по поведению девушки, она была потомком племени, столь же дикого, как и то, в плен к которому попала.

— Она дочь короля из Западной Британии, — сообщил Рогнар. — Ее племя так и не смогли поко-

ритель римляне, да и теперь, оказавшись между саксами и пиктами, ее сородичи не дают спуска ни тем, ни другим. Мы отбили девушку у саксов, похитивших ее во время набега на земли ее отца. Едва ее увидев, я понял, что лучшей матери моим сыновьям не сыщешь. Она тут у меня сидит уже пару месяцев, пришлось немного поучить ее уму-разуму да хорошим манерам. Она же была сущей кошкой, когда мы ее поймали! Я отдал ее Эдне, так эта старая ведьма чуть было все не испортила! Пришлось поработать розгами, чтобы...

— Ты все сказал, негодяй? — прервала его девушка с едва уловимым страхом в голосе. — Если да, то я возвращаюсь к себе. Лучше уж лицезреть Эднину кривую рожу, чем пялиться на твою рыжую морду!

Зал взорвался хохотом, Кормак даже поморщился.

— Не похоже, чтобы она смирилась, — заметил он спокойно.

— А чего бы она стояла, если бы было иначе? — столь же спокойно ответил Рогнар. — Баба без характера, что ножны без меча. Возвращайся к себе, моя дорогая, и готовься к свадебной церемонии. Быть может, ты посмотришь на меня ласковее, когда родишь трех или четырех сыновей.

Глаза девушки сверкнули, но она молча повернулась и собралась уже уйти, когда пиршественный шум и гам прорезал писклявый голос:

— Стойте!

Глаза кельта сузились, когда он увидел страшное лицо, которое, подпрыгивая и раскачиваясь, двигалось по направлению к ним. У этого монстра была голова взрослого мужчины, но сидела она на маленьком, ужасно деформированном тельце, снаб-

женном кривыми ногами с огромными плоскими ступнями. Одно плечо поднималось значительно выше другого, а на спине красовался здоровенный горб. На мрачном смуглом лице горели злорадством огромные желтые глаза, усиливая и без того гнетущее впечатление.

— Это еще что такое? — изумился Кормак. — Я знаю, вы далеко плаваете, но мне как-то не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из вас добрался аж до врат ада...

— Ты прав, я поймал его в аду, — ухмыльнулся Рогнар. — Византия напоминает мне порою настоящий ад. Греки наловчились ломать кости у детей, а затем криво их сращивать, вот и получают такие страхолюдины на потеху кесарю и его свите. Чего тебе надо здесь, Анзас?

— Господин, — тихо пискнул урод, — завтра ты женишься на этой девушке, не так ли? О да, это так, я знаю! Но известно ли тебе, о великолепный, что Торула любит другого?

Торула смотрела на карлика, и в глазах ее светилась боязливая брезгливость.

— Э-э-э, любит другого, — пробурчал вожак. — Ну, и что из этого? Какое мне дело до ее любви?

— А если я тебе скажу, что один из твоих людей встречается с нею? И что они говорили прошлой ночью, не в первый, впрочем, раз, через решетку в окне? До этого тебе тоже нет дела?

Рог с грохотом опустился на крышку стола и разлетелся на куски. В зале воцарилась мертвая тишина, все взгляды скрестились на лице вожака.

— Рогнар! — тишину разорвал голос пурпурного от гнева Хакона. — Если ты позволишь, чтобы эта падаль оскорбляла твою, что бы там ни было, будущую жену...

— Лжешь, собака! — одновременно с Хаконем выкрикнула девушка, еще сильнее покраснев от злости. — Я...

— Молчать! — рявкнул Рогнар. — А ты говори и побыстрее! Если солжешь, сдохнешь лютой смертью!

Викинг протянул руку и поймал карлика за подол туники, тот позеленел от страха, но послал, тем не менее, злобный взгляд Хакону.

— О мой господин! — проскулил урод. — Я следил за нею много ночей и, наконец, выследил. Она частенько поглядывала на того, кто тебя предал. А прошлой ночью я, лежа под деревьями у ее окна, слышал, как они договаривались о побеге. Ты был бы ограблен и, вдобавок, лишился бы жены!

Рогнар встряхнул его, словно перышко.

— Пес! — взревел он. — Назови мне имя того, о ком говоришь, или я пуцу на ремни твою кожу!

— Я не лгу! — обиделся карлик. — Ночью со мной был человек, которому ты поверишь, ибо он не обронил ни слова лжи за всю свою жизнь. Тостиг!

Из-за стола поднялся высокий угрюмый бородач, он был одним из тех, с которыми Кормаку пришлось утром скрестить мечи.

— Тостиг, — пискнул карлик, — скажи нашему господину, было ли то, о чем я рассказал? Скажи, разве ты не лежал в кустах и не слышал, как лучший друг господина и эта девушка шептались о побеге?

— Он не лжет, — подтвердил тихо Тостиг.

— Один, Тор и Локи! — загремел Рогнар, отбрасывая в сторону уroda. — Кто этот пес? Скажи мне, и я сверну ему шею!

— Хакон! — взвизгнул карлик с гримасой отвратительной радости на губах. — Твой любимчик!

— Верно, это был Хакон, — нехотя поддакнул Тостиг.

У Рогнара отвисла челюсть. На несколько мгновений все застыло, затем меч Хакона сверкнул, словно молния, и воин с ревом бросился к тем, кто его выдал. Анзас, пища от страха, кинулся бежать. Тостиг же выхватил меч и попытался преградить юноше дорогу. Ярость того была, однако, столь велика, что единственного удара меча хватило, чтобы отправить в царство теней одного из лучших дружинников Рогнара.

В ту же секунду Торула нагнулась и вlepила карлику такую затрещину, что тот покатился по полу, обливаясь кровью. Сотня глоток взорвалась ревом, викинги рвались в бой, хотя мало кто понимал, кого следует бить, а кого защищать. В стычке участвовали оба вожака, и лояльность воинов была подвергнута тяжелому испытанию. Рядом с Рогнаром сидели ветераны — те, кто участвовал во многих его набегах и не привык долго рассуждать. В их обязанность входила охрана вожака, и они мгновенно поставили перед ним стену из сомкнутых щитов, отбросив Хакона назад.

У юноши не было теперь ни малейших шансов на победу, люди Рогнара повалили его на пол и связали. Шум и гам постепенно утихли. Вожак, судя по цвету его лица, кипел от негодования. Анзас поднимался на ноги, держась обеими руками за голову. Торулой занялась женщина могучего телосложения, она действовала столь успешно, что бедная девушка, зажатая под ее мощной лапой, не могла даже пальцем пошевелить.

Лишь один человек в этом зале сидел неподвижно, со спокойной, даже циничной улыбкой наблюдая за происходящим. Это был, разумеется, Кормак.

— Ты хотел меня предать?! — вопрос был чисто риторическим, но Рогнар подкрепил его ударом ноги по ребрам. — Ты, которому я так верил...

У него перехватило от злости дыхание, он засопел и вновь замахнулся ногой, но сзади пронзительно закричала девушка:

— Свинья! Негодяй! Трус! Ты не решился бы на это, будь у него руки свободными!

— Заткнись! — приказал Рогнар.

— Не заткнусь! — кричала девушка, колотя кулачками валькирию. — Я люблю его! Не тебя же мне любить! Ты жесток и безобразен! Он милый и отважный, я только за него пойду замуж!

Рогнар взревел и замахнулся кулаком. Однако прежде, чем кулак вожака долетел до девушки, Кормак поймал его руку за запястье. Норманнский вожак охнул от боли — пальцы кельта сжались стальным капканом. Мгновение пылающий взгляд норманна сверлил холодные глаза кельта.

— Зачем тебе труп вместо жены, Рогнар? — спросил Кормак и отпустил руку викинга.

Тот, видимо, пришел к тому же выводу, поскольку приказал, пересыпая слова ругательствами:

— Оттащите этого пса в темную и прикуйте там к стенке. Отшумит завтра свадьба, и тогда женщина моя посмотрит, что я с ним сделаю. И сделаю вот этими руками!

Два крижистых воина вытащили яростно сопротивляющегося Хакона. Когда его злобный взгляд коснулся на мгновение лица Кормака, он сразу успокоился и громко выкрикнул единственное слово:

— Клеан!

Кормак даже глазом не моргнул, на его лице не дрогнул ни один мускул. Он все так же спокойно, с улыбкой на устах, наблюдал за происходящим.

— А что с девицей? — спросила валькирия. — Выпороть?

— Готовь к свадьбе! — рявкнул Рогнар. — И убери ее с глаз долой, зашибу ненароком!

2

Воткнутый в стену факел чадил и едва рассеивал тени, что клубились в небольшой избе, срубленной из сосновых бревен. Прикованный в углу стальной цепью, Хакон клял все на свете, переворачиваясь с боку на бок.

Меньше всего его беспокоили раны и царапины, полученные в драке, да и сам тот факт, что он потерял свободу, не слишком его печалил — его доводила до бешенства мысль, что Рогнар заставит девушку пойти за него замуж, а он, Хакон, ничем не сможет ей помочь. Вдруг он замер, услышав снаружи чьи-то шаги, затем голос. Человек выговаривал слова с едва уловимым акцентом.

— Ты не врешь? Рогнар и вправду прислал тебя с ним поговорить? А чем докажешь? — спрашивал стражник.

— Поди и сам его спроси, если не веришь, а я за тебя покараю. Только если он прикажет выпороть тебя за то, что лезешь не в свои дела, моей вины в том не будет.

— Да ладно тебе... — пошел на попятную стражник. — Иди, только не торчи там долго.

Громыхнул засов, и на пороге появилась высокая фигура. Дверь с лязгом захлопнулась. Перед Хаконном стоял Кормак, он был в доспехах, с мечом, с верхушки шлема на его голове свешивалась на спину длинная прядь конских волос.

— Я знал, что ты придешь,— сказал Хакон,— говори тише, чтобы стражник не услышал.

— Я пришел узнать, откуда тебе известен ирландский...

— Врешь,— перебил его со злой улыбкой Хакон.— Ты потому пришел, что боишься, как бы я не выдал тебя Рогнару. Как только я назвал твое родовое имя, ты понял, что мне известно, кто ты такой на самом деле. Да, ты Кормак Мак Арт, но у тебя есть прозвище — ты Кормак Волк, пират и разбойник, правая рука Вулфера Юта, злейшего врага Рогнара. Я понятия не имею, чего ты здесь ищешь, но не сомневаюсь, что твое появление не сулит ничего хорошего Рогнару. Стоит мне слово сказать стражнику, и ты разделишь мою судьбу.

— А если я тебе перережу горло, так что ты и пикнуть не успеешь?

— Можешь,— согласился юноша,— но не станешь. Не в твоих правилах убивать безоружного.

— Ты прав,— скривился кельт с видимым сожалением.— Ладно, говори, чего ты от меня хочешь.

— Я предлагаю тебе жизнь за жизнь, ты спаси меня, а я не стану тебе мешать.

Кельт сел на лавку и задумался.

— У тебя есть какой-нибудь план?

— Освободи меня и дай меч. Я заберу Торулу, и мы спрячемся где-нибудь среди холмов. Или, если мне это не удастся, я, по крайней мере, заберу Рогнара с собой в Валгаллу.

— Ну, а добравшись до холмов, что будешь делать?

— Там мои люди. Полтора десятка ютов, которым Рогнар надоел до смерти. Я припрятал на той стороне островка лодку, если нам удастся доплыть до одного из островов незамеченными, то у меня

будет время, чтобы сколотить свою собственную дружину. И уж тогда-то я вернусь и заплачу сполна этому негодяю за пинки под ребра!

Кормак кивнул. Подобное тому, о чем говорил Хакон, не раз случалось между викингами, и его план имел немалые шансы на успех.

— Все это хорошо,— сказал кельт наконец.— Но тебе прежде всего надо выйти отсюда.

— Это твоя забота.

— Говоришь, у тебя полтора десятка друзей в лесу...

— Точно. Мы ушли из усадьбы вчера, как будто на охоту. Я оставил их в условленном месте, чтобы завершить кое-какие дела и окончательно обговорить детали побега с Торулой. Я собирался посидеть на пиру в скалли, а затем вернуться... уже с девушкой. Если бы не эта скотина Анзас, клянусь богами, я вырву его сердце и...

— Хватит,— остановил его Кормак.— Сделаешь с ним все, что тебе заблагорассудится, но сейчас нет времени говорить об этом. У тебя есть друзья среди людей Рогнара? Мне показалось, что далеко не всем понравилось, как он с тобой обращался.

— У меня хватает и друзей, и приятелей, но они пока колеблются. Викинги туго шевелят мозгами — они идут за тем, кто в данный момент кажется им наиболее сильным. Как только Рогнар и его свора сгинут, остальные, вне всяких сомнений, присоединятся ко мне.

— Тогда так...— глаза Кормака сверкнули.— Слушай. Я сказал Рогнару правду, мой драккар действительно разбился о скалы, но уцелел не только я. За южным мысом сидят, надежно укрывшись, Вулфер и пять десятков головорезов. Ночью после катастрофы мы посоветались и решили, что только я,

которого Рогнар знает хуже всех остальных, могу пойти в его скалли. Я собирался какой-либо хитростью выманить у него драккар... И теперь вот что я тебе предлагаю. Я помогу тебе сбежать, а ты присоединишься к нам со своими людьми и поможешь победить Рогнара. После этого ты дашь нам один из драккаров, все остальное в усадьбе — люди, оружие и прочее — останется тебе. Согласен?

— Еще бы! — просиял юноша. — Помоги мне, а я обещаю, что когда власть на этом острове окажется в моих руках, я дам тебе лучший из драккаров.

— По рукам. Теперь послушай. Будут ли менять стражу ночью?

— Сомневаюсь.

— А этот, который за дверью? С ним можно договориться?

— Нет, это один из ближайших к Рогнару людей.

— Что ж, тем хуже для него. Если мы его уберем, до утра тебя не хватятся. Погоди-ка!

Кормак подошел к двери и крикнул:

— Эй, стражник! Это так ты следишь за узником!

— А в чем дело?

— Пока ты там сидишь, он решетку в окне выломал.

— Не может быть! — охнул стражник, влетая в дом.

Когда он задрал голову, чтобы посмотреть на светившееся под потолком окошко, Кормак двинул его кулаком по челюсти. Воин свалился на пол без всяких признаков жизни. Ключи от цепи Хакон висели на поясе у стражника, и спустя несколько мгновений юноша уже разминал затекшие конечно-

сти. Кормак наложил цепи на руки и ноги стражника и заткнул ему рот кляпом. Выскочив из избы, они прикрыли за собой дверь и помчались к лесу. На опушке кельт остановился и осмотрелся. Луны еще не было, но ему хватало и звездного света.

Скалли располагалась входом к затоке, в которой стояли на якорях драккары. Возле нее теснились склады, конюшни и жилые избы дружины — ближайшее из зданий едва в ста ярдах от них. Изба, где томился в цепях Хакон, была крайней. Лес рос рядом с усадьбой, и некоторые из строений стояли в тени деревьев, поселение не было окружено ни стеной, ни даже тыном. Рогнар в одиночку хозяйничал на острове, никто иной, кроме его людей, здесь не появлялся. Он чувствовал себя в безопасности и не спешил возводить защитные сооружения, ведь пока ему ничто не угрожало.

До настороженных ушей Кормака донесся вдруг шелест чьих-то удаляющихся шагов. Напрягая зрение, кельт заметил, как что-то шевельнулось под одним из громадных деревьев. Кивнув Хакону, он бросился в ту сторону, на ходу выхватывая кинжал из ножен. Он бежал, руководствуясь скорее инстинктом, чем зрением, где-то впереди хрустнула ветка, а мгновение спустя он увидел тень, оторвавшуюся от дерева и помчавшуюся к усадьбе.

— Анзас! — выдохнул Хакон, догнавший, наконец, Кормака. — Опять подглядывал. Надо задержать эту падаль, и как можно скорее!

На плечо юноши упала стальная рука.

— Спокойно, — прошептал кельт. — Он знает, что ты на свободе, но понятия не имеет, что мы его видели. У нас есть еще немного времени.

— Но Торула! Я не пойду без нее! Ни за что! Иди сам, если хочешь, а я либо ее спасу, либо погибну!

Кормак взглянул на скалли — уродливая фигурка как раз сворачивала за угол.

— Веди к ней! — буркнул он. — Это безумие, но Рогнар и в самом деле может расправиться с ней до того, как ты подроспеешь со своими людьми.

Покинув тень, они мгновенно пересекли открытое пространство, отделяющее скалли от леса. Подбежав к окну, забранному решеткой, они остановились. Юноша осторожно постучал по решетке, и почти в ту же секунду за нею появилось бледное личико девушки.

— Хакон! — прошепелестел ее радостный шепот. — Будь осторожен! Тут со мной эта старая карга Эдна. Спит, правда, но...

— Отойди-ка, — шепнул Хакон, поднимая меч. — Сейчас я прорублю выход...

— И поставишь на ноги даже тех, кто на них не держится после лишнего кубка пива, — перебил его Кормак. — У нас еще есть немного времени, пока Анзас ищет Рогнара. Не стоит терять его зря.

— Но как...

— Посторонись! — бросил кельт, примериваясь к решетке.

Хакон вытаращил глаза в немом восторге, когда увидел, как спина ирландца выгнулась дугой, мышцы напряглись, а жилы вздулись. Что-то глухо треснуло, и Кормак спокойно поставил выдранную из стены железку рядом с собою. Изнутри послышался удивленный возглас.

— Ну, иди сюда! — приказал Кормак, его мускулы все еще дрожали после титанического усилия.

Девушка появилась в окне, за ее спиной кто-то громко выругался, и две огромные ладони схватили девушку за плечи. Торула молниеносно повернулась и ударила наотмашь. Руки исчезли, что-то тя-

жело шмякнулось на пол, и девушка упала прямо в объятия возлюбленному.

— Так, ведьме я заплатила.

— Быстрее! — торопил Кормак. — Сейчас начнется...

Не успел он вымолвить эти слова, вспыхнули факелы и раздалось дикое рычание Рогнара. К счастью, лес был рядом. Здесь Кормак остановился.

— Сколько времени пойдет у тебя на то, чтобы найти своих и вернуться?

— Вернуться?

— Ты плохо слышишь?

— Ну... часа полтора...

— Ладно. Собери своих, и ждите там, в кустах, пока не услышите такой сигнал, — он осторожно свистнул три раза. — Как только услышите, идите туда, откуда я его подам. И не попадитесь Рогнару и его людям в лапы.

— Но... Он, наверное, дождется рассвета и только потом отправится на поиски.

— Плохо же ты его знаешь, — засмеялся Кормак. — Могу поспорить, что он сейчас же начнет прочесывать лес со всеми своими людьми. Но не будем терять времени. Смотри, какая кутерьма в усадьбе. Веди сюда своих как можно быстрее, а я пойду за Вулфером.

Подождав, пока юноша и девушка исчезнут за деревьями, он отправился в путь, по-прежнему полагаясь главным образом на инстинкт. Теперь он возносил в душе хвалу богам за тот опыт, что приобрел, скитаясь в юности по лесным дебрям. Позади слышались вой и проклятия — Рогнар обнаружил, что птички выпорхнули из клетки. Однако постепенно, когда Кормак начал удаляться от усадьбы, рев стих, и теперь был слышен только шум прибоя.

Приближаясь к тому месту, где он оставил ютов и Вулфера, кельт замедлил шаг и удвоил осторожность — еще не хватало получить от своих же по голове. Оглядевшись по сторонам, он завыл волком, и в ту же секунду из тени выдвинулся массивный силуэт, и громкий шепот возвестил:

— Кормак, Тором клянусь, мы уже думали, что не ты их, а они тебя обвели вокруг пальца...

— Где им, простофилям, — хмыкнул Кормак. — Но я еще не до конца уверен, что нам все удастся. Нас будет едва семь десятков против трех сотен.

— Семь десятков?

— Да, у нас тут объявились союзники. Помнишь Хакона?

— Помню.

— Он поссорился с Рогнаром. С ним полтора десятка ютов. Командуй — если проиграем, по крайней мере расстанемся с жизнью в бою. А если повезет — раздобудем корабль. Ну и ты, наконец, отмстишь...

— Месть... — разинул радостно пасть викинг, поглядывая на небо искрящимися глазами и ласково поглаживая рукоять топора.

Этот могучий рыжий ют был столь же высок ростом, как и кельт, но ему не доставало его тигриной ловкости. Правда, он компенсировал ее массой.

— Вылезайте из дыр, волки! — крикнул он во тьму за спиной. — Хватит гнить в дуплах, идем кормить воронов Одина! Осрик, Аслаф, вперед, нас ждет потеха!

Из мрака материализовались фигуры пиратов — казалось, ночные тени сгущались и собирались в одно место. Лишь звон оружия да скрежет доспе-

хов сопровождал их появление. Викинги тронулись в путь. Оглянувшись, Кормак увидел колышущуюся линию гигантских теней, увенчанных шлемами. «Веду в бой стаю демонов», — подумал он и улыбнулся.

3

Кормак остановился у подножия небольшого холма столь внезапно, что Вулфер, шагавший сразу же за ним, уткнулся ему в спину. Стальные пальцы кельта стиснули руку вожака, предупреждая вопрос. Впереди слышался гул голосов, лязг оружия, среди деревьев появились огоньки факелов.

— Ложись! — шепнул Кормак, и Вулфер переправил команду дальше.

Колонна пиратов мгновенно упала в траву и замерла. Шум усилился, в поле зрения появились воины, размахивавшие факелами и оружием, они шли едва заметной тропой, пересекавшей трассу ютов. Впереди маршировал с мечом в руке Рогнар, его лицо было перекошено гримасой неутоленной злобы. Рядом с ним шли те, кто еще недавно защищал его в скаллы, а уж за ними беспорядочной толпой катились все остальные. Увидев эту толпу, Вулфер аж затрясся, Кормак почувствовал, как напряглось его плечо.

— Тучу бы стрел сейчас, а потом в мечи... — услышал он мечтательный шепот.

— Не сейчас... — процедил кельт сквозь зубы. — Их тут три сотни. Мы можем решить все дело иначе, и я не позволю тебе все испортить. Лежи спокойно и дай им пройти!

Ни единым звуком не выдали себя юты, и норманны исчезли на другой стороне поляны, не подо-

зревая даже о смертельной опасности, только что им грозившей. Кормак довольно ухмыльнулся — противник пока действовал именно так, как он предполагал. Ярость викинга была столь велика, что он не стал ждать рассвета и помчался в лес затемно. Только что его отряд пролетел, не заметив этого, в нескольких шагах от полусотни головорезов, так где же им поймать двух молодых людей!.. Что ж, викинги не привыкли долго думать, приступая к делу. Кормак знал этих вспыльчивых, эмоциональных людей лучше, чем даже, наверное, они сами себя, и именно на этом строил свои расчеты.

Юты лежали неподвижно до тех пор, пока вдали не смолкли последние звуки, а пламя факелов не превратилось в огоньки светлячков. Зато, поднявшись на ноги, пираты понеслись вперед с удвоенной скоростью, не обращая уже внимания на хруст хвороста под ногами и прочий предательский шум. Наконец перед ними замелькали огоньки усадьбы Рогнара.

Притаившись под деревьями на опушке леса, они внимательно осмотрели поселение. Оно было теперь ярко освещено, но по двору возле скаллы крутилась только горсточка воинов. Вожак забрал с собой на ночную прогулку почти всю свою дружину.

— И что дальше? — спросил Вулфер.

— Дождемся Хакона, он уже где-то здесь рядом, — едва Кормак произнес эти слова, один из воинов Рогнара поднял факел повыше и направился в их сторону.

— А, чтоб его... — вздохнул Вулфер. — Так хорошо все шло! Эдрик, достань его стрелой...

— Нет! — остановил его Кормак. — Не стоит спешить, — и тут же растворился во мраке, словно призрак.

Дружинник тем временем шел прямо на них, уловив, вероятно, чье-то неосторожное движение или заметив силуэт слишком уж высунувшегося из-за дерева пирата. Он был скорее заинтригован, чем обеспокоен. Пройдя под деревьями, он неожиданно для себя налетел на рыжебородого юта, возвышавшегося перед ним во тьме, подобно статуе.

— Освик! — рыжая борода — это все, что заметил несчастный в мерцающем свете факела. — Ты уже вернулся? Вам удалось... Э-э-э...

Он потерял дар речи, когда подошел поближе и увидел незнакомое лицо, а рядом с ним столь же незнакомые бородатые лица еще нескольких десятков воинов. Его глаза расширились, в них блеснуло понимание, но сделать он уже ничего не успел. Вулфер выбил из его руки и тут же затоптал факел. Остальные мгновенно разоружили и связали норманна.

— Отвечай, но тихо, — послышался безжалостный шепот. — Сколько воинов осталось в усадьбе?

Внезапность случившегося и непроницаемая тьма способствовали тому, что норманн, который не спасовал бы в битве, покорно ответил:

— Три десятка.

— Где они?

— Половина в скаллы. Остальные в избах.

— Достаточно, — прошипел Кормак. — Проверьте веревки на руках и ногах и оставьте его здесь. Сейчас я позову Хакона.

Он свистнул трижды и наострил уши. Почти тут же последовал ответ из-за деревьев на противоположной стороне поселения.

— Ждите тут! — приказал кельт пиратам и направился в ту сторону, откуда прозвучал сигнал.

Он шел так, как ходил обычно,— быстро, но тихо, прячась за деревьями, пока не услышал перед собой невнятный гам. Кормак повторил сигнал и услышал, как Хакон осаживает своих людей, спешивших применить оружие. Подойдя поближе, он увидел, наконец, силуэты молодого викинга и его товарищей.

— О боги! — взорвался он. — Вы так гадите, что вас только глухой не услышит. Те, кто вас разыскивают, ломают, наверное, головы, пытаясь понять, откуда на острове взялось целое стадо буйволов! А это еще кто?

Рядом с Хаконем виднелась тоненькая фигурка, затянутая в доспехи и вооруженная, как и все остальные, но удивительно маленькая по сравнению с ними.

— Торула... Уперлась, что пойдет... Пришлось подобрать ей кольчугу и...

Кормак смачно выругался, плюнул и клял Хакон на последними словами добрых несколько минут, ни разу не повторяясь.

— Ладно... Если баба упрется, ничего не поделаешь,— сказал он, наконец, уже спокойнее. — Теперь слушайте меня внимательно. Видите избу, в которой сидел Хакон? Подождите ее.

— Так ведь Рогнар немедленно сюда заявится.

— Этого-то нам и надо. Когда они начнут тушить пожар, вы ударьте им в спину. Поднимите шум, отправьте в царство теней столько, сколько сможете, а когда дружинники очухаются, отступите к конюшне. Если сделаете это с умом, не потеряете ни единого человека. Добравшись до конюшни, забаррикадируйтесь там и держите осаду. Поджигать вас не станут, коней пожалеют, а от трех десятков дружинников вы легко отобьетесь.

— А как же ты со своими ютами? — запротестовал Хакон. — Мы тут головами рискувать будем, а ты...

— Ты мне веришь? — перебил его Кормак. — Если веришь, то не будем тратить время на болтовню. Когда Рогнар посчитает, что имеет дело с тобой, эффект от нашего удара возрастет многократно. Будь уверен, в урочный час юты Вулфера прольют здесь море крови.

— Хорошо. Только возьмите с собой Торулу, мало ли...

— Ни за что! — девушка топнула ногой, чтобы придать больше веса словам. — Мы теперь будем с тобой неразлучны. Я бриттская принцесса и умею владеть мечом не хуже, чем любой из твоих воинов.

— Что ж,— иронически скривился кельт,— по крайней мере ясно, кто кем командует. Ладно, не время спорить. Забирай ее, и за работу!

Он объяснил еще раз, что следовало сделать, и они тронулись в путь краем леса. Расстояние, отделявшее избу от леса, было небольшим, и пираты преодолели его мгновенно. Когда они пробежали под деревом, стоявшим напротив настешь теперь раскрытых дверей, Кормак задел за что-то головой. Молниеносно повернувшись, он схватил это что-то и тут же отпустил — высоко среди ветвей раскачивался повешенный за шею дружинник.

— Хакон! Твой стражник... — сообщил он юноше.

— Рогнар скор на расправу.

— Глупец. Убивать следует лишь в случае крайней необходимости.

Бревна сруба были сухими, и достаточно оказалось ударить несколько раз кресалом, чтобы огонь пополз по стенам.

— Отойдите и выждите, пока они не выскочат и не начнут тушить пожар. Тогда ударьте по ним, а затем — в конюшню, — напомнил Кормак и побежал к своим.

Пираты с тревогой наблюдали за пламенем, добиравшимся уже до крыши. Вдруг во дворе усадьбы закричали. Из скали выбежали мужчины, все они были вооружены, хотя далеко не все одеты. Судя по всему, большинство из них только что вкушало благой сон. Следом за мужчинами во дворе появились женщины и дети. Все они сразу же принялись тушить пожар. Несмотря на их дружные усилия, огонь все более разгорался, и Рогнар должен был совершенно ослепнуть, чтобы его не заметить. В этот самый момент раздался оглушительный рев, и на незадачливых пожарников обрушился небольшой отряд хорошо вооруженных воинов, затянутых в полные доспехи. Нанося удары направо и налево, нападавшие мгновенно прорубили себе дорогу среди ошарашенных норманнов, устлав ее телами мертвых и раненых. Вулфер и стоявшие за ним пираты, напряженно следившие за происходящим, едва не бросились следом за отрядом Хакона.

— Кормак! — воскликнул вожак. — Мой топор голоден!

— Потерпи! Твоему топору хватит еще пищи. Вот видишь, они уже в конюшне и баррикадируются изнутри.

Действительно, так оно и было. Норманны пришли в себя и дружно навалились на нежданного противника, но тот уже скрылся в конюшне, откуда доносилось ржание и топот перепуганных лошадей. Конюшню строили с тем расчетом, чтобы она выдерживала напор как обезумевших от голода волков, так и бурь, бушующих над Северным мо-

рем. Топорам людей тоже предстояло потрудиться, чтобы с нею справиться. После того, как двери были забаррикадированы, забраться в конюшню стало возможно только через окна, размещенные под самым потолком. Норманны немедленно изрубили толстые деревянные решетки в щепы, но попасть внутрь оказалось гораздо труднее — осажденные бешено сопротивлялись. После нескольких неудачных атак оставшиеся в живых норманны отступили, чтобы обсудить создавшееся положение. Как и предполагал Кормак, им и в голову не пришло поджечь конюшню — кони были для них бесценным сокровищем. По этой же причине они отказались от обстрела из луков, тем более, что шанс попасть в кого-либо из врагов в абсолютной темноте, господствовавшей в конюшне, был минимальным. В то же время положение норманнов, осаждавших конюшню, было в этом отношении диаметрально противоположным — двор был ярко освещен, и юты Хакона не замедлили этим воспользоваться. Они, хоть были не бог весть какими меткими лучниками, посылали стрелу за стрелой точно в цель. В конце концов одному из дружинников Рогнара пришла в голову здравая мысль.

— Рогнар наверняка заметил пожар и уже возвращается, — крикнул он. — Олаф, беги к нему и скажи, что мы заперли Хакона с его людьми в конюшне. Пусть он поспешит. А потом увидим.

Посыльный исчез, а Кормак тихо рассмеялся.

— Точно так, как я и предполагал. Боги помогают нам нынче ночью. Пригнись, а то увидят.

Шли долгие минуты ожидания, ни с той, ни с другой стороны никто не рвался в бой. Пламя догорело, оставив после себя тлеющее пожарище, восточный небосклон начал светлеть. Наконец в

лесу послышались треск и топот. Нервы кельта напряглись до предела — это был решающий момент: если норманны проскочат мимо них и никого не заметят, дело будет сделано, по меньшей мере, наполовину. Он в последний раз шикнул на своих людей и изо всех сил вжался в мох. Сверкнули огоньки факелов, и кельт с облегчением понял, что Рогнар появится с противоположной от них стороны поляны. Вожак трубил, как раненый лось, и размахивал над головой огромным двуручным мечом.

— Ломай двери! За мной! Руби стены!

Следом за ним из кустов вылетела лавина воинов, гвардия мчалась впереди. Вулфер вскочил на ноги, как, впрочем, и все остальные пираты. Его глаза горели горячкой боя, топор нетерпеливо подрагивал в громадной лапе.

— Стой! — рявкнул Кормак, хватая его за рукав. — Подождем, пока они не начнут ломиться в дверь.

4

Оставив за собой нескольких товарищей, прошитых стрелами, норманны с воем ринулись к конюшне, полезли в окна, вышибая мозги из тех, кто пытался сопротивляться, начали рубить двери. Перепуганные кони заржали на разные голоса, когда двери затряслись под ударами десятков тяжелых топоров.

— Вперед! — Кормак и пираты помчались в атаку, опережаемые тучей стрел.

Мертвые тела выпали из окон, и норманны ошарашенно оглянулись. Пираты были столь же хоро-

шими лучниками, как и рубаками, и доказали это в очередной раз, с потрясающей точностью посылая на бегу стрелы. Однако норманны еще не были сломлены. Увидев летящую из лесу толпу рыжебородых воинов, они пришли к неверному выводу, что это лишь передовой отряд огромной армии — но это только разожгло в них яростную ненависть, и они устремились навстречу своей судьбе. Выпустив последние стрелы прямо в лица врагов, юты отбросили луки и сшиблись с норманнами в рукопашной, взывая к Одину.

Кормак, сеявший опустошение своим жалящим мечом, понимал, что единственный шанс на победу заключается в быстроте действий. Затягивая сражение, и викинги используют численное превосходство, а результат тогда проявится незамедлительно.

Тем временем Хакон со своими людьми выскочил из конюшни и атаковал бывших своих товарищей с другой стороны. Первые лучи восходящего солнца осветили кровавую сечу, разгоравшуюся в усадьбе. Рогнар должен умереть, решил Кормак, машинально отбивая удар топора и разрубая противника надвое. Возле него свалился наземь еще кто-то, и кельт увидел обоих вожakov, подступавших друг к другу. Какой-то ют набросился на Рогнара и отлетел в сторону с разрубленным черепом. Секундой позже оба рыжебородых великана сшиблись с яростным ревом. Ненависть, старательно лелеемая обоими викингами на протяжении многих лет, наконец-то получила возможность разрядиться в непосредственном столкновении. И юты, и норманны все слабее ворочали оружием, бессознательно занимая наиболее удобные для наблюдения за поединком места.

А посмотреть было на что. Противники имели примерно одинаковые массу и силу. Рогнар вооружен был огромным мечом, в руке Вулфера поигрывал топор. Щит юта разлетелся надвое при первом же ударе Рогнара. Отбросив в сторону обломки, Вулфер ударил топором, целясь противнику в голову, тот уклонился и потерял только один из рогов своего шлема.

Рогнар зарывал и послал меч в ноги, но грузный ют подскочил с потрясающей легкостью и, будучи еще в воздухе, ударил снова. Топор скользнул по шлему, но сама сила удара бросила норманна на колени. Когда Вулфер замахнулся для решающего удара, Рогнар привстал и изо всех сил ударил мечом по голове юта. Лезвие меча сломалось с громким треском, Вулфер покачнулся, его глаза заливала кровь. Пират, словно раненый тигр лапой, махнул топором вслепую. И именно этот удар достиг цели, разрубая шлем и череп Рогнара. Все вскрикнули. Труп норманнского вожака пал к ногам Вулфера, мгновение спустя и сам он свалился под бешеным напором гвардейцев мертвого теперь короля. Кормак прыгнул вперед, пытаясь отбить окровавленного товарища. Несколькими мгновениями позже им на помощь пришли другие юты, и вновь вспыхнуло адское пламя сражения.

Кормак оказался напротив Рана — одного из лучших дружинников Рогнара, за его спиной Хакон скрестил меч с приятелем Рана — Хальфгаром. Кормак улыбнулся, ему уже приходилось драться с Раном, и он знал, чего следует ожидать. Блокировав удар с полуоборота, он слегка дернул меч, и тот погрузился в сердце противника. Кельт, не теряя времени, повернулся, чтобы увидеть поединок Хакона с Хальфгаром.

Юноше приходилось несладко — Хальфгар, превывавший ростом даже Вулфера, нависал над ним горою. Он превосходил Хакона также силой и ловкостью и буквально осыпал ударами его щит, не давая юноше возможности прийти в себя. Хакон потерял шлем после одного из особенно сильных ударов и, несомненно, потерял бы голову, если бы рядом не появилась маленькая фигурка, бесстрашно принявшая очередной удар на лезвие своего меча. Удар послал ее на колени, но решающая секунда была выиграна. Меч великана уже рассекал воздух, когда Кормак ткнул клинок в его горло, почти напрочь срезав голову. Поймав Вулфера за шиворот, кельт оттащил его в сторону, отчаянно ругаясь и бешено работая мечом.

Осмотрев поле битвы, Кормак установил, что гвардия Рогнара пала, остальные же норманны после того, как вожак расстался с жизнью, дерутся без особого воодушевления. Все шло по его плану. Один из викингов завопил вдруг:

— В лесу полно ютов!

Это стало последней каплей. Паника, которую смогут понять лишь те, кто хоть раз побывал в подобной заварухе, охватила норманнов. Вулфер, трясая яростно головой, домогался топора, но Кормак удерживал его. Пираты не спешили добивать побежденных, и те успели укрыться в скали, готовясь дорого продать свою жизнь, как это в обычае у викингов, когда их припирают к стенке.

— Эй, вы! Послушайте меня! — крикнул Хакон, которого вытолкнула вперед стальная рука Кормака.

— Слушаем, — донеслось из забаррикадированного окна, — но не смей приближаться. Быть может, песенка наша спета, но мы утащим с собой в

царство теней любого, кто попытается снять с нас шкуру.

— Да не буду я пытаться. Я взываю к вам, как к друзьям, хоть вы и позволили Рогнару измываться надо мною. Но что было, то прошло, и я с радостью об этом забуду. Рогнар мертв, его свита тоже, а у вас нет вожака. Леса окрест кишат ютами, которые ждут только знака. Я не хочу его давать, потому что они тут же подожгут скалы, и вы погибнете. Прислушайтесь к моим словам и признайте меня новым вождем. Если вы присягнете мне на верность, ничего худого с вами не случится!

— А юты? — раздались неуверенные голоса. — Разве им можно верить?

— А мне вы верите? Я нарушил когда-нибудь свое слово?

— Нет, — согласились норманны, — ты всегда выполнял обещания.

— Так вот, я клянусь, что юты вас не тронут. Я обещал им драккар за помощь и сдержу свое слово. Они уплывут с миром, а мы построим новый или отобьем себе другой корабль — невелика проблема. И еще одно: рядом со мной девушка, которая станет моей женою. Она дочь короля бриттов и обещала уговорить отца помочь нам. Имея опору в Британии, мы организуем такой набег на саксов, какого свет до сих пор не видел. И, кроме того, пользуясь поддержкой отца Торулы, мы можем попытаться основать новое королевство в Британии, как это сделали Цедрик, Хенгист и Хорс. А теперь выбирайте!

В скалы воцарилась тишина, вероятно, там совещались, наконец, прозвучал все тот же голос:

— Мы согласны, Хакон!

Юноша отбросил в сторону окровавленный меч и подошел ближе к двери.

— И вы клянетесь в верности мне Быком, Огнем и Мечом?

Огромная дверь открылась, из-за нее выглянули бородатые лица.

— Клянемся, Хакон. Наши мечи в твоём распоряжении.

— Когда они поймут, что их провели, оторвут голову и ему, и нам, — пробурчал Вулфер, вытирая кровь.

— Они поклялись и сдержат слово, — усмехнулся Кормак. — Ты серьезно ранен?

— Пустяки. Рассечено бедро и пара царапин на плечах. Если бы не дурацкая кровь, залившая глаза, когда меч этой скотины трахнул меня по шлему...

— Я всегда говорил, что твоя голова крепче шлема, который на ней сидит. Пора заняться ранеными. Человек десять наших убиты, а среди оставшихся нет ни одного, не получившего ранений. Из ютов Хакона полегла половина, но, клянусь богами, это была сеча! — он показал на поле боя, усеянное трупами.

5

Дальнее еще до зенита солнце освещало белый парус драккара, покачивавшегося на волнах у берега. На его палубе стояла группа людей.

— Мы прекрасно поохотились этой ночью, — произнес Кормак, пожимая руку Хакону. — Всего пару часов назад ты был изгоем, ожидающим смерти, а мы — полутопленниками, выброшенными на вражеский берег. Теперь же ты хозяин Валгарда, и

у тебя дружина надежных воинов, а у нас под ногами палуба крепкого драккара, хотя команда жидковата. Но все изменится, когда до ютов долетит весть, что Вулферу и Кормаку Мак Арту требуются люди.

— Знаешь,— заявил Вулфер, осторожно поглаживая руку Торуты своей могучей лапой,— десяток лет назад я бы, пожалуй, свернул Хакону шею и увез бы тебя с собою. Но поднимается ветер, и мое сердце рвется в море, я не могу дождаться того момента, когда почувствую крен палубы под ногами. Да помогут вам боги!

Хакон, девушка и несколько ближайших их друзей сошли на берег и отвязали канат. По команде Вулфера юты налегли на весла, выводя корабль на чистую воду. С берега видели, как парус поймал ветер, и драккар рванулся вперед.

— Итак, старый волчище,— рявкнул Вулфер, награждая приятеля тумачом,— куда плывем?

— На остров Мечей, пополним команду,— ответил кельт, сверкая глазами.— А потом поднимем чашу за викингов — и на край света!

НОЧЬ ВОЛКА

В

згляд Торвальда, прозванного Грозою Щитов, скользнул по злым глазам стоявшего перед ним человека, пробежал по бородатым лицам воинов в рогатых шлемах, белевшим над длинными столами, задержался на соколиных ликах вождей, прервавших пир, чтобы выслушать ответ своего вожака. Торвальд расхохотался.

И правда, человек, который только что кончил говорить,

не мог соперничать с грозными викингами. Он был силен, но невысок и коренаст. Из одежды на нем была только юбка из оленьей шкуры, на ногах поблескивали сандалии. Простой кожаный пояс и свисавший с него короткий меч свидетельствовали о знакомстве их владельца с военным делом. Черные волосы охватывал тонкий серебряный обруч, под которым сверкали столь же черные глаза, расширенные яростью.

— Год назад,— продолжал черноволосый воин на ломаном языке ютов,— ты пришел в Гдару, чтобы заключить мир с нами. Ты обещал быть нам другом и защищать наш народ от нападения твоих проклятых соплеменников. А мы были глупцами и верили, что у таких негодяев, как ты, есть совесть и честь. Мы слушали тебя, пировали с тобой, даже срубили для тебя деревья, из которых ты построил эту стену, чтобы отгородиться от нас. У тебя был один корабль и горстка людей, когда ты здесь появился, но, едва закончена была стена, подтянулись новые. Теперь вас четыре раза по сто, а на берегу лежат шесть кораблей с драконьими головами на носах. Ты обнаглел до крайности: оскорбил наших вождей, твои люди избили наших юношей, забрали наших женщин, а теперь еще требуют выдать им детей и стариков как заложников.

— А чего ты еще хочешь? — цинично спросил Торвальд. — Я же плачу за каждого из твоих людей, случайно убитого моими товарищами. А что касается баб, то настоящему воину не следует забивать себе голову такими пустяками.

— Платишь? — в черных глазах мелькнуло бешенство. — Зачем нам твое серебро? Разве оно может пролитую кровь? Вы любите забавляться с чужими женщинами, мы знаем об этом. Но, согласись,

девушки лесного народа не столь уж безобидны и беспомощны, как это казалось вам раньше...

— Хватит! — оборвал его Торвальд. — Говори, зачем пришел, у меня нет времени слушать твою болтовню.

Пикт не обратил внимания на оскорбление.

— Возвращайтесь,— показал он на море,— к себе на Север или в преисподнюю, плывите, куда хотите. Если поторопитесь, то успеете унести ноги. Я, Бурла, вождь Хятлэнда, все сказал.

Торвальд откинул голову назад и захохотал. Ему вторили соседи, и вскоре смех гремел по всему залу.

— Дурак! — крикнул вожак. — Ты что же, думаешь, викинги выпустят добычу, попавшую в их лапы? Вы были настолько глупы, что позволили нам угнездиться тут, а теперь мы сильнее! Мы господа здесь! На колени, и благодари судьбу за то, что мы позволим вам жить и служить нам. Нам ничего не стоит загнать в землю все ваше племя. Но мы говорим — живите, только хватит вольничать. С сегодняшнего дня вы будете носить серебряные ошейники, и все будут звать вас рабами Торвальда.

Услышав эти слова, пикт потерял самообладание.

— Глупец! — рывкнул он так, что эхо прокатилось по залу. — Ты выбрал свою участь! Вы — господа! Да когда твои предки прыгали по деревьям в арктических лесах, мы были хозяевами мира. Может быть, многие из нас погибли, но в рабство к белым дикарям не пойдет никто. Под твоими воротами воют псы судьбы, и когда лес оживет, все выдохнете, как собаки, — и ты, Торвальд Гроза Щитов, и ты, Аслаф Йорлсбайн, и ты, Гримн, сын Гнорри, и ты, Осрик, и ты, Хакон Скел... — палец пикта

остановился на человеке, сидевшем рядом с Хаконном. Человек этот значительно отличался от остальных. Он не казался менее диким или опасным, чем они. Напротив, холодные серые глаза придавали его лицу выражение еще большей жестокости. Чужак был темноволос и гладко выбрит, его шлем украшали не рога, а конский хвост, на нем была ирландская, а не норманнская кольчуга. Пикт прошел мимо него и остановился рядом с последним из сидевших за столом.

— ...и ты, Горди, прозванный Вороном! — закончил он.

Рыжебородый Аслаф Йорлсбайн сорвался с места.

— Во имя Тора! Мы что, будем спокойно выслушивать оскорбления этого... этого... Я, который был...

Торвальд успокоил его жестом руки, выражение его глаз свидетельствовало, что человек этот привык приказывать и более того — привык, чтобы ему подчинялись.

— Ты говорил много и громко, Бурлла, — сказал он очень спокойно. — У тебя, наверное, пересохло в горле.

Сказав это, он взял со стола рог. Пикт, озадаченный поведением викинга, машинально протянул руку. В то же время Торвальд выплеснул содержимое рога прямо ему в лицо. Взревев от обиды, Бурлла отшатнулся, выхватил меч и бросился на викинга. Однако он был ослеплен пенящимся пивом, и Торвальд легко парировал его удары, а Аслаф стукнул его по голове доской. Оглушенный пикт, обливаясь кровью, свалился под ноги Торвальду. Хакон подскочил к нему с ножом, но вожак удержал его:

— Я не хочу, чтобы паршивая пиктская кровь пачкала пол в моей скалли. Вытащите отсюда эту падаль.

Сидящие поодаль викинги охотно исполнили приказание вожака. Бурлла, придя в себя, попытался подняться на ноги. Его вновь повалили на пол и били до тех пор, пока он не перестал подавать признаков жизни.

Тогда его выволокли за ноги во двор, наградив на прощание еще несколькими ударами под ребра. Пикт лежал, уткнувшись в землю разбитым и окровавленным лицом.

Тем временем Торвальд опрокинул в себя очередную рог пива и снова рассмеялся.

— Пора трубить охоту! — заявил он. — Надо избавиться от этих червяков, иначе они своим воем и жалобами житья нам не дадут.

— Правильно, охоту! — согласился Аслаф. — Воевать с ними — много чести, но мы сможем на них поохотиться, как на волков...

— Ох, это твое понимание чести, — пробурчал Гримн, сын Гнорри. Гримн был стар, хитер и осторожен. — Ты болтаешь о чести, — продолжал он, — а я говорю, что это было чистейшее безумие. Избить вождя... Торвальд, ты должен вести себя разумнее с этими людьми. Их, по моим подсчетам, раз в десять больше, чем нас.

— Голодранцы, — презрительно ответил Торвальд. — Любой из викингов стоит полусотни таких, как они. А что до соблюдения договора, так это я, что ли, баб у них воровал, а? И хватит, Гримн, у нас полно неотложных дел.

Гримн проворчал что-то себе под нос, а Торвальд повернулся к темноволосому воину и прищурился, словно кот, играющий с мышью.

— Парта Мак Отна, это странно, что такой человек как ты, — хотя, признаюсь, я о тебе до сих пор ничего не слышал — прибыл сюда в одиночку на маленькой лодке.

— Чего же тут странного? Если бы я приплыл на драккаре со своими людьми, каждый из которых имеет счет к норманнам, дело не могло бы закончиться ничем иным, как солидной потасовкой. Но ведь мы с тобой, Торвальд, люди, цивилизованные, и хотя нашим народам случалось враждовать между собой, вполне можем договориться обо всем спокойно.

— Это верно, викинги и ирландцы-реверы особой дружбы между собой никогда не вели, — подтвердил норманн.

— Именно поэтому я взял лодку и на исходе дня высадился на острове в одиночку. Драккар ушел за Малин Хед и заберет меня только на рассвете.

— Сколько трудов, — ухмыльнулся викинг, — и все это ради какого-то паршивого юта. Расскажи подробнее, о чем идет речь.

— Все очень просто. Мой кузен Нейл сидит в плену у ютов, а мой клан не платит за него выкуп. И не потому, что не хочет, а потому, что те требуют слишком уж многого. Но до нас дошло известие, что ты в битве с ютами у Гельгоlanda взял в плен их вождя. Я хотел бы его у тебя выкупить. Надеюсь, мы сможем его обменять на моего кузена.

— У ютов вечные междоусобицы. Откуда ты знаешь, что мой пленник друг, а не враг тех, что держат в плену твоего кузена?

— Если это так, тем лучше, — усмехнулся кельт, — за месть платят больше, чем за безопасность друга.

Торвальд поигрывал в задумчивости рогом.

— Тут ты прав, пожалуй. Я всегда говорил, что вы, кельты, невероятные хитрецы. И сколько ты дашь за этого юта?

— Пять сотен серебряных монет.

— Его люди заплатят больше.

— Может быть, да, а может — не дадут и гроша. Это риск, на который ты должен пойти, тем более — деньги получишь на месте, никуда плыть не надо. Завтра утром мы передадим их тебе из рук в руки. Мой клан не слишком богат, но этот ют нам нужен. Хотя, если ты считаешь, что он стоит большего, мы поплывем дальше на восток и поищем другого.

— Найти будет не трудно, — согласился Торвальд. — Юты погрязли в войне между двумя королями. Во всяком случае, так было совсем еще недавно, ибо я слышал, что Эрик уже отвоевал себе чуть ли не всю страну, а Торфин сбежал куда-то.

— Говорят, что из этих двоих лучшим был все же Торфин, но Эрика поддержал Анлаф, могущественнейший ярл ютов, — добавил кельт.

— Я слышал также, что Торфин ушел в море на утлой лодчонке с несколькими воинами. Ах, догнать бы его... Впрочем, мне и того, который сидит там, в темной, хватит. Пусть не королю, но уж вельможе, по крайней мере, я отомщу. А этот ют, хоть он и не признается, явно вельможа. Судя по тому, как орудует мечом, не меньше, чем ярл. Когда мы его окружили, он столько моих людей порубал, что трупы валялись штабелями. Я, конечно, могу его продать, но мне все же больше хочется послушать его предсмертные вопли, чем звон твоего золота и серебра.

— Я уже говорил тебе, — кельт развел руками. — Пять сотен серебряных монет, три десятка золотых

цепочек, десяток дамасских мечей и доспехи, которые я сам снял с франкского принца. Больше дать я не в силах.

— Я все же думаю, что больше позабавлюсь, если затравлю его собаками. А как ты собираешься платить? У тебя что, все это в нижней рубаше зашито?

Кельт пропустил издевку мимо ушей.

— Завтра утром ты, я и кут пойдем на самую высокую точку острова. Можешь взять с собой десяток человек. Вы останетесь на берегу, а я в лодке выйду в открытое море, дождусь драккара и вернусь с выкупом и с десятью своими людьми. Обмен произведем на берегу, и если ты не будешь пытаться меня надуть, никто из лодки даже ногой на землю не ступит.

— Неплохо придумано, — признал Торвальд.

Инстинкт подсказывал кельту, что дело нечисто — напряжение и ожидание чего-то все более ощущались в пиршественном зале. Вожди внимательно наблюдали за гостем, а Гримн нервно потирал ладони и крутил головой. Однако кельт не подал виду, будто что-то заметил.

— И все же плата за человека, который может послужить выкупом за ирландского принца, низковата, — тон Торвальда изменился, теперь он явно издевался над чужаком. — Нет, лучше я затравлю его собаками. Вместе с тобою, Кормак Мак Арт!

Он выплонул эти слова, вскакивая на ноги, и в тот же миг сидевшие рядом вожди бросились на Кормака. Они знали репутацию, которой тешился ирландский пират, но все же недостаточно полно оценили его возможности. Торвальд еще сидел, когда Кормак прыгнул к нему, и прыжку этому мог бы позавидовать голодный волк. Только быстрый реф-

лекс спас викинга — он уклонился, и меч кельта снес голову стоявшему за креслом слуге. Зал мгновенно наполнился лязгом оружия и бешеными воплями. Кормак пытался пробиться к двери, но слишком много головорезов навалилось на него. Торвальд, потеряв равновесие, грохнулся на пол, но над головой Кормака уже навис меч Аслафа. Кельт рубанул противника по шее, рикошетом разбил череп другому, замахнувшемуся на него топором. В тот же миг Горди Ворон нанес удар, который должен был отрубить кельту руку. Клинок скользнул, однако, по рукаву кольчуги, а Горди нанизался на вездесущее лезвие меча Кормака. Хакон Скел нацелился в непокрытую голову ирландца, но промахнулся и сам получил удар в лицо, надолго выведший его из строя. Однако тело викинга, падая, заклинило Кормаку ногу. Воспользовавшись этим, Торвальд изо всех сил вlepил кулак ему под ребра, лишая дыхания. Кельт отскочил назад, ему удалось еще сломать меч Торвальда, а самого его опрокинуть на землю, но в эту секунду его достал, наконец, клинок одного из викингов. Старик Гримн вырвал из рук оглушенного кельта оружие, и остальные викинги стаей набросились на него, всей массой давя к земле. Но и тогда им пришлось несладко. Лишь с громадным трудом норманнам удалось отодрать пальцы кельта от горла одного из них и связать так, что даже его стальные мускулы не могли порвать путы. Кельта поставили на ноги и подвели к вожаку. Кормак был с ног до головы залит кровью, но уже успел прийти в себя и бесстрашно смотрел в глаза Торвальда.

— Клянусь кровью Тора! — воскликнул норманн. — Я ужасно рад, что здесь нет твоего приятеля Вулфера. Кто знает, что вы натворили бы вдвоем. Я слышал, тебе нет равных во владении мечом,

но только сейчас этому поверил. О Тор, ты шел сквозь моих людей, как взбешенный волк сквозь стадо овец! У вас что, все такие?

Кельт молчал.

— Мне бы таких, как ты, побольше себе в компанию,— сказал Торвальд.— Я забуду о прежних наших раздорах, если ты присоединишься к нам,— он предлагал это, явно не надеясь на согласие. И действительно, услышал в ответ ледяное молчание.— Что ж,— продолжал он,— я и не рассчитывал, что ты согласишься, и это решает твою судьбу. Я не могу простить оскорбления, как-никак мне нанесенного,— он рассмеялся.— Ты мастерски владеешь мечом, а вот ум твой явно перехватили. Глупец, ты хотел обвести вокруг пальца викинга? Да я узнал тебя еще до того, как ты начал рассказывать свои сказки. Вождь ирландцев-реверов, как же, только когда это было?! Теперь Кормак Мак Арт — правая рука Вулфера Хавсаклифта, ютландского викинга, злейшего нашего врага. Ют тебе понадобился... зачем? Расскажешь, ты все нам расскажешь! Потом.— Он глубоко вздохнул и злорадно ухмыльнулся.— Опять что-то замыслишь. Шпионишь, хочешь напасть на меня, выбрав ночь потемнее, со своим дружкой Вулфером. А ну, говори, сколько у Вулфера кораблей и где они сейчас?

Кормак расхохотался в ответ.

— Не скажешь? — Торвальд мрачнел на глазах.— И не надо. Когда бы они ни появились, их будут поджидать три моих драккара. И когда мне надоест травить собаками юта, подоспеет Вулфер. А ты будешь смотреть на все это и молчать, ибо тебя я повешу на самом высоком дереве, которое найдется на моем острове. А теперь уведите его отсюда!

Когда кельта выволакивали из скаллы, он услышал еще обрывки спора, вспыхнувшего между вожаком и Гримном. Пикта во дворе уже не было: он либо сам уполз, придя в себя, либо его тело утащили соплеменники. Кормак знал пиктов, ему приходилось сталкиваться с ними в Каледонии, и он помнил, что убить их было чрезвычайно трудно, а их упорство в достижении цели было просто невероятным.

Усадьба Торвальда располагалась входом к небольшой затоке, на берегу которой лежали драконьи лабды, и состояла из скаллы и нескольких строений поменьше: конюшен, складов, изб дружинников. Усадьбу окружал бревенчатый частокол высотой в десять футов, верхушки бревен были затесаны в виде кольев, а нижние их части сидели в земле достаточно глубоко, чтобы не бояться подкопа. Кое-где в земле зияли аккуратно вырезанные бойницы. Частокол имел вид подковы, открытой в сторону моря, он доходил до самого берега и заслонял драккары. Усадьба казалась весьма крепким сооружением, как, впрочем, и все усадьбы викингов вплоть до самой Британии. Обычно подобные поселения служили перевалочными базами и местами короткого отдыха перед набегами, но Торвальд собирался жить здесь постоянно и строил, а также укреплял усадьбу исключительно солидно.

Кормака затащили в небольшую избу, стоявшую у самого частокола, и приковали цепями к стене. Дверь с треском захлопнулась, и кельт остался наедине со своими мыслями. А мысли были весьма невеселыми. Раны, полученные им в бою, оказались несерьезными, и ему гораздо больше докучало осознание той легкости, с которой он попал в ловушку. И это он-то, к уму и хитрости которого случалось

прибегать даже королям!.. В следующий раз так легко провести его никому не удастся — он был уверен в этом, как, впрочем, и в том, что доживет до следующего раза. Кельт нимало не беспокоился о Вулфере, он и ухом не повел даже тогда, когда услышал обрывки команд и скрип весел, свидетельствовавшие о том, что драккары вышли в море. Пусть себе плывут и ждут Вулфера у Малин Хед, туда им и дорога. Не такие уж они с Вулфером идиоты, чтобы верить Торвальду на слово. У Вулфера был только один корабль с восемью десятками ютов на борту. И корабль, и его команда затаились в надежном укрытии у противоположного берега затоки, примерно в миле от темницы. Шансы на то, что их обнаружат люди Торвальда, были минимальными. Побережье безлюдно и малодоступно, да, пикты избегают тех мест, считая их опасными. По договоренности с Вулфером, юты должны были ждать либо возвращения Кормака, либо дымового сигнала — последний означал бы, что Торвальд согласен на предложенные условия. Кельт предусмотрительно не стал говорить викингам о сигнале, хотя кое-что, им сказанное, содержало элементы правды — его действительно привело на остров желание выкупить пленника-юта. Только причина, указанная им норманнам, была столь же далека от истины, как и имя, под которым ют у них объявился.

Шум за стенами избы постепенно затих. В поселении постепенно воцарилась тишина, прерываемая лишь мерными шагами ночной стражи.

Было где-то около полуночи, судя по звездам, что заглядывали через маленькое, забранное решеткой окошечко под потолком. Кормака приковали над самым полом, поэтому он не мог ни стоять, ни сидеть. Он опирался спиной на стену избы,

которая одновременно являлась частью внешнего ограждения, и именно оттуда, снаружи, до его ушей донесся звук, не похожий ни на скрип деревьев, ни на завывание ветра. Кельт сдвинулся настолько, насколько позволяли цепи, и обнаружил между двумя бревнами щель, достаточную для того, чтобы выглянуть через нее наружу. Луна уже зашла, но лес напротив его глаз был все еще неплохо освещен. На самом краю леса что-то, едва заметное, медленно скользило между деревьями. Приглядевшись, Кормак понял, что то же самое происходит везде, вдоль всей стены. Ночь казалась насыщенной таинственным шелестом и шорохом, словно лес вдруг пришел в движение. А ведь пикт, Кормак отчетливо слышал тогда его слова, произнес: «Когда лес оживет...»

Кельт услышал одного из стражников:

— О Тор, никак тролли в лесу куролятся. Как свищет этот ветер!

Кормак прижался лицом к щели и попытался проникнуть взглядом во тьму, но, хотя имел исключительно хорошие зрение и слух, так и не смог выяснить причину странного шума. И вдруг какая-то тень мелькнула под ближайшим деревом. По спине кельта пробежали мурашки: эти невысокие коренастые существа напоминали лесных демонов. Они двигались гуськом, в абсолютной тишине. Это было так неправдоподобно, что лишь мгновение спустя к Кормаку вернулась способность нормально рассуждать. Это были пикты, потомки древней расы Веков Мрака, реликты каменной эпохи, уничтоженной бронзовыми мечами кельтов. Те, кому удалось пережить разгром, боролись с тех пор за выживание. И год за годом проигрывали в этой борьбе... Кормак не мог сосчитать точно, но по его

прикидкам выходило, что не менее четырех сотен пиктов промелькнуло в поле его зрения. Если это так, тогда лесной народ — после того, как драккары покинули усадьбу, — значительно превышал численностью тех, кто в ней остался.

Пикты прошли мимо щели и исчезли бесследно, словно ночные призраки. Кормак молча ждал. Внезапно ночь взорвалась грозным окриком. Лес у чостокола вдруг ожил, и со всех сторон к усадьбе помчались толпы черноволосых воинов. Кормак бешено дергал цепи, пытаясь порвать их или выдрать из стены. Снаружи разгоралось сражение, а он торчал здесь, как овца, которую вот-вот зарежут. Над чостоколом раздавались вопли и лязг оружия. Норманны дрались мужественно. Он не мог видеть, но по содроганиям стены чувствовал, сколь яростной была сеча.

Пикты не носили доспехов, и у викингов были немалые шансы удержать стену до появления Торвальда, который, заметив отблески пожара, конечно же, повернет назад. Двери скрипнули. Кто-то возился с замками. Наконец дверь распахнулась, и Кормак увидел старика Гримна. В одной его руке была связка ключей, второй он сжимал шлем и меч узника.

— Мы погибли! — воскликнул старец. — Я предупреждал Торвальда! В лесу полно пиктов, там их тысячи! Нам не удержать стены до его возвращения. Впрочем, его люди тоже мертвецы — стоит им сунуться в затоку, пикты нашьпигуют их стрелами. Они уже пробрались морем к пристани и подожгли корабли. Оссейкс, глупец проклятый, помчался тушить драккары и остальных за собой потащил! Ни один из них не вернулся, а мы лишь с трудом закрыли ворота. Мы истребляли их дюжинами, но вме-

сто одного убитого появляются трое живых. Я ошибся в подсчетах, пиктогораздо в больше на острове, чем я предполагал. Кормак, ты честный парень, и у тебя где-то здесь стоит корабль. Поклянись, что спасешь меня, и я тебя освобожу. Тебя, быть может, эти демоны не тронут. Только ты можешь меня спасти, я покажу тебе, где сидит пленный ют, и мы заберем его с собой... — он оглянулся вдруг через плечо и побледнел. — Кровь Тора! Ворота их не удержали! Они уже внутри!

Снаружи победно взвыли пикты.

— Снимай цепи, дурак старый! — рявкнул Кормак. — Сколько можно болтать!

Гримн, трясаясь от страха, перешагнул через порог, и тут же следом за ним метнулась черная тень. Коренастый воин схватил старика за волосы, задирая голову вверх. Из уст викинга вырвался пронзительный визг, и лезвие ножа чиркнуло по морщинистой шее. Пикт отбросил в сторону дергавшееся в конвульсиях тело и посмотрел на кельта. Тот ожидал смерти, ибо узнал в отблесках пожара, попадавших в избу через распахнутую дверь, вождя пиктов Бурллу.

— Ты убил Аслафа и Горди. Я видел это своими глазами. — Бурлла говорил с каменным спокойствием. — Я сказал своим, чтобы тебя, если ты еще жив, не трогали. Ты ненавидишь Торвальда не меньше, чем мы. Сейчас я освобожу тебя. Торвальд скоро вернется, и мы перережем ему глотку. Норманнам больше нет места на Гдаре. Вольный народ островов поднялся, чтобы нам помочь, и Торвальд уже мертвец!

Он освободил Кормака, тот, не медля ни секунды, схватил оружие и ключи и спросил:

— Где они держат того, кого называют ютом?

Бурлла показал на избу, черневшую на противоположной стороне двора, по ней уже ползали языки пламени. Он не имел понятия, что собирается делать дальше Бурлла, да и это его мало интересовало. Пикты успели уже поджечь все, что только могло гореть, — скалли, конюшни, склады, частокол. Возле скалли и под стеною бушевало сражение, защитники усадьбы — те, что оставались в живых, — бешено сопротивлялись. Но нападающих действительно были многие тысячи. Они гроздьями висели на каждом из викингов, те возвышались над ними подобно скалам, но рано или поздно падали, сметенные смертоносной волной. Предсмертные хрипы вонзались в усыпанное искрами небо, но Кормак, пробиравшийся между сражающимися, не слышал ни единой мольбы о пощаде. Обе стороны были охвачены такой злобой, что пощады не ждали и не дарили ее никому. Норманнские женщины дрались рядом с мужчинами и погибали вместе с ними. Норманнские дети умирали так же, как незадолго до этого их пиктские сверстники. Кормак не принимал участия в этой резне — друзей здесь у него не было, и любой из сражавшихся при okazji мог перерезать ему горло. Кельт, не замедляя шага, парировал случайные удары и продвигался вперед. Остановить его никто не пытался, и вскоре он добрался до цели. Кормак прибыл в самую пору — крыша уже занималась, и внутри было полно дыму. Он с трудом нашел дорогу к лежавшему в углу человеку. Тот увидел его или услышал, ибо тут же лязгнули цепи, и голос, произносивший слова со свойственным ютам акцентом, попросил:

— Убей меня, во имя Локи. Лучше меч, чем огонь.

— Я освобожу тебя, — прохрипел Кормак и нагнулся над ним.

В ту же секунду, когда кельт вытащил ошеломленного юта наружу, рухнула крыша. Кельт, тяжело дыша, посмотрел на спасенного. Это был рыжеволосый великан, грязный и оборванный после нескольких недель плена, но глаза его горели, он постепенно приходил в себя.

Великан огляделся.

— Меч! — воскликнул он. — Меч, во имя Тора! Тут творятся великие и страшные дела!

Кормак нагнулся и вытащил окровавленный клинок из руки утыканного стрелами викинга.

— Вот тебе меч, Хут, — сказал он, — но на чьей стороне ты собираешься драться? Норманнов, которые держали тебя в клетке, словно волка и хотели затравить собаками, или пиктов, которые сейчас набросятся на тебя, потому что у тебя голова рыжая?

— Выбор невелик, но я слышал стоны женщин.

— Все они уже мертвы. Им ты не поможешь — спасайся сам. Это ночь волка, и волки грызутся между собой.

— Торвальда бы встретить, — мечтательно вздохнул ют и устремился вслед за Кормаком, бежавшим к частоколу.

— Потом, — бросил на ходу кельт. — Слишком опасно. Я думаю, что и Вулфер, и Торвальд мчатся сейчас сюда сломя голову.

Стена в нескольких местах прерывалась кучами дымящихся углей. Едва они побежали к одной из них, из лесу выскочили трое пиктов. Предупреждающий окрик Кормака не помог — меч устремился к его горлу, и кельт вынужден был убить, чтобы уцелеть самому. Повернувшись к Хуту, он увидел,

что тот, расправившись уже с одним из врагов, переброшил меч в левую руку и могучим ударом разрубил голову второму. Кельт, ругаясь на чем свет стоит, метнулся к нему.

— Тебя ранили? — спросил он, увидев кровь на руке юта.

— Царапина! — запротестовал тот.

Кормак не обращал внимания на протесты. Он оторвал кусок ткани и крепко перевязал кровоточившую рану.

— Помоги мне оттащить трупы подальше в кусты, — попросил он. — Думаю, Бурлла поймет, что у нас иного выхода не было, но если остальные узнают, что это наша работа, их уже ничем не удержишь...

— Послушай! — Хут первым уловил какой-то новый звук, когда трупы уже были надежно спрятаны.

Шум битвы уже стихал, слышны были лишь треск и шипение пожара, да победные вопли пиктов. Только у одной из комнат скалли, где держали осаду несколько викингов, длился еще бой. И в этот гул ворвались вдруг ритмичные стуки: «клак-клак-клак».

— Торвальд возвращается! — крикнул Кормак и выскочил на эпушку.

В затоку входил драккар, движимый мерными ударами весел. С его палубы послышался яростный рев, когда команда увидела пожарище на месте усадьбы и валявшиеся повсюду трупы товарищей. Воды затоки, освещенные пожаром, отливали багровым блеском, казалось — ее сплошь заполняла кровь. На носу корабля темнел ястребиный профиль Хакона Скела. Увидев, что драккар возвращается в одиночку, Кормак злорадно ухмыльнулся.

К приближающейся к берегу ладье бросились сотни пиктов. Став по пояс в воде и держа луки над голо-

вами, чтобы не замочить тетив, они засыпали палубу драккара градом стрел. Пущенные со столь небольшого расстояния, стрелы обладали такой чудовищной убойной силой, что пробивали кольчуги и почти навывлет прошивали тела. Но пикты стреляли вслепую, кроме того, викингов спасали борта и прибитые к ним щиты, за которыми они прятались. Двигаясь по инерции, корабль налетел на мель, и на него тут же обрушилась лавина пиктов. Они со всех сторон карабкались на драккар, а стоявшие поодаль в воде лучники прикрывали их ливнем стрел. Однако, когда дело дошло до рукопашной, преимущество викингов оказалось явным. Звериная сила надежно защищенных кольчугами тел и длинные мечи делали их, по крайней мере на время, непобедимыми.

Мечи и топоры викингов разили нападавших, и тела врагов все гуще устилали воду. Кормак глубоко вздохнул, когда прикинул, сколько пиктов расталось с жизнью, так и не коснувшись противника. Видимо, это заметили также и вожди пиктов, ибо на берегу раздались пронзительные трели — сигнал о прекращении атаки. Пикты предпочли продолжить сражение, отступив на безопасную дистанцию. Викинги немедленно убедились, что новая тактика для них смертельно опасна. Вот с криком ужаса и стрелой в глазу пал Хакон. Его люди выскочили из драккара, пытаясь вновь сойтись с противником в рукопашной. Пикты с радостью выполнили их желание — на каждого викинга приходилось не менее дюжины черноволосых воинов. Волны окрасились в алый цвет, а прибрежные воды почернели от трупов. Окруженные в скалли викинги пробились наружу, предпочтя смерти в огне гибель рядом с товарищами.

Гул сражения был внезапно заглушен донесшимся из лесу ревом. Торвальд Гроза Щитов во главе

команд двух драккаров показался на поляне. Кормак сразу понял, что так оно и должно случиться, когда увидел, что драккар в одиночку входит в затоку. Торвальд послал корабль отвлечь внимание пиктов, чтобы иметь возможность спокойно высадиться на берег и пройти через лес. Тесно прижимая щит к щиту, колонна викингов двигалась к берегу затоки. Пикты, послав лавину стрел, бросились им навстречу. Однако стрелы отскакивали от щитов и шлемов, а сама атака разбилась о стальную стену викингов. Пикты не уступали, они раз за разом повторяли атаки, оставляя после каждой горы трупов.

То и дело падал один из викингов, но его товарищи смыкали ряды, и пикты вновь натывались на ровную стену щитов. Викинги не продвигались вперед, но и не отступали. Вдруг атаковавшие пикты без какого-либо сигнала отшатнулись от непреступной стены викингов и разбежались во все стороны. Викинги бросились следом за ними, не обращая внимания на отчаянные усилия Торвальда удержать их. Это была уловка, на которую норманны, разгоряченные боем, сразу попались, забыв, что только в строю они непобедимы. Как только строй раскололся, пикты окружили викингов — поодиночке или небольшими группами. Уже не было битвы, она распалась на ряд поединков, начиная от опушки леса и кончая берегом, где добивали команду драккара Хакона Скела.

Вдруг Кормак сорвался с места.

— О Тор, что же я за глупец! Торчим здесь и глядем, как сопляки, которые никогда драки не видели, вместо того, чтобы заниматься делом!

Они бежали, лавируя между деревьями и уворачиваясь от сражающихся. Однажды они не успе-

ли — дорогу преградили несколько черных силуэтов, и они с разбегу сшиблись с ними. Наконец гул битвы остался позади, а впереди послышался вдруг тяжелый топот десятков ног. Хут насторожился, но Кормак успокоил его:

— Тут не может быть никого, кроме волков Вулфера.

В первых проблесках занимающейся зари компаньоны увидели приближавшуюся к ним толпу рыжеволосых рослых головорезов.

Шагавший впереди вожак крикнул еще издали:

— Кормак! Кровью Тора клянусь, я уже думал, что нам придется тащиться через весь этот проклятый лес. Я как только увидел зарево, помчался к тебе на помощь, хотя до сих пор не могу понять, зачем ты начал в одиночку жечь все подряд и истреблять парней Торвальда. Что там происходит, и кто это с тобой?

— Это Хут, тот самый, за которым мы сюда пришли, а там... там воюют. Но что это за кровь на твоём топоре?

— Да тут пришлось пробиться сквозь таких маленьких, черненьких... Помнится, ты называл их пиктами.

— Теперь нам даже сам Бурлла не поможет! — охнул Кормак.

— Послушай, — добавил викинг, — лес кишит ими, и мне кажется, они идут по нашему следу.

— А я думал, все они остались там, — удивился Хут.

— Бурлла говорил, что попросил помощи у других кланов. Пикты приплыли сюда со всех окрестных островов и высадились во всех удобных для этого местах, — неохотно пояснил Кормак.

— Слушайте!

Гул битвы усиливался по мере того, как они углублялись в лес, но Кормака тревожило вовсе не это. С той стороны, откуда пришел Вулфер, доносился протяжный вой, переходивший в визг.

— Стройтесь! — приказал Кормак.

Пираты едва успели стать в строй, когда из кустов высочили преследователи. Около сотни пиктов, не снижая темпа бега, ударились о стенку из соединенных друг с другом щитов.

— Придержите их! — крикнул Кормак на ухо Вулферу. — Я пойду поищу Бурллу. Он им скажет, что мы враги Торвальда, и они оставят нас в покое.

Большинство из нападавших пиктов уже валялись на земле без движения, поэтому он смог без особого труда проскользнуть под прикрытием щитов в лес.

Правда, искать одного-единственного человека в лесу, к тому же битком набитом убитыми, ранеными и живыми еще врагами, было безумной затеей, но в этом теперь заключался единственный их шанс. Зная характер пиктов, кельт понимал, что перед ним и его товарищами лишь две возможности: найти вождя или драться всю дорогу до корабля. А последнее означало, что им пришлось бы пробиваться через весь остров, кишащий пиктами.

Размышляя о такой малоприятной перспективе, Кормак неожиданно споткнулся о чьи-то трупы.

Только благодаря тому, что он упал прямо на них и смог рассмотреть их с близкого расстояния, он узнал сплетенных в смертельных объятиях Торвальда и Бурллу. Оба были мертвы. Кормак вглядывался в их лица несколько долгих мгновений. Бешеный и близкий уже вой вернул его к действительности. Он вскочил на ноги и побежал туда, где оставил ютов.

Вулфер, опираясь на топор, разглядывал лежавшие перед ними трупы. Остальные юты твердо держали строй, хотя поблизости не было уже ни одного живого пикта.

— Бурлла погиб, — выдавил, задыхаясь, Кормак. — Теперь мы можем полагаться лишь на самих себя. При первой же подвернувшейся возможности они нас вырежут и, клянусь богами, трудно не признать их правоту. Последний наш шанс теперь в том, чтобы добраться до драккара, но как держать строй, двигаясь между деревьями...

— Подумай лучше о чем-нибудь другом, — Вулфер показал топором на восток. За деревьями бушевало пламя.

— Они обнаружили наш драккар, — прошептал Кормак. — Ну и взялся же за нас этот лес!

Вдруг ему в голову пришла новая мысль.

— За мной! Держаться теснее! Будем пробиваться в случае необходимости, но помните — держаться теснее!

Пираты двинулись за кельтом, привычные к тому, что если в критической ситуации и есть какой-то выход, его находит именно Кормак Мак Арт. Им повезло, что до самой опушки леса не попался на встречу ни один живой пикт. Зато адский вой преследовал их, не умолкая. Он усилился, когда погоня добралась до места последнего боя ютов. На дымящемся пепелище, оставшемся от усадьбы, сражение уже прекратилось. Причина была проста — все защитники усадьбы валялись убитыми. Но бой продолжался в лесу, куда пикты загнали оставшихся еще в живых людей Торвальда. Судя по яростным воплям, доносившимся оттуда, викинги дорого продавали свою жизнь. В гуще леса было мало проку от луков, и норманны дрались до последнего, хотя

судьба их была предрешена. Между обуглившимися складами крутились несколько сотен аборигенов, пытаясь, вероятно, спасти хоть что-то из припасов непрошенных гостей.

— Взгляните! — Кормак показал на застрявший на мели драккар. Он был совершенно пуст. — Через пару минут нам на шею свалятся тысячи этих дикарей, и тогда нас уже ничто не спасет. «Большой Ворон» Хакона Скела — вот наше спасение. Надо пробиться к нему, спихнуть с мели и отчалить до того, как нас захлестнет основная орда. Часть из нас наверняка погибнет, быть может, даже все мы погибнем, но попробовать стоит!

Ответа он не услышал, все и так было ясно. Ударить и исчезнуть! Это была обычная пиратская тактика, и что-то именно в этом роде предлагал Кормак.

— Сомкните ряды! — скомандовал Вулфер. — Лавой вперед! Хута в середину.

— Почему... — запротестовал тот, но Кормак бесцеремонно запихнул его в строй.

— У тебя нет ни шлема, ни кольчуги, — пояснил он нетерпеливо. — Готовы? Тогда вперед, и да помогут нам боги!

Они вылетели из-за деревьев, словно таран со стальным наконечником. Ошеломленные пикты отчаянно пытались преградить им дорогу. Лавина щитов, набравшая скорость и оцетинившаяся острой сталью, смяла препятствие, рассеяла и втоптала его в песок. Добежав до берега, пираты рассыпали строй — вполне понятно, — ибо невозможно двигаться плотной колонной по пояс в воде.

Двенадцать силачей уперлись спинами в нос и борта драккара, пытаясь спихнуть его с мели. Половина из них пала, прошивая стрелами, но их титанические усилия принесли результат, и ко-

рабль выплыл на чистую воду. Среди людей Вулфера хватало опытных лучников. Три десятка из них стали у бортов, вытащили из-за плеч длинные луки и накрыли бегущих к кораблю пиктов непроницаемой завесой стрел. Вскоре необходимость в обороне отпала, ибо драккар получил возможность плыть. Пираты взяли за весла, направляя корабль на глубину, где его не могли уже достать ни стрелы, ни люди.

— Ровнее, ровнее! — покрикивал Вулфер.

Хут зло выругался, потрясая головой. Он никак не мог переварить того, что один из пиратов прикрывал его щитом при столкновении с пик-тами.

— Немало доблестных воинов полегло в этом лесу, — сказал он. — Мне жаль, что мы бросили их на произвол судьбы, хотя они были врагами и жаждали моей смерти.

— Если бы я знал — как, я бы тоже им помог. Но, оставаясь там, идя на верную смерть, мы ничего бы не изменили. О Тор, что же это была за ночь! На острове нет больше викингов, но пикты заплатили за это реками крови. Только на берегу погибло не менее тысячи, а сколько их осталось в лесу, лишь богам известно.

Вулфер посмотрел на Хута. Несмотря на лохмотья вместо одежды, в юте чувствовалось величавое достоинство.

— Теперь, когда вы спасли меня вопреки всем невзгодам, — сказал Хут, — чем я могу отблагодарить вас, кроме сердечной признательности, которая уже ваша?

Вулфер, не говоря ни слова, повернулся к своим людям, сидевшим за веслами:

— Скул, волки! Да здравствует Торфин, король Ютландии!

Оглушительный рев, вырвавшийся из десятков глоток, взмыл к небесам, срывая с поверхности моря испуганных чаек. Тот, кого так приветствовали, удивленно оглянулся, силясь понять, в качестве кого он плывет на этом корабле.

— Поскольку вы меня узнали,— спросил он,— так кто же я теперь: гость или пленник?

— Мы искали тебя с тех пор, как ты в малой лодчонке ушел на Гельголанд,— Кормак усмехнулся.— Там мы услышали, что Торвальд Гроза Щитов захватил пленника, знатного юта. Мы знали, что ты утаишь свое имя, и надеялись, что норманны не раскроют твое инкогнито. А теперь этот корабль и эти мечи в твоём распоряжении. Мы изгой в наших родных краях. Моей судьбы в Ирландии тебе не изменить, а вот для Вулфера ты мог бы кое-что сделать, открыв для нас свои порты.

— Я с радостью сделал бы это для вас, друзья,— в голосе Торфина зазвучала печаль.— Только чем могу помочь вам теперь, ведь я такой же изгой, как и вы? В Ютландии правит сейчас мой кузен Эрик.

— Лишь до той минуты, когда нос нашего драккара коснется берега твоей земли. Ты поторопился бежать, но кто может знать будущее? Когда ты отплывал от Скагена, трон уже качался под Эриком. А когда ты сидел в темнице у Торвальда, в одном из сражений пал ярл Анлаф, и Эрик лишился основной поддержки. Теперь с ним можно покончить за одну-единственную ночь и без лишней крови.

Глаза Торфина сияли. Он вскинул голову и поднял меч.

— Скул! — крикнул он.— Плывем в Ютландию, друзья! Пусть Тор наполнит ветром наш парус!

— Курс на восток! — полной грудью рявкнул Вулфер.— Посадим нового короля на ютландский трон!

МЕРЗКОЕ СВАТИЛИЩЕ

С

тойте! — рявкнул Вулфер.— Я вижу очертания стен за деревьями. Во имя Тора, Кормак, куда ты нас ведешь?

Высокий смуглый кельт покачал головой.

— Я никогда не слышал ни о каком замке поблизости. Местные жители вообще не строят домов из камня. Возможно, это римские руины.

Вулфер глянул на бородастых воинов в рогатых шлемах.

— Пошлем разведчиков? — спросил он.

Кормак Мак Арт иронически рассмеялся.

— Алларик со своими готами еще восемьдесят лет назад промаршировал по Римскому Форуму, а мы, варвары, до сих пор дрожим при одном упоминании о Риме. Не бойтесь, легионов больше нет. Я думаю, что это друидское святилище, а уж друидов-то у нас нет причин бояться, тем более, что мы выступили против их злейших врагов.

— Головорезы Цедрика будут выть по-волчьи, когда мы ударим на них не с юга или востока, а с запада, — сказал викинг с радостной ухмылкой на лице. — Это была неплохая мысль — укрыть драккар у западного побережья и лесами выйти саксам в тыл. Ты хитер до безумия, Кормак.

— В моем безумии есть метод, — сказал кельт. — Я знаю, что здесь в окoliце саксов нет. Большинство саксонских вождей отправились вместе со своими дружинами к Артуру Пендрагону, готовясь к решающему сражению. Ха! По-моему, он столь же может претендовать на родство с Ютером Пендрагоном, как мы с тобой. Ютер был чернобород и безумен. В нем текло больше римской крови, чем бриттской или кельтской. Артур же рыжий, как, впрочем, и Эрик, и похож на чистейших кровей кельта. Подарок миру от одного из диких западных племен, никогда не кланявшихся Риму. Это Ланселот уговорил его стать королем, если бы не он, Артур до сих пор сидел бы сиднем в своих лесах и если бы и совершал набеги, то только на соседей.

— Он столь же осторожен и рассудителен, как римляне?

— Артур? Откуда? Да любой из твоих ютов может служить образцом рассудительности в сравнении с ним.

— Хотел бы я с ним встретиться лицом к лицу, — сказал Вулфер, поглаживая лезвие своего огромного топора. — А что представляет собой Ланселот?

— Он римлянин галльского происхождения, опытный головорез. Начитался Петрония и с удовольствием занялся интригами и организацией заговоров. Гонак — тоже кельт, но не чистокровный, у него римские предки. Ты сдох бы со смеху, наблюдая за тем, как Гонак увивается возле Ланселота, но дерется он, как кровожадный демон. Не будь этих двоих, Артур так и остался бы вожаком разбойников, сам он даже читать и писать не умеет.

— Ну и что с того, — оскорбился ют, — я тоже не умею... Гляди-ка! Вот оно, святилище!

Они вышли на поляну, на противоположной стороне которой стояло странной формы строение — приземистое, скрывающееся в тени деревьев, с колоннами у входа.

— Нет, это не бриттское, — решительно заявил Вулфер. — Может быть, тут прячутся эти сумасшедшие из новой секты, как их там... христиане?

— Ох уже эти секты! — вспыхнул Кормак. — Кельты чтят старых богов. И я клянусь их кровью, пока жив хоть один друид, мы не предадим своей веры!

— А что они собой представляют, эти христиане?

— Говорят, они пожирают детей, совершая свои отвратительные обряды.

— Скажешь тоже. И о друидах болтают, что они жгут людей в клетках, сколоченных из молодых деревьев.

— Ложь, в которую только глупцы могут поверить! — вспыхнул кельт. — Я никому не позволю оп-

левывать друидов в моем присутствии! Они мудры! И опытные! А эти христиане говорят, что получив оплеуху, надо немедленно подставить другую щеку!

— Как? — изумился гигант. — Так это правда, что они кланяются, словно рабы, когда их бьют?

— Да. Чтобы отплатить добром за зло и простить обидчика.

Вулфер подумал и сказал:

— Да это же не религия, а обыкновенная трусость. Наверное, они — христиане, то есть — просто трусливые безумцы. Если тебе, Кормак, попадется один из них, дай мне на него взглянуть, — тут он красноречиво потрянул топором и продолжал: — А вообще, такая вера — словно чума, она может ослабить людей, лишить их мужества, если ее вовремя не растоптать, как змееныша, сапогом.

— Верно, я тоже с удовольствием растопчу что-нибудь в этом роде, если покажешь, — согласился кельт. — Однако хватит об этом, надо осмотреть святилище. Подождите здесь. Я хоть и не бритт, но вера у меня та же. Быть может, друиды благословят нас на войну с саксами, кто знает, не поможет ли это нам в дальнейшем.

Сказав эти слова, он шагнул к колоннам и исчез. Вулфер оперся на свой топор — ему показалось, что изнутри святилища доносятся странные звуки: цокот копыт, словно козел бежал по мраморному полу.

— Это худое место, — сказал Торфин Ярлсбайн. — Мне кажется, я вижу какую-то рожу, которая пляшется на нас с той вон колонны.

— Да это просто ветер колышет виноградную лозу, — возразил Черный Гротар. — Посмотри, руины заросли виноградом по самую крышу. Ветви гнутся и колышутся на ветру, стонут, словно души

умерших перед тем, как улететь в царство мертвых...

— Вы оба рехнулись, — перебил его Хакон Снури. — Ты видел козла? Я видел только рога, но...

— Заткнитесь! — рявкнул Вулфер. — И слушайте...

В святилище кто-то коротко и страшно вскрикнул, послышался частый топот, словно мимо промчалось стадо коз, затем свист меча, выдергиваемого из ножен, и отзвук тяжелого удара. Вулфер перехватил топор поудобнее и направился к лестнице, но остановился, когда из-за колонн бесшумно выскользнул Кормак Мак Арт. Глаза викинга округлились от изумления, а волосы поднялись дыбом под стальным шлемом. Вулферу никогда еще не приходилось видеть друга в таком состоянии, а им многое пришлось пережить вместе. Лицо кельта было белым, как полотно, глаза имели такое выражение, словно они только что заглянули в бездонную пропасть. С лезвия его меча стекала кровь.

— Во имя Тора, что... — прохрипел Вулфер, неуверенно поглядывая в сторону святилища.

Кормак вытер капли холодного пота, обильно оросившие его лоб.

— Кровью богов клянусь, это была самая отвратительная тварь из тех, что мне доводилось видеть. Она внезапно выскочила из мрака и чуть было меня не сцапала, прежде чем я успел выхватить меч. У нее были козлиные копыта, но бежала она на двух ногах и, насколько я мог видеть во мраке, была похожа на человека.

— Ты спятил... — в голосе викинга мелькнуло сомнение.

— Вот как? — рявкнул Кормак. — Это страшное лицо лежит там, в коридоре. Идемте со мной, и я докажу вам, что со мной все в порядке!

Он резко повернулся и направился к входу в святилище. Вулфер волей-неволей сделал шаг в том же направлении, держа топор наготове. Остальные викинги, сбившись в тесную кучку, следовали за ними. Пройдя между гладкими, лишенными каких-либо украшений, колоннами, они оказались внутри святилища. В глубь его уходил широкий коридор, также уставленный колоннами, высеченными из какого-то черного камня. Они были резными, и на верхушке каждой из них стояла какая-то статуя. В полумраке трудно было разобрать, кого или что представляют изваяния, но викингам показалось, что все они странным образом деформированы.

— Ну и где это твое чудище? — спросил нетерпеливо Вулфер.

— Да вот же! — показал мечом Кормак. — И... о демоны!

На полу было пусто.

— Ты точно спятил! — викинг покачал соболезнующе головой. — Это все твоя кельтская мнительность. Тебе привиделось, Кормак.

— Вот как? — кельта взбесил тон, в котором говорил с ним викинг. — Мне привиделось? Кельтская мнительность, говоришь? А кто видел тролля на Гельголанде и переполошил весь лагерь своими воплями? Кто держал всех на ногах до рассвета, пока люди не начали засыпать стоя, потому что ему, видите ли, померещились демоны, кружащие вокруг лагеря? Это был я или кто-то другой?

Вожак откашлялся и гневно глянул на стоявших рядом пиратов. Этого оказалось достаточно, чтобы с их губ исчезли циничные ухмылки.

— Ну-ка, глянь сюда!

К Кормаку вернулось самообладание, и он занялся осмотром пола. На нем чернела лужа крови.

Вулферу оказалось довольно взгляда, он тут же выпрямился и настороженно посмотрел вокруг. Остальные инстинктивно сделали то же самое. Воцарилась напряженная тишина.

— За мной! — вполголоса скомандовал Кормак и побежал вперед. Викинги помчались вслед за ним.

Перед ними посветлело, и они ворвались в огромный круглый зал, в потолке которого проделаны были отверстия, пропускавшие слабейший уже свет клонящегося к закату солнца. При этом свете они смогли, наконец, рассмотреть колонны, и здесь стоявшие у стен на одинаковом расстоянии друг от друга, точнее — увидеть венчающие их статуи. Кормак выругался, а Вулфер с отвращением плюнул на пол: это были изваяния людей, но даже наиболее извращенному и запутавшемуся в творческих исканиях скульптору не пришлось бы в голову придумать, а главное — запечатлеть в камне такое чудовищное уродство. В некотором смысле то, что они видели, выходило за рамки и разума, и самой природы. Кормак почувствовал, что у него на голове зашевелились волосы. То, что окружало их в этом зале, оказывало на него особое влияние: медленно, но неотвратимо влекло к себе...

Кроме тех дверей, через которые они ворвались, в зале оказалось еще четыре. Впрочем, это были даже не двери, а просто прямоугольные проемы, увенчанные остроконечными порталами и лишенные створок. В зале не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего алтарь. Кормак направился к центру зала и остановился прямо под падавшими сверху солнечными лучами. Он огляделся по сторонам, затем посмотрел на пол — тот весь по-

крыт был сетью линий, они сбегались к центру помещения, образуя правильный восьмиугольник, на котором кельт сейчас как раз стоял...

В то же мгновение, когда он обнаружил это, плита под его ногами бесшумно сдвинулась, и он почувствовал, что летит в пропасть.

Только сверхъестественная реакция и быстрота действий спасли кельта. Ближе всех к нему стоял Торфин Ярлсбайн, и именно за его пояс Кормак попытался зацепиться. Попытался, ибо рука только скользнула по поясу и ухватилась за ножны меча Торфина. Тот инстинктивно расставил ноги, и долгую, словно вечность, секунду жизнь кельта зависела от цепкости его пальцев и надежности ремня, удерживающего ножны.

В следующую секунду Торфин схватил его за руку, а Вулфер, взыв во весь голос, рванулся на помощь. Они мгновенно выдернули Кормака из чернеющего отверстия и посадили на каменный пол. Спасенный поблагодарил за помощь недовольной гримасой и заглянул в дыру.

— Во имя Тора! — крикнул Вулфер, взволнованный гораздо больше, чем его приятель. — Вы поглядите на него, он же все еще держит в руке свой меч!

— И выпущу его только тогда, когда умру. Впрочем, я собираюсь и на тот свет его с собой прихватить, но об этом после, а теперь я хочу посмотреть, что происходит там, куда я только что чуть было не свалился.

— Там могут быть еще ловушки, — викинг принял намерение друга без особого воодушевления.

— Стены видны довольно-таки хорошо, — сообщил ему Кормак. — А вот дна вообще не видно... И такой вонью оттуда тянет!

— Пойдем отсюда, — поспешно предложил викинг. — Это непростая вонь. Эта дорога ведет или в римский Аид, или в пещеру, где Локи хранит свои яды.

— Теперь я вижу, как это действует. Плита опирается на что-то вроде балки и удерживается стопором. Как это сделано — не знаю, но работает отменно: стоит наступить на плиту или положить на нее что-то тяжелое, стопор сдвигается и камень опрокидывается.

Голос утих, кельт склонился еще ниже над краем отверстия.

— Кровь! Тут кровь! — воскликнул он вдруг.

— Эта тварь, которую ты прикончил, — подхватил Вулфер, — подползла сюда...

— Трупы не ползают. Ее принесли сюда и сбросили. Послушайте!

Пираты наклонились над отверстием. Откуда-то снизу и одновременно с этим, казалось, очень издалека до их ушей долетел отзвук: отвратительный хохот, смешанный с отголосками, которых ни описать, ни назвать никто из них был не в состоянии. Они отскочили от дыры, словно ошпаренные, и, судорожно сжимая оружие, обменялись значительными взглядами.

— Камень не горит, — с сожалением констатировал Вулфер. — И тут нет ни золота, ни вообще чего-либо людского. Пойдем отсюда!

— Погоди! — славившийся великолепным слухом, Кормак явно уловил что-то еще. — Там кто-то стоит! Слышите?

Вулфер свернул ладонь трубкой и приложил ее к уху.

— Точно! Вниз, по этому коридору!

— Вперед! — крикнул кельт. — Держитесь друг за другом. Вулфер, хватайся за мой пояс, а ты,

Хакон, хватайся за пояс Вулфера и так далее. И держите оружие наготове, тут, наверное, полным-полно ловушек!

Проскочив под порталом, пираты оказались в куда более широком, чем казалось издали, коридоре. Он был темным, но вдали мерцало нечто, что напоминало солнечный свет. Добежав до его источника, они застыли, словно в землю вкопанные. Свет падал из вырезанных в потолке отверстий и ярко освещал отвратительные лепные изображения на стенах, среди которых свисало на пол прикованное цепями нагое тело изможденного человека. Вначале Кормаку показалось, что человек этот мертв, и, заметив следы пыток и издевательств на его груди и лице, кельт подумал даже, что так лучше для несчастного. Однако голова мученика качнулась, и из его изуродованных губ вырвался глухой стон.

— Тором клянусь! — изумился Вулфер. — Он живой!

— Воды! Воды во имя Господа нашего! — прошептал незнакомец.

Кормаку сорвал бурдюк с пояса Хакона и приложил его к губам несчастного. Тот пил огромными глотками, затем с трудом поднял голову и посмотрел на Кормака. Его ввалившиеся глаза светились странной кротостью.

— Благослови вас Бог! — вымолвил слабый и дрожащий голос, который нес в себе, однако, следы прежней силы. — Как давно я в раю?

Вулфер и Кормаку ошарашенно уставились друг на друга.

— Нет, это не рай, — пробормотал тем временем незнакомец, — на мне все еще цепи.

Викинг выругался и осторожно осмотрел кандалы, затем поднял топор и точным резким уда-

ром разрубил их, словно шнурки. Мученик упал на руки Кормаку. Он был избавлен от цепей, но стальные обручи по-прежнему охватывали его конечности, и ржавый металл глубоко врезался в израненное тело.

— Не думаю, что ты долго протянешь, приятель, — заметил Кормаку. — Скажи нам, как тебя зовут и откуда ты попал сюда, чтобы мы могли сообщить близким.

— Меня зовут Фабриций, друзья мои, — слова давались ему с явным трудом, — а пришел я из города над затокой...

— Судя по твоим словам, ты христианин?

— Я христианский священник, но не время сейчас говорить об этом. Оставьте меня здесь и уходите, пока не попали в лапы Злу.

— Тор и Один! — воскликнул Вулфер. — Я шагу не сделаю, пока не узнаю, кто здесь так издевается над людьми!

— Зло. Зло, чернее которого нет на свете, — пробормотал Фабриций. — Рядом с ним исчезают различия между людьми, и ты кажешься мне братом, сакс.

— Я не сакс! — возмутился ют.

— Неважно, все нормальные люди для меня братья. Таковы слова Господа нашего, которых я, впрочем, не понимал, пока не попал сюда, в это проклятое логово.

— Во имя Тора, так это не святилище друидов?

— Отнюдь. О Боже, меня схватили демоны Веков Мрака, создания тьмы, кровавого хаоса и воюющей бездны. Чудовища, вывезенные тайком на римских кораблях из стран Востока, сеющие гниль на земле чистой некогда Британии, добравшиеся в конце концов и до этих мест. Эти твари древнее друидов,

и служат они тому, кто появляется только в полнолуние...

Голос слабел, и Кормак осторожно встряхнул умирающего за плечи. Тот недоуменно осмотрелся по сторонам, как человек, вырванный из глубокого сна.

— Умоляю вас, уходите,— прошептал он,— со мною уже ничего худшего не случится, но вы... Они сломят вашу волю чарами, а тела пытками, как сделали это со мной. И придет он, это чудовище, верховный жрец Зла, со своими легионами проклятых! Спешите! Они уже идут! Слышите? Сохрани вас Бог...

Кормак взревел, словно разъяренный тигр, а могучий викинг крутнулся на месте с топором в руке. Что-то действительно приближалось к ним по коридору — доносившиеся до них звуки напоминали цокот тысяч копыт по камню.

— Сомкнуть ряды! — рявкнул Вулфер. — Прикрыться щитами!

Викинги образовали полукруг, ошетилившийся сталью, прикрыв заодно умирающего. То, что вылетело на них из мрака, казалось волной черного безумия, кровавого амока — козлоподобные существа, скачущие на двух ногах, размахивающие человеческими руками, вместо лиц — отвратительные личины. Были и другие — с торчащими клыками, налитыми кровью глазищами и длинными хвостами. За ними пряталось еще одно существо, одетое в черное, от которого, казалось, исходил кровавый блеск. Это был человек, но настолько лишенный человеческих черт, что монстры, бегущие впереди, казались в сравнении с ним невинными зверушками.

Наблюдения Кормака были прерваны, когда лавина тварей обрушилась на стену из дерева и стали. У этих чудовищ не было оружия, но творец, создав-

ший их, снабдил своих любимцев в избытке клыками, рогами и когтями, и они дрались, как дикие бестии.

Викинги яростно, подстегиваемые страхом, до тех пор им неведомым, рубили и кололи нападавших. Клыки и когти рвали тела, выхватывая мясо целыми кусками, проливая реки крови, но пираты, гремя броней доспехов и орудия щитами, без усталости работали мечами и топорами.

— Клянусь Тором и его кровью! — рявкнул Вулфер, разрубая пополам очередного противника. — Они запомнят, что справиться с викингами труднее, чем издеваться над нагим священником!

Коридор уже был завален горами трупов. Твари дрогнули и откатились назад, но их предводитель, скрывшийся во мраке, снова отправил их в бой. Чудовища вновь навалились на викингов и тут же усеяли своими телами пол. Те, что уцелели, умчались по тому же коридору вспять. Вулфер удержал своих людей, рвавшихся в погоню. Никому, однако, не под силу было удержать Кормака, метнувшегося за фигурой в черном.

* * *

Они долго бежали по коридору, но, когда оказались в центральном зале, преследуемый остановился и повернулся к кельту лицом. Это был высокий мужчина с нечеловеческими холодными немигающими глазами и смуглым лицом, совершенно лишенным волос и татуированным странными узорами. Он бросился на Кормака с коротким, причудливо изогнутым мечом в руке, но кровавая ярость, переполнявшая кельта, не оставила жрецу ни малейших шансов на успех. Кем была или чем бы этот высший жрец ни был, он оказался столь же уязвим,

как и простые смертные. Он стонал и клял Кормака на непонятном тому языке, когда меч кельта пронзил его раз и второй, извлекая фонтаны крови из груди и шеи. Кормак неумолимо сдвигал его дальше и дальше, пока тот не оказался на самом краю зияющей в полу дыры. Кельт ударил жреца в грудь, и тот рухнул вниз с диким воплем. Вопль этот удалялся, слабел, затем внезапно прервался. Кормак удовлетворенно улыбнулся. Требуемое доказательство того, что он отправил-таки мучителя одного из своих земляков прямо в ад, было получено...

Оглядевшись по сторонам, он направился на поиски товарищей. Несколько рогатых тварей мелькнуло впереди, но они умчались так быстро, что догонять их не было смысла. Крикнув пару раз и услышав ответные призывы, он несколько мгновений спустя присоединился к друзьям, все еще стоявшим над горами трупов.

— Ты убил его, — прошептал Фабриций. — Я вижу его кровь на твоем мече. Она просвечивает сквозь ножны. Другие этого не замечают, но я вижу и знаю, что теперь свободен и могу говорить. Знайте же, что до Рима, до кельтских друидов, даже до пиктов был на земле Учитель Человека. Так он себя называл, и был он последним представителем расы, владевшей миром до людей. Говорят, что это его рука протянула Еве яблоко и послала Адама ей навстречу. Кулл-атлант, великий и могучий король Валузии, перебил множество его собратьев, спасая свою жизнь. Но сам Учитель уцелел, чтобы сеять зло и порчу дальше. Сейчас, находясь у врат смерти, я вижу многое, скрытое от людских глаз. Люди-змеи были на земле до человека, а до них в мире хозяйничали Старейшие с головами, похожими на звезды. Это они сотвори-

ли людей-змей, а когда поняли, что те не оправдали их ожиданий, пытались их уничтожить, но не успели — погибли сами. Это святилище было последним прибежищем змеиной цивилизации на поверхности земли. Под нею было королевство последнего из Шогготов. Теперь они спрячутся под землю, скрываясь от людей аж до того часа, когда Господь призовет их пред лик Свой в день Страшного Суда... — старец закашлялся и смолк.

Кормак чувствовал мурашки, бегущие по телу. То, о чем говорил Фабриций, находило живой отклик в его душе.

— Успокойся, — сказал он, — этого святилища больше здесь не будет.

— Верно, — согласился потрясенный Вулфер. — Мы камень за камнем спустим его в этот колодец — и следа не останется.

— Христианин или нет, но ты был отважным человеком, — сказал Кормак, чувствуя непривычную печаль. — Мы отомстим за тебя...

— Нет! — Фабриций протянул дрожащую руку, и его лицо побагровело от усилия. — Я умираю, а месть — она неприемлема моей душе. Я пришел в это святилище зла с крестом в руке и словами Господа нашего на устах, готовый принять смерть, чтобы избавить мир от Того, кто принес Ему столько горя и страданий. И я был услышан: появились вы и убили змея. Теперь его присные могут влачить свое жалкое существование только там, внизу, или вымирать, забившись в глухие лесные дебри. Шоггот никогда больше не будет вредить людям.

Фабриций схватил правую руку Кормака своей левой, Вулфера — правой и произнес:

— Кельт ли, норманн ли, вы братья, хотя принадлежите к разным расам и молитесь разным бо-

гам. Смотрите! — его лицо осветилось улыбкой, а тело сдвинулось так, что он смог опереться на локоть. — Господь наш сказал: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне». Все мы равны перед угрозой Темных Сил. Да, все мы братья!

Сияющие глаза Фабриция закатились и закрылись. Кормак стоял, молча сжимая рукоять меча. Наконец он глубоко вздохнул и спросил:

— О чем это он говорил перед самой смертью?

— Я не понял, — покачал головой Вулфер. — Он сошел с ума, и безумие его доконало. Он был отважен и не боялся смерти. А вообще, лучше будет, если мы уйдем отсюда! Тут мерзкое место...

— Правильно. И чем быстрее, тем лучше, — согласился Кормак. — Вперед, в Уэссекс! Очистим наши клинки в доброй саксонской крови.

КОГДА УШЕЛ СЕДОЙ БОГ

С

1

реди сумрачных гор раздавалось раскатистое эхо. По ущелью, расколовшего пополам исполинскую скалу, метался, рыча, точно угодивший в западню волк, беглый раб Конн.

Это был рослый, стройный юноша с широкой волосатой грудью и мускулистыми руками. Черты лица Конна были чертами истинного варвара: тяжелый, упрямый подбородок, низкий лоб с копной взъеро-

шенных рыжеватых волос. Ледяные синие глаза смотрели недоверчиво и твердо. Рваная, грязная повязка едва прикрывала бедра. Конн, привыкший вести жизнь дикого зверя, не страшился буйства стихий. В те тяжелые времена даже господам жилось непросто, что уж тут говорить о рабах...

Неожиданно Конн пригнулся, взяв меч наизготовку, и издал тревожный, почти звериный крик. Из ущелья ему навстречу выступил высокий незнакомец.

Он кутался в плащ, под которым поблескивала кольчуга. Тень от низко надвинутой широкополой шляпы падала, закрывая лицо незнакомца, так что виднелся лишь один глаз, сверкавший холодно и недобро, точно серое море.

— Конн, раб сына Вулфгера Снорри? Куда бежишь ты, человек, обагривший руки кровью своего хозяина? — спросил незнакомец низким властным голосом.

— Я не знаю, кто ты такой, — прорычал Конн. — Не знаю, откуда тебе известно мое имя. Если собрался схватить меня, кликни собак, и покончим с этим. Но прежде чем я умру, они отведают моего стального клинка.

— Болван! — в зычном голосе незнакомца звучало презрение. — Я не охотник за беглыми рабами. Дикие земли велики. Но разве ты ничего не чувствуешь в запахе морского ветра?

Конн повернулся к морю, плескавшемуся далеко у подножия скалы. Могучей грудью он вдохнул морской воздух. Ноздри его тревожно раздулись.

— Я чувствую запах соленой пены, — отозвался Конн.

В голосе незнакомца слышался лязг мечей:

— В этом ветре аромат крови, мускус страха и предсмертные крики.

Конн в замешательстве тряхнул головой:

— Обычный ветер...

— У тебя на родине идет война, — сурово продолжал незнакомец. — Копья Юга поднялись против мечей Севера, и землю вместо солнца освещают огни пожаров.

— Откуда тебе знать? — заволновался Конн. — Вот уже несколько недель ни один корабль не приходил в Торку. Кто ты такой? Откуда тебе известно о войне?

— Разве ты не слышишь стон волынки и стук топоров? Неужели не чувствуешь запах войны, который несет ветер? — спросил незнакомец.

— Нет, — ответил Конн. — От Торки до Эрина много лиг. Я слышу только, как воет ветер в скалах и кричат на мысу чайки. Но если идет война, я должен быть вместе с воинами моего клана. Хотя это опасно, ведь за мной охотится Мелаглин: в ссоре я убил его человека.

Незнакомец замер, не обращая внимания на Конна, и смотрел вдаль на бесплодные горы и туманные волны.

— Будет страшная битва, — промолвил он так, словно говорил сам с собой. — Смерть соберет кровавую жатву и унесет многих воинов и вождей. Мрачные кровавые тени наползает на мир. Ночь опускается на Асгард. Я слышу крики давно погибших героев. Они вызывают из пустоты, как и голоса забытых богов. Для каждого создания определен свой срок. Даже боги должны умирать.

Внезапно он выпрямился и с яростным криком вытянул руки в сторону моря. Огромные тучи заволкли небо. Надвигался шторм. Из тумана налетел

сильный ветер. Он гнал по небу стаи грозовых туч. Неожиданно Конн закричал.

Из пролетающих над головой облаков вынырнуло двенадцать фигур, призрачных и ужасных. Как в ночном кошмаре, увидел Конн двенадцать крылатых коней со всадниками — женщинами в сверкающих серебряных кольчугах и крылатых шлемах. Их золотистые волосы развевались на ветру, холодные глаза уставились на что-то, чего Конн не видел.

— Те, Кто Выбирают из Мертвых! — прогремел голос незнакомца. Он широко раскинул руки, словно звал всадниц к себе. — Они скачут на север! Крылатые кони копытами разгоняют надвигающиеся тучи. Паутина Судьбы сплетена. Ткацкий станок и веретено сломаны! Смерть зовет к богам, и ночь падет на Асгард! И в ночи прогремят трубы Раганарока!

Ветер раздувал его плащ, открывая могучую, облаченную в кольчугу фигуру. Шляпа слетела. Спутанные волосы развевались на ветру. Конн отпрянул, когда глаз незнакомца блеснул в свете молнии.

Там, где должен был находиться другой глаз, Конн увидел пустую глазницу. Вот тогда-то он и испугался, повернулся и нырнул в ущелье, словно человек, убегающий от демона. Бросив назад осторожный взгляд, Конн увидел фигуру незнакомца в развевающемся плаще с воздетыми к небу руками.

Беглому рабу показалось, что человек на краю утеса чудовищно вырос и теперь громадой возвышается среди туч над горами и морем. И еще, что он неожиданно стал седым, словно в один миг постарел.

2

Шторм утих. Небо очистилось и сделалось яркосиним, море казалось спокойным, словно заводь, и только разбросанные по берегу обломки и щепки напоминали о недавнем буйстве стихий.

По берегу во весь опор скакал всадник. Шафрановый плащ развевался у него за спиной, ветер трепал густые волосы.

Внезапно всадник осадил своего горячего скакуна, так резко, что тот поднялся на дыбы и истошно заржал. Из-за песчаных дюн поднялся высокий, могучий варвар.

— Кто ты такой? У тебя в руках меч вождя, но на шее ошейник. — спросил его всадник.

— Я — Конн, молодой господин, — ответил варвар. — Я был изгнанником, потом стал рабом, но всегда и везде оставался слугой короля Бриана. Я знаю тебя. Ты — Дунланг О'Хартиган, друг Мурроха, сын Бриана, принц Даль-Каса. Скажи мне, добрый господин, идет ли здесь война?

— Сказать по правде, сейчас король Бриан и король Малачи стоят в Киллмэйнхэме возле Дублина. Я выехал из лагеря нынче утром. Со всех земель викингов король Ситрак собрал рабов. Гаэлы готовы вступить в бой. Такой битвы сам Эрлик никогда прежде не видывал.

Взгляд Конна затуманился.

— Клянусь Кроном, как раз об этом и говорил мне Седой Человек, — прошептал он как бы про себя. — Но откуда он мог узнать об этом? Или все это просо почудилось мне?

— Как ты попал сюда? — спросил Дунланг.

— Из Торки в Оркни я приплыл на лодке. Волны прибоя разнесли ее в щепы. Давным-давно

я убил Мета — ратника Мелаглина, и король Бриан рассердился на меня из-за нарушенного перемирия, поэтому я и бежал. Да, жизнь изгоя тяжела. Потом меня поймал Торвальд Ворон из Хибрида, когда я ослаб от голода и ран. Он надел мне этот ошейник. — Конн притронулся к тяжелому, медному кольцу, висевшему на его бычьей шее. — Потом он продал меня сыну Вульфгера Снорри в Торку. Неприятный мне достался хозяин. Я работал за троих, сражался рядом с ним, когда он ссорился с соседями. За это я получал от него лишь корки со стола, вместо постели — голый земляной пол — и глубокие шрамы на спине. Наконец я не вытерпел, набросился на него в его собственном скалли и разбил ему башку поленом. Я забрал его меч и бежал в горы, предпочитая скорее замерзнуть или умереть с голоду, чем сдохнуть под плетью... Там, в горах... — Тут в глазах Конна появилось сомнение. — Думаю, я видел сон... Я встретил высокого седого человека, говорившего о войне в Эрине. Еще я видел... валькирий, скачущих на юг по облакам... Лучше умереть в море, в добрую бурю, чем сдохнуть с голоду в горах Оркни, — продолжал Конн более уверенно. — Случайно нашел я лодку рыбака с запасом пищи и воды. На ней я и вышел в море. Клянусь Кромом! Я и сам удивлен, что все еще жив! Шторм схватил меня в свои лапы прошлой ночью. Я сражался с морем, пока лодка не затонула; потом с волнами, пока не потерял сознание. Придя в себя, я был поражен. Уже рассвело, и я увидел, что лежу на берегу, словно обломок дерева, выброшенный волнами. Так я и лежал на солнце, греясь и выгоняя из костей холод моря, пока ты не подъехал.

— Клянусь всеми святыми, Конн, ты мне нравишься, — сказал Дунланг.

— Надеюсь, и королю Бриану я понравлюсь, — проворчал Конн.

— Присоединяйся к моей свите, — предложил Дунланг. — Я замолвлю за тебя словечко перед королем. У Бриана в голове сейчас дела поважней, чем какая-то кровавая распря. Как раз сегодня войска противника закончат подготовку к битве.

— А потом начнут ломать копья? — поинтересовался Конн.

— Не по воле короля Бриана, — ответил Дунланг. — Он не хочет проливать кровь в Страстную Пятницу. Но кто знает, когда язычники нападут на нас!

Конн положил руку на стремя Дунланга и зашагал рядом с неторопливо идущим конем.

— Собралась ли знать для битвы? — спросил он через некоторое время.

— Больше двадцати тысяч воинов с каждой стороны. Залив Дублина потемнел от кораблей. Из Оркни прибыл Ярл Сигурд со знаменами цвета крыла ворона. С Мэна приплыл викинг Бродир, а с ним двенадцать галер. Из Данелаха, что в Англии, приехал принц Амлафф, сын короля Норвегии с двумя тысячами воинов. Войска собирались со всех земель — из Оркни, Шетланда, Хибрида — Шотландии, Англии, Германии и из скандинавских земель... Наши шпионы донесли, что у Сигурда и Бродира по тысяче человек в стальных кольчугах с головы до пят. Они собираются сражаться, построившись клином... Далкасцам трудно будет разбить эту железную стену. Но ты, по воле бога, все превосходно угадал... А среди воинов и полковод-

цев Анрад Берсерк, Красный Храфн, Платт из Дании, Торстен и его брат по оружию Асмунд, Торлеф Хорди Сильный, Ателстейн Сакс, Торвальд Ворон с Хибрид.

Услышав последнее имя, Конн дико оскалится, прикоснувшись к медному ошейнику.

— Большое собрание, раз прибыли Сигурд и Бродир.

— Их позвала Гормлат,— объяснил Дунланг.

— В Оркни пришла весть, что Бриан развелся с Кормаладой,— сказал Конн, невольно назвав королеву на северный лад.

— Да, и ее сердце черно от ненависти к бывшему мужу. Странно, что у красавицы с такой прекрасной фигурой душа демона.

— Бог справедлив, мой господин. А что ее брат, принц Мэлмор?

— Он и разжег пламя этой войны! — сердито воскликнул Дунланг. — Ненависть, тлевшая так долго между ним и Муррохом, наконец вспыхнула огнем и подпалила оба королевства. Оба зачинщика не правы. Может, даже Муррох больше Мэлмора. А Гормлат еще и подбивала брата. Не думаю, что король Бриан поступал мудро, отдавая почести тем, с кем раньше воевал. Нехорошо, что он женился на Гормлат и отдал свою дочь ее сыну, Ситраку из Дублина. С Гормлат он привез в свой дворец семена раздора и ненависти. Она распутница. Когда-то она была женой Амлаффа Горэна, датчанина, потом женой короля Малачи из Мета. Он выгнал ее из-за скверного характера.

— А что с Мелаглином? — спросил Конн.

— Кажется, он забыл про войну, когда Бриан вырвал у него корону Эрина. Два короля вместе выступят против датчан и Мэлмора.

Разговаривая, Конн и Дунланг подошли к гряде редких скал и валунов. Тут они неожиданно остановились. На одном из валунов сидела девушка, облаченная в сверкающую зеленую одежду, покроя которой так напоминал чешую, что Конн в замешательстве сначала принял ее за вышедшую из морских глубин русалку.

— Ивин! — Дунланг прыгнул с коня, бросив Конну поводья, и поспешил взять девушку за руку. — Ты посылала за мной, и я пришел. Ты плакала!

Конн, объятый суеверным страхом, держал коня. Сейчас он почувствовал, что ему стоит отойти. Ивин, стройная, с пышными, блестящими золотистыми волосами и глубокими таинственными глазами, была непохожа ни на одну из девушек, знакомых Конну.

Она отличалась от женщин севера и от газлок, и Конн понял, что она принадлежит к тому мистическому народу, что занимал эти земли до прихода его предков. Кое-кто из этого народа до сих пор обитал в пещерах у моря и в глуши девственных лесов. Это были де Данааны, чародеи, как говорили ирландцы, родственники фазров.

— Дунланг! — Девушка судорожно обняла возлюбленного. — Ты не должен уходить! На мне проклятие ясновидения. Я знаю: если ты пойдешь на войну, ты умрешь! Поехали со мной. Я спрячу тебя. Я покажу тебе скрытые пурпурным туманом пещеры, похожие на замки подводных королей, и тенистые леса, где не бывал никто, кроме моего народа. Пойдем со мной, и забудь войну и ненависть, гордость и честолюбие, которые лишь тени, нереальные и бессмысленные. Пойдем — и ты познаешь сказочное великолепие мест, где нет ни страха, ни

ненависти, часы кажутся годами и время тянется бесконечно.

— Ивин, любовь моя! — взволнованно ответил Дунланг. — Ты просишь о том, что не в моей власти. Когда мой клан отправляется на войну, я должен быть рядом с Муррохом, даже если уверен, что меня ждет смерть. Я люблю тебя больше жизни, но клянусь честью моего клана, не могу уйти с тобой.

— Я боюсь. Вы — всего лишь дети, глупые, жестокие, неистовые, — убиваете друг друга в детских ссорах. Это наказание мне. Среди своего народа мне было одиноко, и я полюбила одного из вас. Твои грубые руки невольно причиняли боль моему телу, и твои грубости пусть невольно, но ранят мое сердце...

— Я никогда не обижу тебя, Ивин, — начал было огорченный Дунланг.

— Я знаю, — сказала девушка. — Руки мужчины не созданы для того, чтобы держать нежное тело женщины Темных людей. Это — моя судьба. Я люблю, и я пропала. Мое зрение — зрение смотрящих вдаль, сквозь покров и туманы жизни. Я вижу то, что позади прошлого и впереди будущего. Ты пойдешь на битву, и по тебе вскоре заплачут струны арфы, а Ивин Грэгги останется рыдать, пока не растворится в слезах и соленые слезы не смешаются с холодным соленым морем.

Дунланг безмолвно опустил голову, а голос молодой девушки дрожал, и в нем звучала извечная печаль всех женщин. Даже грубый варвар Конн смущенно переминался поодаль.

— И все же я принесла тебе подарок, к битве. — Ивин изящно наклонилась и подняла что-то блеснувшее на солнце. — Это не может спасти тебя, прошептали духи моей душе, но я все же надеюсь...

Дунланг нерешительно взглянул на то, что она протянула ему. Конн незаметно придвинулся и вытянул шею. Он увидел кольчугу, сделанную с необычайным мастерством, и шлем, какого он не видывал прежде. Поверхность шлема была покатою, а внизу шел бортик, чтобы задержать удар меча. Шлем был без подвижного забрала. Спереди была просто прорезана щель для глаз. Ни один из живущих ныне не смог бы повторить это чудо. Работа была старинная. Такие вещички изготавливались в древности, в более цивилизованные времена.

Дунланг с подозрением и недоверием, присущим многим кельтам по отношению к доспехам, посмотрел на кольчугу и шлем. Британцы сражались без доспехов с легионами Цезаря и считали трусом того, кто надевал на себя металл. Позже ирландские кланы с таким же осуждением смотрели на закованных в броню рыцарей Стронгбоу.

— Ивин, братья засмеют меня, если я облачусь в железо, как датчанин, — сказал Дунланг. — Как человек может свободно двигаться в такой одежде? Из всех газлов только Турлоф Даб носит кольчугу.

— А есть ли среди газлов кто-то храбрее его? — пылко возразила Ивин. — Какие же вы все глупые! Веками одетые в железо датчане топчут вас, когда вы могли бы давно смести их, если бы не ваша глупая гордость.

— Гордость еще не все, Ивин, — возразил Дунланг. — Что пользы в кольчуге, когда далкаский топор разрубает железо, как ткань?

— Кольчуга отразит мечи датчан, и даже топор О'Брина не пробьет эти доспехи. Они долго пролежали в глубинах пещер моего народа, тщательно защищенные от ржавчины. Когда-то их носил воин

Рима, до того, как римские легионы ушли из Британии. В какой-то войне на границе попали они в руки моих предков, и те хранили их как сокровище, потому что их носил великий принц. Умоляю тебя, надень их, если любишь меня.

Дунланг нерешительно взял доспехи. Он не мог знать, что это доспехи гладиатора времен конца Римской империи, и не интересовался, каким образом они попали к офицеру британского легиона. Дунланг мало что знал из истории. Подобно большинству своих собратьев военачальников, он не умел ни читать, ни писать. Знания и образование нужны монахам и священникам. Воину некогда заниматься искусствами и науками. Дунланг взял доспехи и, потому что любил эту странную девушку, согласился надеть их, «если подойдут».

— Подойдут, — уверила его Ивин. — Но я все равно больше не увижу тебя живым.

Она протянула бледные руки, и молодой человек жадно обнял ее. Конн отвернулся. Затем Дунланг мягко расцепил объятия и поцеловал девушку еще раз.

Не оборачиваясь, он вскочил на коня и поскакал по берегу. Конн побежал рядом. Оглянувшись в сгущающихся сумерках, варвар увидел Ивин, стоящую на том же месте.

3

Костры лагеря искрились, делая ночь светлой, словно день. Вдали неясно вырисовывались темные и угрожающие тихие стены Дублина. У тех стен тоже мерцали костры, где воины Лэйнета, под руководством короля Мэлмора, точили топоры, гото-

ваясь к предстоящей битве. Залив сверкал. В ярком свете звезд блестели паруса, щиты, змеинные носы множества кораблей. Между городом и кострами ирландского войска раскинулась равнина Клонтарф, граничащая с Томарским лесом, темным и что-то шепчущим в ночи, и с водами Лиффи, в тихих водах которой горели искорки звезд.

Великий король Бриан Бору сидел перед палаткой в кругу своих военачальников. Огонь костра играл тенями на его белой бороде и сверкал в чистых, орлиных глазах.

Король был стар: семьдесят три зимы прошло над его львиной головой — долгие годы, наполненные яростными битвами и кровавыми интригами. Но спина короля осталась прямой, руки не потеряли силу, низкий голос по-прежнему громко звучал.

Вокруг него стояли военачальники — высокие воины с могучими мускулами и зоркими глазами, свирепые и кровожадные, как тигры, и принцы в богатых туниках с зелеными поясами, в кожаных сандалиях и шафрановых накидках, застегнутых огромными золотыми брошками.

Тут собрались одни герои. Рядом с королем стоял Муррох, старший сын Бриана, гордость всего Эрина, высокий, могучий, с широко раскрытыми голубыми глазами, которые никогда не бывали спокойны — или в них плясали искры веселья, или их прикрывала поволока печали, а иногда они горели от ярости. Тут был и молодой сын Мурроха, Турлоф, гибкий паренек пятнадцати лет с золотыми волосами и горящими от нетерпения глазами.

Он трепетал в ожидании предстоящей битвы — первой в его жизни. Другой Турлоф, его двоюродный брат, Турлоф Даб, был лишь несколькими года-

ми старше, но слава его уже прокатилась по всему Эрину.

Люди считали его неистовым берсеркером, ловким в смертоносной игре с топором. Тут же расположились и Митл О'Фэлан, принц Десмонда, и его родственник, Великий Стюарт из Шотландии, и Дональд Мар, переправившийся через Ирландский канал вместе со своими дикими горцами, высокими, мрачными, сухопарыми и молчаливыми. Там же стоял и Дунланг О'Хартиган и О'Хайн. Принц Хай-Мани находился в палатке своего дяди, короля Малачи О'Нейла. Он устроился в лагере метов, вдали от далкасцев, что заставило короля Бриана крепко призадуматься.

О'Кели с захода солнца наедине совещался с королем Мета, и никто не знал, о чем они говорили. Не было среди военачальников перед королевской палаткой и Донафа, сына Бриана. Он с отрядом отправился опустошать поместье Мэлнфа Лэйнета.

Дунланг подвел к королю Конна.

— Мой господин,— начал Дунланг.— Вот человек, в прошлом изгнанный из нашей страны. Он провел не лучшее время среди гаэлов и рисковал жизнью во время шторма, чтобы вернуться и сражаться под твоим знаменем. Из Оркни он приплыл в открытой лодке, в одиночку и голый. Море выбросило его на песок почти бездыханным.

Бриан поднял голову. Даже в мелочах память его была остра, как отточенный кремь.

— Ты! — воскликнул он.— Да, я помню его. Конн, ты вернулся... и руки твои в крови!

— Да, король Бриан,— ответил Конн бесстрастно.— Мои руки в крови, это правда. Я пришел, чтобы отмыть их кровью датчан.

— Ты смеешь стоять передо мной, тем, кому принадлежит твоя жизнь!

— Я знаю только то, король Бриан, что мой отец был с тобой в Сулките и вы вместе грабили Лимерик, а до этого в дни скитаний он следовал за тобой,— храбро сказал Конн.— Он был одним из пятнадцати воинов, которые остались с тобой, когда твой брат, король Магон, искал тебя в лесу. Мой род идет от Муркертафаона из Кожаных Плащей, а мой клан сражался с датчанами со времен Торгила. Тебе ведь нужны сильные люди, и у меня есть право выступить в битве против моих древних врагов, а не постыдно закончить жизнь на конце веревки.

Король Бриан кивнул:

— Хорошо сказано. Воспользуйся удобным случаем. Дни изгнания для тебя закончились. Возможно, король Малачи посчитал бы иначе, так как ты убил его человека, но...— Тут Бриан остановился. Старые сомнения закрались в его душу при мысли о короле метов.— Да будет так,— продолжал он.— Оставим все так, как есть, до конца битвы. Может ведь случиться, что это будет конец и для всех нас.

Дунланг шагнул к Конну и положил руку на его медный ошейник:

— Давай срежем его. Ты ведь теперь свободный человек.

Но Конн покачал головой:

— Нет, я его не сниму, пока не убью Торвальда Ворона, надевшего его на меня. Он еще узнает, что такое беспощадность.

— У тебя, воин, благородный меч,— неожиданно сказал Муррох.

— Да, мой господин. Муркертафаон из Кожаных Плащей владел этим клинком, пока его не убил

Блэкэр Датчанин. Случилось это у Арди. Меч поначалу достался газлам, пока я не вынул его из тела Вульфгера Снорри.

— Простому воину не подобает носить меч короля, — грубо сказал Муррох. — Пусть один из военачальников возьмет его, а воину пусть дадут топор вместо меча.

Пальцы Конна сомкнулись на рукояти.

— Он возьмет у меня меч, но пусть сначала даст мне топор, — угрюмо сказал Конн.

Пылкий Муррох взорвался. Он шагнул к Конну, прохрипев отборное ругательство, и они на мгновение встретились взглядами. Конн не отступил ни на шаг.

— Полегче, сынок, — вмешался король Бриан. — Пусть меч останется у воина.

Муррох пожал плечами. Его настроение снова изменилось.

— Ладно, пусть меч останется у тебя. Следуй в битве за мной. Посмотрим, сможет ли прославленный меч в руках простого воина прорубить столь же широкий коридор, как в руках принца.

— Господа, возможно, воля богов такова, что я погибну в первой же атаке, но шрамы рабства слишком сильно горят на моей спине, — сказал Конн. — Я не отступлю перед копьями врагов.

4

Пока король Бриан совещался со своими воинами на равнинах Клонтарфа, в темном Замке, который был и крепостью, и дворцом одновременно, происходил ужасный ритуал. У христиан имелись веские причины бояться и ненавидеть эти мрачные

стены. Дублин считался излюбленным местом язычников, где правили дикие вожди. А внутри Замка и в самом деле вершились темные дела.

В одной из комнат дворца викинг Бродир с мрачным видом наблюдал за страшным жертвоприношением на черном алтаре. На ужасном камне корчилось обнаженное существо, некогда бывшее миловидным юношей. Зверски связанный, с кляпом во рту, он мог лишь содрогаться в конвульсиях под ударами неумолимого кинжала белобородого жреца бога Одина.

И вот клинок разрубил плоть, мышцы, кости. Кровь полилась потоком. Жрец собрал ее в широкий медный сосуд, который потом высоко поднял, с бешеной песней взывая к Одину. Тонкие костлявые пальцы вырвали еще трепещущее сердце из вскрытой груди, жрец как безумный уставился на кусок окровавленной плоти.

— Каково же твое предсказание? — нетерпеливо спросил Бродир.

Тени скрывали холодные глаза жреца, его тело содрогалось в религиозном экстазе.

— Пятьдесят лет я служу Одину, — объявил он. — Пятьдесят лет я произношу пророчества по кровоточащему сердцу, но никогда не видел ничего подобного. Слушай же, Бродир! Если ты не сразишься в Страстную Пятницу, как называют этот день христиане, твое войско будет полностью уничтожено и все военачальники убиты. Если ты сразишься в Страстную Пятницу, король Бриан умрет, но все равно победит.

С холодной злобой выругался Бродир. Жрец покачал в ответ седой головой:

— Я не могу понять всего предсказания, а ведь я последний из жрецов Пылающего Круга, кто изу-

чал тайны у ног Торгила. Я вижу битву и кровопролитие... Даже больше, гигантские и ужасные фигуры, гордо выступающие сквозь туман.

— Довольно,— прорычал Бродир.— Если я погибну, я прихвачу и Бриана с собой в Хель. Мы выступим против гаэлов утром и ударим изо всех сил.— С этими словами он повернулся и вышел из комнаты.

Бродир пересек холодный коридор и вошел в другую, более просторную комнату, украшенную, как и весь дворец короля Дублина, добычей со всего света — инкрустированным золотым оружием, редкими гобеленами, богатыми коврами, диванами из Византии и с Востока, награбленными скандинавами у различных народов, ибо Дублин был центром широко раскинувшегося мира викингов, откуда те отправлялись грабить иные земли.

Царственная фигура поднялась поприветствовать Бродира. Кормалада, которую гаэлы называли Гормлат, действительно была красива, но жестокость читалась на ее лице и в больших, сверкающих глазах. Красно-золотистые волосы и серые глаза. В жилах ее текла смешанная кровь, полуирландская-полудатская, и выглядела она со своими висячими серьгами, золотыми браслетами на руках и лодыжках, с серебряным нагрудником, украшенными драгоценными камнями, словно королева варваров. Единственной ее одеждой, кроме нагрудника, была короткая шелковая юбка, не доходившая до колен и державшаяся на широком поясе, обвивающем гибкую талию. Еще в этот вечер она надела сандалии из мягкой красной кожи. Она считалась королевой Дублина, Мета и Томонда и собиралась и дальше править своими владениями, ибо держала своего сына Ситрака и брата Мэлмора в кулачке

своей тонкой белой руки. Украденная в детстве Амлаффом Горэном, королем Дублина, она рано открыла свою власть над мужчинами. Будучи ребенком-женой грубого датчанина, она правила его королевством как хотела, и вместе с властью росло ее честолюбие.

Гормлат повернулась к Бродиру с манящей, таинственной улыбкой. Но тайное беспокойство грызло ее. Во всем мире боялась она лишь одной женщины и лишь одного мужчины. Этим мужчиной был Бродир. Королева никогда не знала, как следует ей вести себя с ним. Его ведь она тоже обманывала, как и всех остальных мужчин, но с большой опаской, так как чувствовала в нем необузданную, свирепую страсть, которая, вырвавшись наружу один раз, уже навсегда выйдет из-под контроля.

— Что сказал жрец? — спросила она.

— Если мы не выступим утром, мы проиграем,— мрачно ответил викинг.— Если мы станем сражаться завтра, то Бриан выиграет, но погибнет. В любом случае завтра выступим, так как шпионы донесли, что Донаф далеко от вражеского лагеря с большим отрядом разоряет земли Мэлмора. И еще мы послали шпионов к Малачи. У него давно зуб на Бриана. Может, удастся уговорить его оставить Бриана или по крайней мере постоять в стороне и подождать. Мы предложили ему богатое вознаграждение и земли Бриана. Ха! Пусть потом только попробует встать у нас на пути! Ему достанется не золото, а окровавленный меч. Сокрушив Бриана, мы свергнем и Малачи. Обратим его в пыль. Но сначала — Бриан.

Гормлат восторженно вскинула руки:

— Принеси мне его голову! Я повешу ее над нашим брачным ложем.

— Я слышал странные рассказы,— продолжал Бродир.— Сигурд как-то на пьяную голову хвастался...

Королева вздрогнула, вглядываясь в непроницаемое лицо Бродира. Снова почувствовала она дрожь страха, глядя на угрюмого высокого викинга, грозное лицо и гриву его тяжелых черных волос, заплетенных и заткнутых за один из ремней.

— Что говорил Сигурд? — спросила она, стараясь говорить небрежно.

— Когда Ситрак пришел в мой скалли на острове Мэн, он клялся, что если я помогу ему, то буду сидеть на троне Ирландии рядом с тобой, королева,— заявил Бродир.— Теперь этот глупец, Сигурд из Оркни, наливавшись эля, хвалится, что ему обещали ту же награду.

Гормлат заставила себя рассмеяться:

— Он был пьян.

Бродир разразился проклятиями со всем неистовством неуправляемого викинга.

— Ты лжешь, распутница! — закричал он, железной хваткой сжав ее белое запястье.— Ты рождена, чтобы губить мужчин! Но с Бродиром с Мэна этот номер не пройдет!

— Ты сумасшедший,— закричала Гормлат, тщетно пытаясь вырваться.— Отпусти, или я позову стражу!

— Зови! — закричал Бродир.— Я им всем головы поотрываю. Пospoрь со мной — и я затоплю кровью улицы Дублина. Клянусь Тором! В городе не останется ничего, что Бриан сумел бы поджечь! Мэлмор, Ситрак, Сигурд, Амлафф... Всех перережу и тебя за твои желтые волосы приволоку на свой корабль. Только крикни!

Гормлат не посмела закричать. Бродир поставил королеву на колени, зверски сжав ее запястье. Ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать от боли.

— Ты обещала Сигурду то же, что и мне, зная, что ни один из нас не станет за меньшее рисковать жизнью,— продолжал он с плохо сдерживаемой яростью.

— Нет! Нет! — застонала Гормлат.— Клянусь молотом Тора.— Но когда боль стала невыносимой, она отбросила притворство.— Да! Да, я обещала это ему. Пусти меня!

— Так! — Викинг с презрением отшвырнул ее, постанывающую, растрепанную, на одну из шелковых подушек.— Ты обещала мне, обещала Сигурду,— говорил он, угрожающе возвышаясь над королевой.— Но ты сдержишь обещание, данное мне, иначе лучше бы тебе не родиться! Трон Ирландии — ерунда по сравнению с моей страстью. Если ты не будешь моей, ты ничьей не станешь.

— А Сигурд?

— Его убьют во время битвы... или после,— отрезал Бродир.

— Хорошо! — Королева в самом деле оказалась в неприятной ситуации и еще не очень-то разобралась, что к чему.— Я люблю тебя, Бродир, а ему я обещала свою руку только потому, что иначе он бы не согласился помочь нам.

— Любишь! — Викинг дико расхохотался.— Ты любишь только себя и больше никого. Но ты исполнишь клятву, данную мне, или раскаешься,— И, повернувшись на каблуках, он вышел из комнаты.

Гормлат поднялась, растирая руку с синими отметинами от пальцев воина.

— Хотя бы его убило в первой же атаке! — пробормотала она сквозь зубы.— Если один из них

выживет, то уж лучше, чтоб это был дурень Сигурд. Таким мужем легче управлять, чем этим черноволосым дикарем. За Сигурда я, пожалуй, и впрямь выйду замуж, если его не убьют, но, клянусь Богом, не долго он просидит на троне Ирландии. Я отправлю его вслед за Брианом.

— Ты говоришь так, словно Бриан уже мертв, — раздался спокойный голос за спиной королевы. Она резко обернулась.

Глаза Гормлат расширились, когда она увидела одетую в сверкающий зеленый наряд стройную девушку с блестящими неземным светом золотистыми волосами. Королева попятилась и вытянула руки, словно хотела отогнать видение:

— Ивин! Ведьма, отойди! Тебе не околдовать меня своим взглядом! Как ты оказалась в моем дворце?

— Как проходит ветер сквозь деревья, — ответила девушка. — О чем с тобой говорил Бродир?

— Если ты колдунья, то должна сама все знать, — ответила королева.

Ивин кивнула:

— Да, я знаю. Я прочитала это в твоих мыслях. Он советовался с оракулом из морских людей... Кровь и вырванное сердце. — Ее изящные губы дрогнули от отвращения. — И он сказал тебе, что выступает завтра.

Королева побледнела и ничего не ответила, боясь встретиться с магнетическим взглядом Ивин. Она чувствовала себя обнаженной перед этой таинственной девушкой, умевшей сверхъестественным способом просеивать ее мысли, открывая все секреты.

Ивин постояла, наклонив голову, потом неожиданно подняла ее. Королева вздрогнула, ибо что-то похожее на страх блеснуло в колдовских глазах Ивин.

— Кто-то еще есть в замке? — воскликнула она.

— Ты знаешь так же, как и я, — пробормотала королева. — Ситрак, Сигурд, Бродир.

— Есть еще кто-то! — воскликнула Ивин, бледнея и дрожа. — Ах, я давно его знаю... Я чувствую его... Он приносит с собой холод севера, звон ледяных морей...

Девушка повернулась и быстро проскользнула за занавесь, скрывавшую потайную дверь, о которой знали лишь Гормлат и ее прислуга, оставив королеву в замешательстве.

...

В жертвенном покое старый жрец все еще бормотал над окровавленным алтарем, на котором лежала изуродованная жертва.

— Пятьдесят лет я служил Одину, и никогда не читал такого прорицания, — пробормотал он. — Один давно отметил меня своей печатью. Года пронеслись, как засохшие листья, и мой век подошел к концу. Я видел, как один за другим рушились алтари Одина. Если христиане выиграют битву, служение Одину прекратится. Мне открылось, что я принес свою последнюю жертву...

Низкий властный голос прозвучал за спиной у старца:

— И что может быть справедливее, чем самолично сопроводить душу последней жертвы в царство того, кому ты служишь?

Жрец обернулся. Жертвенный кинжал выпал у него из рук. Перед священником стоял высокий человек, завернувшийся в плащ, под которым блестящие доспехи. Широкополая шляпа была надвинута на лоб, и, когда он приподнял ее, единственный

глаз, сверкающий и мрачный, как бурное море, встретился со взглядом священника.

Старик сдавленно, а потом во всю мочь завопил от ужаса.

Ворвавшиеся в комнату воина нашли жреца лежащим рядом с алтарем, мертвого, без единой раны, но с перекошенным лицом. Тело его изогнулось в предсмертной агонии. Остекленевшие глаза выкатились от страха. Но никого, кроме трупов жреца и несчастной жертвы, в комнате не оказалось. Никого не видели входящим или выходящим из комнаты колдуна, после того, как оттуда вышел Бродир.

Король Бриан спал один в своей палатке под охраной вооруженных воинов и видел странный сон.

...Высокий седой богатырь возвышался над ним. Голос незнакомца напоминал раскаты грома:

— Берегись, поборник Белого Христа. Ты бьешь моих детей и ведешь меня в темные пустоты Йотунхейма, но я заставлю тебя пожалеть об этом! Ты убиваешь моих детей, а я поражу твоего сына. Когда же я уйду во мрак, ты отправишься вместе со мной. И тогда Те, Кто Выбирают из Мертвых, спустятся с неба на поле боя!

От громового голоса и ужасающего блеска единственного глаза страшного незнакомца кровь застыла в жилах короля, никогда прежде не знавшего страха. И тогда он со сдавленным криком проснулся. Факелы, горящие снаружи, хорошо освещали внутренности палатки, и король сразу разглядел стройную фигуру.

— Ивин,— воскликнул он.— Боже мой, король повезло, что твой народ не принимает участия

в интригах простых смертных. Ведь вы умеете пробираться в наши палатки под самым носом у стражи. Ты ищешь Дунланга?

Девушка грустно покачала головой:

— Я больше не увижу его живым, великий король. Если я пойду к нему сейчас, моя черная печаль может лишить его мужества. Я отправлюсь искать его завтра среди убитых.

Король Бриан задрожал.

— Но я пришла сюда не для того, чтобы говорить о своей скорби, мой господин,— устало продолжала она.— Не в обычае моего народа принимать участие в спорах людей, но я люблю одного из вас. Этой ночью я говорила с Гормлат.

Бриан вздрогнул, когда девушка произнесла имя его бывшей жены.

— И... что ты узнала? — спросил король.

— Бродир выступает завтра.

Король тяжело вздохнул:

— Не по душе мне проливать кровь в священный день. Но если на то воля Бога, мы не будем ждать их нападения... Мы сами выступим на рассвете, чтобы встретить их. Я пошлю гонца вернуть Донафа.

Ивин опять покачала головой:

— Нет, великий король. Пусть Донаф живет. После битвы королевству нужны будут сильные руки, чтобы удержат скипетр.

Бриан в упор посмотрел на Ивин:

— Я слышу в твоих словах свою смерть. Ты знаешь мою судьбу?

Ивин беспомощно развела руками:

— Мой господин, даже Темные люди не могут по своей воле разорвать завесу. Я не узнавала твою судьбу, не гадала, не прочитала ее по туману или по

разлитой крови. Но на мне лежит проклятие. Сквозь пламя вижу я вихрь битвы.

— Я погибну?

Девушка закрыла лицо руками.

— Хорошо, и да свершится воля Бога,— спокойно произнес король Бриан.— Я прожил долгую жизнь. Не плачь. Сквозь самые темные туманы мрака всегда поднимается заря... Мой клан станет чтить тебя в грядущие дни. Теперь иди, ибо ночь отступает. Скоро рассветет, а я хотел бы еще обратиться к Богу...

Ивин словно тень выскользнула из палатки короля.

5

Словно призраки двигались люди сквозь туман, поднявшийся на восходе. Их оружие жутко позвякивало.

Конн потянулся, разведя мускулистые руки, широко зевнул и достал из ножен свой огромный меч.

— Вот и настал день, когда серые вороны напьются крови, мой господин,— сказал он.

Дунланг О'Хартиган рассеянно кивнул.

— Иди сюда, и помоги мне надеть эту проклятую рубаху,— попросил Дунланг.— Ради Ивина я надену ее, но, клянусь всеми святыми, я предпочел бы сражаться совершенно голым!

Гаэлы выступили из Киллмэйнхэма в боевом порядке. Впереди шли далкасцы, крупные мускулистые воины в шафрановых туниках. Каждый держал в левой руке круглый, укрепленный сталью щит из тисового дерева, а в правой руке — смертоносный далкасский топор. Такой топор сильно отличался

от тяжелого топора датчан. Ирландцы управлялись с ним одной рукой. Большой палец они вытягивали вдоль рукояти, направляя удар. В мастерстве владения боевым топором им не было равных. Кольчуг ирландцы не носили, ни пешие воины, ни всадники, хотя некоторые из военачальников, как, например, Муррох, надели легкие стальные шлемы. Но туники и военачальников, и воинов были сотканы столь искусно и так пропитаны уксусом, что стали на удивление жесткими и в какой-то мере защищали от мечей и стрел.

Во главе далкасцев ехал сам принц Муррох. Он улыбался, словно отправился на пир, а не на кровавую битву. Его сопровождали с одной стороны Дунланг в римских доспехах и Конн со шлемом Дунланга в руках; с другой — два Турлофа — сын Мурроха и Турлоф Даб, единственный из всех далкасцев, всегда сражавшийся в полных доспехах. Выглядел он довольно мрачным, несмотря на молодость: темное лицо, тусклый взгляд голубых глаз, черная кольчуга, черные железные рукавицы, стальной шлем. В руках он сжимал шипастый щит. В отличие от остальных военачальников, предпочитавших в битве пользоваться мечом, Черный Турлоф сражался топором собственнойковки, и его мастерство владения этим оружием казалось почти сверхъестественным.

За далкасцами шли две роты шотландцев. Возглавляли их Великие Стюарты Шотландские. В кольчугах и шлемах с гребнями из лошадиных грив — ветераны долгих войн с саксонцами. С ними пришли воины из Южного Манстра под командованием Мита О'Фэлана.

Третий отряд состоял из воинов Коннахта, диких людей Запада, заросших, лохматых и голых, если

не считать набедренных повязок из волчьих шкур. Их вели О'Кели и О'Хайн. Первый из них ехал в битву с камнем на душе, ибо встреча с Малачи накануне ночью легла мрачной тенью ему на душу.

Несколько в стороне от трех главных отрядов шли высокие галаглахи и пешие воины Мета. Их король не спеша ехал во главе своего воинства.

А впереди всего войска на белом скакуне гарцевал король Бриан Бору. Его седые волосы развевались на ветру, взгляд его был странным и отреченным. Пешие воины взирали на него с суеверным трепетом.

Так гаэлы подошли к Дублину и увидели воинство из Лэйнета и Лохланна, вытянутое в боевом порядке широким полумесяцем от Дабольского моста до узкой речушки Толки, пересекавшей долину Клонтарфа.

Они тоже делились на три главных отряда: чужестранцы-норманны, викинги во главе с Сигурдом и беспощадным Бродиром и расположившиеся на фланге датчане из Дублина под командованием собственного военачальника, мрачного бродяги, имени которого никто не знал, но которого все называли Дабголом Темным Странником. На другом фланге находились ирландцы Лэйнета со своим королем Мэлмором. В датской крепости на холме над рекой Лиффи засели воины короля Ситрака. Они охраняли город.

В город вела только одна дорога с севера — направления, в котором и наступали гаэлы, ведь в то время Дублин лежал лишь на южном берегу Лиффи. К нему дорога вела через мост. Его называли Дабольским. Датчане стояли спиной к морю: один конец их фронта защищал вход в город. Отряды развернулись лицом к Толке. Гаэлы же насту-

пали по плоской равнине между берегом и Томарским лесом.

Когда расстояние между войсками стало чуть больше длины полета стрелы, гаэлы остановились, и король Бриан выехал чуть вперед, подняв вверх распятие.

— Сыновья Гойдхела! — Голос короля звучал словно рев трубы. — Мне не дано вести вас в атаку, как это бывало в старые времена. Но я поставил свою палатку позади ваших рядов, и, если вы побежите, вам придется растоптать и меня. Но вы не побежите! Вспомните столетия произвола и бесчестия! Вспомните свои сожженные дома, убитых родственников, изнасилованных женщин, захваченных в рабство детей! В этот день Господь умер за нас! Вот стоят языческие полчища, оскорбляющие Его имя и убивающие Его народ! У меня для вас есть только один приказ: победить или умереть!

Неистовые воины взревели, словно волки, и лес топоров взметнулся вверх. Король Бриан наклонил голову.

— Пусть проводят меня в палатку, — шепнул король Мурроху. — Возраст не позволяет мне драться на топорах. Судьба жестока ко мне. Идите же вперед, и пусть Бог направит ваши удары!

Король медленно ускакал, окруженный телохранителями, а воины стали подтягивать пояса, доставать из ножен мечи, выравнивать строй. Конн водрузил римский шлем на голову Дунланга и оскалится. Молодой военачальник теперь походил на мифическое железное чудовище из северных легенд. Войска неумолимо сближались.

Викинги выстроились, как и обычно, клином, и на острие его были Сигурд и Бродир. Норманны смотрелись ярко и пестро возле растянутых рядами

полуголых газлов. Они двигались плотными рядами, защищенные рогатыми шлемами, тяжелыми чешуйчатыми кольчугами, доходившими до колен, рукавицами из дубленой волчьей шкуры, к которым пришиты были железные пластины. В руках сжимали они тяжелые щиты из липы, окаймленные железом, и длинные копья. На тысяче воинов переднего ряда были длинные кольчуги и латные рукавицы, так что с головы до пят они были защищены. Шли они прочной стеной, выставив вперед щиты. Над их рядами реяло зловещее знамя цвета крыла ворона, которое всегда приносило победу Ярлу Сигурду — даже если погибал тот, кто нес его. Сейчас знамя тащил сын старого Рэйна Асгрима и он чувствовал близость своего смертного часа.

На острие живого клина, словно на оголовке стрелы, шли воины Лохланна: Бродир в тусклой голубой кольчуге, на которой ни один меч не оставил вмятины, Ярл Сигурд, высокий, белобородый, в сверкающей золотом кольчуге, Красный Храфн, в душе которого таился демон смеха, вынуждавший его безумно хохотать даже во время битвы, рослые друзья Торстен и Асмунд, принц Амлафф — скитающийся сын короля Норвегии, Платт из Дании, Ателстейн Саксонец, Торвальд Ворон из Хабрид, Анрад Берсерк.

Более или менее хаотично быстрым шагом приближались ирландцы к этому построению. Они почти не пытались выстроиться в упорядоченные ряды. Вдруг Малахи со своими воинами развернулся и резко отступил влево, занимая позицию на возвышении у Кабры. Муррох, увидев это, выдохнул проклятье, а Черный Турлоф прорычал:

— Кто сказал, что О'Нейлы забыли старую вражду? Клянусь Кроном! Муррох, возможно, нам придется

защищать тыл так же, как и фронт, прежде чем мы победим в этой битве!

Неожиданно из рядов викингов вышел Платт из Дании. Сквозь его редкие рыжие волосы, как через багровую вуаль, просвечивала лысина. Его серебряная кольчуга блестела. Войска с нетерпением наблюдали за происходящим. В те времена редкая битва начиналась без предварительного поединка.

— Дональд! — закричал Платт, взмахнув обнаженным мечом, так что восходящее солнце блеснуло серебром. — Где Дональд Мар? Ты здесь, Дональд, как и при Ру-Стуаре? Или ты опять отлыниваешь от драки?

— Я здесь, негодяй! — ответил шотландец и вышел вперед из рядов своих воинов, обнажив меч.

Шотландец и датчанин встретились посреди узкой полосы земли, разделяющей армии. Дональд вел себя осторожно, как волк на охоте, Платт — безудержно. Он безрассудно прыгал и пританцовывал, сверкал глазами в припадке безумного смеха. Однако нога осмотрительного Стюарта внезапно поскользнулась на гольше. Он потерял равновесие, и меч Платта ударил его с такой силой, что острие пронзило доспехи и вошло глубоко под сердце шотландца. Но безумный крик ликующего Платта оборвался. Падая, Дональд Мар нанес смертельный удар, разрубивший голову датчанину. Оба воина бездыханными рухнули на землю.

Вот тогда и раздался низкий рев. Два огромных войска покатались друг другу навстречу, словно волны прилива. Началась битва. Зазвенели мечи. Тут не было никаких стратегических маневров, кавалерийских атак, перестрелки из луков. Сорок тысяч мужчин сражались пепими рука об руку, плечо к плечу, убивая и умирая в кровавом хаосе.

Битва взметнулась ревущими волнами. В воздухе сверкали копья и топоры. Столкнувшись и обменявшись первыми ударами, викинги и далкасцы на какое-то время отхлынули друг от друга, словно столкновение разбросало их в разные стороны. Низкий рев норманнов смешался с криками гаэлов. Копья Севера разбивались о топоры Запада. Спешившись и сражаясь в первых рядах, Муррох крушил врагов направо и налево, держа в обеих руках по тяжелому мечу. Он косил врагов как рожь. Ни щит, ни шлем не выдерживали его страшных ударов. За ним следом шли воины, рубившие врагов и завывающие как сами дьяволы. Неистовое племя из Коннахта ринулось на плотные ряды датчан из Дублина, а воины Южного Манстра с союзниками-шотландцами ударили по ирландцам Лэйнета.

Железные ряды сломались и перепутались.

Конн, следуя за Дунлангом, дико скалил зубы всякий раз, как удар его окровавленного меча попадал в цель. Его свирепый взгляд искал Торвальда Ворона. Но в море битвы, где обезумевшие люди налетали друг на друга, сшибались, а после вновь расходились, трудно было найти кого-то.

Сначала оба войска держались, не отступая ни на шаг. Грудь к груди, щит против щита. Воины, с хрипом, с боевыми кличами, ожесточенно рубились. Повсюду сверкали клинки. Они вспыхивали как морские брызги на солнце. Рев битвы отпугивал кружившихся в вышине, словно валькирии, воронов. Когда человеческая кровь и плоть стали слабеть, сомкнутые ряды заколебались. Лэйнеты дрогнули под бешеной атакой кланов Манстра и шотландских союзников. Они отступали медленно, шаг за шагом, хоть король их и сыпал проклятиями, сражаясь пешим в передних рядах.

Но на другом фланге датчане Дублина во главе с грозным Дабголом выдержали первую сокрушительную атаку племен Запада, хотя и не без потерь, и теперь дикие люди в волчьих шкурах падали под датскими топорами, как зерно, ссыпaeмое в амбар.

В центре битва кипела яростнее всего. Клинообразный заслон викингов стоял несокрушимо, и далкасцы тщетно бросали в него свои полуголые тела. Бродир и Сигурд начали медленно, настойчиво теснить врага. Неумолимые викинги все глубже врубались в неплотные ряды гаэлов.

Со стен дублинского замка король Ситрак с женой и Кормалада наблюдали за полем боя.

— Славно собирают урожай морские короли! — воскликнул Ситрак.

Прекрасные глаза Кормалады блестели. Она ликовала.

— Гибель Бриану! — кричала она неистово. — Гибель Мурроху! Да погибнет Бродир! Дайте воронам пищи!

Но голос ее дрогнул, когда она увидела высокую фигуру в плаще, стоявшую на зубчатой стене вдалеке от остальных зрителей. Мрачный седой великан задумчиво созерцал сражение. Холодный страх подкрался к Гормлат, и слова замерли у нее на устах. Она вцепилась в плащ Ситрака.

— Кто это? — прошептала она, указывая на фигуру.

Ситрак взглянул и пожал плечами:

— Не знаю. Не обращай на него внимания. Не подходи к нему. Когда я к нему приблизился... он не стал со мной говорить... И даже не взглянул на меня... Но надо мной пронесся холодный ветер, и

сердце мое затрепетало. Лучше следи за битвой. Гаэлы отступают.

Однако гаэлы все еще держались. Линия сражающихся стала походить на изогнутое лезвие топора, и на его выгнутом центре находился Муррох со своими военачальниками. Принц-великан истекал кровью, сочившейся из многочисленных ран, но его тяжелые мечи по-прежнему раздавали удары и собирали урожай смерти.

Воины, стоявшие рядом с ним, тоже сметали врагов на своем пути. Муррох искал в толпе врагов Сигурда. Он видел, как высокий ярл маячит среди врагов, нанося страшные удары. Это зрелище приводило гаэльского принца в бешенство, но добрать-ся до викинга он не мог.

— Воины отступают, — с трудом проговорил Дунланг, пытаясь смахнуть пот, заливавший глаза. Он оставался невредим. Копья и топоры расщеплялись о римский шлем и отскакивали от древнего панциря, но не привыкший к доспехам молодой воин чувствовал себя волком на цепи.

Муррох огляделся. По одну сторону от их группы гаэлы отступали, медленно, поливая кровью каждый фут земли, но не в силах остановить неудержимую атаку норманнов, закованных в кольчуги.

Норманны, конечно, тоже гибли, но смыкали ряды и напирали с новой силой, прокладывая себе путь вперед.

— Турлоф! Поспеши. Беги к Малачи! Попроси его, во имя Бога, атаковать! — приказал Муррох на одном дыхании.

Но Турлофа Черного охватило безумство берсеркера. На губах его выступила пена, глаза выкатились.

— Дьявол поberi этого Малачи! — закричал он, одним ударом разрубая череп датчанина.

— Конн! — позвал Муррох, схватив бывшего раба и оттолкнув его назад. — Поспеши за Малачи. Нам нужна поддержка.

Конн с неохотой стал выбираться из кипящей сечи, очищая себе дорогу страшными ударами меча. В колеблющемся море клинков и шлемов он заметил огромного Ярла Сигурда и его свиту. Над ними развевалось черное знамя, а их мечи косили людей как пшеницу.

Наконец вырвавшись из свалки, Конн побежал вдоль линии сражающихся к возвышенности Кабра, где столпились меты, напряженные и возбужденные, словно охотничьи псы.

Они сжимали оружие и выжидающе смотрели на своего короля. Малачи стоял в стороне, наблюдая за схваткой угрюмым взглядом. Львиная голова его склонилась, пальцы перебирали золотую бороду.

— Король Малачи, — без церемоний обратился к нему Конн. — Принц Муррох просил тебя немедленно атаковать. Враги сильно давят. Предводители гаэлов почти окружены.

Великий О'Нейл поднял голову и рассеянно взглянул на Конна. Простой воин и не догадывался о борьбе, происходившей в душе Малачи. Кровавые видения теснились перед его глазами — золото, власть над всем Эрликом... и черный позор предательства. Он еще раз взглянул на поле битвы, где среди копий возвышалось знамя его племянника О'Кели. Потом король содрогнулся и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Сейчас не время. Я выступлю, когда придет час.

На мгновение король и воин встретились взглядами, и Малачи опустил глаза. Конн отвернулся, не сказав ни слова, и поспешил вниз по склону холма. Внизу он увидел, что воины Десмонда уже остановлены. Мэлмор, подобно бесноватому, собственноручно разрубил принца Митла О'Фэлана, а случайный удар копья ранил Великого Стюарта, и теперь лэйнеты отражали натиск манстрских и шотландских кланов. Но там, где сражались далкасцы, битва притихла. Принц Томонда остановил норманнов; словно о возвышающуюся посреди моря скалу, о него разбивались волны врагов.

Конн добрался до Мурроха, когда в битве уже произошел перелом.

— Малачи говорит, что выступит, когда придет время.

— Будь он проклят! — закричал Черный Турлоф. — Нас предали!

Голубые глаза Мурроха вспыхнули.

— Тогда вперед, во имя Господа! — закричал он. — Давайте ударим и погибнем!

Этот клич подхватили все воины газлы. Со слепой яростью отчаянья обрушились они на норманнов. Ряды их сомкнулись, и король Ситрак тоже закричал со стен замка, побледнев и схватившись за парапет. Он уже слышал такой крик раньше.

Теперь, когда Муррох рванулся вперед, газлов охватила безумная ярость, как людей, у которых не осталось надежды. Угроза смерти подхлестнула их, разожгла в них бешенство. И, воодушевленные своим безумием, они бросились в последнюю атаку, ударили в стену щитов, пошатнувшуюся от такого удара. Никакая человеческая сила не могла удержать такой натиск. Муррох и его свита не надеялись больше победить или даже выжить. Они

хотели лишь насытить свою ненависть. В своем отчаянии они сражались, словно раненые тигры, рубили человеческие тела, разрубали черепа, разрывали грудные клетки. Рядом с Муррохом сверкал топор Турлофа Черного, мечи Дунланга и остальных военачальников. Железные ряды норманнов сжались, подались. Через брешь в стальном строю устремились обезумевшие газлы. Строй щитов распался.

Неистовые воины Коннахта снова ринулись в атаку на дублинских датчан. О'Хайн и Дабгол пали одновременно, и дублинцы отступили. Все поле битвы превратилось в беспорядочную массу сражающихся. Не осталось ни рядов, ни построений. Перепрыгнув через кучу мертвых далкасцев, Муррох наконец добрался до Ярла Сигурда. За Ярлом стоял сын старого Рейна Асгрима с черным стягом в руках. Муррох убил его одним ударом. Сигурд обернулся, и его меч разорвал тунику Мурроха и пронзил его грудь, но ирландский принц ответил врагу точно таким же ударом по норманскому щиту. Сигурд отлетел назад.

Торлеф Хорди подобрал знамя, но едва лишь поднял его, как Черный Турлоф, подлетев, разрубил пополам его череп. Сигурд видел, как вновь пало его знамя. С яростью напал он на Мурроха. Его меч пробил морион принца и ранил его в голову. Кровь залила лицо Мурроха, но прежде, чем Сигурд вновь нанес удар, топор Черного Турлофа вспышкой света преградил ему путь.

Щит выпал из рук Ярла, и он на мгновение отступил, содрогнувшись от блеска страшного топора. Но тут нахлынула толпа воинов, разъединив сражающихся.

— Торстен! — закричал Сигурд. — Возьми знамя!

— Не бери! — воскликнул Асмунд. — Тот, у кого оно в руках, умирает!

Тут-то меч Дунланга раскроил ему голову.

— Храфн! — отчаянно позвал Сигурд. — Возьми знамя!

— Неси сам свое проклятие! — ответил Храфн. — Всем нам конец!

— Трусы! — взревел Ярл, сам схватив знамя. Он попытался завернуть его в плащ, но тут Муррох с окровавленным лицом и пылающим взглядом прорвался к нему. Сигурд поднял меч, но слишком поздно. Меч в правой руке Мурроха разрубил шлем Сигурда, а меч в левой, просвистев, — череп, и Ярл упал на залитое кровью знамя, черным саваном обернувшееся вокруг него.

Поднялся громовой рев, и гаэлы бросились вперед с новой силой. Строй щитов распался окончательно. Кольчуги не могли спасти викингов. Далкаские топоры, сверкая на солнце, пробивали кольчуги, нагрудные пластины, крушили липовые щиты и рогатые шлемы. Но датчане все еще сопротивлялись.

На высокой крепостной стене король Ситрак наблюдал за происходящим. Его руки, сжимавшие парпет, дрожали. Он понимал, что неистовых гаэлов нельзя победить. Они больше не дорожили собственной жизнью, бросаясь вновь и вновь под удары вражеских копий и топоров. Кормалада молчала, но жена Ситрака — дочь короля Бриана — кричала от радости. Ее сердце осталось верно народу.

Теперь Муррох пытался добраться до Бродира. Викинг видел, что Сигурд мертв. Мир Бродира рушился. Даже хваленая кольчуга подвела его. Хотя тело его и не пострадало, вражеские клинки посек-

ли кольчугу в клочья. Прежде викинг никогда не сталкивался с ужасным далкаским топором. Он отступал под натиском Мурроха. В давке какой-то топор опустился на шлем сына Бриана, повергнув его на колени и ослепив. Но упавшего Мурроха защитил меч Дунланга.

Натиск гаэлов еще более усилился, когда Черный Турлоф, Конн и молодой Турлоф продолжили атаку. Дунланг в пылу битвы сорвал с себя шлем и панцирь.

— Дьявол поberi эти железяки! — закричал он, поднимая с земли израненного принца и поддерживая его. В этот миг Торстен Датчанин метнул в Дунланга копьё. Молодой воин зашатался и упал к ногам Мурроха, а Конн подлетел к Торстену и смахнул его голову с плеч так, что та завертелась в воздухе, расплескивая кровь.

Зрение постепенно вернулось к Мурроху.

— Дунланг! — испуганно закричал он, упав на колени рядом с другом и приподняв его голову.

Но глаза Дунланга уже остекленели.

— Муррох! Ивин! — Кровь хлынула изо рта молодого воина, и он безвольно упал на руки Мурроха.

Принц вскочил с криком бешеной ярости. Он кинулся в самую гущу викингов, увлекая за собой гаэлов.

А на холме Кабры кричал Малачи. Теперь он отбросил все сомнения в сторону и забыл об интригах. Он поступил точно так, как в тайне от всех приказал ему Бродир. Малачи должен был стоять в стороне от обеих сражающихся армий, но в подходящий момент неожиданно осадить город. Кровь короля кипела, восставая против такого плана. Теперь же он схватился за толстое ожерелье, висевшее у

него на шее. Много лет назад он снял его с шеи пленного датского короля. Старый огонь ненависти с новой силой вспыхнул в жилах Малачи.

— Убить или умереть! — закричал он, выхватив свой меч. Меты за его спиной отозвались свирепым ревом, и еще одна армия присоединилась к битве.

Под ударами метов ослабевшие датчане дрогнули и пустились в бегство. Они распались на одинокие группки, старавшиеся пробиться к заливу, где стояли на якорях их корабли. Но меты отрезали им пути отступления. А корабли из-за прилива оказались далеко от земли. Побоище продолжалось весь день, но Конну, случайно бросившему взгляд на садившееся солнце, казалось, что прошел всего лишь час с того момента, когда войска столкнулись впервые.

Бегущие норманны стремились к реке. Гаэлы вслед за ними вошли в воду. Они топили врагов. Ирландцы разделились: одни преследовали бегущих, другие сражались с норманнами, еще оказывавшими сопротивление. Юный Турлоф отделился от группы Мурроха и исчез в водах Толки. Он сражался с датчанами клана Лэйнета на побережье, пока Черный Турлоф не бросился в их гущу, словно бешеный зверь, одним ударом сразив Мэлмора.

Муррох, бешенство которого все еще не угасло, шатаясь от усталости и от слабости из-за потери крови, набросился на отряд викингов, вставших спина к спине и яростно отбивающихся от гаэлов. Их предводителем был Анрад Берсерк. Когда же он столкнулся с Муррохом, принц уже слишком ослабел, чтобы отразить удар датчанина. Он просто отбросил мечи в сторону и схватился с

Анрадом врукопашную, пытаясь свалить противника на землю. Когда они оба упали, меч выпал из рук датчанина. Муррох и Анрад схватили его одновременно, но принц за рукоять, а Анрад за клинок. Гаэл изо всех сил дернул клинок, разрезая мускулы викинга.

Потом, поставив колено на грудь Анрада, Муррох трижды воткнул меч в его тело. Умирая, Анрад вытащил кинжал, но силы его таяли так быстро, что рука сама безвольно упала. Тогда чья-то рука, схватив за запястье Анрада, довела дело до конца. Клинок кинжала пробил сердце принца. Уже падая, Муррох увидел высокого седого гиганта, возвышающегося над ним. За плечами незнакомца развевался плащ, а единственный страшный глаз его равнодушно взирал на принца. Похоже, никто из воинов вокруг не замечал Седого Человека.

Теперь уже побежали все датчане. Король Ситрак со стены взирал на гибель славы и гордости своего народа. Обезумевшая Гормлат созерцала резню, поражение и позор ее воинства.

Конн бегал по полю брани. Он искал Торвальда Ворона. Щит Конна раскрошился под ударами топорков, на широкой груди было с полдюжины мелких ран, меч плашмя ударил его по голове, но копна запутанных волос смягчила удар. На бедре кровоточила рана от копья. Однако в безумии битвы Конн не чувствовал боли.

Чья-то слабеющая рука ухватила Конна за колено, когда он споткнулся о труп человека в волчьей шкуре. Бывший раб наклонился и увидел племянника Малачи — О'Кели. Глаза юноши остекленели. Конн приподнял его голову. Улыбка скользнула по губам умирающего.

— Я слышал боевой клич О'Нейла,— прошептал он.— Ведь Малачи не мог нас предать? Он же не мог не вступить в битву...

Так умер О'Кели. Встав, Конн увидел знакомый силуэт. Торвальд Ворон выбрался из свалки и быстро убегал, но не к морю и не к реке, где его товарищи гибли под гаэльскими топорами, а к Томарскому лесу. Конн последовал за ним. Ненависть подгоняла его.

Тут Торвальд увидел, что за ним погнались, и, обернувшись, зарычал. Вот так раб встретился с бывшим хозяином. Когда Конн настиг его, норманн сжал свое копьё обеими руками и яростно метнул его, но острое отскочило от огромного ошейника на шее Конна. Подобрав его, Конн в свою очередь швырнул копьё в противника. Оно прошло сквозь разорванную кольчугу Торвальда, выпустив ему кишки.

Оглядевшись, Конн заметил, что охота за старым врагом завела его почти к палатке короля, установленной на краю поля битвы. Король Бриан стоял перед палаткой. Его седые волосы развевались на ветру, и лишь один человек прислуживал ему. Конн подбежал к палатке.

— Какие вести ты принес, воин? — спросил король.

— Чужеземцы бегут,— ответил Конн.— Но Муррох погиб.

— Ты принес плохие вести,— сказал Бриан.— Никогда больше не увидит Эрлик такого воина.

— Где же ваша охрана, мой господин? — спросил Конн.

— Они присоединились к сражающимся.

— Тогда позвольте мне отвести вас в более безопасное место,— сказал Конн.— Враги бегут прямо сюда.

Король Бриан покачал головой:

— Нет, я знаю, мне не уйти отсюда живым. Ведь Ивин Грэгги сказала мне прошлой ночью, что я погибну сегодня. Что пользы в моей жизни, если погиб Муррох и гаэльские защитники?

Вдруг слуга закричал:

— Мой король, мы погибли! Голубые люди идут сюда.

— Это — датчане в доспехах! — воскликнул Конн, обернувшись.

Король Бриан обнажил свой тяжелый меч.

Приближалась группа заляпанных кровью викингов. Впереди них шли Бродир и Амлафф. Их кольчуги висели клочьями, мечи были зазубрены и в крови. Бродир издали заметил палатку короля и теперь пришел убить его, потому что в этот день на поле брани он был пристыжен и ярость кипела в его сердце. Его одолевали видения, в которых Бриан, Сигурд и Кормалада кружились в дьявольской пляске. Теперь он жаждал лишь смерти под ударами мечей.

Приблизившись, Бродир и Амлафф одновременно кинулись к королю. Конн преградил им путь, но Бродир свернул в сторону, предоставив бывшего раба своему спутнику, а сам напал на короля. Конн нанес только один удар, разрубив, как бумагу, кольчугу врага, вместе с позвоночником. И тут же бросился на защиту короля Бриана.

Конн увидел, как Бродир отразил удар короля и пронзил могучую грудь Бриана. Тот упал, но, падая, выставил колено, вырвал из груди меч врага и им же перерубил Бродиру обе ноги. Торжествующий крик викинга превратился в ужасный стон. Бродир рухнул в лужу крови. Какое-то время он бился в конвульсиях, а потом затих.

Конн остановился, огляделся. Остальные викинги убежали. Гаэлы начали потихоньку собираться возле королевской палатки. Звуки волынки, причитающей по героям, сливались с криками тех, кто все еще сражался у реки. Тело Мурроха принесли к палатке короля. Люди шли тяжело, устало, склонив головы. На носилках принесли тело принца и тела Турлофа, сына Мурроха, Дональда Стюарта Мара, О'Кели и О'Хайна; западных военачальников, принца Митла О'Фэлана, Дунланга О'Хартигана. Рядом с носилками, опустив голову на грудь, шла Ивин Грэгли.

Воины поставили носилки. Молча окружили они труп короля Бриана Бору. Безмолвно смотрели они на мертвеца. Ивин опустила рядом с телом своего возлюбленного. Ни слезинки не уронила она. Ни крика, ни предсмертного стога не вырвалось из ее груди.

Шум битвы постепенно стихал. Заходящее солнце облило розовым светом истоптанное поле. Беглецы, истерзанные, избитые, ковыляли через дублинские ворота. Воины Ситрака готовились к осаде. Но у ирландцев не было сил осадить город. Четыре тысячи воинов погибли, и большей частью — гаэлы. Но больше семи тысяч датчан и лэйнетов лежали на пропитанной кровью земле. Гаэлы сокрушили викингов. Так закончилось их владычество в эти края...

Конн же направился к реке. Многочисленные раны его болели. По дороге он столкнулся с Турлофом Дабом. Безумие покинуло Черного Турлофа, и его темное лицо снова стало непроницаемым. Он был измазан кровью с головы до пят.

— Мой господин, — обратился к нему Конн, дотронувшись до своего ошейника. — Я убил того

кто надел на меня ошейник раба. Теперь я свободен.

Черный Турлоф поднял топор, подцепил кольцо, рассекая мягкий металл. Лезвие топора слегка задело поранило плечо Конна, но воин даже не заметил этого.

— Теперь я и в самом деле свободен, — объявил Конн, наконец вздохнув с облегчением. — Мое сердце скорбит о погибших вождях, но я славию нашу победу! Никогда больше не будет столь славной битвы! Воистину, хороший пир будет для воронов.

Его голос стих. Он замер, как статуя, запрокинув голову, и смотрел в небеса. Солнце садилось, и на фоне кровавого заката собирались темные тучи. Пронизывающий ветер гнал их на восток. И вдруг среди них показалась огромная фигура. Седая борода и спутанные волосы развевались по ветру, плащ трепетал и хлопал, словно крылья чудовищной птицы. Фигура уносилась прочь, на север.

— Взгляните вверх... на небо! — закричал Конн. — Это он! Тот самый одноглазый Седой. Я видел его в горах в Торке. А потом заметил на стенах Дублина, в самый разгар битвы. Он стоял над умирающим принцем Муррохом. Смотрите! Он мчитесь сквозь тучи, оседлав ветер. Сейчас он исчезнет совсем!..

— Это был Один, бог Морского Народа, — сумрачно отозвался Турлоф. — Его дети убиты, алтари уничтожены, служители погибли под мечами южан. Он бежит прочь от новых богов и их детей. Возвращается на берега голубых северных заливов, туда, где был рожден. Не будет больше беспомощных жертв, рыдающих под ножами жрецов. Не придется больше Одину шествовать по черным тучам. — Турлоф покачал головой. — Седой бог ушел, и нам пора уходить, хотя победа и осталась за нами. На-

ступает время сумерек. Что-то давит мне грудь. Такое ощущение, будто мы стоим на сломе эпох. Ушло одно время, другое приходит ему на смену. Но все мы лишь тени на этой земле. Каждому из нас положен свой предел.

И Турлоф пошел прочь. Фигура его растворилась в сумерках, и Конн остался один. Он больше не был рабом, как и все гаэлы. Им больше не грозила тень Седого бога и его безжалостные слуги.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

С

нег хлопьями кружился на пронизывающем ветру. У диких скал Коннахта ревело море, на берег накатывались, вздымая к серому небу длинные оловянные гребни, все новые и новые волны. В пред-рассветных сумерках по еле заметной тропинке, выющейся между камней, медленно шел рыбак. Его ноги были обуты в сапоги из грубо выделанной кожи, длинная куртка из оле-

нейш шкуры едва прикрывала тело — больше на нем ничего не было. Словно косматый зверь, он с тупым упорством шагал вперед и вперед, не обращая внимания на жгучий холод. И вдруг остановился — ему преградил дорогу вынырнувший из-за пелены тумана и снега человек. Перед рыбаком стоял Турлоф Даб.

Это был воин, от которого любой — будь то мужчина или женщина — с трудом смог бы отвести глаза. Высокий, но пропорционально сложенный, с широкой грудью и могучими плечами, он обладал силой и выносливостью буйвола, сопряженной с быстротой и гибкостью пантеры.

Все его движения, вплоть до наимельчайших, отличались необыкновенно точной координацией, характерной для выдающихся бойцов. Турлоф Даб — Черный Турлоф, входивший когда-то в клан О'Брайенов.

У него и в самом деле были черные волосы и смуглая кожа, под густыми черными бровями холодным огнем пылали голубые глаза. Его гладко выбритое лицо, казалось, впитало в себя мрачную красоту здешних гор и угрюмое спокойствие ледовитого океана. Как и рыбак, он был частью этой дикой северной природы.

Голову Турлофа защищал простой шлем, тело от шеи до половины бедра покрывала хорошо подогнанная кольчуга, кильт из грубой выгоревшей материи, который он носил под нею, доходил до колен. Башмаки на его ногах были стачаны из кожи настолько твердой, что легко выдержали бы даже прямой удар меча, не будь столь вытертыми и заносенными. С широкого пояса, охватывающего талию Турлофа, свисал кинжал в черных ножнах. В его левой руке лениво покачивался небольшой щит

из твердого, как сталь, обитого кожей дерева с коротким острым шипом посередине.

В правой руке он держал топор, и именно на него устремлен был взгляд рыбака. По сравнению с огромными топорами северных пиратов оружие кельта, с его трехфутовой изящной рукоятью и плавно выгнутым лезвием, казалось легким, почти игрушечным. Но именно такие топоры три года назад сокрушили зловещее могущество северных захватчиков — рыбак хорошо помнил это. Топор Турлофа имел, однако, и свои, строго индивидуальные черты. Односторонний, с трехгранными наконечниками сверху и снизу, он был тяжелее, чем казался на первый взгляд, как, впрочем, и человек, которому он принадлежал. Словом, это было грозное оружие искушенного воина — стремительное и смертоносное, словно кобра. Его рукоять, вырезанную из корня столетнего дуба и тщательно отожженную на костре, а затем дополнительно укрепленную сталью, сломать было практически невозможно.

— Кто ты? — спросил рыбак охрипшим внезапно голосом.

— А кто ты такой, что об этом спрашиваешь? — спокойно ответил воин.

Взгляд рыбака скользнул по массивному золотому браслету — единственному украшению, блестящему на левом предплечье стоявшего перед ним человека.

— Гладко выбрит и коротко стрижен на манер норманнов, — пробормотал он. — И смуглый... Похоже, ты Черный Турлоф, изгнанный из клана О'Брайенов. Далеко же ты забрел, в последнее время, говорят, ты грабил О'Рейли и Оустменов на холмах Уиглоу.

— Изгнанный — не изгнанный, есть что-то надо, — проворчал далкасцев.

Рыбак пожал плечами. Быть изгоем — тяжелая участь. В системе кланов каждый человек, лишившийся поддержки рода, был обречен — любой мог поднять на него руку. Рыбак слышал о Турлофе Дабе — великом воине и опытном военачальнике, взрывы бешеной ярости которого, однако, наводили ужас на людей даже в эти страшные времена, когда все вокруг, казалось, пропитано было насильем.

— Так себе погода сегодня, — несколько недоволен сказал рыбак.

Турлоф мрачно смотрел на его всклокоченные волосы и спутанную бороду.

— У тебя есть лодка?

Тот кивнул головой в сторону небольшого залива. Там покачивалось на волнах, надежно заякоренное, неказистое на вид суденышко.

— Да, на такой далеко не уплывешь, — сплюнул в снег Турлоф.

— Не уплывешь? И это говоришь мне ты, рожденный и выросший здесь, на побережье? Ты же с первого взгляда должен был ее оценить. Я в одиночку плавал на ней в залив Друмклифф и обратно, когда все демоны бури старались разнести ее в щепки.

— Разве рыба ловится в такую непогоду?

— А ты думаешь, что только вы, воины, испытываете радость, когда рискуете своими шкурами? Клянусь всеми святыми, я плавал в шторм в Боллинскелингс и обратно только для собственного удовольствия.

— Ладно, этого достаточно, — сказал Турлоф. — Ты меня убедил. Я возьму эту лодку.

— Еще чего? О чем ты говоришь? Если хочешь покинуть Эрин, отправляйся в Дублин, сядешь там на один из кораблей своих друзей-датчан.

— Я убивал людей за меньшее оскорбление, — гневный взгляд превратил лицо Турлофа в полную угрозу маску.

— А разве ты не путался с датчанами? Разве не поэтому твой клан вышвырнул тебя за порог, чтобы ты сдох среди вересковых полей, словно бездомный пес?

— Ложь, сплошная ложь, — огрызнулся воин. — Ревность двоюродного брата и гнев отвергнутой женщины — вот причина. И хватит об этом. Ты не видел здесь драккар, шедший с юга на веслах?

— Да... три дня тому назад тут проплывала ладья с драконом на носу. Викинги... К берегу они не приставали. Да и чего этим пиратам искать у рыбаков.

— Торфель Красивый, — буркнул Турлоф, и топор в его руке дрогнул. — Так я и знал.

— А что, эти негодяи ограбили кого-нибудь на юге?

— Они под покровом ночи напали на замок Килбэг и похитили Мойру, дочь Мартега, короля далксцев.

— Я слышал о ней, — сказал рыбак. — Значит, теперь на юге точат мечи. Прольется море крови, не так ли, дружище?

— Ее брат, Дармон, ранен в ногу и не может двинуться с места. Мак Марроги грозят землям ее клана с востока, О'Конноры — с севера. Клан не может снять людей с границы, речь идет о жизни и смерти всего рода. Со дня смерти великого Бриана земля Эрина трясется под далкасским троном. Тем не менее, Кормак О'Брайен пустился в погоню за

похитителями, но он плывет на запад, следом за перелетными птицами, считая, что нападение — дело рук датчан из Кенингсберга. Что ж, пусть так считает, я же теперь точно знаю, что это был Торфель Красивый, хозяин острова Слэйн, викинги называют его островом Хелни. Туда он сейчас плывет, там я его и найду. Одолжи мне свою лодку.

— Ты спятил! — крикнул рыбак. — О чем ты говоришь? Плывать из Коннахта на Гебриды в открытой лодке? В такую погоду вдобавок? Нет, ты сумасшедший.

— Я постараюсь доплыть, — ответил рассеянно Турлоф. — Так ты одолжишь мне лодку?

— Нет.

— Я могу убить тебя и забрать ее, не спрашивая твоего разрешения.

— Можешь, — спокойно ответил рыбак.

— Ах ты, грязная свинья, — гневно крикнул изгнанник. — Принцесса Эрина в лапах рыжебородого пирата, а ты торгуешься, как сакс.

— Человеке, ведь мне тоже жить хочется! — с неменьшим возмущением воскликнул рыбак. — Ты заберешь у меня лодку, и я подожду с голода. Где я найду другую такую?

Турлоф потянулся за поблескивавшим на руке браслетом.

— Я тебе заплачу. Этот золотой обруч король Брин собственноручно надел мне на руку перед битвой на равнине Клонтарф. Возьми, ты купишь за него сотню лодок. Я берег этот браслет пуще ока, но теперь...

Рыбак покачал головой. В его глазах загорелись огоньки.

— Нет. Моя хижина — не место для браслета, которого касалась рука короля Бриана. Оставь его

себе... и забирай лодку... во имя всех святых, если они что-то для тебя значат.

— Ты получишь ее обратно, когда я вернусь, — пообещал Турлоф. — И, быть может, еще золотую цепь вдобавок, ту что свисает сейчас с бычьей шеи какого-нибудь пирата.

День стоял серый и мрачный. Выл ветер, и неустанный монотонный шум прибоя рождает тоску в людских сердцах. Рыбак сидел на отвесной скале и с тоской смотрел вниз на маленькую хрупкую лодку. Она плыла, лавируя среди камней, и вот ее ударило всей своей мощью открытое море, подбросив на волне, словно перышко. Порыв ветра расправил парус, лодка рванулась, покачнувшись, выпрямилась и стрелой помчалась вперед. Она уменьшалась и уменьшалась, превращаясь в маленькую точку, затем налетел снежный заряд и скрыл ее от глаз рыбака.

Турлоф отдавал себе отчет в исключительной опасности того, что ему предстояло сделать. Но он рос и мужал в борьбе с опасностями. Холод и пронизывающий до костей ветер с мокрым снегом, которые отправили бы в мир иной любого другого на его месте, лишь быстрее гнали кровь в его жилах.словно волк, сильный и гибкий, он удивлял своей выносливостью даже привычных ко всему викингов.

Еще ребенком Турлоф доказал свое право на жизнь, выбравшись невредимым из сильнейшей пурги. Его детство и отрочество прошли на побережье. Он плавал как рыба, мог насмерть загнать коня, мчался рядом с ним наперегонки. Теперь, когда интриги родичей вынудили его покинуть клан, он настолько закалился, что цивилизованный человек в это просто не смог бы поверить.

Снегопад прекратился, небо прояснилось, но ветер дул по-прежнему. Турлофу ничего не оставалось, как держаться ближе к берегу, лавируя среди рифов, о которые, казалось, вот-вот разобьется его утлое суденышко. Он неустанно работал веслом, манипулировал парусом и килем, изредка на ходу подкрепляясь нехитрой пищей, найденной в лодке. Море, когда он подплывал к мысу Малин Хед, успокоилось, ветер утих, и только сильный бриз толкал теперь лодку вперед. Дни и ночи сливались в единое целое — Турлоф плыл на восток. Лишь однажды он пристал к берегу, чтобы пополнить запас пресной воды и поспать хоть несколько часов. Сидя за рулем, он вспоминал последние слова рыбака: «Охота тебе рисковать жизнью ради клана, который назначил награду за твою голову». Он пожал плечами. Кровь — не вода. Народ, отвергший его и изгнавший, из-за этого не перестал быть его народом. И чем перед ним провинилась юная Мойра, дочь Мартега. Он хорошо ее знал — они часто играли вместе, когда он был подростком, а она — совсем еще ребенком. Он помнил ее темно-серые глаза, блестящие черные волосы, чистую кожу. Уже тогда, в детстве, она была необыкновенно хороша... И вот теперь ее увозили на север, чтобы превратить в наложницу норвежского пирата. Торфель Красивый... Турлоф проклял его именем богов, не знавших знака креста. Перед его глазами всколыхнулась алая мгла, море окрасилось в багровый цвет. Ирландская девушка в лапах разбойника... Резко рванув руль, Турлоф направил лодку в открытое море. В его глазах загорелось пламя безумия.

Путь, который он избрал, направляясь в Хелни, был долгим и сложным. Его конечным пунктом был маленький островок — один из целой россыпи по-

хожих друг на друга островков, лежащих между Мулл и Гебридами. Даже современный моряк, вооруженный компасом и картами, немало потрудился бы, разыскивая его. Турлофа проблемы навигации волновали мало — он плыл, руководствуясь инстинктом и опытом. Он знал эти воды как свои пять пальцев — плавал здесь и как пират, и как мститель, и даже, однажды, — как пленник, привязанный к носу драккара.

След, которым он шел, был совсем свежим. Дым пожарищ на побережье, дрейфующая по воле волн мелкая домашняя утварь, кусочки полуобуглившегося дерева в воде — все это свидетельствовало о том, что Торфель Красивый не гнушался грабежом рыбацких поселений по дороге. Турлоф хмыкнул с мрачным удовлетворением — он догонял пиратов, хотя те гораздо раньше, чем он, вышли в море.

Он был уже где-то на половине пути к своей цели, когда увидел небольшой остров несколько в стороне от своего курса. Он знал его — остров был необитаем, но на нем можно было набрать пресной воды. Турлоф направил лодку к острову. Приблизившись к берегу, он увидел две вытянутые на песок лодки: одна, неказистая, грубой работы, походила на ту, в которой плыл он сам, хотя была большей по размерам; вторая — длинная и узкая несомненно принадлежала викингам. Обе лодки были пустыми. Турлоф прислушался, ловя настороженным ухом звон оружия и крики сражающихся, но вокруг царила девственная тишина. «Рыбаки с шотландских островов, — думал он. — Пиратская шайка заметила их и погналась следом. Гнались дольше, чем намеревались вначале, впрочем, эти негодяи, почуяв кровь, могут сутками преследовать жертву...»

Турлоф подплыл к берегу, бросил за борт камень, служивший рыбаку якорем, и выскочил на песок, держа топор наготове. Впереди маячили несколько подозрительных на вид холмиков. Турлоф в несколько прыжков преодолел расстояние, отделявшее его от них и... лицом к лицу столкнулся с загадкой.

Перед ним неровным кругом лежали в лужах собственной крови пятнадцать рыжебородых датчан. Все они были мертвы. Внутри этого круга, вперемежку с телами пиратов, лежали трупы людей, принадлежавших к расе, дотоле ему неизвестной. Чужаки были невысокими, с очень смуглой кожей, их остекленевшие глаза казались иссиня-черными, бездонными, они были чернее любых других глаз, в которые приходилось смотреть Турлофу. Вооружены они были неважно: их мертвые, окостеневшие уже руки сжимали выщербленные мечи и кинжалы, тут и там в траве валялись поломанные о кольчуги викингов стрелы, и Турлоф с удивлением заметил на многих из них кремневые наконечники.

— Да, тут была отчаянная драка,— пробормотал он.— Не часто такое увидишь. Что же это за люди? На здешних островах я таких не встречал. Семеро... и все? А где те, что помогли им расправиться с пиратами? Хилые на вид, оружие ненадежное, но...

Тут ему в голову пришла иная мысль. Почему эти странные люди не разбежались и не попытались поодиночке уйти от преследователей? Приглядевшись, он нашел ответ на свой вопрос: в самом центре круга из трупов лежала статуя, вырубленная из какого-то черного материала. Высотой всего футов в пять, она настолько напоминала живого

человека, что Турлоф изумленно выругался. Рядом со статуей лежал труп старика, иссеченный в такой степени, что в нем не осталось ничего человеческого. Одна из окровавленных рук старца обнимала изваяние, вторая еще сжимала кинжал, вбитый по рукоять в грудь датчанина. Турлоф осмотрел страшные раны, обезобразившие тело. «Да,— подумал он,— убить их было нелегко, они сражались до последнего». Он вглядывался в смуглые мертвые лица, засывшие в угрюмом ожесточении, смотрел на мертвые руки, вцепившиеся в бороды врагов.

На одном из чужаков лежал труп коренастого викинга. Ран на его теле заметно не было, но когда Турлоф подошел ближе, то увидел, что зубы смуглого мужчины, словно клыки хищника, вцепились в горло противника.

Турлоф наклонился и растащил трупы, высвобождая статую. Рука старца крепко цеплялась за изваяние, и ему пришлось напрячь все свои силы, чтобы разжать мертвые пальцы — казалось, чужак и после смерти обороняет свое сокровище — а Турлоф уже не сомневался, что именно за него отдали свои жизни эти невысокие смуглые воины. Они могли рассыпаться по острову, спрятаться от врага поодиночке, но это значило бы для них потерять статую, и они предпочли умереть рядом с нею.

Турлоф тряхнул головой. Его давняя ненависть к викингам год от году крепла, становилась все более нестерпимой, горячее, почти маниакальной, доводя его до бешенства. В его диком сердце не было места жалости — увидев лежащих у его ног мертвых датчан, он испытал жестокую радость. Но в этих невзрачных смуглых людях он ощущал некую иную страсть — чувство гораздо более глубокое, чем его ненависть. Более глубокое и уходящее

корнями далеко в прошлое. Это невысокие мужчины показались ему очень старыми — не дряхлыми, ветхими, а именно старыми, скорее даже древними, и не как сами по себе люди, а как представители расы. Даже их мертвые тела выделяли какую-то едва уловимую первобытную ауру. А статуя...

Кельт нагнулся и взялся за статую, пытаясь ее приподнять. Он приготовился к немалому усилию, но, к его удивлению, статуя оказалась почти невесомой. Турлоф постучал по изваянию костяшками пальцев, пытаясь определить материал, из которого она была сделана; отзвук был звонким, но это, несомненно, был камень, хотя такой, какого до тех пор ему видеть не приходилось. И он знал, что этого камня не сможет найти ни на Британских островах, ни где-нибудь еще в известном ему мире — как и убитые смуглые люди, статуя казалась потрепавшей древней. Ее поверхность была гладкой и без щербин, словно только вчера ее держали руки. Статуя представляла собой изваяние мужчины, очень похожего на смуглых воинов, трупы которых лежали рядом, но Турлоф знал, что она — верное подобие человека, умершего много лет назад, хотя неизвестный скульптор, несомненно, видел свою модель живой. И сумел вдохнуть жизнь в свое творение. Широкие грудь и плечи, могучие мышцы рук — в фигуре этого человека явственно чувствовалась физическая сила. Квадратная челюсть, прямой нос, высокий лоб указывали на отчаянную смелость, негибаемую волю, могучий интеллект. «Этот человек был, наверное, королем, — думал далкасец. — Или богом. Да, ведь у него на голове нет короны. И все, что на нем есть из одежды — набедренная повязка, изваянная с такой тщательностью, что видна каждая складка и морщинка. Это был бог, —

Турлоф оглянулся, — они бежали от датчан, но в конце концов погибли, защищая своего бога. Что же это за люди? Откуда они появились? Куда направлялись?»

Он стоял, опираясь на топор, и в его душе рождалось что-то странное. Ему казалось, что перед ним раскрываются бездонные пропасти времени и пространства. Он видел бесконечные людские волны, накатывающиеся и уносящиеся прочь, словно морской прибой. Жизнь была вратами, соединяющими два разных, чуждых друг другу мира. Сколько же людских рас, каждая со своими радостями и горестями, надеждой и отчаянием, любовью и ненавистью, прошло через эти врата по дороге, ведущей из мрака во тьму? Турлоф вздохнул.

— Когда-то ты был королем, Черный Человек, — сказал он молчаливому собеседнику. — Или богом. И ты владел миром. Твой народ ушел, мой тоже уходит. Быть может, ты властвовал над Народом Кремня, уничтоженным копьями моих кельтских предков. Да, были у нас светлые денечки, но теперь и мы уходим. А ты, Черный Человек, кем бы ты там ни был — королем, богом или демоном, ты пойдешь со мной. Мне кажется, что ты принесешь удачу, а ведь только на нее придется положиться, если я в конце концов доберусь до Хелни.

Он старательно закрепил статую на носу лодки и вновь направился в открытое море. Небо посерело, посыпался снег — мелкие плотные его кристаллики больно кололи лицо. Свинцовые волны вздымали ледяные глыбы, ревуший ветер соленой пеной заливал открытую лодку, но Турлоф не обращал на это внимания. Лодка мчалась вперед, пронизывая снежную пелену, и далкасцу казалось, что Черный Человек каким-то образом помогает ей плыть. Вне

сомнения, при всей своей опытности и искусности в морских делах, он погиб бы, если бы нечто неосоздаваемое, иррациональное не расточало над ним опеку — ему казалось, что чья-то невидимая рука вместе с ним держит руль, машет веслом, ставит парус.

Затем белая пелена застлала весь горизонт, и Турлоф поплыл, повинаясь инстинкту или, скорее даже, тихому голосу, доносящемуся откуда-то из подсознания. Его не удивило то, что когда метель прекратилась и из-за туч показался серебряный серп луны, прямо перед носом его лодки оказалась суша, в которой он узнал остров Хелни. Более того, он откуда-то знал, что найдет за небольшим пологим мысом бухту, в которой стоит на якоре драккар Торфеля. На берегу, в ста ярдах выше, стояла его усадьба. Турлоф злобно ухмыльнулся. Даже используя он суммарный навигаторский опыт всего современного ему мира, точнее попасть было невозможно — ему попросту повезло... Или это было более чем везение?

Как бы там ни было, лучшего места, чтобы незамеченным пристать к берегу, нельзя было и желать: едва половина мили отделяла его от жилища врага. Кельт взглянул на статую. В нем росла уверенность в том, что все это — дело ее рук, а он, Турлоф, лишь орудие в чужой игре. Кем же был этот Черный Человек? Что видели эти темные глаза? Почему так беззаветно сражались за него смуглые воины?

Турлоф загнал лодку в небольшой узкий залив, бросил якорь и выскочил на берег. Оглянувшись в последний раз на статую, он направился вверх по склону, стараясь держаться в тени. Выбравшись наверх, он осмотрелся по сторонам. Внизу, едва в полумиле от него, и в самом деле стоял на якоре

драккар. Дальше по берегу — усадьба: длинное приземистое строение, сложенное из грубо отесанных бревен. Внутри здания горел очаг, по снегу плясали яркие отблески пламени. В неподвижном морозном воздухе далеко разносились звуки победного пиршества. Турлоф стиснул зубы. Пир! Они теплятся вином, пивом и едой, со смехом вспоминая об оставленных за плечами руинах и пожарищах, убитых мужчинах и изнасилованных женщинах. Да, эти проклятые викинги были подлинными властелинами окружавшего их мира — все южные страны дарили их легкой добычей, люди, эти страны населявшие, были не более чем игрушками в их бесцеремонных жадных руках. Жажда крови докучала далкасецу словно зубная боль, туманом окутывала мозг, лишала рассудка, но он усилием воли подавлял ее: главное было — спасти девушку. Он внимательно, словно разрабатывая план военной компании, осмотрелся по сторонам. Сразу же за усадьбой густо росли деревья. Между затокой и длинным домом располагались строения поменьше — это были складские помещения и дома, в которых жили слуги. На берегу пылал огромный костер, возле него пили и горлачили песни воины, но их было сравнительно немного. Большинство викингов, надо полагать, пирило в главном зале длинного дома.

Турлоф начал осторожно спускаться вниз по заросшему кустарником склону, стараясь не покидать границы тени, падавшей от деревьев. Торфель наверняка выставил караульных, попадаться им на глаза было, по меньшей мере, неразумно. О боги, если бы с ним были сейчас, как когда-то, его воины из Клэр! Не пришлось бы красться между деревьев подобно волку! Он крепче сжал рукоять топора, представив себе эту сцену: атака, рев бе-

гущих воинов, рекою льющаяся кровь, лязг дал-касских топоров... Турлоф тяжело вздохнул — он изгой и никогда больше не поведет в бой воинов своего клана.

Вдруг он метнулся в сторону, упал в снег и замер, притаившись за невысоким кустом. Следом за ним, тяжело топая и громко сопя, шли какие-то люди. Вскоре он их увидел: два плотных высоких викинга, поблескивая в лунном свете панцирями, тащили что-то, упираясь изо всех сил. Турлоф напряг зрение и, к своему изумлению, узнал в их ноше Черного Человека. Он понял, что его лодка обнаружена, но беспокойство, вызванное этим фактом, тут же сменилось удивлением. Викинги были здоровяками со стальными мускулами, но они буквально шатались под тяжестью ноши. Их руки, казалось, оттягивал груз в сотни фунтов, а ведь Турлоф на острове поднял Черного Человека, словно перышко. Он чуть не выругался вслух.

— Клади на землю, — сопя от напряжения, сказал один из викингов. — Клянусь Тором, я больше не могу. Надо отдохнуть.

Второй викинг что-то пробурчал в ответ, и они начали опускать статую вниз. И тут у того, второго, соскользнула рука, и Черный Человек тяжело рухнул в снег. Первый викинг взвыл от боли.

— Ах ты, дурак безмозглый! Ты же уронил его прямо мне на ногу! Все кости переломаны!

— Он сам вырвался у меня из рук! Он живой, говорю тебе, он живой!

— Ну так сейчас подохнет! — рявкнул первый викинг, выхватил меч и изо всех сил ударил им по статуе. Посыпались искры, и лезвие меча разлетелось на кусочки. Норвежец взвизгнул от боли, когда стальная заноза вонзилась ему в щеку.

— В нем сидит злой дух! — крикнул викинг, отбрасывая в сторону рукоятку меча. — Даже царапины не осталось! Ладно, бери его! Отнесем Торфелю, пусть сам с ним возится.

— Пусть тут валяется, — проворчал его товарищ, вытирая текущую по лицу кровь. — Хлещет, словно из кабана зарезанного. Пойдем, скажем Торфелю, что все лодки стоят на месте. Он же за этим нас посылал на мыс.

— А что насчет лодки, в которой мы нашли этого вот? Может, в ней приплыл шотландский рыбак, которого занесло сюда непогодой? Прячется, небось, сейчас в лесу, словно крыса. Ладно, хватай его за руку. Что бы это ни было, надо показать Торфелю.

Багровея от натуги, они снова подняли статую и медленно поплелись дальше — один, хромя и шипя от боли, второй — роняя в снег кровь, заливавшую ему глаза.

Турлоф бесшумно встал и посмотрел им вслед. По его спине пробежали мурашки. Каждый из этих двоих не уступал ему, Турлофу, по комплекции и, судя по всему, силе, но сейчас они чуть ли не волоком, сгибаясь до земли, тащили вдвоем то, что он некоторое время назад нес на руках один. Кельт ошарашенно покрутил головой и пошел следом за ними.

Подобравшись как можно ближе к усадьбе, Турлоф выждал момент, когда луна скрылась за тучами, и молнией метнулся к длинному дому. Скользя спиной по бревенчатой стене, он осторожно приблизился к углу здания. Пираты явно не ожидали нападения. Да и откуда им было его ждать? Торфель жил в мире и дружбе с соседями, такими же, как он, разбойниками, а кто еще решился бы выйти в такую непогоду в открытое море?

Тенью во мраке крался Турлоф вдоль стены длинного дома. Заметив боковой вход, он остановился, но тут же отпрянул назад и плотно прижался к стене: за дверью кто-то возился со щеколдой. Секундой позже дверь резко распахнулась — и на пороге показался один из викингов. Закрывая за собой дверь, он повернулся и увидел Турлофа. Викинг открыл рот, чтобы крикнуть, но в тот же миг ладонь кельта стальной хваткой сжала ему горло и подавила рвавшийся из него крик. Обороняясь, викинг схватил далкасца одной рукой за запястье, а второй вырвал из-за пояса нож и ударил им нападающего снизу вверх в живот. Но он уже терял сознание — клинок лишь скользнул по кольчуге и упал в снег! Следом за ним мешком осел норвежец, пятерня Турлофа сломала ему шею. Кельт отпустил мертвое тело и снова повернулся к дому.

Выждав несколько секунд, он осторожно заглянул в приоткрытую дверь. В комнате, заваленной пивными бочками, никого не было. Кельт шагнул за порог и тихо затворил за собой дверь. «Надо бы спрятать где-нибудь труп, но когда этим заниматься? — мелькнуло у него в голове. — Если повезет, в этом глубококом снегу никто не найдет его до поры до времени». Он пересек комнату и оказался в следующей: это тоже был склад, но пустой. Проем в стене, завешенный меховым пологом, судя по доносившемуся из-за него пьяному гомону, вел в главный зал. Турлоф подошел и заглянул за полог.

Его глазам предстала большая комната, служившая хозяину усадьбы залом для пиршеств, залом совета и жилой комнатой одновременно. Сейчас в ней сидели, развалившись на сколоченных из неструганных досок лавках, или лежали на полу золотобородые викинги. Они пили из рогов и кожаных бур-

дюков пиво и ели мясо, огромными кусками срезая его с жарившейся здесь же на открытом огне туши. С дикой внешностью этих людей, с их примитивными завываниями и пьяными криками странным образом контрастировали висевшие на стенах зала предметы — образцы материальной культуры гораздо более высоко развитых цивилизаций, захваченные викингами в набегах. Здесь были великолепные ковры, вытканые норманнскими женщинами, инкрустированное драгоценностями оружие, принадлежавшее когда-то французским и испанским принцам, богатые одеяния из Византии и стран Востока — туда тоже добирались драккары пиратов. Среди этих прекрасных вещей висели также охотничьи трофеи в знак того, что викингам дикие звери не страшны так же, как и люди.

Современный человек с трудом смог бы понять чувства, которые Турлоф Даб О'Брайен питал по отношению к викингам. Он считал их порождением тьмы, оборотнями, гнездившимися на севере с единственной целью: грабить и угнетать мирные южные народы. Викинги властвовали над миром — могли брать из него все лучшее, карать или милловать его обитателей: все зависело от их мимолетных капризов. Кровь стучала в висках Турлофа. Он ненавидел — как может ненавидеть кельт — их барскую невежественность и их гордыню, их силу и их презрительное отношение ко всем иным расам, их угрюмые жестокие глаза, прежде всего эти глаза, с угрозой и издевкой вззирающие на мир. Кельты тоже были жестокими, но в их жизни все же находилось место любви, дружбе, иным человеческим чувствам. Сердца викингов вообще лишены были всего этого.

Зрелище, открывшееся глазам Турлофа, действовало на него подобно пощечине. Только одно-

го еще не хватало, чтобы довести его до белого каления. И он это увидел. Во главе стола сидел Торфель Красивый — молодой, пригожий, дерзкий, на его щеках играл хмельной румянец от пива и спеси. Да, он действительно был очень красив, этот юный пират. Телосложением он походил на Турлофа, но на этом их сходство заканчивалось. Если кожа Турлофа казалась темной даже по сравнению с кожей его смуглых соплеменников, Торфель мог бы похвастать исключительной белизной своего тела. Его волосы, борода и усы сияли чистым золотом, светло-серые глаза лучезарно светились. А рядом с ним... Турлоф сжал кулаки так, что пробил ногтями кожу ладоней. Среди этих золотоволосых гигантов и их высоких, атлетически сложенных женщин, Мойра О'Брайен казалась пришельцей из иного мира. Тоненькая, почти хрупкая, темноволосая, ее кожа тоже была белой, но с таким нежным розовым оттенком, каким не могли похвастаться даже первые здешние красавицы. Ее полные губы были белыми от страха. Турлоф видел, как она задрожала, когда Торфель нагло положил руку на ее плечи. Зал качнулся перед глазами далкаса, все вокруг заволело багровым туманом. Он с огромным трудом взял себя в руки.

— Освик, брат Торфеля, сидит справа от него, — шепнул он сам себе. — С другой стороны Тостиг; говорят, он одним ударом меча рассекает вола пополам. А там сидят Халфгар, Свен, Освик и сакс Ателстейн — единственный человек в этой волчьей стае. И... черт возьми... это еще что такое? Священник?

Действительно, среди пирующих, бледный и сосредоточенный, молча сидел священник, перебирая пальцами бусины четок. Его полный сочувствия взгляд

устремлен был на стройную ирландскую девушку, съежившуюся под тяжелой ручищей пирата. И тут Турлоф увидел еще кое-что. На боковом, меньшем столе, богатое убранство которого указывало на южное происхождение, стоял Черный Человек, покалеченные викинги все-таки затащили его в зал. Турлоф присмотрелся к статуе и оторопел, забыв на секунду о происходившем вокруг. Неужели в статуе было всего пять футов? Теперь она казалась гораздо более высокой. Черный Человек возвышался над пирующими, словно бог, размышляющий о каких-то глубоких и таинственных проблемах, недоступных пониманию кишевших у его ног людшек-насекомых. Как и прежде, в разуме вглядывавшегося в Черного Человека Турлофа открылись врата, ведущие во внутреннее пространство, и он почувствовал ветер, дующий со звезд. Ждет... он ждет... кого же он ждет? Быть может, взгляд его каменных глаз пронзает стены домов, снежную пелену, устремляется за мыс... А оттуда, навстречу ему по темной тихой воде быстро скользят пять длинных узких лодок. Но Турлоф ничего не знает ни о лодках, ни о людях, сидящих в них за веслами — невысоких темноволосых мужчинах с очень смуглой кожей.

— Эй, друзья! — прорезался сквозь пьяный гомон голос Торфеля.

Все замолчали, глядя на него. Юный вождь встал.

— Сегодня ночью, — крикнул он, — я прощаюсь с холостяцкой жизнью!

Вопль одобрения поколебал почерневший от дыма потолок комнаты. Турлоф беззвучно выругался в бессильной ярости.

Торфель схватил Мойру и с неуклюжей галантностью посадил на стул.

— Разве она не годится в жены викингу? — воскликнул он. — Стыдлива, правда, чересчур, но это ведь пройдет, не так ли?

— Все ирландцы — трусливые собаки! — завопил спяну Освик.

— Клонтарф и шрамы на твоей роже тому свидетели, — сказал Ателстейн и дружески хлопнул Освика по плечу так, что тот присел. Зал взорвался хохотом.

— Ты присматривай за ней, Торфель, — крикнул сидевший поодаль юный Джуно. — У ирландских девиц кошачьи когти!

Торфель рассмеялся с уверенностью человека, убежденного в своем превосходстве над другими.

— Пусть только попробует, отучу быстро. Ладно, хватит. Поздно уже. Эй, ты, священник, принимайся за дело!

— Дочь моя, — неуверенно начал священник, поднимаясь с места. — Эти язычники силой привели меня сюда, чтобы я совершил христианский обряд бракосочетания в этом безбожном доме. Хочешь ли ты по доброй воле и без всякого принуждения стать женой этого человека?

— Нет! Нет! О Боже, нет! — с отчаянием крикнула Мойра. На лбу Турлофа выступили капельки пота. — О Господи, спаси и сохрани меня, избавь от такой судьбы. Они похитили меня из дому, чуть не убили брата, который хотел меня защитить. Этот человек тащил меня на спине, как мешок, как лишнее души животное!

— Замолчи! — рявкнул Торфель и ударил ее в лицо — легко, но с силой, достаточной, чтобы на нежных губах девушки показалась кровь. — Клянусь Тором, ты начинаешь меня выводить из себя. Я решил жениться, и девичьим писком меня не удер-

жишь. Смотри, неблагодарная, я притащил священника только из-за твоих дурацких предрассудков. Мне плевать на них, и если ты не хочешь быть моей женой, станешь наложницей.

— Дочь моя, — дрожащим голосом сказал священник, боясь больше за девушку, чем за себя, — подумай. Этот человек дает тебе больше, чем дали бы многие другие на его месте. Он, по крайней мере, предлагает тебе супружество.

— Это правда, — проворчал Ателстейн. — Соглашайся на брак и пользуйся этим в свое удовольствие. Поверь, немало южанок спят сейчас в супружеских ложах северян.

«Что же делать?» — лихорадочно спрашивал сам себя Турлоф, и вопрос этот раздирал ему сердце. Лишь одно приходило на ум: дожидаться конца церемонии, прокрасться следом за новобрачными и похитить девушку. Потом... он даже не пытался планировать то, что сделает потом. Сделает все возможное. Он может рассчитывать лишь на себя самого. У человека без клана нет друзей даже среди таких, как он, изгнанников.

Как сообщить Мойре о том, что он рядом? Ей придется пережить всю церемонию, лишившись даже тени надежды на спасение, надежды, которая появилась бы, узнай она о нем. Турлоф машинально скользнул взглядом по стоявшему в стороне Черному Человеку. У его ног новое боролось со старым, но кельт даже в эту минуту чувствовал, что для этой статуи и старое и новое одинаково юны.

Слышали ли каменные уши статуи характерный скрежет трущихся о прибрежный песок лодочных носов? А тихий свист ножа, летящего во тьме, хрип, вырывающийся из рассеченного горла? Викинги, пирующие в зале, слышали только самих себя, а те,

что сидели у костра, продолжали петь, понятия не имея о том, что на их шеях уже затягивается петля неумолимой смерти.

— Хватит! — крикнул Торфель. — Считай свои бусы, старик, и говори то, что должен! А ты, женщина, становись рядом и внимательно слушай.

Он сдернул девушку со стула и поставил ее рядом с собой. Она вырвала руку. Ее глаза пылали, в ней бурлила горячая кельтская кровь.

— Ах ты, рыжая свинья! — воскликнула она. — Ты думаешь, что принцесса Клэр, в которой течет кровь Бриана Бора, по своей воле ляжет в постель норманна и станет рожать пирату и убийце таких же рыжих, как он сам, сыновей? Нет! Я никогда не стану твоей женой!

— Станешь наложницей, — проревел тот, хватая ее за плечо.

— Не надейся, свинья! — крикнула Мойра, в предчувствии триумфа забыв о страхе. Она выхватила из-за пояса у викинга кинжал и, прежде чем тот успел ее удержать, вонзила его узкое лезвие себе в грудь. Священник вскрикнул, как будто это его груди коснулась сталь, подскочил к девушке и подхватил ее на руки.

— Будь ты проклят, Торфель! Именем всемогущего Бога, будь ты проклят! — закричал он. Его голос звуком рога звенел в зале, когда он нес девушку к стоявшей в углу кровати.

Торфель остолбенел. Сгустившуюся в зале тишину разорвал боевой клич клана О'Брайенов: «Лам Лэйдир Абу!» Атака разъяренного кельта напоминала падение смерча, оставляющего за собой беспорядочно разбросанные тела мертвых и умирающих людей. Переворачивались лавки, вопили женщины, из разбитых бочонков текло пиво. Напор Турлофа

был ужасен, он рвался к Торфелю, но дорогу к нему преградили два воина с обнаженными мечами — Халфгар и Освик. Викинг с лицом, обезображенным шрамами, пал прежде, чем успел поднять оружие. Кельт отбил щитом выпад Халфгара и молниеносно ударил снова. Острие его топора рассекло кольчугу, ребра и позвоночник викинга, и тот безжизненной грудой мяса свалился к ногам мстителя.

В зале царила суматоха. Мужчины хватались за оружие и со всех сторон неслись туда, где тихо и страшно безумствовала смерть. Турлоф Даб О'Брайен был похож в своей неумолимой ярости на раненого тигра. Перепрыгнув через окровавленное тело Халфгара, он бросился к Торфелю, растерянно стоявшему посреди зала с обнаженным мечом в руке, но путь снова оказался прегражденным. Возносились и падали вниз мечи, среди них молнией сверкал топор далкасса. Викинги атаковали его справа и слева, в лоб и со спины. С одной стороны напирал, размахивая двуручным мечом, Освик, со второй надвигался воин с копьем. Турлоф уклонился от меча Освика и одновременно нанес двойной удар направо и назад. Брат Торфеля упал с разрубленным коленом, второй викинг погиб на месте: наконечник рукояти топора пробил ему череп. Выпрямляясь, кельт ударил в лицо атакующего спереди противника. Торчащее из щита острие превратило лицо несчастного в кровавое месиво. Секундой позже далкасец, поворачиваясь, чтобы отбить нападение сзади, ощутил нависшую над ним тень смерти. Потеряв равновесие, он упал на стол, но краем глаза успел заметить занесенный для удара тяжелый длинный меч в руках Тостига. Он знал, что на этот раз его не спасет даже та сверхчеловеческая быстрота

и ловкость, которые были ему свойственны. И вдруг грозно сверкнувший меч задел за стоявшую на столе статую и разлетелся со звоном на тысячи голубых осколков. Тостиг, ошеломленный, покачнувшись — он все еще сжимал в руках ставшую бесполезной рукоять меча, когда Турлоф ткнул ему в лицо топором: верхний конец лезвия попал викингу в глаз и пробил мозг.

В тот же миг в зале раздался тихий свист и послышались крики боли. Коренастый викинг с высоко поднятым топором неуклюже передвигал ноги, приближаясь к Турлофу. Кельт мощным ударом снес ему полчерепа и лишь затем заметил, что из горла противника торчит стрела с кремниевым наконечником. В воздухе сверкали гудящие, словно пчелы, смертоносные молнии. Турлоф рискнул и скосил глаза в сторону главного входа. Через него вовнутрь вливалась орда невысоких смуглых мужчин с горящими на неподвижных лицах глазами. Стеля из луков во все стороны, практически наобум, они десятками валяли наземь викингов длинными стрелами с черным оперением. Кровавая волна сражения прокатилась по залу, ломая лавки, срывая со стен украшения и охотничьи трофеи, заливая пол потоками крови. Смуглых чужаков было меньше, чем викингов, но внезапность нападения и меткие стрелы уравнивали шансы на победу. В рукопашной они оказались не менее грозными, чем их могучие противники. Застигнутые врасплох, отяжелевшие после выпитого пива, лишенные возможности свободно пользоваться оружием, викинги, тем не менее, сражались с дикой удастью, характерной для их расы. Однако первобытная ярость нападавших уравнивала доблесть оборонявшихся. В глубине зала, там, где бледный, как полотно, свя-

щенник заслонял собой умиравшую девушку, рубил и колот Черный Турлоф, гонимый бешенством, в сравнении с которым ярость одних и доблесть других казались ничтожно мелкими.

И над всем этим горой возвышался Черный Человек. Турлофу, изредка бросавшему на него быстрые взгляды в промежутках между ударами топора, казалось, что он растет вверх и вширь, свысока обозревая поле битвы. Голова статуи касалась уже осмоленных стропил и мрачной тучей смерти нависала над кучкой жалких насекомых, возившихся в кровавой грязи у ее ног.

Всецело поглощенный битвой, Турлоф все же осознавал, что война — жизненная стихия этого существа, кем бы он там ни был. Это он возбуждал в противниках неистовую ярость и свирепую жестокость. Острый запах свежепролитой крови щекотал ему ноздри, а падавшие наземь светловолосые викинги были жертвами, принесенными на его алтарь.

Буря сражения сотрясала дом. Битва превратилась в бойню: люди скользили по залитому кровью полу, падали и умирали. С плеч слетали головы с оскаленными зубами, крючья копий выдирали из грудных клеток бьющиеся еще сердца, мозги выплескивались фонтанами, пачкая лезвия топоров и мечей, кинжалы вспарывали животы, вываливая на пол дымящиеся внутренности, лязг стали терзал слух. Никто не просил пощады, и никто ее никому не давал. Один из викингов, раненый в грудь, обрушился на противника, повалил его и задушил, не обращая внимания на нож, раз за разом вонзавшийся в его тело. Мужчины, женщины и дети дрались до последнего вздоха. Не плач, не мольба о пощаде — хрип бессильной ярости или визг неутолен-

ной ненависти были последними звуками, вырывавшимися из их уст.

Багровые волны смерти одна за другой накатывали на стол, на котором нерушимо, словно утес, возвышался Черный Человек. У его ног умирали викинги и смуглые воины — куда же, в какие бездны ужаса погружался его загадочный взгляд?

Торфель и Свен дрались плечом к плечу. Сакс Ателстейн сражался, опершись спиной на стену, каждый удар его огромного топора валил наземь очередного смуглого противника. Подскочивший к нему Турлоф плавным движением уклонился от свистнувшего в воздухе лезвия и послал удар своего быстрого, словно кобра, далказианского топора прежде, чем сакс успел снова поднять свое тяжелое оружие. Ателстейн пошатнулся — острие топора Турлофа рассекло панцирь и скользнуло по ребрам. Получив второй удар, он рухнул наземь, с его виска струей текла кровь.

Теперь только Свен преграждал Турлофу путь к Торфелю. Кельт пантерой метнулся к обороняющимся бойцам, но его опередили. Вождь чужаков поднырнул под меч Свена и ударом снизу вверх вбил лезвие своего меча в его живот. Турлоф и Торфель наконец оказались лицом к лицу друг с другом. Вожак викингов не был трусом, ему доставляла наслаждение кровавая сеча. Весело рассмеявшись, он нанес первый удар. Лицо кельта застыло в гримасе яростной злобы, она перекосила его губы, превратила глаза в две голубые молнии.

При первом же ударе меч Торфеля, напорвшись на топор кельта, разлетелся на куски. Викинг тигриным прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от кельта, и взмахнул рукой, пытаясь обломком оружия поразить противника в лицо. Тот

дико захохотал, когда почувствовал, что острый клинок вспарывает ему щеку, и нанес удар слева. Викинг рухнул наземь, затем тяжело поднялся на колени, наощупь отыскивая кинжал за поясом. Его глаза заволоклись мглой.

— Кончай! И будь ты проклят! — прохрипел он.

— Куда же делась твоя гордыня, и где осталось твое мужество? — спросил кельт. — Ты, который силой хотел овладеть ирландской принцессой... ты...

Ненависть вспыхнула в нем с прежней силой. Он взревел, словно раненый ягуар, острие его топора описало широкую дугу и вонзилось в плечо Торфеля, рассекая его тело на две части. Вторым ударом Турлоф отрубил викингу голову. С этим ужасным трофеем в руке кельт подошел к кровати, на которой покоилась Мойра О'Брайен. Священник осторожно поднял ей голову и поднес чашу с вином к бескровным устам. Ее затуманившиеся серые глаза безучастно смотрели на Турлофа. Вдруг далкассцу показалось, что Мойра узнала его и попыталась улыбнуться.

— Мойра, улада моего сердца, — сказал он скорбно. — Ты умираешь в чужом краю. Птицы с холмов Куллейна будут плакать по тебе, вереск напрасно будет ждать прикосновения твоих нежных ступней. Но ты не будешь забыта. За тебя прольется кровь под топорами, за тебя пойдут на дно корабли и кострами вспыхнут огромные города за толстыми стенами. А чтобы твой дух не уходил неуспокоенным, я дарю тебе это в залог будущей мести, — протянул он к ней руку с окровавленной головой викинга.

— Во имя Господа, сын мой! — охрипшим от ужаса голосом сказал священник. — Ты вершишь свои страшные дела пред ликом... Посмотри, она уже не

дышит. Смилуйся, Господь, над ее душой, ведь она, хоть и посягнула на свою жизнь, ушла, как и жила, чистой и невинной.

Турлоф склонил голову и оперся углом лезвия топора на пол. Пламя бешенства, бушевавшее в нем, угасло, оставив глубокую печаль и ощущение ненужности всего происходящего. В зале воцарилась тишина, не слышно было стонов раненых — ножи смуглых воинов поработали на славу, те же из чужаков, что получили ранения, по-прежнему упорно молчали.

Оглянувшись, далкасец увидел, что все они, оставшиеся в живых, столпились у ног Черного Чело-века и замерли, вглядываясь в него немигающими глазами.

Священник читал молитву над мертвым телом девушки. Заднюю стену дома лизал огонь, но никто не обращал на это внимания. Вдруг из груди трупов поднялась, неуверенно пошатываясь, гигантская фигура Ателстейна, избежавшего каким-то чудом ножа чужаков. Он привалился к стене и ошарашенно огляделся по сторонам. Из ран на груди и виске, там, где ирландский топор скользнул по черепу, текла кровь.

Турлоф подошел к нему.

— Во мне нет ненависти к тебе, сакс,— тихо сказал он.— Но кровь требует мести. Ты умрешь, Ателстейн.

Сакс молча смотрел на него. Его большие серые глаза были серьезными, но страха в них не было. Он тоже был варваром, язычником, в гораздо большей степени, чем христианином, и знал неумолимые законы кровной мести. Турлоф замахнулся топором, но священник бросился к нему, протягивая худые руки.

— Прекрати! Во имя Господа нашего, я запрещаю тебе делать это! О Боже, неужели мало крови уже пролилось в эту страшную ночь! Оставь его или ты будешь проклят вовеки, его жизнь теперь в руках всемилостивейшего Бога.

Турлоф опустил топор.

— Он твой. Не потому, что я испугался твоих заклинаний и не ради твоего Бога, а из-за того, что ты вел себя, как должно, и сделал все, что мог, для Мойры.

Он повернулся, почувствовав, что кто-то дотронулся до его плеча. Вождь чужаков смотрел на него своими широко раскрытыми немигающими глазами.

— Кто ты? — спросил равнодушно кельт. Ответ мало его интересовал, он чувствовал только безмерную усталость.

— Я Бругар, вождь пиктов, о друг Черного Человека.

— Почему ты так меня называешь?

— Он плыл на носу твоей лодки и вел тебя сквозь дождь и снег. Он спас тебе жизнь, сломав меч викинга.

Турлоф посмотрел на статую. Только ли случайностью объясняется то, что произошло с мечом Тостига?

— Кто же он такой? — спросил кельт.

— Он — единственное божество, которое у нас осталось,— с печалью в голосе сказал Бругар.— Это статуя нашего великого короля Бриана Мак Морна. Много лет назад он объединил разрозненные племена пиктов в могучий народ, преградивший путь римским легионам. С тех пор прошли века. Еще при жизни великого Бриана его первый советник, могущественный маг Гонар изваял эту статую. Ког-

да король погиб, его дух вселился в нее. Сейчас Черный Человек — наш бог. Да, мы владели когда-то этой землей: до того, как на ней появились кельты, бритты и римляне, все эти острова были нашими. Мы обрабатывали землю орудиями труда из камня, одевались в шкуры диких зверей, но были счастливы. Затем пришли кельты и оттеснили нас на север. Но мы еще были сильны. Рим сломал сопротивление бриттов и обрушился на нас. Вот тогда-то и появился среди нас Брин Мак Морн — потомок Брула Копейщика, соратника и друга Кулла, властвовавшего над Валузией за много тысяч лет до того, как Атлантида погрузилась в кипящие воды. Брин стал королем Каледонии. Он разбил наголову железные легионы Рима, и им пришлось искать спасения за Стеной.

Но Брин пал в жестоком сражении, и это погубило наш народ. Его единство было подточено межплеменной рознью, и когда шотландец Кеннет Мак Альпин разгромил королевство Гэллоуэй, остатки пиктской империи растаяли, как снег на склонах гор. Теперь мы живем, словно волки, на заброшенных островах, прячемся в горах и среди туманных холмов. Наш народ гибнет. Мы уходим. Но Черный Человек жив — дух великого короля Брина Мак Морна вечно будет жить в этой статуе.

Турлоф безразлично, словно во сне, смотрел, как пикт, очень похожий на того, в мертвых объятиях которого он впервые увидел Черного Человека, осторожно снимал статую со стола. Руки старца походили на сухие ветки дерева, сухая, словно у мумии, кожа плотно обтягивала череп, ноги тряслись, но он легко поднял изваяние. Турлоф вспомнил, с каким трудом тащили статую здоровяки-викинги.

— Только друг может без вреда для себя прикоснуться к Черному Человеку, — тихо сказал Бругар, словно читая в мыслях кельта. — Мы знали, что ты наш друг, потому что Он плыл в твоей лодке и ничего плохого тебе не сделал.

— А вы откуда об этом знаете?

— Этот старец, — показал Бругар на седобородого пикта, — верховный жрец Черного Человека. Дух Брина Мак Морна посещает его во сне. Младший жрец и его люди украли статую и отправились в лодке в открытое море. Верховный жрец легко отыскал их. Более того, его душа, покинув погруженное в сон тело, соединилась с душой великого Мак Морна, и он увидел гнавшихся за лодкой викингов, стычку и резню на Острове Мечей. Он увидел и тебя, когда ты нашел Черного Человека, и понял, что король рад встрече с тобой. Да сгинут враги Мак Морна! Но друзьям его пусть сопутствует удача во всем.

Турлоф почувствовал на лице тепло от разгоравшегося пламени. Мерцающие отблески пробежали по телу покачивавшегося в руках жрецов Черного Человека, казалось, что оно оживает. Неужели и в самом деле этот холодный камень несет в себе душу давно умершего человека? Брин Мак Морн беззаветно любил свой народ и люто ненавидел его врагов. Можно ли такую любовь и такую ненависть вдохнуть в камень, чтобы она пережила века?

Турлоф взял на руки маленькое тело девушки и вынес его из охваченного пламенем здания. В заливе стояли на якоре пять длинных открытых лодок. Среди догорающих головешек костра лежали окровавленные трупы викингов.

— Как вы сумели подкрасться к ним незамеченными? — спросил Турлоф. — И откуда приплыли в таких лодках?

— Для того, кто живет украдкой, это несложно,— ответил пикт.— К тому же они были пьяны. Мы приплыли за Черным Человеком с Острова Алтаря — он лежит там, у берегов Шотландии. Это оттуда Грок выкрал статую.

Турлоф не знал острова с таким названием, но с уважением подумал об отваге людей, которые в таких утлых суденышках осмелились выйти в открытое море. Он вспомнил о своей лодке и попросил Брогара послать за ней своих людей. Ожидая, пока они ее пригонят, он наблюдал за священником, перевязывающим раненых пиктов. Те стойчески принимали его помощь, не отзываясь ни стоном, ни жестом. Рыбацкая лодка, гонимая ветром, показалась из-за мыса точно в тот момент, когда первые лучи утренней зари упали на воду. Пикты рассаживались по своим лодкам, убитых и раненых они забирали с собой. Турлоф шагнул в свою лодку и осторожно положил в нее свою печальную ношу.

— Пусть упокоится в своей земле,— сказал он хмуро.— Не хочу оставлять ее на этом чужом холодном острове. А ты, Брогар, куда направишься?

— Мы отвезем Черного Человека на его остров, к его алтарю,— ответил пикт.— Он благодарит тебя нашими устами. Теперь нас связывают узы крови, и мы, быть может, снова придем тебе на помощь, если потребуется, как и Брин Мак Морн, великий король пиктов, придет к своему народу, когда настанет день.

— А ты, святой отец, поплывешь со мной?

Священник покачал головой и показал на Ателстейна. Раненый сакс лежал на разостланных на снегу шкурах.

— Я останусь здесь, чтобы приглядывать за ним.

Турлоф осмотрелся по сторонам. Стены длинного дома рухнули, превратившись в кучу пытающих бревен. Люди Брогара подожгли также склады и драккар. Дым пожара застилал небо.

— Ты замерзнешь здесь или умрешь с голоду. Плыви лучше со мной.

— Я сумею добыть пропитание для нас обоих. Не тревожься обо мне, сын мой.

— Он язычник и пират.

— Это неважно. Он человек — творение Бога. Я не могу бросить его здесь на верную смерть.

— Что ж, пусть будет по-твоему.

Турлоф стал готовиться к отплытию. Лодки пиктов уже огибали мыс, и он отчетливо слышал скрип их уключин. Пикты не оглядывались, сосредоточенно работая веслами. Далказианин посмотрел на коченеющие трупы, лежащие на берегу, на груды головешек, возвышавшуюся на том месте, где была усадьба, на тлеющие останки драккара. В утреннем свете бледный и худой священник казался существом не от мира сего, святым, как их рисуют в манускриптах. На его изрезанном морщинами лице отражалась печаль, выражавшая нечто большее, чем просто человеческое чувство.

— Смотри! — крикнул он вдруг, показывая на море.— Океан весь в крови. Видишь, она плывет под солнцем. О воин, кровь, пролитая тобой во гнев, даже океан окрасила в этот багровый цвет. Сможешь ли ты пройти через это?

— Я приплыл сюда сквозь снег и дождь,— недоуменно сказал Турлоф.— Как добрался сюда, так доберусь и обратно.

Священник покачал головой.

— Не об этом речь. Твои руки по локоть в крови, ты бредешь по колено в алой кровавой воде,

но твоя ли вина в этом? О Господи, когда же кончится это кровопролитие?

Легкий бриз шевельнул парусом лодки. Турлоф Даб О'Брайен плыл на запад, словно призрак, преследуемый восходящим солнцем. Священник смотрел ему вслед, приложив руку к усталому лбу, до тех пор, пока лодка не превратилась в маленькую точку на голубом полотне океана.

БОГИ БЭЛ-САГОТА

М

1

олния ослепила Турлофа О'Брайена, он поскользнулся в луже крови и чуть было не свалился на качающуюся палубу. Раскаты грома заглушали звон стали, и сквозь рев волн и ветра с трудом пробивались стоны умирающих. Молнии то и дело выхватывали из темноты кровавые пятна, валявшиеся повсюду трупы, огромные рогатые силуэты вопящих и бешено машущих мечами мор-

ских дьяволов да гигантскую драконью голову на носу драккара.

Схватка была скоротечной и смертоносной. Вновь сверкнула молния, Турлоф увидел перед собой искаженную дикой яростью бородатую харю, и его топор, описав короткую дугу, разрубил ее аж до подбородка. В абсолютном мраке, воцарившемся потом, внезапный удар спшиб шлем с его головы. Кельт ударил вслепую, услышал вопль и почувствовал, что острие топора вязнет в чьем-то теле. Снова вспыхнул огонь в разгневанных небесах, осветив кольцо окружавших его стальной стеной пиратов.

Опираясь спиной на грот-мачту, Турлоф рубил и отбивал удары, пока среди безумия битвы не загремел чей-то могучий бас. Кельту показалось, что он видит некий гигантский, странным образом знакомый силуэт, но все тут же скрылось в пронизанном золотыми искрами мраке.

Сознание медленно возвращалось к Турлофу. Палуба то ускользала из-под его бессильно распластавшегося тела, то стрелой взмывала вверх. Затем он ощутил тупую боль в затылке и попытался поднять руку, но сразу понял, что связан по рукам и ногам — нельзя сказать, что подобная ситуация была совершенно ему не знакома. В глазах посветлело, и ему стало ясно, что он привязан к центральной мачте драккара. Однако он никак не мог взять в толк, с какой стати пираты его пощадили. Если они его знали, то тогда знали и то, что он изгой, отвергнутый своим кланом, и никто не станет платить за него выкуп, даже если ему будут грозить адские муки.

Ветер стих, но разбушевавшееся море швыряло корабль, словно щепку, с гребня очередной волны в пропасть и снова подбрасывало к небесам. Круг-

лая луна, выглядывавшая сквозь изодранные в клочья тучи, заливала серебряным светом гигантские вспененные валы. Турлофу, родившемуся на диком западном побережье, было понятно, что драккар поврежден. Это чувствовалось по тому, как он плыл, глубоко зарывшись в воду, как кренился под напором волн. Что ж, бушующие в южных морях штормы достаточно сильны, чтобы справиться даже с таким крепким сооружением, как ладья викингов.

Этот же шторм сорвал с курса и унес далеко на юг купеческий корабль, на котором Турлоф плыл пассажиром. Дни и ночи сливались в единый ревущий хаос, когда корабль, словно подбитая птица, пытался выскользнуть из его когтей. И тут в рычании грома и треске молний из темноты вынырнула голова дракона, за ней появился и навис над низкой палубой нос пиратской ладьи, и в борта обреченного купца впились абордажные крюки. Эти викинги подобны волкам, в их сердцах горит нечеловеческая жажда крови. Не обращая внимания на бушующую стихию, они с воем бросились на абордаж и потешились досыта, забыв о том, что небо обратило свой гнев против людей и каждый удар волны может отправить на дно оба корабля, — настоящие дети моря, ярость которого эхом отзывалась в их душах. Боя по сути не было, была резня: Турлоф оказался единственным, способным держать оружие, на купеческом корабле. И вот теперь кельт силился вспомнить, кого же он успел заметить за секунду до того, как потерял сознание. Кто...

— Приветствую тебя, далкасец. Немало времени утекло с момента последней нашей встречи.

Турлоф поднял голову и посмотрел на человека, что стоял над ним, широко расставив ноги, чтобы удержать равновесие на кренящейся палубе. Могу-

чая фигура возвышалась, подобно скале, а ведь в нем самом было добрых шесть футов росту. Ноги великана походили на колонны, а руки — на ветви дуба. Валохмаченная борода имела тот же оттенок, что и массивные браслеты на предплечьях, чешуйчатый панцирь плотно облегал торс, а рогатый шлем надежно защищал голову. В его холодных серых глазах не было гнева, они с нерушимым спокойствием вглядывались в Турлофа.

— Ателстейн, сакс!

— Да, это я. Когда мы встретились с тобой в последний раз, ты оставил мне на память вот это, — великан показал рукой на узкий белый шрам, стягивавший висок и щеку. — Судьбе, наверное, нравится сталкивать нас лбами в такие безумные ночи. Впервые наши с тобой дорожки схлестнулись тогда, когда ты громил усадьбу Торфеля. Там я свалился под ударом твоего топора, и ты спас меня от лап пиктов Брогара — единственного из всех, кто был с Торфелем. Сегодня я вернул тебе долг.

Ателстейн прикоснулся к рукояти огромного двуручного меча, висевшего за спиной. Турлоф выругался.

— Зря ругаешься, — сказал грустно Ателстейн. — Я мог бы снести тебе голову в этой свалке, но направил меч плашмя, хоть и ударил обеими руками, поскольку знаю, что у вас, ирландцев, крепкие черепа. Лодброг и его люди хотели отправить тебя следом за прочими, но я упросил их этого не делать. Викинги согласились, но потребовали, чтобы я привязал тебя к мачте. Им уже приходилось с тобой встречаться.

— Где мы?

— Лучше не спрашивай. Шторм затащил нас неведомо куда. Мы собирались навестить побережье

Испании, а тут случайно подвернулся твой корабль, не могли же мы упустить okaziu, хотя добыча оказалась не слишком-то богатой. Теперь плывем, а куда — понятия никто не имеет. Рулевое весло сломано, в днище течь. Того и гляди, на самый край света занесет. Поклянись, что присоединишься к нам, и я сниму веревки.

— Присоединиться к морским дьяволам?! — рявкнул Турлоф. — Да я лучше пойду с кораблем на дно и навсегда успокоюсь под зелеными волнами, привязанный к этой мачте. Жаль только, что не могу послать еще пару-тройку проклятых волков вслед за теми, что уже томятся в чистилище после стычки со мною.

— Ладно, ладно! — снисходительно бросил Ателстейн. — Тебе надо поесть... вот... сейчас я развяжу руки. Давай, подкрепишься немного.

Турлоф опустил голову и впился зубами в огромный окорок. Сакс понаблюдal за ним пару минут, затем повернулся и ушел.

«Странный он человек, этот сакс, — подумал далкасец. — Ходит в стае северных волков и в бою страшен, но вот есть же в нем некая добросердечность, чего у викингов днем с огнем не сыщешь».

Корабль летел сквозь ночь, и Ателстейн, вернувшийся с кубком пенистого пива, заметил, что тучи снова сгущаются, скрывая во мраке кипящую поверхность океана. Он снова ушел, оставив руки кельта свободными, но тому все равно не удалось бы высвободиться — тело оставалось накрепко привязанным к мачте. Пираты не обращали внимания на пленника — все их силы были отданы единственной цели: удержать на плаву отяжелевшую ладью.

Прошло немного времени, и Турлофу вдруг показалось, что сквозь шум волн до него доносится

неясный грохот. Он все усиливался, и его наконец-то уловили и менее чувствительные уши пиратов. В ту же секунду драккар, словно пришпоренный скакун, рванулся вперед. Осветившиеся утренней зарей тучи расступились внезапно, словно по команде, и прямо перед носом ладьи выросла белая полоса прибоя. Турлоф видел, как метался по палубе Лодбrog, размахивая кулаками и выкрикивая приказы, но это уже ничего не могло изменить — корабль, подхваченный течением, мчался навстречу гибели. К мачте подскочил Ателстейн.

— Шансов на спасение почти нет, — прохрипел он, разрезая веревки, — но я хочу, чтобы у всех нас они были равными...

Турлоф, наконец-то свободный, вскочил на ноги.

— Где мой топор?

— Там, в стояке. Но, парень, во имя Тора, — удивился сакс, — зачем тебе дополнительная тяжесть?

Далказианин схватил свое оружие и, когда прикоснулся к знакомой узкой, изящно выгнутой рукояти, почувствовал, как растекается по жилам, подобно вину, уверенность в себе. Топор был частью его тела, словно правая рука. Если суждено умереть, он должен быть с оружием до конца. Турлоф поспешно заткнул топор за пояс — доспехов на себе он, очнувшись, уже не нашел.

— В этих водах полно акул, — сообщил Ателстейн, готовясь стащить панцирь. — Если придется плыть...

В это мгновение драккар врезался в рифы. Его мачты рухнули, а корпус раскололся, точно орех. Драконья голова вместе с обломками носа влетела высоко вверх, и люди кубарем покатались по накренившейся палубе в воду. Несколько секунд корабль оставался в шатком равновесии, дрожа, слов-

но живое существо, затем соскользнул с рифа и пошел на дно, взметнув в воздух тучу брызг.

Гигантский прыжок перенес Турлофа на безопасное расстояние. Вынырнув на поверхность, он долго боролся с волнами, пока не наткнулся на вырванный из корпуса кусок обшивки, выброшенный из пучины рядом с ним. Когда он заползал на спасительные доски, что-то тяжелое ударило его снизу и вновь пошло на дно. Кельт сунул руку в воду, схватил тонущего за пояс и втащил на свой импровизированный плот. Лишь сделав это, он узнал Ателстейна, все еще в панцире — сакс так и не успел его сбросить. Великан, видимо, еще при падении в воду потерял сознание и лежал теперь на плоту с бессильно свисающими в воду руками.

Путь сквозь полосу прибоя остался в памяти Турлофа сплошным кошмаром. Волны пытались разбить их жалкий плот, то затаскивая его под воду, то выстреливая им в небеса. Далказианин ничего не мог поделать, все, что ему оставалось, это держаться крепче и верить в свою звезду. И он держался, вцепившись одной рукой в пояс сакса, второй — в край крошечного плота. Когда силы были уже на исходе, плот накрыла волна, затем еще одна, и вдруг все кончилось: каким то чудом их выбросило в относительно спокойные воды. И тут же Турлоф заметил узкий треугольный плавник, рассекавший поверхность моря в ярде от них. Плавник двигался в их сторону. Далказианин выхватил топор из-за пояса и изо всей силы ударил им по воде. Она тотчас окрасилась в алый цвет, и плот закачался под напором наплывавших отовсюду гибких тел. Акулы набросились на своего раненого собрата, а Турлоф, пользуясь моментом, направил утлый плот к берегу и работал бешено руками до тех пор, пока

не нащупал ногами дно. Кельт с трудом добрал до берега, волоча за собой так и не пришедшего в сознание сакса. И тут, исчерпав до дна весь запас своих сил, Турлоф О'Брайен свалился на землю и мгновенно уснул.

2

Турлоф спал недолго. Едва солнце показалось над горизонтом, он проснулся, чувствуя себя свежим и отдохнувшим, словно после ночи, проведенной в постели, встал и огляделся по сторонам. Широкая белая полоса песка плавно возносилась от поверхности воды до колышущегося под ветром шатра из крон огромных деревьев. Между деревьями ничего не росло, но их стволы стояли настолько близко друг к другу, что взгляд не мог пробраться в глубину леса. Ателстейн возвышался поодаль на выползшем из моря языке песка. Опираясь на свой огромный меч, он уныло смотрел в сторону скал. Тут и там валялись выброшенные прибоем на берег тела.

И тут из уст Турлофа вырвался возглас удовлетворения. Чуть ли не у самых его ног лежал труп викинга в полном вооружении, со шлемом и кольчугой, которые несчастный, видимо, не успел сбросить, покидая корабль. Кельт узнал свои доспехи, даже легкий щит, притороченный к спине утопленника, принадлежал ему.

Он слегка удивился тому, что доспехи полностью достались одному человеку, но тут же, не мешкая, начал стаскивать их с трупа. С удовольствием облачась в черную кольчугу и возложив на голову шлем, он направился к Ателстейну. Его глаза гроз-

но сверкали. Сакс, услышав шаги, повернулся к нему.

— Приветствую тебя, кельт,— произнес он.— Мы с тобой, похоже, единственные, кому удалось уцелеть. Алчное море поглотило всех. Клянусь Тором, я обязан тебе жизнью! В этом панцире, получив релингом по голове, я, наверняка, послужил бы поживой для акул, если бы не ты. Все это кажется мне сейчас кошмарным сном.

— Ты спас мне жизнь,— рявкнул кельт.— Я ответил тебе тем же. Долги уплачены, счет равный, поэтому доставай свой меч и покончим с этим!

Ателстейн посмотрел на него удивленно.

— Хочешь драться со мной? Но почему?..

— Я ненавижу вас больше, чем самого Сатану! — взревел далкасец, и в его глазах загорелся безумный огонек.— Вы уже пять сотен лет угнетаете мой народ! Вопли тысяч и тысяч несчастных девушек днем и ночью терзают мои уши! Я не успокоюсь, пока на севере не останется ни единой волчьей груди, в которую я мог бы врубиться своим топором.

— Но я же не викинг,— ответил ошарашенный великан.

— Тем хуже для тебя, предатель! — неистовствовал кельт.— Защищайся, если не хочешь, чтобы я тебя зарубил, как беспомощного цыпленка!

— Я не хотел этого,— проворчал Ателстейн, поднимая широкий клинок. Его серые глаза сузились, но в них не было страха.— Правы те, которые говорят, что ты сумасшедший.

Больше слов не требовалось. Воины готовились к смертельной схватке. Кельт, напружинившись, словно пантера, медленно крался к противнику. Его глаза сверкали. Сакс ждал нападения,

широко расставив ноги и держа меч двумя руками высоко над головой. Топор и щит Турлофа против огромного меча Ателстейна — первый же удар мог стать решающим в поединке. Понимая это, они осторожно, словно лесные бестии, разыгрывали смертоносный дебют. И вдруг...

В ту секунду, когда мышцы Турлофа напряглись перед прыжком, пронзительный вопль разорвал тишину. Оба противника вздрогнули и отступили на шаг назад. Откуда-то из чащи леса докатился до них нечеловеческий, ужасающий рев. Писклявый, но вместе с тем очень громкий, он возносился выше и выше по тембру, пока не превратился в некий скрежещущий стрекот, похожий на ликующий хохот демона или вой оборотня, настигающего свою жертву.

— Во имя Тора! — прохрипел сакс, опуская меч. — Что это было?

Турлоф покачал головой. Этот вой даже его, человека, обладавшего стальными нервами, заставил содрогнуться.

— Какое-то лесное чудовище. Мы на неведомом острове, вокруг неведомое море. Кто знает, быть может, это сам Сатана, а там — врата ада.

Ателстейн чувствовал себя весьма неуверенно. Хотя он не был христианином и у него хватало хлопот с демонами своей собственной религии, чужие от этого не становились ему менее страшными.

— Ну что ж, — предложил он, — отложим выяснение отношений до тех пор, пока не разберемся, что там происходит. Два клинка все же больше, чем один, с кем бы там ни пришлось иметь дело, с демоном или человеком...

В их уши вновь вонзился дикий вопль. На этот раз кричал человек, и в голосе его было столько

ужаса и отчаяния, что в жилах стыла кровь. Одновременно с этим они услышали топот и хруст веток — чье-то огромное, тяжелое тело продиралось сквозь заросли.

Они повернулись к лесу. Из полумрака, словно белый лист, несомый ветром, вылетела почти нагая девушка. Ее золотистые волосы языками пламени метались за спиной, белые плечи сияли в утреннем свете, а выпученные глаза были полны безумного ужаса. А за нею...

Даже у Турлофа вздыбились на голове волосы. То, что гналось за девушкой, не было ни человеком, ни зверем. Оно напоминало немного птицу, но подобных «пичуг» уже многие века не носила земля. Чудовище вздымалось горой на двенадцать футов, а на его громадной, отдаленно похожей на лошадиную, морде злобно горели красные глаза и торчал гигантский, круто изогнутый книзу клюв. Шея монстра, выгнутая дугой, была толще мужского бедра, а могучие костистые лапы могли бы сцапать беглянку, как орел воробышка.

Вот и все, что успел заметить Турлоф, прыгнувший навстречу монстру, когда несчастная девушка с воплем отчаяния упала на песок. Бестия нависла над кельтом, ее страшный клюв обрушился на него, выщербив подставленный щит. Турлоф покачнулся, но тут же взмахнул топором. Твердые перья спружинили, и тяжелое лезвие скользнуло по ним, не причинив чудовищу вреда.

Вновь мелькнул в воздухе грозный клюв, и лишь быстрая реакция далкасса спасла ему жизнь. Подбежавший в этот момент сакс изо всех сил ударил чудовище мечом. Длинный тяжелый клинок отсек одну из похожих на бревна лап ниже коленного сочленения, и бестия с мерзким скрежетом рух-

нула набок, трепыхая короткими, сильными крыльями.

Турлоф подскочил к ней вплотную и вогнал меньшее острие топора между багровыми глазами. Гигантская птица лягнула воздух ногами, содрогнулась в конвульсиях и испустила дух.

— Клянусь кровью Тора! — воинственный пыл горел еще в серых глазах Ателстейна. — Мы и в самом деле забрались на край света...

— Следи за лесом, как бы другой такой же не выскочил, — бросил ему кельт и повернулся к беглянке.

Та с трудом поднялась на ноги и стояла теперь, всматриваясь в них расширенными от изумления глазами. Это была прекрасная юная девушка — высокая, стройная, вся ее одежда состояла из лоскутка шелка, небрежно повязанного вокруг бедер. Ее кожа была, к немалому удивлению обоих воинов, белоснежной, глаза — серыми, а рассыпавшиеся по плечам волосы имели цвет чистого золота. Она заговорила на языке викингов, слегка запинаясь — так обычно говорят на языке, которым давно не пользовались.

— Вы... Кто вы такие? Откуда? И как попали на Остров Богов?

— Кровь Тора! — воскликнул сакс. — Она из наших!

— Ваших, — поправил кельт. Даже в эту минуту он помнил о своей ненависти к северянам.

Девушка во все глаза смотрела на них.

— Мир, наверное, сильно изменился с тех пор, как я его покинула, — сказала она наконец. — Иначе как мог бы волк охотиться рядом с диким быком? По твоей шевелюре я вижу, что ты кельт, а у тебя, великан, акцент сакса.

— Оба мы изгой, — пояснил далкасец. — Видишь трупы на песке? Это команда драккара, шторм загнал нас в эти гиблые места. Этого воина зовут Ателстейн, он родом из Уэссекса и плавал с викингами, я же был его пленником. Мое имя Турлоф Даб, когда-то я принадлежал к клану О'Брайенов. А кто ты и что это за остров?

— Это древнейшая страна мира, — ответила девушка. — Рим, Египет и Китай — младенцы по сравнению с нею. А меня зовут Брунгильда, я дочь Рольва Торфинссона и еще несколько дней назад была здесь королевой.

Турлоф неуверенно посмотрел на Ателстейна. Все это звучало, как сказка.

— После того, что мы тут увидели, — пробурчал великан, — я готов поверить чему угодно. Так ты и в самом деле похищенное дитя Рольва Торфинссона?

— Да! — ответила девушка. — Это меня похитил Тостиг Безумный, когда напал на Оркадские острова и превратил в пепел усадьбу Рольва Торфинссона, пользуясь его отсутствием...

— А потом исчез бесследно, — перебил ее Ателстейн. — Он и в самом деле был безумен. Я плавал с ним много лет назад, зеленым еще совсем молоко-сосом.

— Это-то его безумие и забросило меня сюда, — сказала Брунгильда. — После того, как он прошелся огнем и мечом по берегам Англии, пламя безумия, сжигавшее его мозг, погнало его в никому не ведомые южные моря. Он плыл и плыл на юг, пока дикие волки, которыми он командовал, не взбунтовались. А затем шторм разбил корабль о скалы этого острова. Тостиг и все остальные погибли, а я вцепилась в обломок обшивки, и море, по капризу

богов, выбросило меня, полуживую, на берег. Мне было тогда пятнадцать весен, и случилось это десять лет назад. Здесь живут странные люди,— помолчал, добавила она.— У них коричневая кожа, и они сведущи в сокровенных тайнах магии. Когда они нашли меня, лежащей без сознания на песке, то очень удивились — до тех пор им не приходилось видеть белокожих людей. Их жрецы тут же заявили, что я богиня, посланная им морем. Жрецы поселили меня в храм и поклонялись мне наравне с иными богами. Их верховный жрец, старец Готан — да будет проклято его имя! — научил меня многому, страшному и необычному. Я очень быстро усвоила их язык и многие секреты жрецов, а когда выросла и превратилась в женщину, почувствовала, что этого мне мало. Я считала недостойным дочери короля морей смиренно сидеть в святилище и принимать дары цветами и овощами, а иногда и человеческими жертвами.

Она прервала на секунду свой рассказ. Ее глаза блеснули, и она действительно походила теперь на воительницу, какой хотела казаться.

— Ну что ж,— продолжала она,— нашелся человек, который влюбился в меня: Котар, молодой вождь. Мы сговорились с ним и сбросили в конце концов ярмо старца Готана. Это было ужасное время, время заговоров и контрзаговоров, интриг, восстаний, мятежей и кровавой резни. Мужчины и женщины гибли, как мухи, по улицам Бэл-Сагота рекою текла кровь. Победили мы: Котар и я! Династия Ангар прекратила свое существование, и в одну прекрасную ночь, кровавую и безумную, я, королева и богиня, взошла на трон на древнем Острове Богов!

Она выпрямилась, ее лицо сияло от гордости, грудь вздымалась и опадала. Турлоф почувствовал

восхищение и отвращение одновременно. Ему доводилось видеть, как возносятся на вершины власти, видел он также, как падают с них в бездну, и всеми фибрами души ощущал плывущую отовсюду кровь, неким внутренним зрением постигал жестокость и измены, поражаясь первобытной беспомощности этой женщины-ребенка.

— Если ты была королевой,— сказал он,— то почему тебя в твоём собственном королевстве гонят по лесу чудовище?

Брунгильда прикусила губу, и на ее щеках загорелся румянец гнева.

— А что губит женщину, кем бы она ни была? Я доверилась мужчине. Это был Котар, мой возлюбленный, с которым я делила власть. Он предал меня. Когда я вознесла его до себя и готова была даже уступить место рядом на троне, то узнала, что он изменяет мне с иной женщиной. Я убила обоих.

— Ты настоящая Брунгильда,— улыбнулся холодно Турлоф.— И что случилось потом?

— Народ любил Котара. Готан беспрестанно поджигал горожан. Величайшей моей ошибкой было то, что я оставила в живых проклятого старца, не убила его сразу. Итак, Готан восстал против меня, как и я когда-то против него. Верные ему воины вырезали моих гвардейцев и схватили меня, но не решились отправить на тот свет. Я была богиней для них, и Готан боялся, что народ одумается и вернет мне корону, поэтому той же ночью приказал отвести меня в запретную часть лагуны. Жрецы привезли меня сюда на челне и, нагую и безоружную, оставили на милость божества.

— Этого... не так ли? — Ателстейн показал на труп чудовища у своих ног.

Брунгильда вздрогнула.

— Много веков назад на острове жило много подобных тварей. Так говорят легенды. Они нападали на жителей Бэл-Сагота и пожирали их сотнями. В конце концов, однако, их истребили в центральной части острова, а на этой стороне лагуны они сами вымерли — все, кроме одной, жившей тут уже многие сотни лет. В прежние времена с нею пытались покончить, посылали целые отряды воинов, но эта тварь была самой огромной из всех дьявольских птиц и убивала каждого, кто осмеливался стать на ее пути. Тогда жрецы провозгласили ее богом и оставили ей эту часть острова. Здесь не бывает людей, кроме тех, которых приносят в жертву. Чудовище не могло проникнуть в заселенную людьми часть острова, потому что воды лагуны кишат акулами — они разорвали бы на куски даже это страшное существо, посмей оно сунуться в воду. Некоторое время я укрывалась среди деревьев, но тварь в конце концов меня выследила. Остальное вам известно. Я обязана вам жизнью. Что вы собираетесь теперь делать?

Ателстейн посмотрел на Турлофа, тот пожал плечами.

— А что нам остается? Сдохнем с голоду в этом лесу.

— Послушайте, что я вам скажу, — сказал девушка и голос ее зазвенел торжеством, а глаза вспыхнули. Среди людей Бэл-Сагота бытует поверье, что пробьет час — и из моря выйдут железные люди, и тогда город Бэл-Сагот падет. Вы, в своих кольчугах и шлемах, им, никогда не видевшим доспехов, воистину покажетесь железными людьми. Вы убили Горт-голку, их птичье божество... вы вышли из моря, как и я... они будут смотреть на вас, как на богов. Идите же со мной и помогите мне вернуть

мое королевство. Прекрасные одеяния, великолепные дворцы, юные девушки — все будет вашим!

Даже столь радужные перспективы не соблазнили бы Турлофа, хотя щедрость предложения произвела на него впечатление. Однако он не прочь был взглянуть на необыкновенный город, о котором говорила Брунгильда, а мысль о двух воинах и девушке, отвоевывающих королевство, показалась ему забавной.

— Я согласен, — сказал он. — А ты, Ателстейн?

— Мое брюхо пусто, — ответил великан. — Покажите мне жратву, и я прорублю к ней дорогу через любые орды жрецов и воинов.

— Веди нас в город, — повернулся далкасец к Брунгильде.

— Вперед! — крикнула она, вознося в упоении белые руки. — Дрожите, Готан, Ска и Гелка! Я верну корону, которую вы вырвали из моих рук, и на этот раз никому из вас пощады не будет! Я сброшу Готана с крепостной башни, и пусть земля содрогнется от воя его демонов! Увидим, справится ли бог Гол-горот с мечом, отрубившим ногу Горт-голке. Отрежьте голову монстру, чтобы люди видели, что вы победили бога-птицу, и следуйте за мной! Солнце высоко, а я уже сегодня ночью хочу спать в своем дворце.

Троица компаньонов углубилась в тень густого леса. Сквозь ветви деревьев, сплетавшиеся высоко над их головами, сочился таинственный мерцающий свет.

Через некоторое время тип растительности изменился. Деревья стали ниже и тоньше, с их ветвей тут и там свисали сочные плоды. Брунгильда показала воинам те из них, что были съедобными, и спутники ее на ходу подкрепились. Турлофу этого

оказалось вполне достаточно, Ателстейн же, хотя съел огромное количество плодов, так и не смог утолить голод. Он привык к более солидной пище, и даже викингов, славившихся умением много и часто есть, поражала способность великана в считанные минуты поглощать огромные количества мяса и пива.

— Посмотрите! — громко воскликнула Брунгильда, протягивая руку. — Это башни Бэл-Сагот!

Воины, приглядевшись, заметили между деревьями белое, мглистое и, судя по всему, весьма отдаленное сияние. Казалось, высоко в небесах висели крепостные стены, окруженные со всех сторон пушистыми облаками. Это зрелище поразило до глубины души склонного к мистике кельта, и даже Ателстейн притих, словно и на него действовали язвическая красота и загадочность этой картины.

Они шли дальше лесом. Город то скрывался из глаз, когда его заслоняли кроны деревьев, то появлялся вновь, все такой же далекий и загадочный. В конце концов, они вышли на опушку леса, плавно переходившую в берег широкой голубой лагуны. Только теперь они смогли оценить всю красоту пейзажа. На другом берегу склон возносился несколькими правильными, похожими на застывшие волны, складками к подножию стоявших поодаль холмов. Террасы были покрыты густой травой, кое-где шумели небольшие рощицы, на горизонте темнело кольцо леса, опоясывавшее, по словам Брунгильды, весь остров. А среди молчаливых холмов дремал древний город Бэл-Сагот. На фоне утреннего неба четко вырисовывались его белые стены и сапфировые башни.

— Разве за такое королевство не стоит сразиться? — звонко воскликнула Брунгильда. — Поспешим

же! Нужно связать из тех вон сухих деревьев плот. Без него нам не переплыть лагуну, в ней полно акул.

В тот же миг высокая трава на противоположном берегу зашевелилась, и из нее высунулась голова нагого бронзовокожего мужчины. Он несколько мгновений вглядывался в них расширенными от изумления глазами, а когда Ателстейн громко рывкнул и взметнул вверх страшную голову Горт-голки, приглушенно вскрикнул и, словно напуганная до смерти антилопа, бросился бежать.

— Это раб, которого оставил тут Готан, чтобы помешать мне, если я попытаюсь переплыть лагуну, — сказал Брунгильда с гневным удовлетворением. — Пусть бежит в город и расскажет всем, что тут видел. Но нам придется поспешить, иначе Готан успеет преградить нам путь.

Турлоф и Ателстейн тут же взялись за работу. На земле поблизости валялось немало деревьев, воины очистили их от веток и связали длинными лианами. Вскоре плот, неказистый на вид, но достаточно прочный, вполне способный выдержать их тяжесть, был готов. Брунгильда вздохнула с облегчением, когда они выскочили наконец на другой берег.

— Идем прямо в город, — сказала она. — Раб уже добрался до него, и за нами, наверняка, будут наблюдать со стен. Действовать смело — единственный путь к победе. Клянусь молотом Тора, я все отдала бы, чтобы увидеть рожу Готана в ту минуту, когда слуга донес ему, что Брунгильда возвращается, а с нею идут двое могучих воинов, несущих в руках голову того, кому она предназначена была в жертву.

— Почему ты не избавилась от этого Готана, когда была королевой? — спросил Ателстейн.

Она покачала головой, и в глазах ее мелькнул страх.

— Легче сказать, чем сделать. Половина горожан его ненавидит, вторая — стоит за него горю, и все его боятся. Старики рассказывают, что он уже тогда был старцем, когда они под стол пешком ходили. Народ верит, что он более бог, чем жрец, да и сама я видела, как он творил такое, что понять не под силу простому смертному. Я была марионеткой в его руках и коснулась лишь края его тайных знаний, но и от того, с чем я столкнулась, стыла кровь в жилах. Я видела странные тени, крадущиеся по ночам вдоль стен, а когда пробиралась ощупью черными подземными коридорами, слышала кошмарные звуки и ощущала запахи ужасных существ. А однажды я различила даже страшный вой где-то в глубине под холмом, на котором стоит Бэл-Сагот.

Брунгильда охватила дрожь.

— Многим богам поклоняются в Бэл-Саготе, и самым грозным из них был Гол-горот, бог Тьмы, чья статуя многие века стояла в Храме Теней. Я, победив Готана, запретила поклоняться Гол-гороту и заставила жрецов чтить единственное божество — меня, дочь моря А-алу. Я приказала нескольким силачам взять тяжелые молоты и разбить статую бога Тьмы, но молоты разлетелись на куски при первых же ударах, тяжело поранив тех, кто поднял руку на бога, на статуе же не осталось ни одной царапины. Я вынуждена была отступить от статуи, но приказала замуровать вход в Храм Теней. Когда к власти снова пришел Готан, скрывавшийся до поры до времени где-то в подземельях, вернулся и Гол-горот, сея страх и ужас. Статуи А-алы разбили, а ее жрецы с воем испустили

дух на алтарях Черного Бога. Но теперь посмотрим, кто возьмет верх!

— Да, ты, несомненно, валькирия, — пробурчал Ателстейн. — Но трое против целого народа: соотношение не самое удачное, и еще надо учитывать, что все жители Бэл-Сагота — колдуны да ведьмы.

— Успокойся! — воскликнула Брунгильда презрительно. — Это верно, что среди них хватает чернокнижников, но, хотя люди эти покажутся вам странными, они столь же глупы и трусливы, как и любые другие. Когда Готан тащил меня, связанную, по улицам, они плевали мне в лицо. А вот теперь вы увидите, как они отшатнутся от Ска, нового короля, которого дал им Готан, едва увидят, что вновь восходит моя звезда. Действуйте смело, но осторожно.

Они шли по долгому пологому склону и постепенно приближались к возносящимся на невероятную высоту стенам. «Не иначе, языческие боги строили этот город», — думал Турлоф. Стены были похожи на мраморные, и в сравнении с их зубчатыми верхушками и стройными башнями меркли в памяти Рим, Дамаск и Византия. Широкая белая дорога вела из долины на площадь у ворот. Троица авантюристов ступила на нее, чувствуя на себе сосредоточенные взоры сотен укрывающихся где-то там, наверху, глаз. На стенах никого не было, город словно вымер, но пронизывающие взгляды чувствовались постоянно.

Они остановились у массивных ворот, выкованных, как показалось изумленным воинам, из чистого серебра.

— Королевская добыча, — проворчал Ателстейн. Его глаза блестели. — Эх, нам бы корабль да команду головорезов посвирепее...

— Ударьте в ворота и сразу же отступите — сверху могут что-нибудь сбросить, — приказала Брунгильда.

Грохот ирландского топора, обрушившегося на ворота, разбудил эхо среди отдаленных холмов. Все трое тотчас отошли на несколько шагов. Гигантские створки ворот растворились внутрь, и навстречу искателям приключений вышла группа высоких, бронзовокожих, стройных мужчин. Все они были нагими, лишь бедра их прикрывали богато изукрашенные повязки, да в шевелюрах колыхались роскошные яркие перья, на запястьях и лодыжках поблескивали золотые и серебряные браслеты, инкрустированные драгоценными камнями. Доспехов на них не было, но каждый держал в левой руке щит из твердого, до блеска отполированного дерева, обитого серебром. Вооружены они были копьями с узкими длинными наконечниками, все это выковано было из прекрасной стали. Судя по всему, эти люди больше полагались на свое воинское искусство и ловкость, чем на грубую силу.

Во главе процессии шли трое мужей. Одним из них был статный воин с ястребиными чертами лица, почти столь же высокий, как Ателстейн. На шее у него на тяжелой золотой цепи висел странного вида амулет, вырезанный из зеленого камня. Второй был молод и смотрел на гостей исподлобья. Его плечи покрывал переливавшийся всеми цветами радуги плащ из перьев попугаев. Третий из мужей не носил на себе ничего, кроме простой набедренной повязки, в руках его не было никакого оружия. Он был стар, очень высок и худ, и у него, единственного из всех, стоявших за воротами, была борода, столь же белая, как и ниспадавшие на плечи волосы, а его огромные черные

глаза сверкали так, будто за ними пылал тайный огонь. Турлоф сразу же понял, что это и есть Готан, жрец Черного Бога, расточающий вокруг себя ауру древности и таинственности. Его глаза были похожи на окна заброшенного храма, за которыми отвратительными призраками сновали темные страшные мысли. Кельт чувствовал, что этот старец познал слишком много пагубных секретов и тайн, чтобы остаться человеком. Он преступил порог, отделявший его от мечтаний, желаний и переживаний простых смертных. Вглядевшись в эти огромные немигающие глаза, далкасец ощутил дрожь, пробежавшую по телу, — ему показалось на секунду, что перед ним, свившись в кольца, затаилась гигантская змея.

На стенах молча толпились черноглазые люди. Сцена была подготовлена, все ждали кровавого финала. Турлоф почувствовал, что сердце его забилось сильнее, жестокий огонек загорелся в глазах Ателстейна.

Брунгильда смело ступила вперед. Гордо выпрямившись, она начала говорить. Белые воины, конечно, не понимали ни слова из последовавшего диалога, лишь по жестам и выражению лиц догадываясь о его напряженности. Позже, однако, Брунгильда пересказала им весь разговор почти дословно.

— Итак, люди Бэл-Сагота, — начала она медленно, — какими словами вы станете приветствовать свою королеву и богиню, которую оскорбили и предали?

— Чего ты хочешь, лживая женщина? — крикнул статный воин, его звали Ска, и это его Готан посадил на трон. — Ты, которая смеялась над обычаями наших предков, которая нарушала законы

Бэл-Сагота, более старые, чем весь этот мир, которая вероломно убила своего любовника и осквернила храм Гол-горота? Тебя осудили по закону и оставили в лесу за лагуной...

— Но я тоже богиня, и более могущественная, чем все ваши боги,— прервала его, злобно улыбаясь, Брунгильда,— и я возвращаюсь из запретной зоны с головой Горт-голки!

По ее знаку Ателстейн потряс в воздухе кровавым трофеем. Шум изумления докатился до них со стен, толпа качнулась и застыла.

— Кто это с тобой? — Ска, наморщив лоб, посмотрел на белых воинов.

— Это железные люди, они вышли из моря! — ответила Брунгильда чистым звучным голосом.— Древнее пророчество гласит, что они бросят к своим ногам город Бэл-Сагот, ибо его жители — изменники, а жрецы — лгуны!

И вновь тревожный шумок всколыхнул толпу на стенах, но Готан поднял свою ястребиную голову, и те, на кого упал ледяной взгляд его страшных глаз, замолчали и съежились.

Ска молчал тоже. В его душе гордость боролась с суеверной тревогой.

Турлоф внимательно наблюдал за Готаном. Ему показалось, что он улавливает мысли, кроющиеся за неподвижной личиной старого жреца. Несмотря на сверхчеловеческую мудрость, разум Готана тоже не все мог предвидеть. Его застало врасплох внезапное появление женщины, от которой, как он считал, ему уже удалось избавиться навсегда. Вдобавок к этому она пришла не одна, а в сопровождении двух белокожих гигантов. У него не оказалось времени, чтобы подготовить достойный прием незванным гостям. Люди уже роптали под тяжелой дес-

ницей Ска. Они всегда верили в божественность Брунгильды, а теперь, когда она возвращалась с двумя спутниками той же, что и она, расы, начали склоняться на ее сторону. Любая мелочь могла нарушить шаткое равновесие и принести победу той или иной стороне.

— Люди Бэл-Сагота! — Брунгильда отошла назад и простерла руки к обращенным к ней со стены лицам.— Одумайтесь, пока не поздно! Вы изгнали меня, вернулись к темным богам! Но я прощу вам все, если вы одумаетесь и припадете к моим стопам! Изгоняя меня, вы обзывали свою богиню кровожадной и жестокой! Это правда, я была суровой властительницей, но разве Ска обращается с вами мягче? Вы жаловались, что я хлестала вас кнутом, но разве Ска гладит вас птичьими перьями? Это верно, в пору полнолуния на моем алтаре умирала девушка, но Гол-горот дважды в сутки забирает к себе юношей и девушек, ибо на его алтаре всегда должно лежать свежее человеческое сердце. Ска — только тень! Это Готан — ваш подлинный владыка, Готан, который ястребом кружит над городом! Вы были когда-то великим народом, по всем морям плавали ваши корабли. Теперь вас осталась горстка, да и та скоро исчезнет. Глупцы! Вы все умрете на алтаре Гол-горота, и лишь Готан будет в одиночестве бродить по улицам города! Смотрите на него! — ее голос возвысился до крика. Даже Турлоф вздрогнул, хотя слова чужой речи ничего для него не значили.— Смотрите на злого духа, пришедшего к нам из прошлого! Он даже не человек! Поверьте мне, это мерзкий призрак, рот которого вымазан кровью тысяч и тысяч жертв! Это чудовище, вынырнувшее из тьмы веков, чтобы уничтожить народ Бэл-Сагота! Выбирайте! Восстаньте против проклятого стар-

ца и его отвратительных богов, преклоните колени перед своей законной королевой и богиней, и вы спасетесь сами и спасете своих детей! Иначе исполнится древнее пророчество, и город Бэл-Сагот будет повержен в прах, и солнце закатится над его молчаливыми руинами!

Юный воин, разгоряченный страстной речью королевы, вскочил на край стены.

— Да здравствует А-ала! — воскликнул он. — Долой кровожадных богов!

Многие в толпе подхватили его призыв. Зазвене-ла сталь, тут и там толпа взбурлила. Брунгильда придержала своих рвущихся в бой товарищей.

— Стойте! — крикнула она. — Не двигайтесь с места! Люди Бэл-Сагота, вы знаете, что по старинному обычаю король должен в случае необходимости с оружием в руках доказать свое право на трон! Пусть Ска сразится с одним из этих воинов! Если Ска победит, я покорно склоню перед ним голову, готовая лишиться ее навсегда. Но если он проиграет, вы признаете меня законной королевой и богиней!

Со стен послышались крики одобрения. Людей радовало то, что ответственность за свою судьбу они вновь могут переложить на плечи владык.

— Ты будешь драться, Ска? — спросила Брунгильда с насмешкой. — Или предпочтешь сразу же вручить мне свою голову?

— Дрянь! — рявкнул доведенный до бешенства Ска. — Я буду пить вино из черепов этих белых воинов, а тебя прикажу повесить за ноги между двумя гибкими деревьями!

Готан положил ему руку на плечо и начал что-то шептать на ухо, но король дошел до такого состояния, в котором был глух ко всему, кроме

собственной ярости. Оказалось, воплощение мечты принесло ему только роль марионетки, танцующей на шнурке Готана, теперь же даже эта иллюзорная власть уплывала из рук, а эта дрянь смеялась ему в лицо на глазах у подданных.

Брунгильда повернулась к спутникам.

— Одному из вас придется сразиться с ним.

— Пойду я, — сказал Турлоф. — В его глазах танцевало пламя боевого задора. — Он, похоже, ловок, как дикий кот, а Ателстейн, хоть и силен, как бык, чуточку медлителен для такой работы...

— Медлителен, — повторил с обидой Ателстейн. — Знаешь, Турлоф, для человека моего телосложения...

— Ладно! — прервала их спор Брунгильда. — Пусть сам выбирает.

Она сказала что-то королю. Тот посмотрел на них налившимися кровью глазами и показал на Ателстейна, который радостно ухмыльнулся и снял с плеча меч. Турлоф выругался и отошел назад. Ска решил, видимо, что у него больше шансов победить великана, с виду более неуклюжего и медлительного, чем черноволосый воин, тигриная гибкость и ловкость которого бросались в глаза.

— У этого Ска нет доспехов, — проворчал сакс. — Я тоже сниму шлем и панцирь, чтобы драться на равных.

— Нет! — крикнула Брунгильда. — Без доспехов погибнешь! Этот лжекороль движется со скоростью молнии. Даже в доспехах тебе придется туго. Не смей сбрасывать панцирь!

— Ладно, ладно, — пробурчал великан. — Не буду, хотя считаю по-прежнему, что это не честно. Ну, где он там, давайте закончим это дело.

Могучий сакс, тяжело ступая, направился к противнику, который поджидал его на краю площадки. Ателстейн держал свой тяжелый меч двумя руками, лезвием вверх, с рукояткой на уровне шеи. Такая позиция давала ему возможность как нанести удар в любую из сторон, так и отбить внезапное нападение.

Ска отбросил свой легкий щит. Разум подсказывал, что удара столь тяжелого клинка щиту все равно не выдержать. Правой рукой он сжимал копье, в левой покоился легкий топорик. Он хотел покончить с противником мгновенно, напав внезапно, и это была правильная тактика. Но Ска до тех пор не приходилось видеть доспехов, и он совершил роковую ошибку, когда посчитал их украшением или декоративной деталью одежды, уязвимыми для его оружия. Он прыгнул вперед, целясь копьем в лицо Ателстейну. Сакс без труда отбил атаку и тут же с размаху послал меч в ноги королю. Тот подпрыгнул, пропуская свистящее лезвие под собою, и ударил сверху в склоненную голову великана. Легкий топорик разлетелся на куски, слегка поцарапав шлем викинга, а Ска отскочил в сторону с яростным воплем.

Теперь Ателстейн обрушился, как разъяренный бык, на врага, действуя с ошеломляющей стремительностью. Ска, ошарашенный потерей оружия, не был готов к столь молниеносной атаке и, увидев над собой великана, контратаковал вместо того, чтобы отскочить. Эта ошибка была последней в его жизни. Копье скользнуло по панцирю сакса, не причинив ему ни малейшего вреда, и в ту же секунду на Ска свалилось лезвие меча. Король не смог уклониться от удара и отлетел в сторону — так мчащийся по степи буйвол, словно пушинку, отбра-

сывает попавшегося на пути человека. Четыре ярда пролетел в воздухе Ска, король Бэл-Сагота, затем плюхнулся наземь и затих в луже собственной крови, опутанный дымящимися внутренностями. Потрясенные зрители замерли с разинутыми ртами.

— Отруби ему голову! — крикнула Брунгильда. Ее глаза сверкали, она стиснула кулаки так, что когти впились в ладони. — Насади ее на меч, мы внесем ее в город, как символ нашей победы.

Ателстейн, вытирая клинок, покачал головой.

— Нет. Он был хорошим воином, и я не буду измываться над его трупом. Я сражался в броне, он — совершенно нагой, будь все наоборот, кто знает, как повернулось бы дело.

Турлоф посмотрел на людей, стоявших на стенах. Они уже приходили в себя.

— А-ала! Слава тебе, великая богиня! — орали горожане.

Воины за воротами упали на колени и ударили лбами в землю перед гордо выпрямившейся Брунгильдой. Напрягаясь, словно струна, она трепетала, переполненная радостью. «Точно, — подумал кельт, — она больше, чем королева, она валькирия. Ателстейн был прав».

Брунгильда сорвала с шеи мертвого Ска золотую цепь с амулетом и подняла над головой.

— Люди Бэл-Сагота! — крикнула она. — Вы видели, как король пал от руки этого золотобородого великана, и на его железной коже не осталось даже царапины. А теперь решайте: склонитесь ли вы передо мною добровольно или будете упорствовать в своем грехе?

Ответом был громогласный рев:

— Склонимся! Вернись к нам, великая и всемогущая королева!

Брунгильда улыбнулась иронически.

— Вперед! — повернулась она к товарищам. — Теперь они пойдут на все, лишь бы выказать мне свою любовь и преданность. Они забыли уже об измене. И в самом деле, у толпы короткая память.

«Да, у толпы короткая память, — думал Турлоф, следуя рядом с Ателстейном за Брунгильдой, которая, миновав ворота, направилась к лежащим ничком воинам. — Едва несколько дней прошло с тех пор, как они столь же громко кричали здравицы Ска-освободителю, и еще пару часов назад этот самый Ска, могучий король, сидел на троне, и люди припадали к его ногам. А теперь...» Турлоф посмотрел на мертвое тело, валявшееся, всеми забытое, поодаль. На труп пала тень кружившегося в небе ястреба. Кельт прислушался к гулу толпы и горько улыбнулся.

За троичей авантюристов захлопнулись огромные створки ворот. Прямо перед ними тянулась куда-то ввысь широкая белая улица, разветвлявшаяся тут и там на узкие переулки. Здания из белого камня стояли вплотную друг к другу, башни возносились к небесам, к дворцам вели широкие лестницы. Далказианин понимал, что когда-то столицу возводили по определенному и, надо полагать, хорошо продуманному плану, но ему город показался не более чем кучей набросанного без ладу и складу камня, металла и полированного дерева.

Его взгляд скользнул по гладкой мостовой. Впереди вновь были люди. Тысячи нагих мужчин и женщин, стоявших на коленях, наклонялись, ударяли лбами о мраморные плиты и вновь распрямлялись, вознося к небу раскрытые ладони. Они делали это одновременно, казалось, трава колыхается под ветром. В ритме поклонов звучал монотонный напев, то стихающий, то усиливающийся в востор-

женном экстазе. Жители Бэл-Сагота приветствовали возвращавшуюся к ним богиню А-ату.

Брунгильда остановилась. К ней подбежал молодой вождь, который первым выкрикнул здравицу в ее честь. Он пал ниц и поцеловал босую ногу Брунгильды.

— О великая королева и богиня! — воскликнул он. — Ты знаешь, что Зомар всегда был тебе верен. Я сражался за тебя и едва избежал смерти на алтаре Гол-горота.

— Да, Зомар, ты был верен мне, — ответила Брунгильда, — и верность твоя не останется без награды. С сегодняшнего дня ты командуешь моей личной гвардией, — и добавила уже тише: — Собери отряд из верных мне людей и приведи его во дворец.

— А где старикан? Тот, что с бородой? Куда он делся? — спросил вдруг Ателстейн, который не понял ни слова из разговора.

Турлоф вдрогнул и осмотрелся по сторонам. Он совсем забыл о жреце. Тот исчез, а ведь никто из них не видел его бегущим. Брунгильда невесело улыбнулась.

— Растворился во мраке. Он и Гелка исчезли, когда погиб Ска. Жрец владеет тайным искусством мгновенного перемещения в пространстве, и никто не в силах его задержать. Можете забыть о нем до поры до времени, но попомните мои слова: нам еще придется с ним встретиться.

Двое крепких рабов принесли богато изукрашенный резной паланкин. За паланкином шли вожди.

— Они даже дотронуться до вас боятся, — сказала Брунгильда, — но спрашивают, не желаете ли вы, чтобы вас тоже несли в паланкине. Я, правда, думаю, что лучше будет, если вы пойдете пешком рядом со мной.

— Клянусь кровью Тора! — рявкнул Ателстейн, сжимая крепче рукоять меча. — Я не ребенок! И не позволю, чтобы меня носили!

Брунгильда, дочь Рольва Торфинссона, богиня моря А-ала, королева древнего города Бэл-Сагота, возвращалась к своему народу. Ее несли два сильных раба, по обеим сторонам от ее паланкина ступали два белокожих великана с обнаженным оружием, за ними следовали вожди. Толпа расступалась перед ними, золотые трубы захлебывались триумфальным маршем, гремели бубны, со всех сторон летели приветственные возгласы. Северянка всеми фибрами души впитывала этот неиссякаемый поток хвалы и буквально упивалась ею.

Глаза Ателстейна, ослепленные варварской роскошью, восторженно блестели, а черноволосый воин думал втихомолку, что даже самый громкий грохот триумфа сменяется в конце концов вечной тишиной и покоем. Королевства и империи приходят в упадок, и слава их рассеивается, словно мгла над морем. Уже сейчас над этим городом нависла тень смерти, и волна забвения подкатывает к ногам этой древней, но уходящей расы.

Турлоф О'Брайен шагал рядом с паланкином, и ему казалось, что он и Ателстейн бредут по мертвому городу, мимо толпы призраков, восторженно приветствующих свою столь же призрачную владительницу.

3

Над древним Бэл-Саготом сгустилась ночь. Турлоф, Ателстейн и Брунгильда сидели в одной из комнат дворца. Королева, удобно устроившаяся на

покрытой шелком софе, отдыхала, а мужчины, обосновавшись в креслах из красного дерева, жадно поглощали изысканные яства, которые то и дело приносили им на золотых подносах красивые невольницы. Стены этой комнаты, как, впрочем, и всех других комнат во дворце, были выложены мрамором и украшены золотом. Потолок был выполнен из ляпис-лазури, пол — из мраморных плит, инкрустированных серебром. На стенах висели тяжелые бархатные занавеси и тканые ковры, в комнате тут и там стояли небольшие софы, а также кресла и столики.

— Я многое отдал бы за рог пива, но и это вино прекрасно смачивает глотку, — сказал Ателстейн, в очередной раз глотнув из золотого кувшина. — Ты обманула нас, Брунгильда, когда дала понять, что за корону придется заплатить дорогую цену, а тем временем стоило мне взмахнуть мечом, и корона упала в твои руки. А топор Турлофа, тот вообще изнемог от жажды, так и не пролив ни капли крови. Мы ударили в ворота, и люди пали ниц без лишних разговоров. Затем мы стояли у твоего трона в дворцовом зале, и ты вещала толпам людей, наплывавшим со всех сторон, чтобы припасть к твоим ногам. Клянусь Тором, я никогда в жизни ничего подобного не видел, до сих пор этот шум стоит в моих ушах. Чего они хотели? И куда все же делся этот проклятый старец Готан?

— Твоему мечу еще представится возможность утолить жажду, сакс, — ответила угрюмо девушка. Она подперла голову рукой и смерила мрачным взглядом обоих собеседников. — Если бы вы были опытные в политике, то знали бы, что добыть корону порою бывает легче, чем удержать. Наше внезапное появление с головой птичьего бога и гибель

Ска выбили почву из-под ног горожан. А все прочее... Ты видел, что я говорила со многими моими подданными, хотя не понял, о чем шла речь. Люди спешили заверить меня в своей преданности, и я отпускала им грехи. Хотя я не столь глупа, как может показаться. Я прекрасно понимаю, что пройдет время — и они снова начнут роптать. Готан скрывается где-то рядом и готовит нам погибель, можете мне поверить. Весь этот город пронизан подземными коридорами и тайными переходами, неизвестными никому, кроме жрецов. Даже я, хотя не раз бродила по ним, не знаю, где искать вход — Готан всегда завязывал мне глаза, когда брал с собою. Победа пока за нами. Люди относятся к вам даже с большим почтением, чем ко мне. Они считают вас несокрушимыми полубогами и уверены, что ваши панцири и шлемы неотъемлемы от ваших тел. Вы заметили, как боязливо дотрагивались они до доспехов, когда мы шли сюда? И как удивлялись, убедившись, что это действительно сталь?

— Люди, мудрые в чем-то одном, чаще всего бывают глупцами во всем остальном, — глубокомысленно заметил Турлоф. — Кстати, кто они и как появились здесь?

— Этот народ настолько стар, — ответила Брунгильда, — что даже самые древние предания не говорят ни слова о его происхождении. Много веков назад он основал могучую империю на островах этого моря. Часть из островов затонула, исчезла вместе с возведенными на них городами и их жителями. На тех же островах, что уцелели в катаклизме, через некоторое время высадились краснокожие дикари, разрушая все подряд и убивая всех на своем пути. В конце концов только этот остров и этот город остались от некогда громадной импе-

рии, но его жителям пришлось забыть о прежнем величии и могуществе. Портов, в которые могли бы плавать их суда, больше не было, и корабли гнили у причалов, постепенно обращаясь в прах. Время от времени на Острове Богов появляются краснокожие, они переплывают океан в своих длинных челнах с оскаленными черепами, прибитыми к носам лодок. До сих пор нам удавалось от них отбиваться — стены им не по зубам. Но они не теряют надежды с нами расправиться, и страх перед нашествием дикарей никогда не покидает горожан. Однако не их я боюсь, а Готана, который сейчас змеею ползает по черным туннелям и готовит нечто страшное в пещерах под холмами. Там он творит ужасные, дьявольские обряды над животными — змеями, пауками, обезьянами, а также над людьми: захваченными в плен краснокожими и своими же соплеменниками. Там, в этих подземных гротах, он превращает людей в бестий, а бестий в полулюдей, он изменяет их природу таким образом, что людское и звериное причудливо смешивается в этих существах. Даже подумать страшно, какие монстры появились на свет за те века, что прошли с тех пор, как Готан начал колдовать, открыв секрет бессмертия. Однажды он сотворил нечто такое, чего сам испугался до полусмерти. Проклятый старец держит это страшилище на цепи в самой тайной пещере, куда никто, кроме него, не имеет доступа. Он напустил бы его на меня, если бы осмелился... Но уже поздно. Пора спать. Я лягу в соседней комнате. Из нее нет иного выхода, чем через эту вот дверь. Я даже рабыню не возьму с собой, потому что не доверяю до конца никому из моих людей. Вы остаетесь здесь. Дверь, правда, закрыта, но лучше будет, если вы покараулите ее по очереди. Зомар и

его гвардейцы охраняют коридор, но я буду чувствовать себя увереннее, зная, что рядом находятся люди одной со мной крови.

Она поднялась с софы, окинула Турлофа загадочным томным взглядом и удалилась в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь.

Ателстейн потянулся и зевнул.

— Ну что ж, Турлоф,— сказал он лениво.— Фортуна переменчива, как море. Простой ночью я был наемником в шайке пиратов, а ты — моим пленником. Сегодня утром мы оба оказались жертвами кораблекрушения, готовыми перегрызть глотку друг другу. Теперь мы, заключив перемирие, стали придворными, весьма приближенными к королеве. И мне кажется, что все идет к тому, что на твоей голове окажется в конце концов корона...

— С чего ты взял?

— А ты что, не заметил, как на тебя смотрела эта девушка? Поверь мне, за этими взглядами кроется не только восхищение твоими черными локонами и смазливой рожей. Я уверен...

— Хватит! — резко оборвал его Турлоф. Слова сакса вновь разбередили рану в его сердце.— Женщины, обладающие властью, как волки с белыми клыками. Это ведь женская злоба...

— Ладно, ладно,— добродушно остановил его Ателстейн.— На свете хороших женщин больше, чем плохих. Я знаю, женские интриги стали причиной твоего изгнания. Из нас с тобой складывается неплохая пара. Я ведь тоже изгой. И, решишь я показаться в Уэссексе, тут же повисну на первом попавшемся суку.

— А что, собственно, заставило тебя податься к викингам? Ведь саксы настолько забыли искусство мореплавания, что король Альфред, готовясь к войне

с датчанами, вынужден был просить помощи у чужеземных корсаров.

Ателстейн пожал плечами, достал кинжал и начал точить его на каменном бруске.

— Меня всегда манило к себе море, даже тогда, когда я был еще несмышлеником. В юности я пришиб одного молодого эрла и вынужден был скрываться, чтобы избежать мести его сородичей. Оказавшись в Оркадах, я вскоре понял, что жизнь, которую ведут викинги, нравится мне гораздо больше, чем та, которой я жил раньше. Но я вернулся на родину, чтобы сразиться против Канута. Когда Англия покорилась Кануту, тот доверил мне руководство своими войсками. В результате я оказался между двумя огнями. Датчане завидовали почету, оказанному саксу, который еще недавно сражался против них. Саксы же помнили, что я в свое время был изгнан из Уэссекса, и считали оскорбительной необходимость подчиняться мне. И вот однажды, когда на одном из пиров саксонский тен и датский ярл схватились за мечи, чтобы расправиться со мною, я не стерпел и убил обоих. Так Англия... была вновь... для меня... потеряна... и я вернулся... вернулся...

— Перепил малость,— пробурчал Турлоф.— Ладно, пусть выспится, я покараю.

Не успев вымолвить эти слова, он почувствовал вдруг накатившую на него безмерную усталость. Турлоф откинулся на спинку кресла. Его веки слипались, а сон, вопреки всем усилиям воли, затягивал дымкой мозг. Он спал и видел сон. Одна из тяжелых занавесок на стене внезапно всколыхнулась, и из-за нее высунулась морда жуткого чудовища. Турлоф безучастно смотрел на его истекающую слюной пасть с огромными желтыми клыками. Он знал, что спит, и его удивляла необыкновенная

жизнеподобность кошмара. Фигура чудовища, коренастая и гротескно перекошенная, отдаленно напоминала человеческую, но вместо лица на кельта щерилась отвратительная морда бестии, на которой под сильно выдающимися надбровными дугами блестели маленькие, налитые кровью глаза.

Чудовище бесшумно подкралось к далкасецу. Когда лапы монстра потянулись к горлу Турлофа, тот вдруг с ужасом понял, что это вовсе не сон, отчаянным усилием воли сорвал с себя опутавшие его невидимые узы и метнулся в сторону, лапы чудовища сомкнулись в пустоте, но кельт, несмотря на всю свою ловкость, не сумел избежать их кошмарных объятий и секундой позднее уже летел на пол, отчаянно пытаясь вывернуться из стального захвата.

Схватка разворачивалась в абсолютной тишине, прерываемой лишь тяжелым дыханием обоих противников. Турлоф успел пропихнуть левое предплечье под обезьянью морду и из последних сил старался удержать гигантские клыки подальше от своего горла, на котором уже сжимались пальцы чудовища. Ателстейн спал по-прежнему, развалясь в кресле.

Турлоф попытался крикнуть, но не сумел этого сделать — косматые лапы по капле выдавливали из него жизнь. Контуры комнаты растворялись в алой мгле, клубившейся перед глазами, он уже ни на чем не мог сосредоточить взгляда. Кельт стиснутой в кулак правой ладонью, словно железным молотом, колотил по рвущейся к горлу слюнявой пасти.

Под его ударами трещали зубы бестии, потоком лилась кровь, но все так же зловеще блестели глаза чудовища и костистые пальцы сжимались сильнее и

сильнее... пока колокол в ушах Турлофа не возвестил о том, что душа покидает тело.

Когда он уже погружался в полубытье, его безжизненно упавшая ладонь наткнулась на предмет, в котором его мозг воина, несмотря на отупление, узнал кинжал, оброненный Ателстейном. Турлоф собрал остаток сил и ударил вслепую. Страшные пальцы ослабили давление, и в тело воина вернулась жизнь.

Кельт рванулся и подмял под себя противника. Сияясь разглядеть сквозь постепенно тающий алый туман бьющееся под ним тело обезьяночеловека, он раз за разом по самую рукоять вонзал в него кинжал, пока наконец чудовище не обмякло и не перестало шевелиться.

Далказианин с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, в горле колотило, все мышцы дрожали. Он постепенно приходил в себя. Из ран на шее текла кровь. Турлоф с удивлением отметил, что сакс все так же спокойно спит, и вновь почувствовал, что и его подхватывает волна необычайной усталости.

Он нащупал топор, с трудом стряхнул с себя сонливость и направился к занавеске, из-за которой появился обезьяночеловек. Исходившая оттуда энергия была, казалось, физически ощутимой. Он чувствовал бешено атаковавшую его мозг чужую волю, она угрожала его душе, пыталась поработить тело и разум.

Дважды он поднимал руку и дважды она бессильно падала. Турлоф вынудил ее подняться в третий раз и всем телом обрушился на кусок ткани, срывая его со стены. Лишь мгновение видел он странную полунагую фигуру человека в пелерине и головном уборе из перьев попугая. А затем, когда его с неве-

роятной силой ударил гипнотический взгляд противника, он зажмурился и махнул топором наобум. Лишь почувствовав, что острое увязло в чем-то, он открыл глаза и посмотрел на лежавшее у его ног в быстро растущей луже крови мертвое тело с раскроенным черепом.

Ателстейн сорвался с места, хватаясь за меч.

— Что? — воскликнул он, окинув комнату ошмелым взглядом. — Турлоф, что тут происходит? Это же жрец, клянусь кровью Тора! А там что за чудовище?

— Один из демонов этого проклятого города, — ответил кельт, вытаскивая застрявшее в черепе жреца лезвие топора. — Похоже, Готану опять не повезло. Этот вот тип стоял за занавеской и колдовал. Это он наслал на нас сон...

— Точно, я спал, — сакс озадаченно покрутил головой. — Но как они попали сюда?

— Где-то здесь есть тайный ход, только я никак не могу его найти...

— Слышишь?!

Из комнаты королевы донесся невнятный шум. Он был настолько слабым, что за ним чудилось нечто страшное.

— Брунгильда! — крикнул Турлоф.

Ему ответил странный булькающий звук. Кельт навалился на дверь, но она оказалась запертой. Когда далказианин взметнул было топор, чтобы прорубить вход, рука Ателстейна отодвинула его в сторону.

Великан ударил в дверь всей тяжестью своего тела. Та разлетелась в щепки, и сакс с рычанием ворвался в комнату. Следовавший за ним Турлоф выглянул из-за плеча великана, и волосы зашевелились на его голове. Брунгильда, королева Бэл-

Сагота, беспомощно извивалась в лапах какого-то немыслимого черного создания.

Огромная зловещая тень обратила к ним холодные блестящие глаза, и кельт понял, что это не призрак, а действительно живое существо. Чудовище стояло на двух массивных, словно бревна, ногах, но фигурой оно не походило ни на человека, ни на зверя, ни на дьявола, каким его представлял себе далкасец. Турлоф догадался: вот он, тот самый монстр, которого боялся даже всемогущий Готан, чудовище, сотворенное демоническим гением старца в подземных пещерах, результат скрещивания неведомых обитателей преисподней с человеком и зверем.

Брунгильда билась в мерзких объятиях чудовища, а когда оно сняло с ее белой груди свою бесформенную лапу, чтобы защититься от вторгшихся врагов, из бледных уст девушки вырвался такой вопль, что у людей заложило уши. Ателстейн, казавшийся карликом по сравнению с нависшей над ним черной тенью, не колебался ни секунды. Сжав обеими руками рукоять меча, он ткнул им снизу вверх.

Клинок вонзился в бесформенное тело, и когда сакс вытащил его, из разверзшейся дыры ударил поток черной крови. Чудовище взревело так, что эхо прокатилось по дворцу, оглушив всех его обитателей.

Турлоф подбежал с занесенным для удара топором, но тварь уже выпустила из лап девушку и, пошатываясь, на подгибающихся ногах, исчезла в черной дыре, зиявшей в одной из стен. Обезумевший от ярости Ателстейн бросился за нею. Далказианин хотел последовать за товарищем, Брунгильда бросилась ему на шею.

— Нет! — крикнула она, и пламя ужаса полыхнуло в ее глазах. — Не ходи туда! Этот туннель ведет напрямик в ад. Сакс никогда не вернется! Я не хочу, чтобы и тебя постигла та же участь!

— Пусти же меня, женщина! — рывкнул Турлоф, пытаясь высвободиться из крепких объятий. — Ателстейн один, и ему нужна помощь.

— Подожди, я позову стражу! — успела еще крикнуть Брунгильда, но Турлоф отпихнул ее в сторону и помчался к входу в туннель.

Брунгильда ударила в ядеитовый гонг, его звуки разнеслись по всему дому. Из коридора уже слышался громкий стук в дверь.

— Что случилось, моя королева? — вопрошал голос Зомара. — Должны ли мы взломать дверь?

— Быстрее! — крикнула она и, подбежав к двери, распахнула ее настежь.

Турлоф бежал по туннелю. Еще некоторое время до его ушей доносилось рычание смертельно раненого чудовища и яростные вопли Ателстейна, но вскоре и они стихли. Где-то далеко впереди мерцал тусклый свет. Далказианин прибавил шагу и вскоре оказался в узком переходе, освещенном пылающими в нишах факелами. У стены лежал лицом вниз бронзовокожий жрец в пелерине из пестрых перьев, его череп был расколот пополам.

Турлоф уже потерял счет головокружительным поворотам подземного коридора, то тут, то там открывались новые, более узкие ходы, но он не обращал на них внимания, держась главного. Свернув в очередной раз, он проскочил под крутым изгибом арки и оказался в огромном зале.

Массивные черные колонны подпирали свод на такой высоте, что он казался черным облаком, висящим на ночном небе. За мрачным, измазанным

кровью алтарем возвышалась огромная статуя, омерзительная и зловещая.

Бог Гол-горот! Это мог быть только он! Далказианин удостоил только беглым взглядом маячившее в полутьме изваяние, его внимание было целиком приковано к необыкновенной сцене, свидетелем которой он стал. Спиной к нему, опираясь на огромный меч, стоял Ателстейн. Он, не отрываясь, смотрел на то, что в луже крови валялось у его ног. Неведомые заклятия породили на свет божий Черное Чудовище, но единственного удара доброго английского клинка оказалось достаточно, чтобы отправить его туда, откуда оно выползло — в преддверие ада. Чудовище лежало на трупе последней своей жертвы: худого, седобородого старца, из глаз которого даже после смерти продолжало излучаться зло.

— Готан! — воскликнул изумленный Турлоф.

— Да, это он, — подтвердил сакс. — Я гнался за троллем, или кем он там был, и это, надо сказать, давалось мне с немалым трудом: тот мчался, не смотря на свою гигантскую тушу, словно олень. Один из этих парней в плащах из перьев попытался было преградить ему путь, но монстр на ходу прихлопнул его, словно муху. Когда мы ввалились в храм, я уже догонял его, но он, клянусь Тором, не обратил на меня никакого внимания, а сразу метнулся к этому старику, что стоял у алтаря, взвыл отчаянно, разорвал колдуна на куски — и тут же издох, сам по себе. Все это длилось мгновение, я даже меча не успел поднять.

Кельт внимательно посмотрел на монстра. Даже теперь, глядя в упор, он лишь приблизительно улавливал контуры его фигуры. Создавалось только туманное впечатление чего-то огромного, насыщен-

ного нечеловеческим злом. Несомненно, в момент своего рождения в бездонных пропастях мрака его осеняли черные крылья дьявола, и ужасная душа безымянного демона жила в его теле.

Тем временем из темного коридора выскочила Брунгильда, за нею бежали Зомар и стражники. Из ведущих в храм черных туннелей появились и другие люди: жрецы в пелеринах из перьев и вооруженные воины. В конце концов в Храме Тьмы скопилась целая толпа.

Королева мгновенно оценила значение того, что произошло, и глаза ее полыхнули дикой радостью.

— Наконец-то! — воскликнула она, поставив ногу на труп главного своего врага. — Наконец-то вся власть в моих руках! Теперь секреты тайных дорог принадлежат мне и только мне! Готан захлебнулся собственной кровью!

Она в яростном упоении вскинула вверх руки и подскочила к монументу бога Тьмы, забрасывая его проклятиями. И в этот миг пол под ногами собравшихся дрогнул. Огромная статуя покачнулась и свалилась с пьедестала. Турлоф ахнул и рванулся было вперед, но Гол-горот уже рухнул на замершую без движения девушку с таким грохотом, словно весь мир разбивался вдребезги. Гигантское изваяние разлетелось на тысячи обломков, навсегда погребая под собой ту, что называла себя королевой Бэл-Сагота. Лишь широкая струйка крови выплыла из под кучи, когда немного улеглась пыль.

Воины и жрецы стояли, не в силах сдвинуться с места, оглушенные грохотом и ошеломленные катастрофой. Ледяные пальцы ужаса шарили по затылку Турлофа. Неужели рука мертвеца толкнула эту огромную статую? Когда изваяние падало, кельту показалось, что его каменные черты на мгнове-

ние дрогнули, превращаясь в страшное лицо мертвого Готана.

Все еще молчали, когда Гелка решил воспользоваться предоставившейся возможностью.

— Гол-горот возвестил свою волю! — взвизгнул он. — Бог Тьмы раздавил лжебогиню! Она была простой смертной! И эти двое тоже смертны! Смотрите, у него кровь!

Жрец размазал пальцем кровь, вытекавшую из раны на шее Турлофа. Толпа взвыла. Ошеломленные происходящим, сбитые с толку люди напоминали волков, они готовы были утопить в крови все свои страхи и сомнения. Гелка, взмахнув блестящим топориком, набросился на Турлофа, один из его сторонников вогнал нож в спину Зомара.

Кельт не понимал того, о чем кричал жрец, но чувствовал смертельную угрозу, нависшую над ним и Ателстейном. Он свалил на пол атакующего Гелку, одним ударом разрубив и плюмаж из перьев попугаев, и прикрытую им голову жреца. Секундой позже дюжина дротиков ударила о щит Турлофа, а напор толпы прижал кельта к огромной колонне. За ту короткую долю секунды, что длилось это событие, Ателстейн, соображавший медленнее своего товарища, пришел в себя и взорвался яростью. Дико рыча, великан подхватил свой гигантский меч и крутнул им над головой. Лезвие со свистом отрубило голову, рассекло грудную клетку и увязло в позвоночнике. Три трупа свалились друг на друга, и все, видевшие это, ахнули, изумленные невероятной силой удара.

Однако, несмотря на это, обезумевшие обитатели Бэл-Сагота, подхваченные волной слепой ярости, хлынули на врага. Стражники погибшей королевы были вырезаны мгновенно, не имея даже малейшей

возможности защититься. Гораздо сложнее оказалось справиться с белыми воинами. Прижавшись друг к другу спинами, они кололи и рубили; меч Ателстейна метался молнией, топор Турлофа громом разил сверху и змеей жалил снизу. Окруженные со всех сторон морем безумных бронзовых лиц и сверкающих лезвий, они постепенно прорубили себе дорогу к выходу. Воинам Бэл-Сагота мешала сама их численность, они натывались друг на друга, и клинкам белых воинов не составляло труда находить себе поживу.

Оставляя по бокам громадный вал трупов, оба компаньона медленно двигались к выходу. Храм Тьмы, и до того видевший немало крови, теперь был забрызган ею чуть ли не до потолка, она лилась и лилась, словно в жертву низринутым богам. Тяжелое оружие белых воинов сеяло опустошение среди нагих противников. Доспехи спасали их тела от ответных ударов, зато руки, ноги и лица истекали кровью, хлеставшей из многочисленных ран и порезов. Казалось, враги задавят белолицых одной лишь массой, прежде чем тем удастся прорубиться к выходу.

Но дверь уже была рядом. Бронзовокожие воины теперь не могли атаковать со всех сторон и поневоле отхлынули, чтобы перевести дух. У порога остался лежать штабель изрубленных трупов. В ту же секунду Ателстейн и Турлоф проскочили в туннель и, подхватив створки тяжелых ворот, захлопнули их перед вновь пришедшими в движение врагами.

Ателстейн, упершись в пол могучими ногами, удерживал дверь под напором яростно кричавших преследователей до тех пор, пока Турлоф не нашел и не задвинул массивный засов.

— О Тор! — прохрипел сакс и стряхнул кровь с лица. Ее капли алым дождем окропили пол. — Славная была сеча! Что будем делать дальше, Турлоф?

— Быстрее, уходим! — бросил ему кельт. — Если они подтянутся с той стороны, то возьмут нас в клещи у этих дверей. О Господи, похоже весь город восстал. Ты послушай, как там орут!

Действительно, когда они бежали по туннелю, им начало казаться, что пламя гражданской войны охватило уже весь Бэл-Сагот. Они слышали звон стали, крики мужчин, вопли женщин и детей и заглушающий все иные звуки пронзительный вой. Уже в конце туннеля они увидели на его стенах багровые отблески, а когда кельт свернул за угол и выскочил на открытое пространство, сверху на него свалилась едва заметная в темноте человеческая фигура, и что-то тяжелое с неожиданной силой ударило прямо в щит.

Турлоф едва не упал, но сумел выпрямиться и ответить ударом на удар. Меньшее лезвие топора вонзилось в тело противника под самым сердцем, и тот рухнул наземь. В мерцающем свете пожарища кельт с удивлением заметил, что его жертва принадлежит к иной расе, нежели бронзовокожие воины, с которыми он сражался до сих пор. Этот убитый им мужчина был нагим, мускулистым, его кожа имела оттенок скорее меди, чем бронзы. Обезьянья челюсть, выдвинутая вперед, и покатым лоб никак не характерны были для потомков древней расы строителей и мореплавателей, живших в Бэл-Саготе, и свидетельствовали лишь о тупой жестокости. Рядом с трупом лежала тяжелая, примитивно сработанная палица.

— Клянусь Тором! — крикнул Ателстейн. — Город горит!

Турлоф огляделся по сторонам. Они стояли на чем-то вроде внутреннего дворика, чуть возвышавшегося над всем прочим, широкая лестница соединяла его с улицей. С этого места они, словно с наблюдательного пункта, могли во всех подробностях видеть страшный конец города Бэл-Сагота. Языки пламени тянулись к небу, и в их багровых отблесках маленькие людские фигурки беспорядочно метались, падали и замирали без движения — словно марионетки, танцующие в ритме мелодии Черных Богов. Сквозь гул пожара и грохот падающих стен до них долетали лишь предсмертные крики побежденных и радостные вопли победителей. Улицы кишели нагими дьяволами, которые жгли, насиловали, убивали, сметая все на своем пути.

Краснокожие с островов! Тысячи их высадились этой ночью на Острове Богов! Белые воины так никогда и не узнали, что помогло дикарям перебраться через стены — хитрость или предательство кого-то из защитников, — но теперь они мчались по усеянному трупами улицам, досыта утоляя свою жажду убивать. Не все трупы на залитых кровью улицах были бронзовокожими. Защитники обреченного города сражались с отвагой отчаяния, но враг намного превышал их численностью, подкрепленной внезапностью нападения, и все их мужество ничем не могло им помочь. Краснокожие были хуже алчущих тигров.

— Ты только посмотри, Турлоф! — воскликнул Ателстейн. Он стоял с развевающейся на ветру бородой, и в глазах его плясало пламя. Безумие разворачивающихся событий зажгло тот же огонь и в его душе. — Конец света! Давай его ускорим! Все равно ведь погибать, так напоим досыта наши клинки! Чью сторону возьмем, красных или бронзовых?

— Успокойся! — рявкнул кельт. — И те, и другие с удовольствием вцепятся нам в горло. Пробьемся к воротам, а там — ходу. У нас нет здесь друзей. Туда, по лестнице. Вон, над крышами виден край ворот.

Они сбежали по лестнице, свернули в узкую улочку и помчались в ту сторону, куда указывал далкасец. Вокруг бушевала резня. Дым теперь застилал все вокруг, люди беспорядочно метались в нем, сшибались и разлетались, оставляя на потрескавшихся плитах окровавленные тела. Все это напоминало кошмарный сон, в котором плясали и прыгали демоны, выныривавшие внезапно из подсвеченных пожаром клубов дыма и столь же внезапно в них исчезающие. Полыхавшие со всех сторон языки пламени касались кожи бегущих воинов, опаляли волосы. С ужасающим грохотом проваливались крыши, и рассыпающиеся стены наполняли воздух градом смертоносных обломков. Враги нападали вслепую, и оба воина убивали всех подряд, не обращая внимания на цвет кожи.

В реве сражения появился новый тон. Ослепленные дымом, залпывавшие в кривых улочках, краснокожие попали в собственные сети. Огонь жжет без разбору и жертву, и поджигателя, падающая стена слепа. Краснокожие побросали свою добычу и взвыли от ужаса, не видя пути к спасению. Многие из них, отчаявшись его найти, за последние минуты, что им остались, утроили усилия, стараясь забрать с собой на тот свет как можно больше врагов.

Турлоф, руководствуясь лишь инстинктом да тем опытом, что человек приобретает, когда ведет волчью жизнь, неудержимо рвался к тому месту, где, по его расчетам, должны были находиться ворота.

Улочки, однако, были столь запутанными, а дым настолько густым, что и кельта в конце концов начали обуревать сомнения.

Вдруг ужасный вопль вырвался из слабо освещенной багровыми отблесками тени. Оттуда выбежала, шатаясь, нагая девушка и припала к ногам кельта. Из раны на ее груди толчками лилась кровь. Измазанный с ног до головы кровью дьявол, что бежал, воя во весь голос, следом за нею, с ходу залюбил ей голову назад и чиркнул ножом по горлу. Долю секунды спустя его собственная голова, снесенная с плеч топором далкасца, покатилась, щеря зубы, по земле.

В тот же миг внезапный порыв ветра развеял застилавший все вокруг дым, и оба товарища увидели прямо перед собой открытые настежь ворота, в которых клубились краснокожие. Белые воины с диким ревом бросились в атаку. Усеяв проход телами, они прорубились по ту сторону крепостной стены и помчались к видневшейся вдали кромке леса. Приближавшийся рассвет окрашивал небо в розовый цвет, позади ревел пожар и кричали люди.

Они бежали, как загнанные волки, лишь на короткое время останавливаясь в густых подлесках, чтобы отдохнуть и укрыться от глаз все еще подтягивавшихся к городским воротам толп дикарей. Их вожди, чтобы быть уверенными в победе, вероятно, собрали всех воинов на многие сотни миль в округе.

Наконец они добрались до леса, преодолели его и вздохнули с облегчением, выскочив на берег моря. Берег был пуст, если не считать лежавших на нем в огромном количестве увешанных черепами боевых челнов дикарей.

Ателстейн, тяжело дыша, опустил на песок.

— Кровь Тора! Ну, и что теперь? Все, что мы можем, это прятаться в лесу, пока не попадем в лапы к проклятым дикарям.

— Помоги мне спихнуть эту лодку на воду, — бросил далкасец. — Рискнем и выйдем в открытое...

— Ха! — сакс вскочил на ноги и протянул руку. — Кровью Тора клянусь, корабль!

Только что взошедшее солнце золотой монетой блеснуло на горизонте, и на его фоне отчетливо выделялся силуэт корабля с высоко поднятой кормой. Друзья побежали к ближайшему из челнов и спихнули его на воду. Они нажали на весла, крича и подпрыгивая, чтобы обратить на себя внимание команды. Могучие мышцы толкали лодку с невероятной силой, и вскоре челн уже был у борта корабля. Через релинг перевесился смуглый воин в кирасе.

— Испанцы, — пробурчал Ателстейн. — Если они меня узнают, то лучше бы мне остаться на острове.

Однако он без малейших колебаний резво вскарабкался по якорной цепи на борт. Несколько секунд спустя они оба стояли перед худощавым серьезным человеком, облаченным в доспехи астурийского рыцаря. Он заговорил по-испански, и Турлоф сразу же ответил, поскольку, как и большинство людей его расы, был прирожденным полиглотом, немало путешествовал и говорил на многих языках. Кельт в нескольких словах изложил то, что с ними приключилось, и объяснил, откуда взялся столб дыма, возносившийся над островом.

— Скажи ему, что там сказочные сокровища, — вмешался Ателстейн. — Расскажи о серебряных воротах.

Однако когда Турлоф начал описывать бесценную добычу, поджидавшую их в гибнущем городе, испанец покачал головой.

— Благородные доны, у меня нет ни времени, ни людей, чтобы терять их понапрасну. Ведь эти краснокожие дьяволы, судя по тому, что вы о них рассказываете, просто так нам сокровища не отдадут, пусть даже они им совершенно ни к чему. Меня зовут дон Родриго дель Кортес, я родился в Кастилии, а это мой корабль «Францисканец», который входит в флотилию, отправившуюся на поиски мавританских корсаров. Несколько дней тому назад мы в пылу сражения отделились от эскадры, а буря, затем разразившаяся, согнала нас далеко с курса. Теперь мы пытаемся догнать остальных. Но даже если нам это не удастся, мы будем в одиночку терзать неверных, где только сможем. Я служу Богу и королю и не могу отвлекаться ради мусора, пусть даже золотого, как вы мне предлагаете. Но я сердечно приветствую вас на борту моего корабля. Нам нужны люди, опытные в военном деле, а вы, похоже, из таких. Вы не пожалеете, если присоединитесь к нам, чтобы во имя Господа нашего Иисуса Христа дать добрую трепку мусульманам.

Приглядевшись к худошавому, аскетичному лицу с глубоко сидящими черными глазами и узким носом, Турлоф понял, что перед ним фанатик, борец за идею, рыцарь без страха и упрека.

— Этот человек безумен, — сказал он Ателстейну, — но с ним нас ждут жестокие сражения и дивные страны. Впрочем, у нас нет выбора.

— Таким бродягам, как мы, все едино, куда плыть, — подтвердил могучий сакс. — Скажи ему, что мы готовы отправиться с ним даже в ад и что мы

непременно подпалим хвост дьяволу, если это увеличит нашу долю добычи.

4

Турлоф и Ателстейн стояли, опершись на релинг, и смотрели на быстро удалявшийся Остров Богов. Над ним возносился столб дыма, насыщенного призраками тысяч столетий, тенями и секретами древней империи. Ателстейн выругался.

— Какие пропали сокровища! — воскликнул он. — И в результате такой катавасии ни крохи в наших руках не осталось!

Турлоф покачал головой.

— Мы видели гибель древнего королевства, видели, как последний бастион старейшей в мире империи утонул в огне и бездне забвения, а над его руинами подняло свою тупую голову варварство. Так проходит мирская слава и блекнет императорский пурпур — в алых языках пламени и в желтом дыму.

— Но чтобы ни крохи... — уныло повторил великан.

Далказианин вновь покачал головой.

— Я все же прихватил с собой самое ценное из этих сокровищ — такое, ради чего погибали мужчины и женщины и кровь рекой лилась по улицам.

Он вытащил из-за пояса небольшой предмет — прекрасной работы жадеитовый амулет.

— Символ королевской власти! — воскликнул Ателстейн.

— Да! Когда ты побежал за Черным Чудовищем, я устремился следом, но Брунгильда вцепилась в меня и не пускала, поскольку боялась, что назад я

уже не вернусь. Я вырвался из ее рук, но амулет при этом зацепился за кольчугу, и я так и помчался с ним тебе на подмогу.

— Тот, кто носит эту безделушку, владеет Бэл-Саготом! — восторженно заревел сакс. — Я тебе говорю, Турлоф, ты теперь точно — король!

Далказианин горько рассмеялся и показал на столб дыма, маячивший далеко на горизонте.

— Да, король королевства мертвецов, император империи дыма и призраков. Я король Бэл-Сагота, и ветер разносит мое королевство по утреннему небу. И тем оно похоже на все иные империи в этом мире — все они только сон и дым.

ШЕСТВУЮЩИЙ ИЗ ВАЛГАЛЫ

И

бо пылало — мрачное, отталкивающее, цвета потускневшей вороненой стали, исполосованное матовыми потеками.

И на фоне этого мутного красноватого пятна крошечными казались невысокие холмы — пики этого плоскогорья, безотрадной равнины с наносами песка и зарослями мескита, равнины, расчерченной квадратами бесплодных полей, где фер-

меры-арендаторы, как ни надрывались, все равно влачили нищенское существование. Вся их жизнь проходила в бесполезных трудах и горькой нужде.

Я доковылял до холма, который казался выше остальных. С двух сторон к нему подступали сухие заросли мескита. Открывшаяся впереди панорама страшной бедности и мрачного запустения ничуть не приободрила меня. Я тяжело опустился на трухлявую колоду, и накатил волна тягостной меланхолии.

Красное солнце за пеленой пыли и прозрачными облаками застыло над краем западного горизонта, их разделяла полоска неба не шире ладони. Но закат ничуть не украсил песчаные наносы и заросли. Хмурый вид солнца лишь подчеркивал никчемность и заброшенность этого полудикого края.

Неожиданно я сообразил, что нахожусь на вершине не один. Из густых зарослей вышла женщина. Она остановилась, глядя прямо на меня. Я же зачарованно смотрел на нее. В жизни я так редко встречался с красотой, что не научился узнавать ее с первого взгляда. Однако в тот раз мигом понял, что эта женщина — настоящая красавица. Не слишком низкая и не слишком высокая. Фигура — просто загляденье.

Не возьмусь описать ее платье. Смутно припоминаю, что одежда выглядела богато, но скромно. Хорошо я запомнил только необычную красоту ее лица в обрамлении темных волнистых локонов. Ее глаза притягивали мой взгляд как магнит. Но не скажу вам, какого они были цвета. Кажется, темные, блестящие... Во всяком случае, они ничуть не походили на глаза всех тех женщин, что я встречал на своем веку. Она заговорила, и звонкий голос со

странным акцентом показался мне неземным — подобное чувство возникает, когда слышишь перепевы далеких колоколов.

— Почему ты так нервничаешь, Хьяльмар?

— Мисс, вы обознались, — ответил я. — Меня зовут Джеймс Эллисон. Кого-то ищете?

Она отрицательно покачала головой.

— Я пришла снова посмотреть на эти места. Не думала, что найду здесь тебя.

— Не понимаю. — Я порядком удивился. — Никогда вас прежде не видел. Вы местная? У вас странный выговор, не похож на техасский.

Она вновь медленно покачала головой.

— Нет, я не местная. Но в давние времена долго прожила в этих краях.

— На вид вы не такая уж старая, — сказал я, не кривя душой. — Извините, что не встаю. Сами видите, нога у меня только одна, и путь сюда мне дался нелегко.

— Да, жизнь обошлась с тобой сурово, — тихо произнесла незнакомка. — Я с трудом узнала тебя. Твой облик сильно изменился.

— Должно быть, вы меня видели до того, как я потерял ногу, — с горечью произнес я. — Хотя готов поклясться, я вас не помню. Мне ведь всего четырнадцать было, когда на меня упал мустанг и так разmozжил ногу, что пришлось ее отрезать. Ей-Богу, подчас я жалею, что это случилось с ногой, а не с шеей.

Вот так калеки иногда говорят с совершенно незнакомыми людьми. Даже не для того, чтобы вызвать сочувствие. Скорее, чтобы дать выход отчаянию.

— Не горюй, — ласково сказала девушка. — Жизнь отнимает, она же и дарует...

— Только не читайте мне проповеди о смирении и терпении! — рассердился я. — Будь у меня силенки, взял бы да передумал проклятых болтунов-оптимистов! Не горюй, ишь ты... Чего еще мне ждать, кроме смерти от неизлечимой хвори? Светлых воспоминаний не осталось, будущее не сулит ничего, кроме нескольких лет боли и горя. А потом — мрак, полное забытие. В моей жизни не было ничего хорошего, вся она прошла в этом убогом краю...

Плотину моей сдержанности прорвало, и все, накопившееся за долгие годы, разом выплеснулось. Мне даже не казалось странным, что я раскрываю душу перед незнакомкой, женщиной, которую никогда доселе не видел.

— У этих мест есть своя история, — возразила девушка.

— Да. Но я-то к ней не причастен. Может, вы и правы, я бы и тут жил не тужил, но это если б я был ковбоем. Увы, эта земля не приглянулась скотоводам, а скваттеры превратили ее в скопище убогих ферм. С индейцами здесь не повоюешь, на бизонов не поохотишься, искать золотого или нефть — только время зря терять... Наверное, я родился не в ту эпоху. Но мне недоступны подвиги даже нашего скучного века.

Невозможно передать словами, до чего тяжело быть беспомощным, прикованным к креслу инвалидом, и чувствовать, как сохнет в жилах горячая кровь, а в голове тускнеют сверкающие мечты. Мои предки — народ беспокойный, непоседливый, боевой. Прадед пал в Аламо, когда сражался плечом к плечу с Дэвидом Крокеттом. Дед скакал рядом с Джеком Хейсом и Большеногом Уоллесом, он погиб вместе с тремя четвертями бригады Худа. Са-

мый старший из братьев убит при Вайми-Ридже, в стычке с канадцами, а другой погиб при Аргонне¹. Отец — тоже калгана. Он день-деньской посапывает в кресле, но его сны заполнены прекрасными воспоминаниями, к примеру, о том, как пуля пробила ему ногу, когда он атаковал холм Сан-Хуан.

— Но мне-то что вспоминать, о чем мечтать или думать?

— Тебе следовало бы помнить, — тихо произнесла незнакомка. — Даже сейчас воспоминания должны настигать тебя, точно эхо далекой лютни. Я-то помню! Помню, как умоляла тебя на коленях и ты пощадил меня... Да, я помню грохот, когда разверзлась земля... Неужели тебе никогда не снилось, как ты тонешь?

Я вздрогнул.

— Откуда вы знаете? Не раз и не два мне казалось, что бурлящие и пенящиеся воды вздымаются надо мной, словно зеленая гора, и я просыпался, хватая ртом воздух. Я задышался... Но разве можете знать об этом вы?

— Тела меняются, а души остаются прежними, — загадочно ответила она. — Даже мир во власти перемен. Ты прав, эта земля выглядит безотрадно, однако ее прошлое древнее и чудесней, чем у Египта.

Дивясь, я покачал головой.

— Из нас двоих кто-то сумасшедший, либо вы, либо я. Конечно, у Техаса есть славные воспоминания. Тут шла война... Но что такое несколько сто-

¹ Аргонн — местность (плоскогорье) во Франции, где во время Первой Мировой войны происходили ожесточенные бои. (Прим. автора.)

летий истории по сравнению с египетской древностью? Я имею в виду настоящую древность.

— В чем особенность этого штата? — спросила женщина.

— Не знаю, что именно вы имеете в виду, — ответил я. — Если особенности геологического строения, то мне лично кажется удивительным, что этот край представляет собой скопление обширных плоскогорий, или террас, поднимающихся от уровня моря на четыре тысячи футов, точно ступени гигантской лестницы. И друг от друга их отделяют поросшие лесом кряжи. Последняя такая гряда — Кэпрок, а за ней начинаются Великие Прерии.

— Некогда Великие Прерии тянулись до Залива¹, — сказала она. — В давние-предавние времена страна, которую теперь называют штатом Техас, представляла собой одно огромное плато. Оно тоже опускалось к побережью, но не уступами, а полого. И горных хребтов тогда не было. Случился страшный катаклизм, тектонический разлом прошел по линии, где сейчас стоит Кэпрок, и на опустившуюся сушу с ревом хлынул океан. Затем, век за веком, воды постепенно отступали, оставляя земли такими, как они выглядят сейчас. Но, отступая, вода унесла в глубины Залива много любопытных вещей... Да неужели ты не помнишь! Неужели забыл огромные прерии до утесов над сверкающим морем? А над этими утесами — великий город?

Я недоуменно смотрел на незнакомку. И тут вдруг она нагнулась ко мне, и меня захлестнула волна непривычных чувств — наверное, подейство-

¹ Имеется в виду Мексиканский залив. (Прим. переводчика.)

вала близость ее дивной красоты. Незнакомка сделала странный жест.

— Ты увидишь! — выкрикнула она. — Ты уже видишь... Что ты видишь?

— Вижу песчаные наносы и мрачный закат над мескитом, — произнес я медленно, как человек, погружающийся в транс. — Вижу, как солнце садится на западном горизонте.

— Ты видишь огромные прерии до сияющих утесов! — воскликнула она. — Видишь окрашенные закатом шпили и золотой купол города? Видишь...

Внезапно наступила ночь. На меня обрушилась волна темноты и нереальности, она поглотила все, кроме голоса женщины, властного, твердого...

Возникло ощущение, что пространство и время тают. Казалось, я кружусь над бездонными пропастями и меня обдувает космический ветер. А потом я смотрел на призрачные облака, они клубились и светились, из них выкристаллизовывался удивительный ландшафт, смутно знакомый... и в то же время фантастически странный. Во все стороны тянулись прерии, сливались в жарком мареве с горизонтом. Вдали, на юге, воздевал шпили на фоне вечернего неба, застыл черный циклопический город, а за ним сияли голубые воды спокойного моря. Неподалеку от меня по прерии двигалась цепочка силуэтов. Это были рослые люди с волосами цвета соломы и холодными голубыми глазами, облаченные в чешуйчатые кольчуги и рогатые шлемы, со щитами и мечами в руках.

Один из них отличался тем, что был невысок, хотя и крепкого телосложения, и темноволос. А шедший рядом с ним рослый блондин...

На какой-то миг возникло отчетливое ощущение двойственности. Я, Джеймс Эллисон из двадца-

того столетия, увидел и узнал того воина, который был мною в тот неведомый век и в той призрачной стране. Иллюзия растаяла почти мгновенно, но я уже твердо знал, что когда-то был Хьяльмаром, сыном Пламенноволосяного... Хьяльмаром, который не ведал иных своих инкарнаций — ни былых, ни грядущих.

Однако, повествуя о Хьяльмаре, я буду вынужден описывать кое-что из того, что он видел, делал и ощущал, словами современного человека. Но помните, что Хьяльмар был Хьяльмаром, а не Джеймсом Эллисоном. Он ничего не знал сверх того, что вмещал опыт, ограниченный сроком его жизни. Я — Джеймс Эллисон, и я был Хьяльмаром, но Хьяльмар-то не был Джеймсом Эллисоном. Человек может увидеть прошлое десятилетиями давности, но не в силах заглянуть в будущее даже на кратчайший миг.

...

Нас было человек пятьсот, и мы не сводили глаз с черных башен, что высились на фоне одинаково голубых моря и неба. Весь день, с той минуты, как первые сполохи зари открыли эти башни нашим удивленным взорам, мы шли к городу. Травянистая равнина позволяла видеть далеко.

Завидев город впереди, мы решили, что до него рукой подать, и жестоко обманулись. Целый день шагали мы по прерии, и нас по-прежнему отделяло от него много лиг. Мы решили было, что это город-призрак, вроде миражей, что являлись нам на западе. Не раз в долгом странствии по знойным пустыням мы видели в пыльных небесах озера с неподвижной водой, окруженные пальмами, извилистые реки и просторные города, неизменно ис-

чезавшие, когда мы приближались. Однако на этот раз перед нами был не мираж, порожденный солнцем, пылью и безмолвием. В ясном вечернем небе мы отчетливо видели каждую деталь гигантской зубчатой башни, мрачного контрфорса и титанической стены.

В котором же из далеких веков я, Хьяльмар, вместе с моими соплеменниками шагал по этим прериям к безымянному городу? Не могу сказать. Знаю только, что это было давно. В Нордхейме тогда жили люди с волосами цвета соломы. Звались они не арийцами, а рыжими ванами и златокудрыми асами. Это было до великого переселения, когда мой народ распространился по всему миру. И все же переселения поменьше уже начались. Мы не один год провели в пути, далеко ушли от своей северной отчизны. Теперь нас разделяли земли и моря. О, этот долгий-предолгий путь! С ним не сравнятся никакие миграции народов, даже те, что стали эпическими. Мы совершили почти кругосветное путешествие — от снегов севера до всхолмленных равнин юга. Мы побывали в горных долинах, где трудились мирные земледельцы с коричневой кожей. Довелось нам посетить и жаркие, душные джунгли, где смердит гниль и кишит живность, и восточные страны, где под колышавшимися ветвями пальм распускаются яркие цветы, где в городах из тесаного камня живут древние народы. И мы вернулись в царство снегов, переправились через замерзший пролив, а потом шли по ледяной пустыне. Коренастые пожиратели ворвани с воплями бежали от наших мечей. Мы продвигались на юго-восток через великие горы и огромный лес — безлюдный, как Рай после изгнания человека. Преодолели мы и раскаленные песчаные пустыни, и бескрайние пре-

рии, и снова увидели море, а перед ним — черный город.

В этом походе многие состарились. Я, Хьяльмар, возмужал. В долгий путь я отправлялся мальчишкой, а теперь был юношей, отважным воином, с сильными руками и ногами, могучими широкими плечами, жилистой шеей и железным сердцем.

Мы все были могучими людьми — богатырями, непостижимыми для современного человека. Никто из ныне живущих не выстоял бы в поединке с самым слабым воином из нашего отряда. Наши могучие мышцы сокращались так стремительно, что нынешние атлеты рядом с нами выглядели бы тяжеловесными, неуклюжими и медлительными. И не только физической силой мы обладали. Дети воинственного племени, мы за годы скитаний и битв с людьми, зверями и стихиями впитали сам дух дикой жизни, неосязаемую силу, ту самую, что звучит в протяжном вое серого волка, реве северного ветра, грозном кипении горных рек, стуке градин, хлопаньи орлиных крыльев; силу, что таится в угрюмом безмолвии бескрайних диких просторов.

Станный это был поход, скажу я вам. Ничего общего с переселениями целых племен. Ни желто-волосых женщин, ни голых детей не взяли мы с собой. В отряде подобрались сплошь жадные до приключений мужчины, которым даже обычаи их бродячего воинственного народа представлялись чересчур мягкими. Мы ступили на путь одиночек; мы покоряли народы, изучали мир и скитались, побуждаемые лишь маниакальным стремлением увидеть, что лежит за горизонтом.

Нас отправило в поход больше тысячи. Черный город увидело лишь пятьсот. Белые кости спутников стали вехами нашего кругосветного пути.

Много вождей возглавляло нас, и все погибли в боях. Теперь нашим предводителем был Асгрим, состарившийся в бесконечных скитаниях, — свирепый воин, поджарый как волк и одноглазый, он вечно грыз свою седую бороду.

Мы происходили из разных родов, но все принадлежали к племени златокудрых асов, за исключением воина, шагавшего рядом со мной. Это был Келка, мой брат по крови — пикт. Он примкнул к нам в поросших джунглями холмах далекой страны, на восточной границе земель, обжитых его народом. Там жаркими звездными ночами гремели барабаны его племени. Ростом он был невысок, зато могучие руки и ноги делали его опасным, как кошка джунглей. Мы, асы, считались варварами, но Келка по сравнению с нами был настоящим дикарем. Большую часть жизни он провел в опасных темных лесах. В его крадущейся походке было что-то от поступи тигра, а в ручищах с черными ногтями — от лап гориллы. В глазах Келки горел огонь, как у взбешенного леопарда.

Мы были жестокой ордой. Позади осталось много стран, где пролились реки крови и отбушевали пожары. Язык не поворачивается рассказать, какие боины и грабежи мы устраивали. Услышав о них, вы в ужасе отшатнетесь. Ваш век намного мягче и благообразней, вам не понять те жестокие времена, когда одна волчья стая рвала другую, а нравы и уклад жизни отличались от бытующих в этом столетии, как мысли серого волка-людоеда отличаются от мыслей дремлющей перед камином упитанной болонки.

Это длинное объяснение я привел, дабы вы поняли, что за люди шли через по равнине к городу, и смогли правильно истолковать то, что случится в

моем рассказе позже. А без такого понимания сага о Хьяльмаре — всего лишь перечень грабежей и кровопролитий.

Глядя на высокие черные башни, мы испытывали трепет. В других странах за морем мы опустошили не один город. Большие потери научили нас избегать, когда можно, сражений с превосходящими силами противника, но страха мы не испытывали. Мы были одинаково готовы и к войне, и к дружескому пиру, это уж как выберут горожане.

Они нас заметили. Мы подошли достаточно близко, чтобы разглядеть сады, поля и виноградники перед стенами, увидеть спешащих к городу крестьян. Мы увидели, как засверкали копья на зубчатой стене и услышали громкий рокот боевых барабанов.

— Быть драке, брат,— гортанно произнес Келка и спокойно надел на левую руку круглый щит.

Мы подтянули пояса и взяли за оружие — не медное и бронзовое, как у наших соплеменников в далеком Нордхейме, а из острой стали. Мы добыли его в стране пальм и слонов, покорив хитрый народец, чьи воины даже со сталью в руках не выдержали нашего натиска.

Мы построились на равнине неподалеку от высоких черных стен, сложенных, по-видимому, из огромных базальтовых блоков. Из наших рядов вышел вперед Асгрим. Он был без оружия. Вождь протянул руки ладонями в сторону города — он желал мира. Но с башни пустили стрелу, она вонзилась рядом с ним в землю, и он отступил к нам.

— Война, брат! — прошипел Келка, в его черных глазах замерцали красные огоньки. В тот же миг огромные ворота распахнулись, из города выступили шеренги воинов с блестящими копьями и колышавшимися султанами на шлемах. Заходящее

солнце полыхало на медных доспехах, начищенных до блеска.

Воины были высокими и поджарыми, с темно-коричневой кожей и хищными, ястребиными чертами. Их доспехи были сделаны из меди и кожи, круглые щиты обтянуты блестящей шагренью. Копья, тонкие мечи и длинные кинжалы были из бронзы. Полторы тысячи воинов наступали, безупречно держа строй... Зрелище, надо сказать, было дивное — вообразите неодолимый поток качающихся султанов и сверкающих каменьев. На зубчатых стенах появились зрители.

Никаких мирных переговоров.

Когда они подошли ближе, старый Асгрим завыл, точно волк, выпедивший на охоту, и мы ринулись в контратаку. Мы не строились в боевые порядки. Просто бежали к ним, как хищные звери к добыче, и вскоре увидели презрение на ястребиных лицах. Темнокожие воины не стреляли из луков, и из наших рядов не вылетело ни одной стрелы, ни одного копья. Единственным нашим желанием было сойтись в рукопашной. Когда мы оказались на расстоянии броска дротика, враги обрушили на нас град копий, но те большей частью отскочили от щитов и кольчуг. А потом мы с глухим гортанным ревом обрушились на ряды защитников города.

Кто сказал, что дисциплина выродившейся цивилизации способна потягаться со свирепостью варваров? Наши противники старались биться как один, а мы сражались каждый за себя, бросались очертя голову прямо на копья, рубили как бешеные. Весь их первый ряд рухнул под ударами наших мечей, а задние шеренги отступили и заколебались. Если б они устояли, то могли бы взять нас в клещи, окружить превосходящими силами и перебить. Но они

не выдержали. Бурей разящих мечей мы прошли сквозь их войско, ломая ряды, ступая по телам убитых. Строй распался. Битва превратилась в бойню. По части силы и свирепости они оказались не чета нам.

Мы косили их, как пшеницу, пожинали, как созревшую рожь! Когда я воскрешаю в памяти ту битву, Джеймс Эллисон во мне уступает место Хьяльмару, объятому безумием, без конца выкрикивающим боевой клич. Я снова пьянею от звона мечей, плеска горячей крови и рева битвы.

Наши враги побежали, бросая копыя. Мы мчались за ними по пятам, гнали их до самых ворот, из которых не так давно вышло это воинство. Ворота затворились у нас перед носом — и перед носом толпы несчастных, искавших спасения от наших мечей. Горожане отрезали путь к спасению своим же воинам, и напрасно те мозжили кулаки о сталь, ломали ногти о черный базальт. Мы перебили всех, кто не успел спастись. Потом и мы стали колотить в ворота, пока град камней и бревен со стен не вышиб мозги трем нашим воинам.

Тогда мы отступили на безопасное расстояние. С улиц города доносился вой женщин, а на стенах выстроились воины и били по нам из луков, не выказывая особой меткости.

От места, где столкнулись войска, до ворот равнину усеяли трупы. Возле каждого нашего мертвеца лежало с полдюжины воинов с султанами на шлемах.

Солнце зашло. Мы разбили примитивный лагерь перед воротами и всю ночь слышали доносившиеся из-за стен завывания и стенания. Это горожанки оплакивали тех, чьи неподвижные тела мы ограбили и свалили в кучу неподалеку от поля битвы. На

рассвете мы оставили лучников наблюдать за городом и отнесли тридцать павших асов к отвесным скалам, под которыми в полутора тысячах футов лежал белый песчаный берег. Мы нашли расселину с пологим спуском и отнесли мертвых к воде.

Там из вытащенных на песок рыбацких лодок мы соорудили большой плот и водрузили на него кучу плавника. На нее мы положили мертвых воинов, облаченных в кольчуги, и их оружие. После этого перерезали глотки дюжине пленных и вымазали их кровью мечи наших товарищей и плот, а затем подожгли его и оттолкнули от берега. Он долго плыл по зеркальной поверхности голубой воды, пока не превратился в красный огонек и не растаял в занимавшейся заре.

Потом, распевая боевые песни, мы вернулись по расселине наверх и расположились перед городом. Мы взяли за луки, и с башен один за другим полетели воины, пронзенные нашими длинными стрелами. В садах за городом мы нарубили деревьев, соорудили штурмовые лестницы и приставили к стенам, а потом ринулись вверх, навстречу стрелам, копиям и факелам. На нас лили расплавленный свинец. Четырех воинов сожгли, как муравьев. И снова мы пускали стрелы, пока между зубцами не осталось ни одной головы с султаном.

Под прикрытием наших лучников мы опять приставили лестницы. Но, как только собрались лезть на стены, на одной из башен появился силуэт, при виде которого мы застыли как вкопанные.

Эта была женщина. Таких красавиц мы уже давно не встречали. Ветер развеивал ее золотистые волосы. Молочно-белая кожа лоснилась на солнце. Она обратилась к нам на нашем родном языке, с запинками, словно не говорила на нем много лет.

— Подождите! Мои хозяева желают вам кое-что предложить.

— Хозяева? — произнес, точно плюнул, Асгрим. — Это кого же дочь асов называет хозяевами? Никто не смеет повелевать ею, кроме мужчин ее родного племени!

Девушка, казалось, не поняла нашего предводителя, но ответила:

— Это город Хему, и хозяева его — владыки этой страны. Они велели передать, что не могут выстоять перед вами в бою. Однако вам будет мало проку, если влезете на стены, потому что они своими руками перебьют женщин и детей, и подожгут дворцы. Вам достанется только груды окровавленных камней. Но если вы пощадите город, вам придут в подарок золото, драгоценные камни, вино, редкие яства и прекраснейших девушек.

Асгрим дернул себя за бороду. Ему очень не хотелось отказываться от грабежа и резни. Но воины помоложе заревели, как быки:

— Пощади город, старый медведь! Не то они всех баб перебьют... А мы много лун бродили там, где женщинами и не пахнет...

— Глупые юнцы! — воскликнул Асгрим. — Женские поцелуи и любовные стоны быстро приедаются, а вот меч при каждом ударе заводит новую песню. Что вы предпочтете: приманку в виде женщин или сладость побоища?

— Женщин! — проревели молодые воины, бряцая мечами. — Пускай дадут девок, и мы пощадим проклятый город.

С презрительной усмешкой старый Асгрим повернулся к воротам и крикнул златовласой девушке:

— Моя бы воля, я бы стер в пыль ваши стены и шпили, и окропил пыль кровью твоих хозяев. Но

мои молодые воины — дурни! Давайте яства и женщин... и сыновей знати в заложники!

— Будет сделано, мой господин, — ответила девушка.

Мы убрали лестницы и вернулись в стан.

Вскоре ворота распахнулись, из города вышла процессия нагих рабов, нагруженных золотыми сосудами с яствами и винами, о существовании которых мы и знать не знали. Рабами командовал человек с ястребиными чертами лица, облаченный в мантию из красочных перьев. В руке он держал жезл из слоновой кости, а на голове носил медный обруч в виде свернувшегося в кольцо змея. Судя по осанке, этот человек был жрецом. Показывая на себя, он представился: Шаккару. Вместе с ним явилось с полдюжины юношей в шелковых штанах с самоцветами на кушаках. Молодые люди дрожали от страха. Златовласая девушка, по-прежнему стоявшая на башне, крикнула нам, что это — сыновья князей, и Асгрим заставил их отведать вин и яств, прежде чем позволил нам утолить голод и жажду.

Асгриму же рабы поднесли янтарные кувшины, наполненные золотым песком, плащ из алого как огонь шелка, шангреновый пояс с усыпанной самоцветами золотой пряжкой и начищенный до блеска медный головной убор с большим султаном.

Наш вождь брезгливо покачал головой и проворчал:

— Броские побрякушки и яркие украшения — все это суетный прах, и с годами они поблекнут, но острота ощущений во время сражения не притупится, а запах свежeproлитой крови полезен ноздрям старика.

Но он все-таки облачился в эту блестящую сбрую, и тогда вперед выступили девушки... стройные мо-

лодые создания, гибкие и темноглазые, одетые в переливающиеся шелка... Асгрим выбрал самую красивую, хоть и кривился при этом так, будто надкусил горький плод.

Прошло немало лун с тех пор, как мы видели женщин, если не считать смуглых и прокопченных созданий из племени пожирателей ворвани. Наши воины со свирепой жадностью расхватили перепуганных девушек... но моя душа пала при виде златовласой красавицы на башне. В голове у меня не осталось места ни для каких иных мыслей. Асгрим поручил мне охранять заложников и перерезать их без всякой жалости, если вино и яства окажутся отравленными, или какая-нибудь женщина заколет воина припрятанным кинжалом, или горожане неожиданно и вероломно нападут на нас.

Тем временем жители вышли из города, чтобы собрать убитых. Своих павших они сожгли на мысу, далеко выдающемся в море. Это сопровождалось множеством странных ритуалов.

Затем из города к нам вышла еще одна процессия, подлиннее и поважнее первой. Хозяева города явились безоружными, сменив броню на шелковые туники и плащи. Впереди, держа над головой жезл из слоновой кости, ступал Шаккару, а молодые рабы, одетые лишь в короткие мантии из перьев попугаев, вынесли покрытые балдахином носилки из красного дерева, инкрустированного драгоценными камнями.

Под балдахином сидел худощавый мужчина. Его узкую голову венчала странная на вид корона. А рядом с носилками шла та белокожая девушка, которая говорила с башни. Процессия подошла к нам, и рабы, все еще держа носилки, опустились на колени, в то время как знать расступилась и тоже

преклонила колени. На ногах остались только Шаккару и девушка.

Старый Асгрим повернулся к ним, суровый, злой, настороженный. Колыхавшиеся у него над головой черные перья султана отбрасывали тень на изрезанное глубокими морщинами лицо. И мне подумалось, что он гораздо больше походит на короля, стоя среди своих воинов-великанов с мечом в руке, чем человек, который сидит, развалиясь, на носилках.

А потом я уставился на девушку, которую впервые видел так близко перед собой. На ней была лишь короткая туника из голубого шелка, без рукавов, с глубоким вырезом спереди. Подол туники едва доходил до коленей. На ногах были мягкие сандалии из зеленой кожи. Глаза девушки оказались большими и ясными, а золото волос блестело на солнце. В ее стройной фигуре проглядывала такая женственность, какой я не видел ни в одной асинье. Наши женщины с кудрями льняного цвета обладали своего рода первобытной красотой, но эта девушка пленяла взор мужчины иными достоинствами. Она выросла не в диком краю, как наши соплеменницы; не там, где жизнь — постоянная борьба за существование, как для мужчин, так и для женщин. Но я сбился с мысли... Так вот, я стоял, ослепленный сиянием ее волос, пока она переводила слова короля и гортанное рыканье Асгрима.

— Мой господин говорит тебе: «Внемли, я — Акхеба, жрец Иштар, царь Хему. Да будет дружба между нами. Мы нуждаемся друг в друге, ибо вы, как сказала мне колдовство, — люди, слепо скитающиеся по голой земле, а городу Хему нужны острые мечи и могучие руки. С моря надвигается на нас враг, которому мы одни противостоять не смо-

жем. Поживите в нашей стране, послужите нам своими мечами, возьмите наши подарки и отдохните в свое удовольствие. Женитесь на наших девушках. Наши рабы будут трудиться на вас. Каждый день вы будете садиться за столы, ломящиеся под тяжестью мяса, рыбы, белого хлеба, фруктов и вина. Носить вы будете прекрасные одеяния, жить в мраморных дворцах с шелковыми ложами и журчащими фонтанами.

Теперь-то Асгрим понимал, о чем идет речь, ибо мы встретили подобный прием в одном городе среди пальм. Глаза старого аса засверкали при мысли о врагах и предстоящих битвах.

— Мы останемся, — ответил он. И остальные асы взревели, выражая согласие. — Мы поживем тут и вырежем сердца ваших недругов. Но лагерь устроим за стенами города, и заложники будут находиться при нас днем и ночью.

— Хорошо. — Акхеба степенно склонил голову, а зная Хему преклонила колени перед Асгримом и осыпала поцелуями его сандалии.

Но он обругал подобострастных богачей и попятился в гневе и смущении, под жеребьячье ржание своих воинов. Потом Акхеба вернулся в город, покачиваясь в носилках на плечах рабов, а мы готовились к долгому отдыху. Но я не мог отвести глаз от златовласой переводчицы, пока за ней не затворились огромные ворота.

Так мы и зажили за стенами города. День за днем горожане приносили нам еду и вино, и присылали все новых и новых девушек. Выходили и рабы. Они трудились в садах, полях и виноградниках, не опасаясь нас. В море плавали рыбацьи лодки — узкие, с резными носами и полосатыми шелковыми парусами. В один прекрасный день мы приняли пригла-

шение короля и через отворенные железные ворота вошли в город плотной толпой, ведя в центре строя заложников. К шее каждого из них был приставлен обнаженный меч.

Клянусь Имиром, Хему выглядел потрясюще! Наверняка хозяева города родились от чресел богов, ибо кто, если не полубоги, мог соорудить такие мощные базальтовые стены в восемьдесят футов высотой и сорок — в основании? Или воздвигнуть огромный золотой купол, что поднимался на пятьсот футов над вымощенными мрамором улицами?

С мечами в руках, миновав широкую улицу с колоннами пообочь, мы вышли на широкую рыночную площадь. Из дверей и окон на нас со страхом и любопытством глазело множество людей. Рыночный гомон стих, едва мы свернули на площадь, и народ подался прочь от прилавков, чтобы уступить нам место. Мы держались настороженно, как тигры. Хватило бы малейшего пустяка, чтобы мы утопили эту площадь в крови. Но жители Хему все понимали и не задирали нас.

Вышли жрецы. Они склонились перед нами, а потом отвели в королевский дворец — колоссальное здание из черного камня и мрамора. Рядом с дворцом располагалась широкая открытая площадь, вымощенная мраморными плитами. С нее лестница (достаточно широкая, чтобы по ней могли подниматься шеренгой человек десять) вела на возвышение, куда иной раз выходил король произнести речь перед огромной толпой горожан. За площадью стояло крыло дворца с широкой лестницей у портала. Эта часть здания выглядела старше остальных. Стены были украшены причудливой резьбой, а каменная крыша высоко и круто поднималась над всеми другими крышами города, кроме золотого купола.

Что находилось в этом крыле дворца, так и не узнал ни один из асов. Горожане поговаривали, что там Акхеба держит свой гарем.

По другую сторону площади стояли таинственные каменные портики, там на широкой мраморной улице жили младшие жрецы. За их домами высился золотой купол, венчавший собою храм Иштар. Сапфировые шпили и сверкающие башни поднимались со всех сторон, но купол был выше и сиял не слабее, чем нимб самой Иштар. В этом нас уверил Шаккару. Проведя среди нас несколько дней, молодые вельможи худо-бедно обучились грубому и простому языку асов, и теперь жрецы Хему разговаривали с нами при посредничестве заложников, а также с помощью жестов.

Служители Иштар отвели нас к высоким порталам храма. Заглянув сквозь ряды высоких мраморных колонн в таинственный сумрак внутренних помещений, мы не решились войти, опасаясь засады. Все это время я нетерпеливо искал златокудрую девушку, но ее нигде не было. Горожане больше не нуждались в ней как в переводчице, и она исчезла, растворилась в этом необыкновенном городе.

После первой экскурсии мы возвратились в свой лагерь, но вскоре снова побывали в городе, и еще раз, и еще... Сначала мы ходили группами, а потом, когда наши подозрения притупились, в одиночку. Но мы не ночевали в городе, хотя Акхеба и предлагал разбить палатки на большой рыночной площади, если уж нам не нравятся мраморные дворцы. Никто из нас никогда не жил в каменном доме или за высокими стенами. Наш народ обитал в шатрах из дубленых шкур или хижинах-мазанках, а за долгие годы пути мы привыкли спать на голой земле, как волки. Но днем мы бродили по городу, диви-

лись его чудесам, брали с лотков, к отчаянью торговцев, все, что нам нравилось и осторожно заходили во дворцы. Там нас развлекали испуганные женщины, которых просто завораживал наш облик. Жители Хему оказались на диво способными к языкам. Вскоре они овладели наречием асов не хуже нас, а их язык с трудом давался нашим дикарским глоткам.

Но все это пришло со временем. На следующий же день после первого посещения города многие из нас снова вошли в ворота. Шаккару проводил нас к дворцу старших жрецов, примыкавшему к храму Иштар. Когда мы вошли, я увидел златокудрую девушку, она начищала лоскутом шелка толстого медного идола. Асгрим опустил тяжелую руку на плечо одного из молодых вельмож.

— Передай жрецу, что эта девушка будет моей,— проворчал он. Но прежде чем жрец успел ответить, во мне вспыхнула ярость, и я двинулся к Асгриму, как тигр подходит к своему сопернику.

— Если кто и возьмет эту девушку, то им будет Хьяльмар,— прорычал я.

Асгрим развернулся с кошачьей стремительностью, заслышав в моем голосе мурлыкающие нотки убийцы из джунглей. Мы напряженно стояли лицом друг к другу, сжимая рукояти мечей. Келка поволчьи оскалится и стал подкрадываться к Асгриму со спины, незаметно доставая длинный нож, но тут Акхеба обратился к нам через одного из заложников.

— Нет, господа мои. Алуна не для вас и вообще ни для кого. Она служанка богини Иштар. Просите любую другую женщину, и она достанется вам, будь она даже моей фавориткой. Но эта девушка неприкосновенна.

Асгрим крикнул и не стал настаивать. Невинность девушки, вдыхавшей фимиамы таинственного храма, тронула даже свирепую душу нашего вождя, и хотя мы, асы, не слишком почитали богов других народов, у нас обычно не возникает соблазна силой взять женщину, посвятившему свою жизнь таинственному божеству. Однако мои суеверия оказались слабее желания обладать Алуной. Я снова и снова приходил в храм Иштар, и хотя жрецам не слишком нравились мои визиты, они не осмелились указать мне на порог. Вскоре я начал встречаться с Алуной.

Рассказать вам о моем умении ухаживать за девушками? Любую другую я бы просто уволок за волосы в свою палатку, но что-то в моем отношении к Алуне связывало мне руки, и даже запреты жрецов тут ни при чем. Просто я не мог позволить самому себе никакого насилия. Я ухаживал за ней, как мы, асы, ухаживаем за нашими жестокими и сильными красавицами. Я хвалился своей мощью и рассказывал о побоищах и грабежах. Без преувеличения скажу, что мои повести о битвах и убийствах заворожили бы самых свирепых див Нордхейма. Но Алуна была мягкосердечной и скромной. Она выросла в храме и дворце, а не в глинобитной хижине посреди ледяной пустыни. Моя варварская похвальба пугала ее. Она не понимала меня. И по странному капризу природы эти непонимание и страх делали ее еще очаровательней и желанней. Равно как и моя дикость заставляла ее смотреть на меня с большим интересом, чем на мягкотелых мужчин Хему.

Беседуя с Алуной, я узнал, как она попала в Хему. Ее сага оказалась столь же удивительной, как повесть об Асгриме и нашем отряде. Алуна мало что могла поведать о тех краях, где прошло ее

детство. Она не имела никаких представлений о географии, знала лишь, что родилась где-то далеко на востоке. Она помнила унылое побережье и беспорядочно разбросанные мазанки. Вокруг нее тогда были желтоволосые, как и она сама, люди. Мне думается, она принадлежала к ветви асов, живших на западной границе страны, которая в те века принадлежала народу Хьяльмара. Алуна было лет девять-десять, когда ее захватили во время набега темнокожие воины с галер. Девушка не догадывалась, кто они такие. Да и мои познания в истории древних времен ничего не подсказывают мне, ибо в ту эпоху финикийцы еще не выходили в море, да и египтяне тоже. Могу лишь предположить, что это были выходцы из какого-то древнего народа, пережитка незапамятных веков, вроде обитателей Хему.

Они захватили Алуну в плен, но буря унесла их на юго-запад. Много дней блуждали они по морю, пока галера не налетела на рифы жуткого острова, где жили странные раскрашенные люди. Островитяне перебили уцелевших, сварили в котлах и съели. Золотоволосую девочку они по какой-то прихоти пощадили. Ее посадили в большое каное, разрисованное скалящимися черепами, и долго везли по морю, пока не завидели шпили Хему над высокими утесами.

Там Алуну продали жрецам Хему. Так она и стала служительницей богини Иштар. Я полагал, что ее должность священна и почетна, но вскоре обнаружил, что дело тут обстоит иначе. В душе моей зашевелился червячок подозрения, когда я понял, с каким высокомерием смотрят горожане на другие, более молодые народы.

Ее положение в храме не было ни почетным, ни достойным. Хотя и звалась Алуна служанкой боги-

ни, она не имела никаких привилегий, за исключением того, что прикасаться к ней не позволялось никому из жрецов. По сути, она была всего лишь рабыня, на которую жрецы в нарядах из птичьих перьев изливали свою жестокость. Им она не казалась красавицей. Светлая кожа и золотистые волосы в этом городе считались всего лишь признаками неполноценности. Даже мне, не склонному без нужды напрягать мозги, приходила в голову смутная мысль: если даже эту очаровательную блондинку здесь презирают, то какое вероломство может таиться за почетом, оказываемым чужеземным мужчинам?

От Алуны я мало узнал о городе Хему. Куда больше рассказали мне жрицы и молодые вельможи. Обитатели города считали себя очень древним народом, верили, что происходят от полумифических лемурийцев. Некогда такие же города, как Хему, опоясывали весь залив. Но потом иные поглотило море, другие пали под натиском размалеванных дикарей с островов, а третьи превратились в руины в ходе междоусобиц, так что уже почти тысячу лет тут стоит только Хему. Торгуют горожане лишь со своенравными океанскими людоедами, которые до самого недавнего времени (около года назад) регулярно привозили на длинных высоконосых каноэ серую амбру, кокосы, китовый ус и кораллы. Взамен горожане снабжали их красным деревом, леопардовыми шкурами, золотом, слоновыми бивнями и медной рудой, которую доставляли с неизвестного нам, асам, материка, расположенного далеко на юге.

Раса Хему угасала. Хотя в городе еще оставалось несколько тысяч жителей, многие считались рабами, так как были потомками сотен рабов. Этот народ был лишь тенью давнего величия. Еще не-

сколько веков, и вымерли бы последние хему. Но на островах, лежащих к югу, зародилась опасность, способная одним махом покончить с ними.

Раскрашенные воины перестали приплывать для мирной торговли. Теперь они появлялись лишь на боевых каноэ, стуча копьями по обтянутым шкурами щитам и распевая варварские боевые песни. Среди них объявился вождь, он слил воедино враждующие племена и пробудил в них ненависть к Хему. Он отправился воевать не с бывшими хозяевами этих земель, ибо прежняя империя, частью которой был город Хему, рухнула еще до переселения дикарей на острова с далекого континента — колыбели их расы. И вождь дикарей не походил на своих подданных. Он был гигантом с белой кожей (вроде нас, асов), безумными голубыми глазами и алыми, как кровь, волосами.

Жители Хему видели его. Однажды ночью его боевые каноэ, переполненные раскрашенными копейщиками, прокрались вдоль берега, а на рассвете дикари хлынули вверх по расселинам в круче. Они убивали рыбаков, спавших в хижинах на берегу, рубили земледельцев, как раз собиравшихся на поля. Островитяне пытались штурмовать город. Однако в тот раз могучие стены устояли, и дикари, отчаявшись взять твердыню, отступили. Напоследок рыжий король появился перед воротами. Размахивая отрубленной женской головой, которую держал за волосы, он громогласно поклялся вернуться с таким флотом каноэ, от которого почернеет море, и стереть в пыль башни Хему. Вот он-то и его убийцы и были теми самыми врагами, для борьбы с которыми нас наняли, и мы со свирепым нетерпением ждали их, все больше и больше привыкая к благам цивилизации, ибо варвары могут за короткий срок

приспособиться к обычаям культурных народов. Мы по-прежнему жили в лагере на равнине и держали мечи под рукой, но больше из врожденной осторожности, чем из опасения. Даже Асгрим, казалось, не чувствовал больше опасности, особенно после того, как Келка, обезумев от вина, убил на рыночной площади трех горожан, и за этим кровавым деянием не последовало никакой мести и никто не потребовал наказать виновника.

Одолев свою подозрительность, мы позволили жрецам провести нас в духоту и сумрак храма Иштар. Мы даже побывали во внутреннем святилище, где в темноте, пропитанной фимиамом, тускло горели жертвенные огни. Там на большом алтаре из черного с красными прожилками камня, у подножия мраморной лестницы, принесли в жертву воплящую рабыню, зажав ее. Эта лестница, пропадавшая из виду наверху, вела, как сказали нам, в обитель Иштар. Дух жертвы поднимался по ней, чтобы служить богине. Я счел это правдой, ибо после того, как тело на алтаре перестало двигаться и голоса певчих стихли до леденящего кровь шепота, где-то высоко, на верхней площадке лестницы, раздались звуки, похожие на плач, и я предположил, что нагая душа жертвы, рыдая от ужаса, предстала перед богиней.

Позже я спросил Алу, видела ли она когда-нибудь богиню. Девушка затряслась от страха и сказала, что на Иштар могут смотреть лишь духи мертвых. Она, Алуна, никогда не ступала на эту мраморную лестницу. Алуна звали служанкой Иштар, но ее обязанности сводились к слепому подчинению жрецам с ястребиными лицами и обнаженными женщинами со злыми глазами, которые словно тени скользили в пурпурном сумраке меж колонн.

Однако среди моих друзей росло недовольство. Они устали от праздной жизни, роскоши и даже от темнокожих женщин. Ведь в душе аса неизбежно лишь вождение кровавых битв и дальних странствий. Асгрим часто беседовал с Шаккару и Акхебой о стародавних временах. Я был очарован Алуной, а Келка каждый день напивался в винных лавках. Он пил, пока не валялся без чувств прямо на улице. Но остальные воины шумно пеняли на такую жизнь и спрашивали у Акхебы, когда же явится обещанный неприятель.

— Потерпите, — отвечал Акхеба. — Враги приплывут, а с ними их рыжий король.

Над искрящимися шпилями Хему занялся рассвет. К тому дню, о котором сейчас пойдет речь, воины стали проводить в городе не только дни, но и ночи. Как раз предыдущей ночью я пил с Келкой и валялся с ним на улице, пока утренний бриз не выветрил из моей головы винные пары. С утра пораньше отправившись на поиски Алуны, я прошелся по мраморной мостовой и заглянул во дворец Шаккару, что примыкал к храму Иштар. Миновав просторные внешние покои, где еще спали жрецы и их женщины, я вдруг услышал доносящиеся из-за затворенных дверей звуки ударов плетью по обнаженному телу. Им сопутствовали жалобный плач и мольбы о пощаде. И голос молящей был мне знаком.

Дверь из проложенного серебром красного дерева оказалась заперта на засов, но я вышиб ее, словно она была из картона. Алуна стояла на четвереньках. Туника ее была задрана. Жрец с холодным, ядовитым презрением на лице бичевал ее плетью из тонких ремешков, которая оставляла на ягодицах

алые рубцы. Когда я ворвался в комнату, жрец обернулся. Лицо его стало пепельным. Прежде чем он успел пошевелиться, я сжал кулак и одним ударом расколол ему череп, как яйцо, а заодно сломал шею.

Мои глаза заволокло красной пеленой. Наверное, дело было не столько в боли, которую тот жрец причинял Алуне (ведь боль в варварской жизни тех времен — дело обычное), сколько в осознании того, что жрец обладал ею... и, скорее всего, не он один.

Всякий мужчина не лучше и не хуже, чем его чувства к женщине одной с ним крови. Это — настоящий и единственный способ проверки расового сознания. Можно взять себе иноземку, сидеть за одним столом с чужестранцем и не испытывать ни малейших укоров расового сознания. Только при виде иноземца, который овладевает или собирающегося овладеть женщиной одной с вами крови, вы осознаете расовые и национальные различия. Так и я, державший в своих объятиях женщин многих народов и ставший кровным братом дикарю-пикту, затрясся от безумной ярости при виде чужака, поднявшего руку на асинью.

Я считаю, осознание, что она в рабстве у иного народа, и сопутствующий этому гнев и явились первопричинами моих чувств. Корни любви лежат в ненависти и ярости. А непривычная мягкость и нежность этой женщины выкристаллизовали мои первые смутные чувства к ней.

Теперь же я стоял, хмуро глядя на Алуну, а она рыдала у моих ног. Я не помог ей встать, не вытер ее слез, как сделал бы цивилизованный человек. Приди мне в голову такая мысль, я немедленно отверг бы ее, как недостойную мужчины.

Стоя над нею, я вдруг услышал, как меня громко зовут по имени, и в покои вбежал Келка, крича во все горло:

— Брат, они плывут, как и обещал старик! В город прибежали дозорные с утесов. Говорят, море черно от боевых лодок!

Бросив взгляд на Алуну, я повернулся, чтобы уйти вместе с пиктом. Но тут девушка, пошатываясь, встала на ноги и подошла ко мне. По ее щекам струились слезы.

— Хьяльмар! — взмолилась она, протягивая ко мне руки. — Не покидай меня! Я боюсь! Мне страшно!

— Сейчас я не могу с тобой остаться, — проворчал я. — Будет битва. Но потом я заберу тебя, и никакие жрецы меня не остановят!

Я быстро шагнул к ней. Мои руки рванулись вперед... а затем, из боязни оставить синяки на нежной коже Алуну, я их опустил. Какое-то мгновение я безмолвно стоял, и меня терзали противоречивые чувства. Они лишили меня способности говорить и действовать. Наконец, сбросив оцепенение, я вышел на улицу вслед за пиктом, которому не терпелось помахать мечом.

Солнце уже всходило, когда мы, асы, выступили к очерченным алым светом утесам. Следом за нами шли полки туземцев. Мы сбросили нарядные одежды и головные уборы, которые носили в городе. Восходящее солнце искрилось на рогатых шлемах, длинных поношенных кольчугах и обнаженных мечях. Мы шагали, забыв о месяцах безделья и кутежей. Наши души трепетали от предвкушения схватки. Мы шли на битву, как на пир, на ходу стучали мечами о щиты, и пели гордую песнь о Ньерде, съевшем красное, дымящееся сердце Хеймдаля. Воины Хему в изумлении смотрели на нас, а люди, высы-

павшие на стены города, ошеломленно качали головами и перешептывались.

Вот так и подошли мы к обрыву. Там увидели, что море, как и сказал Келка, черно от боевых каное с высокими носами, украшенными ухмыляющимися черепами. Десятка два лодок уже пристали к берегу, а другие покачивались на гребях волн. Вражеские воины плясали на песке и кричали. Их вопли доносились до нас. Островитян приплыла уйма, самое малое тысячи три. Жители Хему побледнели, но старый Асгрим лишь рассмеялся, как не смеялся на моей памяти много лун. Годы спали с его плеч, как отброшенная мантия.

От подножия утесов вело наверх с полдюжины расселин, и именно по ним должны были наступать захватчики, так как ни один человек не смог бы забраться по отвесным скалам. Мы заняли позиции у верхних концов этих ущелий, а позади нас выстроились горожане. Они не намеревались бросаться в битву раньше нас, мы велели им оставаться в резерве на тот случай, если нам потребуется помощь.

Раскрашенные воины, распевая во все горло, хлынули вверх по ущельям, и мы наконец увидели их короля. Он возвышался над огромными воинами, от утреннего солнца его волосы занялись алым пламенем, а смех походил на порывы морского ветра. Он один из всей этой орды носил кольчугу и шлем, а большой меч в его руке сверкал, как серебряный.

Да, это был один из бродячих ванов, наших рыжих родичей из Нордхейма. Я ничего не знаю о его долгом пути в эти земли и не возьмусь пропеть его сагу, хотя она могла бы оказаться еще более удивительной и славной, чем песнь об Алуне или о нас.

Что за безумство, что за прихоть судьбы сделали его королем свирепых дикарей? Даже предположить не могу. Но когда ван увидел, кто ему противостоит, его яростные крики зазвучали с новой силой. Повинуясь им, раскрашенные воины хлынули вверх по ущельям, точно волны со стальными гребнями.

Мы натянули луки, и тучи стрел засвистели в расселинах. Передние ряды наступающих скосил наш гибельный дождь. Орда попятилась, а потом, сплотив ряды, опять ринулась вверх. Мы отбивали атаку за атакой, но снова и снова бросались дикари вперед в слепой ярости.

Островитяне не носили никаких доспехов, и наши длинные стрелы прошивали обтянутые кожей щиты, словно холстину. Сами они из луков били плохо. Когда удавалось подойти достаточно близко, они бросали копья. Так погибли некоторые из нас. Но мало кому из врагов удалось подступить к нам на бросок копья. Еще меньше дикарей прорвалось наверх. Помню, как один огромный воин выполз из ущелья, словно змей, с пузырящейся на губах алой пеной. Из его живота, шеи, груди, рук и ног торчали оперенные стрелы. Он был как бешеный пес, и его предмертвый укус оторвал подошву моей сандалии. Я растоптал ему голову, превратил ее в кровавое месиво.

Некоторые, очень немногие, прорвались сквозь густой смертоносный град и сошлись с нами в рукопашной, но мало выгадали на этом. В схватках один на один мы, асы, были сильнее. Наши доспехи выдерживали удары их копий, а мечи и топоры пробивали их деревянные щиты, как бумагу. Однако врагов было так много, что нас выручали только превосходные позиции. Не будь их, все мы погибли

бы на утесах, и заходящее солнце осветило бы дымящиеся развалины Хему.

Весь тот долгий летний день мы держали оборону. Когда же опустели колчаны, тетивы истрепались, а ущелья заполнились раскрашенными телами, мы отбросили луки, выхватили мечи, ринулись вниз и сошлись с людоедами один на один, меч против меча. Дикари гибли как мухи, но их оставалось еще слишком много, и огонь ярости еще сильнее разгорелся в их сердцах при виде друзей и родичей, усталых своими телами ущелья.

Островитяне рвались вперед, ревели как прибой, кололи копьями, молотили боевыми дубинами. Мы встретили их вихрем стали, кроша черепа, ломая ребра, отрубая руки и ноги и снося головы с плеч. Это была настоящая бойня. Люди едва удерживались на ногах, ступая по трупам и залитым кровью камням.

В расселине уже пролегли длинные тени, когда я встретился с королем островитян. Он стоял на ровном уступе над кручей. Его задело несколько стрел, на теле виднелись рубленые раны, но безумный огонь в глазах не померк. Громовой голос по-прежнему посылал в атаку измотанных, окровавленных воинов. В других ущельях еще ярилась битва, а здесь он стоял над грудой мертвецов, и рядом застыли два огромных телохранителя с копьями, липкими от крови асов.

Я бросился на вана. Келка мчался за мной по пятам. Двое раскрашенных воинов ринулись мне наперерез, но на них налетел Келка. Телохранители напали на пикта с двух сторон, со свистом рассекая копьями воздух. Но, как волк уворачивается от ударов, Келка уклонился от окровавленных копий. Вскоре один воин упал с выпотрошенным

животом, другой рухнул поперек него, и пикт ловким ударом отхватил ему полчерепа.

Я подскочил к рыжему королю. Мы одновременно взмахнули мечами. Мой клинок сорвал с его головы шлем, а от его ужасного удара мой щит разлетелся вдребезги. Но и его меч не выдержал. Прежде чем я успел вновь рубануть, он отшвырнул рукоять с обломком клинка и вцепился в меня голыми руками. Я выпустил оружие, бесполезное в таком бою. Сжимая друг друга в смертоносных объятиях, мы качались из стороны в сторону.

Мы оказались равны по силе, но его мощь покидала тело вместе с кровью из двух десятков ран. Мы шатались и кряхтели от натуги. В висках у меня стучал пульс, а на лице рыжего вздулись жилы. Неожиданно он подался назад, и мы кувырком покатались по склону. В схватке ни он, ни я не рискнули вытащить кинжалы. Но, когда мы катились и рвали друг друга, я почувствовал, как медленно слабеет его железная хватка. Извернувшись из последних сил, я оказался наверху и вонзил пальцы в его жилистое горло. От пота и крови в глазах у меня померкло, дыхание со свистом вырывалось из легких, но я все глубже вдавливал пальцы в его гортань. Руки вана бесцельно хватали воздух, и тут я, скрипя зубами от натуги, вырвал кинжал из ножен и вонзил в тело врага. Гигант подо мной перестал шевелиться.

Затем я, полуослепленный, кое-как поднялся на ноги. Каждая жилка моего тела тряслась после отчаянной борьбы. Келка уже вознамерился отсечь вождю людоедов голову, но я этому помешал.

Когда погиб ван, ряды наступающих исторгли протяжный крик и дрогнули. Он, вождь, был тем факелом, который весь день зажигал их сердца,

воодушевлял для боя. Вместе с ним дикари потеряли храбрость и веру в победу, и обратились в бегство. Мы настигали их и рубили. Преследовали орду до самого берега, как волки овечью отару. Когда островитяне домчались до своих каноэ и отчалили, мы бежали за ними по дну, пока не оказались по плечи в воде. Нас гнала вперед безумная ярость. К тому времени, когда уцелевшие дикари отплыли на безопасное расстояние, берег был завален трупами. В кровавой пене прибой плавали тела.

На берегу и на мелководье лежали только раскрашенные дикари, но в ущельях, где бушевал жестокий бой, полегло семьдесят асов. А из оставшихся в живых почти все были ранены.

Клянусь Имиром, это было настоящее побоище! Солнце опускалось к горизонту, когда мы вернулись с кручи, усталые, запыленные, окровавленные. У нас почти не осталось сил для победной песни, но сердца радовались кровавым деяниям. За нас пели жители Хему. Они с громкими криками высыпали из города и расстелили на земле шелковые ковры, украсили наш путь розами и золотым песком. Наших раненых мы взяли с собой, но прежде спустились на берег, разломали вражеские каноэ, соорудили плот, уложили на него мертвых асов и подожгли. И еще мы на большом каноэ отправили в море рыжего вождя орды и тела его самых храбрых воинов, дабы те служили ему в стране мертвых. Он был ваном, а богатырям этого племени мы оказывали такой же почет, как и нашим павшим.

В городе я сразу стал высматривать в толпе Алуна, но тщетно. Горожане разбили палатки на рыночной площади, и мы уложили там своих раненых. Сюда же пришли туземные лекари, чтобы перевязывать раны асам. Акхеба позвал нас на побед-

ный пир в главном зале его дворца. Туда-то мы и отправились, покрытые кровью и пылью. Даже старый Асгрин скалил зубы, словно голодный волк, счищая с узловатых рук запекшуюся кровь.

Я на какое-то время задержался среди палаток, где лежали раненые. Слишком устал я, чтобы идти на пир, даже висая на плечах товарищей. Я ждал, что Алуна придет ко мне. Но она не пришла, и я отправился в большой зал королевского дворца, перед которым, вытянувшись в струнку, застыли воины Хему, человек триста, для отдания великих почестей своим союзникам, как сказал Акхеба.

Тот зал был длиной триста футов и вдвое меньше в ширину. Пол был выложен полированным красным деревом, но добрая половина его пряталась под толстыми коврами и шкурами леопардов. В каменных стенах, покрытых изящной резьбой, оказалось множество арок с дверьми из красного дерева, занавешенных бархатными гобеленами. В конце зала напротив входа сидел на троне Акхеба. Он взирал на пиршество со своего царского возвышения, по обе стороны от которого рядами стояли копьеносцы с щегольскими султанами. А за протянувшимся через весь зал обеденным столом расселись асы в мятых, грязных, пыльных одеждах и доспехах. На многих были пропитанные кровью повязки. Они пили, объедались, хохотали и бахвалились, им прислуживали рабы и рабыни.

Вожди, вельможи и воины города в начищенных до блеска доспехах стояли рядом с дикими союзниками, и мне показалось, что на каждого аса приходится по три-четыре девушки, смеющихся и покорных грубым ласкам моих соплеменников. Порой визгливый женский смех перекрывал гомон пирующих. Во всей этой сцене проглядывала какая-то

фальшь, натянутая легкость, искусственное веселье.

Я и тут не нашел Алуны и, выйдя через дверь красного дерева, пересек увешанные шелками покои. Освещались они плохо, я чуть не налетел на старого Шаккару. Жрец отшатнулся. Почему-то он выглядел расстроенным. Его рука что-то сжимала за пазухой балахона, — такие наряды, по словам Акхебы, в нашу честь надели все жрецы.

Думал я в тот момент лишь об одном.

— Я хочу поговорить с Алуной. Где она?

— Сейчас она исполняет свои обязанности и не может с тобой увидеться, — ответил жрец. — Приходи завтра в храм...

Он медленно пятился от меня, и по едва заметному серому оттенку смутлой кожи, по надлому в голосе я понял, что он смертельно боится и мечтает от меня избавиться. Во мне живо проснулась подозрительность варвара. Через мгновение я уже давил горло жреца и выкручивал ему руку. Я отобрал длинный нож, который он извлек из-под балахона.

— Где она, шакал? — прорычал я. — Говори, а то...

Жрец болтался в моих руках, точно марионетка, его ноги брыкались, не доставая до пола. Позвоночник так выгнулся назад, что не сломался лишь каким-то чудом. Выпучив глаза, он задергал головой, и я чуть ослабил захват.

— Она в святилище Иштар, — прохрипел жрец. — Ее должны принести в жертву богине. Сохрани мне жизнь... Я тебе все скажу... Открою тайну и весь заговор...

Но я уже знал достаточно. Схватив жреца за пояс и ногу, я вскинул его над головой и вышиб

мозги ударом о колонну. Мертвец полетел на пол, а я пронесся огромными прыжками меж рядов массивных колонн и выскочил на улицу.

В городе царила тишина, как перед бурей. Той ночью по улицам не бродили толпы, празднующие победу. Двери всех домов были заперты, окна забраны ставнями. Свет нигде не горел. Я не увидел по пути ни одного сторожа. И вообще город выглядел призрачным, нереальным. Безмолвие нарушалось лишь криками, доносившимися из главного зала дворца — там пировали асы.

Я разглядел пылающие факелы на площади, где лежали раненые. Заглянув в окно дворца, я увидел старика Асгримма, сидевшего во главе стола. Руки у него были в пятнах засохшей крови, а в дырах шелкового плаща поблескивала иссеченная и пыльная кольчуга. Над головой раскачивались большие черные перья, бросая тени на его суровое лицо. Вдоль всего стола девушки обнимали и целовали полупьяных асов, снимали с них тяжелые шлемы и помогали освободиться от кольчуг, в которых после невоздержанных возлияний многим моим соплеменникам стало жарко.

Келка, словно изголодавшийся волк, грыз большую мясистую кость. Несколько смеющихся девушек дразнили его, уговаривали отложить меч, пока их веселье и назойливость не разозлили пикта. Он так огрел костью ближайшую красавицу, что она рухнула то ли за смертью, то ли без чувств. Но пронзительный смех не утих и веселья нисколько не убавилось. Мне вдруг показалось, что предо мной сидят вампиры и скелеты, глумящиеся над нашим прахом.

Я поспешил дальше по безмолвной улице, пересек площадь и миновал дома жрецов. Там никого не

было, кроме рабов. Вбежав в портик храма с высокими колоннами, я преодолел полосу густого мрака, выставив руки перед собой, влетел в тускло освещенное святилище и застыл как вкопанный. Младшие жрецы и обнаженные девушки стояли вокруг алтаря на коленях. Отвешивая земные поклоны, они распевали песнь жертвоприношения, а в руках держали золотые кубки для крови, что стекала по высеченным в камнях канавкам. А на алтаре, тихо стеная, как умирающая газель, лежала Алуна.

В святилище едва теплились светильники, вдобавок клубами висел фимиам. Но не дым, а жажда крови затуманила мне взор. Мой нечеловеческий крик жутко прозвенел под сводом храма, и я ринулся вперед. Меч мой крутился, точно смерч, раскалывая черепа.

От той неистовой бойни остались лишь беспорядочные обрывки воспоминаний. Помню вопли, свист стали, ужасающей силы удары, хруст костей, фонтаны крови. Жрецы рвали на себе волосы и зывали к богам, а я свирепствовал среди них — разъяренный лев, опьяненный жаждой крови. Мало кому удалось сбежать от меня.

Вижу один образ, четкий на сумрачно-красном фоне всеобщего безумия: гибкая обнаженная девушка застыла от ужаса возле алтаря. Она поднесла к губам кубок с кровью. Глаза ее горели. Я схватил ее левой рукой и швырнул на мраморную лестницу с такой яростью, что, должно быть, переломал ей все кости. Остальное помню плохо. Краткий приступ бешенства — и святилище завалено трупами. Потом я стоял среди мертвецов в храме, который теперь больше смахивал на бойню. По полу тянулись ручейки крови. Повсюду

валялись куски человеческой плоти, выглядели они жутко и непристойно.

Мой меч выпал из обессиленной руки, когда я, еле волоча ноги, приблизился к алтарю. Веки Алуны затрепетали и размежились.

— Хьяльмар! — прошептала она. И вновь ее глаза закрылись. От длинных ресниц на щеки легли тени, с тихим вздохом она пошевелила головой. Больше всего Алуна напоминала уснувшую девочку. Моя душа рвалась из груди, но уста сковала немота. Я был варваром и не умел выражать свои чувства. Опустившись на колени у алтаря, я неуверенно провел рукой по ее телу. Я поцеловал губы умирающей неловко, как зеленый юнец. Один лишь этот поцелуй... Впервые за всю свою жестокую жизнь я, ас по имени Хьяльмар, испытывал любовь к другому человеку.

Потом я медленно поднялся, постоял над мертвой Алуной и так же медленно, рассеянно подобрал меч. Едва ладонь коснулась рукояти, мой разум обуяло безумие — слепая ярость, присущая моему племени.

Со страшным криком бросился я к мраморной лестнице. Иштар! Дух Алуны отправился к богине, и пусть по пятам за этим духом явится мститель! Богиня поплатится за Алуну. Жрецы сказали, что Иштар живет наверху и лестница ведет в ее обитель. Казалось, меня там ждут туманные царства звезд и теней. Я поднялся на головокругительную высоту, и святилище внизу обернулось неясной россыпью тусклых огней. Вокруг меня разливалась тьма.

Неожиданно я вышел, но не на широкие звездные просторы, где витают божества, а к решетке с золотыми прутьями. По ту сторону прутьев рыдала

женщина. Но это оказалась не нагая душа Алуны перед божественным престолом — ее плач я бы узнал, будь она хоть живой, хоть мертвой.

В безумном гневе схватился я за прутья решетки. Они согнулись под моим натиском. Я вырвал их и пролез в отверстие, едва сдерживая крик берсеркера. В глубокой нише тускло светил факел, благодаря ему я увидел, что нахожусь в круглом помещении со сводчатым потолком, и стены, и потолок, казалось, были сделаны сплюсн из золота. Вокруг меня стояли бархатные ложа с шелковыми подушками, на одном из них возлежала плачущая нагая женщина. Я увидел на ее теле следы от бича и остановился, напроочь сбитый с толку. Где же богиня Иштар?

Должно быть, я произнес этот вопрос вслух, коверкая язык Хему. Девушка подняла голову и устремила на меня взор темных очей. Она показалась мне очень красивой, но было в ее красоте что-то чуждое, неестественное, непостижимое для меня.

— Я и есть Иштар, — ответила она. Голос ее звучал тихо, как отдаленный малиновый перезвон колокольчиков, и его прерывали рыдания.

— Ты? — Я ахнул. — Ты — Иштар, богиня Хему?

— Да! — она поднялась на колени, ломая белые руки. — О, человек, кто бы ты ни был... даруй мне милосердие, если оно вообще существует! Снеси мне голову с плеч и покончи с муками, длящимися уже целую вечность!

Эти слова заставили меня попятиться и опустить меч.

— Я пришел отомстить кровожадному боже-ству, — проворчал я. — Не собираюсь убивать хнычущую рабыню. Если ты — Иштар, то... что все это значит?

— Внемли же, я поведаю правду! — вскричала она, приближаясь ко мне на коленях и хватая подол кольчуги. — Только выслушай, а потом даруй малость, о которой я прошу... порази меня своим мечом! Я — Иштар, дочь царя сумеречной Лемурии, страны, давным-давно погрузившейся в море. Еще в детстве я была отдана в жены Посейдону, богу моря. Жуткой и таинственной брачной ночью, когда я лежала на груди океана, Посейдон даровал мне вечную жизнь, но она за долгие века моего плена стала сущим проклятием... Но в те далекие времена я жила в пурпурной Лемурии, молодая и красивая, как и сейчас. Мои товарищи по детским играм старели и седели, а я оставалась прежней. А потом Посейдону надоели Лемурия и Атлантида. Он встал и тряхнул своей пенистой гривой. Его белые скакуны промчались над степями, шшилями и алыми башнями, но, как и прежде, волны моего владыки, Посейдона, мягко вынесли меня на берег. Там меня и нашли жрецы. Жители Хему утверждают, что пришли на эти берега из Лемурии, но на самом деле они — раса рабов, говорящая на убогом языке невольников.

Когда я обратилась к ним по-лемурийски, жрецы закричали народу, что Посейдон ниспослал им богиню. Люди пали ниц и стали поклоняться мне. Но жрецы уже тогда были такими же хитрыми и коварными, как сейчас... Эти некроманты и демонопоклонники не признают никаких богов, кроме пантеона Внешней Бездны. Они заточили меня в этот золотой купол и пытками вырвали мою тайну... Более тысячи лет народ почитает меня, и лишь иногда людям позволяют увидеть их богиню мельком на мраморной лестнице, полускрытую дымом... или услышать, как я говорю на чужом языке. Но жре-

цы... О, боги Му, чего я только не вытерпела от них! Богиня для народа, рабыня для жрецов!

— Почему ты не погубишь их с помощью магии? — недоуменно спросил я.

— Я не колдунья. Хотя ты принял бы меня за волшебницу, если б я открыла тебе все мои тайны... Лишь одно колдовство я могу сотворить... колдовство, влекущее за собой ужасную, всесокрушающую гибель... Но для этого я должна прийти на рассвете к берегу и позвать Посейдона. Тихими ночами я слышу, как он бушует за утесами. Он спит и не внемлет моим крикам. И все же, если б я могла встать у него на виду и призвать, он внял бы... Жрецы хитры, они держат меня вдали от грозного супруга... Больше тысячи лет не смотрела я на его могучее голубое тело...

И тут мы оба вздрогнули. Откуда-то издалека донесся до нас страшный, дикий гам.

— Измена! — воскликнула она. — Твоих соплеменников убивают на улицах! Вы уничтожили врагов, которых боялись горожане, но теперь народ Хему восстал против вас!

С проклятьем бросился я вниз по лестнице, метнул лишь один, полный муки, взор на тело, лежавшее на алтаре, и выбежал из храма. На улице, за домами жрецов, звенела сталь. Оттуда доносились предсмертные вопли, крики ярости, громоподобный боевой клич асов. Горожане тоже кричали, охваченные ненавистью и ликованием. Но эти возгласы перемежались воплями страха и боли. Я не узнал улицы — совсем недавно они были безмолвными и пустынными, а теперь кишели вооруженными людьми. Из лавок, хижин и дворцов выскакивали горожане с оружием в руках, чтобы помочь солдатам, которые дрались с желтоволосыми чуже-

земцами. Эту адскую сцену освещали многочисленные пожары.

Мимо меня с воем пробегали горожане. Когда я приблизился к дворцу короля, ко мне, пошатываясь, подошел воин-ас, точно щепка морской волной, выброшенный бурей битвы. Он был без доспехов и сгибался чуть ли не пополам. Из груди торчала стрела, ладони прижимались к животу.

— Вино было отравленным, — простонал он. —

Нас предали и обрекли на гибель! Мы перепились, и женщины уговорили нас отложить мечи и снять доспехи. Только Асгрим и пикт не поддались на уговоры. А потом женщины выскользнули из зала. Старый стервятник Акхеба тоже куда-то подевался! Ах, Имир, у меня не кишки в животе, а завязанный узлом канат! А потом из всех дверей хлынули лучники и осыпали нас стрелами. Воины Хему обнажили мечи и накиннулись на нас... Наводнившие зал жрецы выхватили ножи. Слышишь, это кричат на рыночной площади, там режут глотки нашим раненым?! Имир, ты мог бы посмеяться... но это... Ах, Имир!

Воин повалился на мостовую. Его тело выгнулось, как натянутый лук, на губах выступила пена, руки и ноги задергались в страшных конвульсиях. Я помчался на площадь. На противоположном ее краю и на улице перед дворцом шел бой. Там колыхалась огромная толпа.

Отряды темнокожих воинов в доспехах бились с полуголыми желтоволосыми великанами, которые разили и рвали врагов, словно разъяренные львы. Оружием им служили только сломанные скамьи, мечи и копья, отнятые у врагов, или просто голые руки. У всех на губах выступила пена, страшная боль терзала их тела, но, клянусь Имиром, они по-

гибали даром. Под ногами у них сплошным ковром лежали расчлененные трупы. Асы дрались, будто дикие звери, которых свирепость покидает только с самой последней искоркой жизни.

Дворец, где шел кровавый пир, был охвачен пламенем. В его отблесках я увидел стоящего на тронном помосте старого Акхебу, он трясся как лист на ветру, лицезрея, к чему привело его вероломство. Рядом с ним возвышались два могучих телохранителя. Бой шел на всей площади. Я увидел Келку. Он был пьян, но это ничуть не отразилось на качествах бойца. Пикт стоял посреди скопища врагов, и его длинный нож сверкал в свете пожара, вспарывая глотки и животы, выпуская на мраморную мостовую кровь и внутренности.

С глухим злобным ревом бросился я в гущу битвы, и через несколько минут мы с Келкой стояли рядом в кольце трупов.

Он по-волчьи оскалился, играя желваками.

— Хьяльмар, в вине был демон! Он дерет мне внутренности, словно дикая кошка... Давай еще убиваем их, прежде чем умрем. Гляди, наш старик дает последний бой!

Я взглянул туда, где прямо перед горящим дворцом, среди многочисленной стаи горожан-шакалов, возвышалась могучая фигура Асгрима. Его меч сверкал, вокруг, как трава под косой, падали враги. Какой-то миг черные перья его султана колыхались над ордой, а потом исчезли под орущей волной.

В следующий миг я огромными прыжками пошел к мраморной лестнице. Мы врзались в шеренгу воинов на нижних ступенях и прорвали ее. Враги нахлынули сзади, пытались стащить нас вниз, но Келка развернулся, и его длинный нож затеял смертоносную игру. Враги навалились на пикта со

всех сторон, и он умер, как и жил, рубя и убивая в безмолвном неистовстве, не прося и не давая никому пощады.

Я взбежал по лестнице, и старый Акхеба взвыл при виде меня. Мой сломанный меч остался в груди одного из стражников, на двоих телохранителей Акхебы я бросился с голыми руками. Они ринулись навстречу с копьями наперевес. Я схватил копье и дернул на себя, застав его хозяина кубарем покачаться вниз по лестнице. Другой пробил мою кольчугу, по древку заструилась кровь. Но выдернуть копье и снова ударить мой враг не успел, я пальцами разорвал ему глотку. Выдернув из раны и отшвырнув копье, я кинулся к Акхебе, а тот с воплем подпрыгнул что было сил и ухватился за край крыши позади возвышения. Отчаяние придало ему смелости. Он карабкался по крутой крыше, точно обезьяна, хватаясь за резные украшения. И непрестанно выл, как побитая собака.

Я гнался за ним. Моя жизнь уходила вместе с кровью, сочащейся из раны под кольчугой. Одежда уже вся промокла, но свирепость дикого зверя еще не покинула меня. Визжа от страха, король лез все выше, я не отставал, пока мы не оказались на относительно плоском коньке в пятидесяти футах над мостовой. Тут мы остановились.

Перекрывая адский шум битвы и неистовые завывания Акхебы, над городом прозвенел странный, западающий в память крик. На вершине огромного золотого купола, над всеми башнями и шпилями стояла обнаженная женщина с развевающимися по ветру волосами. Она четко выделялась на фоне заката. Это была Иштар. Она размахивала руками и выкрикивала страстные призывы на незнакомом языке. Девушка сбежала из золотой клетки, кото-

рую сломал я. Теперь она стояла на куполе и призывала бога своего народа — Посейдона!

Но мне нужно было свершить мсть. Я приготовился к прыжку, зная, что мы с Акхебой разобьемся, рухнув с высоты пятьдесят футов. Но тут прочная каменная кладка под ногами закачалась. Акхеба завопил еще громче. С громовым треском отдаленные утесы рухнули в море. Раздался грохот, как будто твердь под нами дробили гигантским молотом. У меня на глазах вся огромная равнина заходила ходуном и накренилась к югу.

Землю рассекли огромные трещины, и вдруг с неописуемым грохотом стали рушиться стены и башни. Весь город Хему пришел в движение! Превращаясь в развалины, он соскальзывал в море, а оно с ревом поднималось навстречу! Башня опрокидывалась на башню, они рассыпались, перемалывая вопящих людей в пыль, камнями расшибая их в лепешку. Только что передо мной высился город со шпилями и башнями, а теперь я вижу безумный, хаотический, адский пляс каменных обломков! Шпили раскачиваясь над руинами и падали один за другим.

А купол по-прежнему возвышался над обломками. Девушка-богиня все еще кричала и жестикулировала. Потом с ужасным ревом море взметнулось и огромные шупальца зеленой пены обрушились на развалины. Волны росли и росли, пока вся южная часть города не скрылась в бурлящем море.

Какое-то мгновение конек древней крыши, устоявшей при первом натиске стихии, возвышался над руинами. Улучив момент, я прыгнул и схватил старика Акхебу. Его предсмертный крик зазвенел у меня в ушах. Мои пальцы рвали его плоть, словно гнилую тряпку. Мышцы отрывались от костей, а сами кости превращались в крошево. Грохот зем-

летрясения терзал мой слух. У самых ног бушевали зеленые волны. Внезапно прямо подо мной каменную кладку пересекала трещина, и меня объяла вода. И я успел подумать лишь о том, что Акхеба умер от моей руки раньше, чем волны коснулись его тела.

• • •

Я с криком вскочил, вскинув руки перед собой, словно пытаюсь отразить натиск бурлящих волн. Я зашатался. Чувства переполняли меня. Хему и старый король исчезли. Я — одноногий инвалид — стоял на заросшем мескитом холме, и солнце висело в небе чуть выше края равнины. После того, как незнакомка провела рукой у меня перед глазами, прошли считанные секунды. И вот она стоит, глядя на меня с загадочной улыбкой, в которой иронии вряд ли больше, чем жалости.

— Что это было?! — ошеломленно воскликнул я. — Я — Хьяльмар... Я Джеймс Эллисон! Тогда Залив был морем... Великие Прерии простирались до самого океана, а на берегу стоял проклятый город Хему. Нет! Не могу поверить! Я схожу с ума. Ты меня загнипнотизировала... Заставила увидеть сон...

Женщина отрицательно покачала головой.

— Нет, Хьяльмар, все это было на самом деле. Только давным-давно.

— А куда подевался Хему? — спросил я.

— Его развалины спят в синих водах Залива, куда их смыло многие века назад.

— А что случилось с Иштар — той женщиной, их богиней?

— Разве она не сказала, что ее муж — Посейдон? Супруг услышал зов и уничтожил злой город, а ее вынес невредимой на своей груди. Иштар бесмертна. Она обошла много стран, жила среди многих

народов, пока не усвоила суровый урок. Та, кто некогда была рабыней жрецов, стала их повелительницей. Богиней ее сделала жестокая ирония судьбы, но после гибели Хему Иштар осталась богиней по праву, в силу своей мудрости, накопленной за века... Она звалась Иштар у ассирийцев, Ашторет у финикийцев. Она была Милиттой и Белит в Вавилоне. Да... Изидой в Египте, Астартой в Карфагене. Саксы называли ее Фрейей, греки — Афродитой, римляне — Венерой. Разные народы давали разные имена и по-разному поклонялись ей, но всюду она оставалась прежней, и огни на ее алтарях никогда не гасли.

С этими словами женщина подняла на меня ясные темные глаза. Последний луч заката озарил ее необыкновенное, но очень красивое лицо в обрамлении черных как ночь волос. У меня вырвался крик:

— Ты! Иштар! Значит, это правда! Ты бессмертна... Вечная женщина, корень и исток мироздания... символ бесконечной жизни! А я в прошлой жизни был Хьяльмаром и познал упоение битвы, сладость побед, яркую славу войны, дальние страны...

— Воистину, ты познаешь их вновь, усталый человек, — тихо сказала Иштар. — В скором времени ты расстанешься с этой уродливой маской беспомощного калеки и облачишься в новое одеяние, прочное и сверкающее, как доспехи Хьяльмара!

Наступила ночь. Уж не знаю, куда пропала та женщина. А я сидел один-одинешенек на холме, и ночной ветер шуршал на песчаных наносах, о чем-то шептался с мрачными зарослями мескита.

ДОЛИНА ЧЕРВЯ

Я

расскажу вам о Ньёрде и Чудовище, слушайте. Существует множество вариантов этой истории, главный герой которой носит имена Тира, Персея, Зигфрида, Беовульфа или Святого Георгия. Но именно Ньёрд был тем человеком, кто сразился некогда с поднявшейся из глубин ада отвратительной тварью, а его беспримерный подвиг и положил начало целой серии героических ска-

ких сказаний, которые переходя из уст в уста, в конце концов утратили первоначально содержавшееся в них зерно истины. Я знаю, о чем говорю, ибо это я был Ньёрдом.

Прикованный к постели неизлечимой болезнью, я с нетерпением ожидаю смерти, ползущей ко мне подобно слепой улитке, но мои сны ярки, красочны и полны. И не себя — замученного болезнями и больше похожего на тень человека по имени Джеймс Эллисон — я вижу в них. В моих грезах действуют иные герои — современники и участники величайших событий прошлого и будущего. Да, и будущего тоже.

Пусть с трудом, но мне удастся разглядеть не только тех, что стоят за мной, но и тех, кто грядет им на смену: так человек, бредущий в длинной процессии, видит далеко впереди неясные фигуры. Я один из этих пилигримов и, вместе с тем, каждый из них, ибо любой из людей в этой бесконечной веренице — лишь мимолетное проявление иллюзорного, бестелесного, но, тем не менее, вечно живого духа.

Все мы, и мужчины и женщины на нашей планете — часть такой вереницы теней, и в то же время, каждый из них целиком вмещает ее в себе. Правда, лишь отдельные избранные знают об этом — разуму людскому не дано преодолеть те узкие страшные пропасти мрака, через которые перелетает душа, расставаясь с очередной телесной оболочкой. Я — знаю. Почему? История сама по себе удивительная, фактом, однако, является то, что в то время как надо мною медленно распахиваются черные крылья смерти, перед моими глазами разворачиваются картины моих прежних жизней, я вижу самого себя во многих лицах и характерах.

Меня звали Ялмаром и Тиром, Браги и Хорсой, Эриком и Джоном. Я шагал рядом с Бреннусом по безлюдным, залитым кровью улицам Рима. С Аларихом и его готами мы жгли селения, и ночью было светло, как днем от огня, пожиравшего римские усадьбы. Сама тысячелетняя Империя стонала под копытами наших диких коней. Это я с мечом в руке брел сквозь пенные волны прибоя, чтобы грабежом и убийствами заложить фундамент Англии. Когда Лейф Счастливый впервые увидел широкий песчаный берег неведомого материка, я стоял рядом с ним на носу драккара, и ветер трепал мою рыжую бороду. Когда Готфрид Бульонский вел своих крестоносцев на стены Иерусалима, шел среди них и ваш покорный слуга.

Но не о них хочу я повести свой рассказ. Я перенесу вас в такое далекое прошлое, что, по сравнению с ним, времена Бреннуса и Рима — кажутся не более, чем вчерашним днем. Не через годы и века поведу я вас, но через эпохи, туманные эоны — туда, куда не в силах заглянуть даже самые смелые из историков и философов. Глубже, глубже и еще глубже погрузимся мы в бездонное прошлое — к истокам рода человеческого, к корням моего народа, расы голубоглазых, светловолосых, могучих воинов, безжалостных врагов и верных друзей, неутомимых путешественников и первооткрывателей.

Моя история о Ньёрде, Ньёрде — Победителе Чудовища, ставшем прототипом героя целого цикла легенд, о страшных событиях, заложивших реальную основу в мифы о драконах и прочих монстрах и чудовищах.

Я буду говорить с вами не только от имени Ньёрда, но и от своего тоже. Ведь я — Джеймс

Эллисон в степени не меньшей, чем был когда-то Ньёрдом. Рассказывая о том, что произошло тогда, я буду интерпретировать некоторые мысли, высказывания и действия Ньёрда с точки зрения нынешнего моего «я», чтобы сага об этом удивительном человеке не показалась вам галиматьей, лишенным смысла набором слов. Ибо поступки и образ мыслей Ньёрда настолько чужды нам, людям двадцатого века, насколько джунгли со львами и тиграми чужды белым стенам домов городской улицы.

Удивительным был мир, в котором Ньёрд жил, любил и сражался так много веков назад, что даже моя необычная память пасует, не в силах отыскать достаточно надежной точки отсчета, сколько по минувшим эпохам. Могу лишь сказать, что не однажды с тех пор менялось лицо Земли: возносились и тонули континенты, с места на место перетекали моря, пробивали новые русла реки, наступали и пятились ледники, меняли свое положение на небе звезды, складываясь в новые созвездия.

Это была эпоха начала эпических странствий человека разумного, эпоха, в которой племена голубоглазых и светловолосых людей двигались на север и на юг, на запад и на восток, в веками длившемся кочевье вокруг земного шара. Их следы и их кости можно отыскать в самых диких уголках современного мира. Я родился, вырос и возмужал в дороге. О родине, оставшейся где-то далеко на севере, остались лишь отрывочные воспоминания — неясные, словно полузабытый сон. В моей памяти остались лишь образы ослепительно белых равнин и ледяных полей; огромные костры, пылавшие в центре круга из кожаных шатров; русые волосы, развевающиеся на ветру; солнце, скрывающее свой лик

за мрачной стеной багровых туч; вытоптанный снег, на котором, скорчившись, замерли в лужицах чего-то алого темные фигурки.

Это последнее воспоминание отчетливее всех остальных. Уже много позже мне объяснили, что это поля Ютунхайма, где разыгралась страшная битва — та самая легендарная битва эсиров, о которой затем на протяжении веков слагали песни седобородые сказители, отзовы которой дошли до нашего времени в виде туманных описаний Рагна-рока и Геттердеммерунга. Так вот, представьте себе, что я видел это грудным ребенком, стало быть, жил где-то в... Нет, не будем уточнять — вы еще примете меня за сумасшедшего, а историки и совместными усилиями геологи спустят с меня шкуру.

Но это не более чем смутный фрагмент, гораздо ярче я вижу кочевье, в котором, собственно, и прошла вся моя жизнь. Мы не выбирали себе путь осознанно, но так уж получалось, что наше племя постоянно шло на юг. Иногда мы останавливались и жили какое-то время в плодородных долинах меж высокими горами или по берегам величавых рек, но рано или поздно срывались с насиженного места и двигались дальше. И дело отнюдь не в грозившем нам голоде или, допустим, внезапной засухе, — случалось, мы уходили в пустыню, без сожаления покидая земли богатые дичью. Нет, нас гнали вперед неутоленные страсти и желания. Такова уж человеческая природа. Но мы об этом думали тогда не больше, чем дикие гуси думают о причинах сезонных миграций. Вот так однажды мы и оказались в тех местах, где обитало Чудовище.

Я начал свою повесть с того момента, когда мы подошли к холмам, покрытым буйной растительностью, в которой кишела разнообразная живность.

Именно тогда мы впервые услышали тамтамы аборигенов, наполнявшие рокочущей дробью жаркую душную ночь. Утром мы увидели самих обитателей холмов — низкорослых, коренастых, черноволосых дикарей с пестро размаляванными жестокими лицами, но, несомненно, белокожих. Мы издавна знали их род. Это были пикты, наиболее воинственное из всех известных нам племен. Пикты попадались нам и в густых лесах, и в горных долинах, но со времени нашей последней встречи с ними уткло немало времени. Думаю, что здешнее племя пиктов дальше всех иных откочевало на восток. Всего несколько поколений пиктов успело смениться на этом месте, но бесконечные джунгли уже начали переваривать этих людей, стирая прежние черты и подгоняя их под свой кошмарный эталон.

Мы шли пешком — белобородые, похожие на волков, старики; могучие, в расцвете сил, мужчины; нагие дети; златовласые женщины с младенцами на руках, никогда, кстати, не плакавшими. Я не помню, сколько нас было, — что-то около пяти сотен воинов. Воинами я называю всех мужчин: от детей, достаточно сильных, чтобы держать лук, и до самых дряхлых старцев. В те жестокие времена воевали все. Наши женщины дрались в случае необходимости, как тигрицы, я помню младенца, вцепившегося зубами в ногу наступившего на него врага.

Да, мы были настоящими воинами. Но пришло время рассказать о Ньёрде. Я горжусь собой, бывшем им, особенно сейчас, когда вижу жалкое, парализованное тело Джеймса Эллисона — теперешнее мое вместилище, которое я вскоре без сожаления покину.

Ньёрд был высоким, широкоплечим, с сильными руками и крепкими ногами, юношей. Длинные уп-

ругие мышцы дарили ему не только силу, но и выносливость. Он мог сутками бежать, не выказывая ни малейших признаков усталости. Ошеломляющая стремительность движений превратила бы его тело в глазах современного наблюдателя в размытое пятно. Поведай я в цифрах вам о его силе, вы посчитали бы меня лжецом. На всей Земле не сыскать сейчас человека, который смог бы натянуть лук Ньёрда. Помнится, в наши дни рекорд по стрельбе из лука принадлежит одному турецкому спортсмену, пославшему стрелу на четырьеста восемьдесят два ярда. В моем племени подростки, не сумевшие бы побить этот рекорд, просто не выживали.

Итак, углубившись в джунгли, мы услышали тамтамы, гремевшие в таинственных долинах, прятавшихся среди холмов. Враг ждал нас на широком, открытом со всех сторон плоскогорье. Здешние пикты, судя по всему, ничего о нас не знали, даже слухи об эсирах до них не дошли, ибо будь иначе, им бы в голову не пришло пытаться противостоять нам в открытом бою. Разрисованные дикари раскачивались на ветках, грозно завывали, вопили, что свалят наши головы к ногам своих богов, что наши женщины будут рожать им сыновей. Ха! Ха! Ха! О Йомир! Это рассмеялся Ньёрд, а не Джеймс Эллисон. Именно так, от всей души, смеялись тогда эсиры, услышав эти угрозы. Моря крови, океаны пламени и холмы пепла оставляли за собой мы, бывшие беспощадными убийцами, неумолимыми грабителями, с мечом в руке покорявшие жестокий мир. Кривляния пиктов просто нас позабавили.

Мы устремились им навстречу, скидывая на ходу с плеч волчьей шкуры и вытаскивая из ножен бронзовые мечи. Наш рев громом прокатился по плоскогорью. Пикты выстрелили из луков, мы ответили

тем же. Где им было тягаться с нами в меткости! Тяжелые стрелы эсиров обрушились на них стеной и дикари валились наземь, словно сухие тростинки под порывами ветра. Когда завывающие пикты с пеной на губах набросились на нас, мы, опьяненные радостью сражения, отшвырнули луки прочь и дали волю мечам.

Я описываю эту битву несколькими сухими словами, так как чувствую, что моих скромных талантов просто не хватит, чтобы передать это безумие, заставить вас почувствовать запах крови и пота, хриплое дыхание, напряжение мускулов, звук рассекаемой могучими ударами плоти. Главным отличием этой резни была беспредельная жестокость; в ней не было ни правил, ни порядка, просто каждый дрался, как хотел и как мог. Если бы я начал описывать все, что там происходило, ваши желудки не выдержали бы. Я сам, участвовавший в этой бойне, ныне не могу сдержать дрожи. О том, что сражаться с врагом можно, подчиняясь каким-то правилам, никто даже не догадывался. В те времена человек с момента своего рождения и до самого мига смерти зубами и когтями дрался за жизнь, ни у кого не прося пощады и никому ее не даруя. Все проявления милосердия были случайными, порожденные стечением обстоятельств, и, соответственно, крайне редкими.

Так вот, мы погнали отступающих пиктов к лесу, а поле боя осталось за нашими женщинами, которые камнями разбивали головы поверженных врагов и бронзовыми ножами перерезали им горло. Пленных в нашем обществе не пытали. Более жестокими, чем того требовала жизнь, мы не были. Жизненные законы той поры были воистину бесчеловечными, но справедливости ради следует ска-

зать, что современное «цивилизованное» общество отмечено бессмысленной жестокостью отнюдь не в меньшей степени.

И все же, доводилось проявлять милосердие и нам. Мне попался чрезвычайно мужественный противник. Значительно уступая мне в росте, пикт был не намного слабее меня — сплошной клубок стальных мускулов, и выпады его железного меча были подобны разящей молнии. Защищался он большим деревянным щитом, обитым буйволиной кожей. У меня в руках была огромная палица с шипами.

Я был ранен, кровь обильно текла из нескольких глубоких ран на груди и руках, но вот один из моих ударов достиг цели, смыв его щит, словно картонный ящик. Мгновение спустя палица обрушилась на его обнаженную голову. О Йомир! Даже сейчас улыбка кривит губы, когда я вспоминаю об этом. Сколь же крепким оказался череп этого пикта! На голове его открылась страшная рана, и он рухнул наземь, потеряв сознание. Я бросился на следующего противника, будучи уверенным, что с могучим пиктом покончено раз и навсегда, а затем присоединился к воинам, преследовавшим врага.

Когда я, залитый с ног до головы потом и кровью, вернулся на поле брани, то увидел, что мой противник приходит в сознание, а одна из девушек-подростков как раз собирается обрушить на его голову огромный камень. Некий мимолетный каприз заставил меня остановить девушку. Сам по себе поединок доставил мне огромное удовольствие, но я был поистине восхищен столь совершенной конструкцией черепа этого человека.

Мы разбили лагерь здесь же, на плоскогорье, неподалеку от места сражения. наших павших соплеменников, поверьте их было совсем немного,

мы сожгли на огромном костре, а трупы врагов попросту сбросили вниз в долину, на радость сбежавшимся пожирателям падали. В ту ночь мы ждали нового нападения, но так и не дождались. Лишь джунгли озаряло багровое зарево многочисленных костров, да порывы ветра время от времени доносили гулкую дробь тамтамов и вой. В деревнях пиктов оплакивали погибших или, быть может, просто орали, разряжая бессильную злобу. Не нападали они на нас и в последующие несколько дней. Тем временем раны нашего пленника начали затягиваться. Он был очень общителен, и мы достаточно быстро усвоили его примитивный язык. Его звали Громом, и он хвастался, что был лучшим охотником во всех пиктских кланах. Он охотно болтал с нами, поблескивая маленькими глазками из-под черной гривы спутанных волос, прикрывавшей низкий лоб, и широко улыбался, обнажая похожие на клыки зубы.

Гром проявлял к нам, эсирам, живейший интерес, неведомым людям, победившим его племя, но почему-то не спешившим воспользоваться плодами победы. Но он так никогда и не смог понять, почему, собственно, мы его пощадили и оставили в живых. Именно Гром и подал нам идею послать его к соплеменникам, чтобы от нашего имени заключить с ними мирный договор. Для нас это не имело особого значения, потому что в случае нового нападения мы бы просто вырезали всех пиктов. Тем не менее никому не пришло в голову задерживать Грома — позорная идея рабства в мире Ньёрда еще не появилась.

Пикт вернулся к своему племени, и мы забыли о нем. Лишь я стал чуть осторожнее вести себя на охоте — мне все казалось, что он скрывается в густых зарослях и поджидает благоприятного момента,

чтобы пустить стрелу в спину. Но вот однажды спокойствие ночи нарушил снова грохот тамтамов и по утру из чеса появился наш старый знакомый с торжественной улыбкой на толстых губах. За ним шествовали вожди кланов — с перьями в волосах, закутанные в волчьи шкуры, с размалеванными лицами. Наше воинское искусство изрядно устрало обитателей леса, но еще большее впечатление на них произвело то, что мы отпустили Грома живым и невредимым. Подобный поступок настолько не вписывался в их привычный порядок вещей, что вожди пиктов сочли его знаком безграничного презрения к намного более слабому противнику.

Так мы заключили мир с пиктами. По этому поводу состоялось шумное мероприятие, было произнесено множество клятв, всяких ритуальных заклинаний. Мы поклялись именем Йомира — эту клятву ни разу не нарушил ни один эсир. Они обращались ко всем стихиям, зывали к своему божку, сидящему в специальной хижине, в которой постоянно пылал огонь, а также существу настолько ужасному, что его боялись назвать по имени. И все это время, не замирая ни на секунду, высохшая старуха колотила в бубен. Затем мы сидели у костров и пили хмельной взвар из местных злаков, закусывая его мясом дичи, зажаренной здесь же.

До сих пор не могу понять, как это пиршество не закончилось резней, ибо напиток этот имел страшную силу и бил по голове словно молот. Но ничего страшного тогда не произошло, и с тех пор мы жили с нашими соседями в мире и согласии. Пикты многому научились от нас, да и мы переняли от них кое-что полезное. Так, мы быстро приспособились обрабатывать железо, поскольку в здешних местах совсем не было меди.

Мы беспрепятственно заходили в их деревушки — небольшие скопления хижин-мазанок, обычно на полянах, в тени гигантских деревьев. Пиктам, в свою очередь, никто не мешал бродить по нашему лагерю — наши кожаные шатры так и остались стоять там, где мы их поставили.

Тем не менее мои соплеменники не обращали ни малейшего внимания на коренастых пиктских девушек с глазами-бусинками, а стройных златокудрых эсиров совершенно не интересовали кряжистые, заросшие с ног до головы волосами юноши. Похоже и мы не очень то привлекали пиктов. Проживи мы рядом хотя бы пару лет, взаимная неприязнь наверняка развеялась бы и два наших племени слились бы воедино.

Но этому не суждено было произойти, потому что племя эсиров двинулось дальше, однажды растаяв в предрассветной мгле. Но до того, как это случилось, нам пришлось пережить ужас встречи с Чудовищем.

Я часто охотился на пару с Громом, он водил меня по диким тучным долинам, крутым склонам холмов, где не ступала нога человека. Было, однако, некое место на юго-западе, куда он ни за что не соглашался меня отвести. На дне этого гигантского чашевидного углубления между скал издали видны были обломки рассыпавшихся или разбитых вдребезги колонн, свидетелей былого величия некой древней, исчезнувшей еще до появления человеческого рода цивилизации. Гром показал мне эти руины сверху, со скал, нависавших над этой запретной долиной, но наотрез отказался идти туда со мной и отговорил от намерения спуститься в одиночку. Там было нечто такое, о чем он боялся говорить открыто, но опасность была более грозной, чем

змеи, тигры или даже гигантские слоны, стада которых иногда забредали сюда с юга.

По словам Грома, пиктов не пугали дикие звери — единственным, кого они действительно боялись, был Сатха, прародитель змей. Но некая страшная тайна окутывала их незримым облаком ужаса — мы, эсиры, хорошо чувствовали подобные вещи и связана она была каким-то образом с Долиной Потрескавшихся Камней — так они называли место, где лежали поломанные колонны. Много лет назад их предки, только поселившиеся в этих краях, осмелились потревожить покой этого мрачного места, и целый пиктский клан погиб страшной, непонятной смертью. Так, во всяком случае, рассказывал нам об этом Гром. Из его слов мы уяснили, что объявился Ужас из неведомых земных глубин, и говорить о нем вслух было, по мнению пиктов, безрассудно, потому что слова могли вызвать его вновь. Даже само упоминание о нем.

Но в любом другом месте Гром готов был охотиться со мной сколько угодно. Он действительно был лучшим охотником среди пиктов, и мы с ним пережили множество опаснейших приключений. Однажды я железным мечом, выкованным собственными руками, зарубил проклятую бестию — серого саблезуба, современные ученые его называют саблезубым тигром, поскольку углядели в нем сходство с гигантской кошкой. На самом деле приземистое тело этого хищника, опиравшееся на массивные толстые лапы, напоминало, скорее, медвежье, хотя голова, несомненно, была тигриной. Зверюга исчезла с поверхности Земли потому, что была слишком страшна даже по меркам тех кошмарных времен. На протяжении целых эпох сила мышц его росла, росла и его свирепость и кровожадность.

Мозг же постепенно уменьшался, и в конце концов саблезуб утратил инстинкт самосохранения. Его уничтожила сама Природа, озабоченная сохранением равновесия. Ибо если бы невероятные бойцовские качества жуткого создания соответствовали развитию мозга, все иные формы земной жизни были бы обречены на гибель. Саблезуб был шалостью, тупиковым ответвлением эволюции, нежизнеспособной формой, ориентированной лишь на убийства да разрушения.

Я победил саблезуба в поединке, который сам по себе достоин быть воспетым в балладе. Долгие месяцы после этого я провалился в бреду с ужасающими ранами. Пикты качали головами и утверждали, что на их памяти не было случая, чтобы кому-нибудь удалось справиться с этой бестией в одиночку. Я — Ньёрд, еще больше поразил их тем, что вопреки ожиданиям знахарей, выжил.

Пока я пребывал у врат королевства смерти, произошел раскол племени. Подобные события вовсе не считались чем-то особенным в те времена, и племя отнеслось к этому довольно спокойно. Четыре дюжины молодых воинов, решивших отделиться вместе со своими избранницами, откочевали, чтобы заложить новый клан. Для поселения они выбрали Долину Потрескавшихся Камней. Пикты буквально умоляли их одуматься, но эсиры лишь посмеялись над ними. Мы оставили своих демонов далеко на севере, среди ледяных пустынь, а уж чужими испугать нас было и вовсе нельзя.

Как только ко мне вернулись силы и я смог управлять своим мечом, я отправился навестить друзей на их новом месте жительства. Грома со мной не было — он уже несколько дней не появлялся в лагере эсиров. Но я хорошо запомнил

дорогу в то место, откуда открывался живописный вид на озеро в верхней части долины и густой лес на противоположном ее конце. Долину с двух сторон сторожили крутые скалы, а ее более низкая северо-западная часть была густо утыкана полуразрушившимися колоннами. Некоторые из них еще возносились над кронами деревьев, другие давно уже рассыпались, превратившись в груды камней, заросшие густой травой. Кто их там поставил, не знал никто. Гром, правда, перебрав раз хмельного взвара, нес что-то невразумительное о некоем волосатом, похожем на обезьяну существе, танцующем под звуки демонической музыки пищалок.

Я пересек плоскогорье, на котором стоял наш лагерь, спустился вниз по склону и углубился в заросли. От хребта, за которым лежала долина с колоннами, меня отделяло полдня неторопливой ходьбы. По дороге я не заметил ни малейших следов деятельности человека — пикты избегали появляться в этих местах, их деревни стояли намного восточнее.

Перевалив хребет, я увидел внизу сонную долину, тихое голубое озеро, возвышающиеся над деревьями колонны. Нигде ни струйки дыма, хотя именно дым костра я ожидал увидеть в первую очередь. Зато мне сразу бросились в глаза стервятники, кружившие над шатрами, стоявшими на берегу озера.

Я осторожно спустился вниз и направился к лагерю эсиров. И тут же застыл на месте, потрясенный увиденным. Мне приходилось сталкиваться со смертью во всех ее проявлениях, много раз я чудом ее избегал. Более того, будучи Ньёрдом, я сам неоднократно служил ее орудием, проливая кровь, как воду, и оставляя за собой горы трупов. Но то, что

предстало перед моими глазами здесь, в Долине Потрескавшихся Камней, потрясло даже мою огрубевшую душу. Из четырех дюжин моих друзей и соплеменников в живых не осталось никого. Но самое ужасное, мне не удалось найти ни одного целого человеческого.

Некоторые шатры еще стояли, другие были смяты в лепешку, вдавлены в землю некоей неведомой тяжестью. У меня мелькнула даже мысль, что быть может, здесь промчалось охваченное паникой стадо слонов. Но то, что я видел, никаким слонам натвсрить было бы не под силу. Становище буквально усеивали куски человеческих тел — руки, ноги, головы, внутренности... Везде вокруг валялось оружие, лезвия некоторых мечей и наконецники копий были вымазаны зеленоватой слизью, похожей на ту, что остается от растоптанной гусеницы. Нет, то, что здесь произошло, не могло быть делом человеческих рук — человек на такое не способен.

Я перевел взгляд на озеро. Ровная густая голубизна его спокойных вод свидетельствовала о значительной глубине, не оттуда ли выползло какое-нибудь ужасное чудовище? И тут я увидел след. Глубокая и широкая борозда — такую мог бы оставить после себя огромный слизняк — уходила куда-то в нижнюю часть долины. Трава внутри нее была спрессована, кустарник и деревья изломаны в щепки и вдавлены в землю, а сверху все покрывала зеленая слизь.

Едва я, выхватив меч, собрался припустить по следу, сзади послышался чей-то окрик. Оглянувшись, я увидел торопливо спускающуюся со скал коренастую фигуру. Это был Гром. Лишь вспомнив о том, насколько глубоко укоренился в каждом

пикте страх перед долиной, можно было оценить ту самоотверженность, какую он проявил ради дружбы со мной.

Сжимая в побелевших от напряжения руках копье, боязливо окидывая взглядом заросшие густым кустарником обманчиво мирные склоны, он поведал мне о той ужасной твари, что напала ночью на клан эсиров. Наконец я услышал великую тайну племени пиктов, которую, в свою очередь, Гром узнал от старейшин своего племени.

Много поколений назад пикты пришли сюда с северо-востока. Местность эта изобиловала непуганым зверьем и съедобными растениями, поблизости не оказалось никаких враждебных племен, и было решено остаться здесь навсегда.

Часть из них, целый клан могучего племени, избрала для поселения Долину Потрескавшихся Камней. Пикты осмотрели колонны и нашли скрытый в глубине рощи полуразрушенный храм. В храме, на месте, где мы ожидали бы найти алтарь, поселенцы обнаружили черный колодец с абсолютно гладкими стенами, который уходил куда-то в глубь земли.

Они построили в долине хижины и начали малопомалу обживаться, но однажды ночью, в полнолуние, их всех погубило нечто неназываемое, оставившее после себя лишь груды обломков да покрытые слизью куски плоти.

В те далекие времена испугать пиктов чем-то вообще было невозможно. Воины остальных кланов, собравшись у костра, воззвали к своим богам и отправились по широкому кровавому следу — точь в точь такому, на котором я сейчас стоял — который привел их к колодцу в храме. Они громко кричали и бросали в колодец камни, но ни стука падения камней на дно, ни всплеска не слышали.

Зато вскоре до их ушей донеслась музыка. И вдруг из колодца выскочило какое-то человекоподобное существо, приплясывавшее под звуки мелодии, исходившей из пищалок, мелькавших в его тонких паучьих ручках. Пикты, увидев это существо, не успели даже удивиться, как следом за ним из-под земли начала выползать бесконечная белая масса. Этот материализованный кошмар не брали стрелы, они просто исчезали в белесой туше, мечи рассекали податливую плоть, но не причиняли монстру ни малейшего вреда. Адское чудовище обрушилось на воинов. Оно давило людей в багровую кашу, рвало их на куски, высасывало кровь и мозг из раздробленных костей, пожирая кричащих и сопротивляющихся пиктов заживо. Горстка уцелевших в страшной бойне бросилась наутек, чудовище гналось за ними до самых скал, на которые, однако, не сумело втащить свое гигантское тело. А над всем этим ужасом плыли аккорды дьявольской музыки.

С тех пор Долина Потрескавшихся Камней стала для пиктов табу. Погибшие воины время от времени приходили к шаманам и старейшинам в их снах, посвящая живых соплеменников в страшные, невероятные тайны. Они рассказывали о некоей демонической расе, населявшей некогда эти края, именно она возвела с какой-то, никому неизвестной теперь целью лес колонн в долине. Белая тварь из колодца была богом этой расы, призванным в наш мир из черных подземных глубин ада с помощью магии, непостижимой детям человеческим. Походившее на помесь обезьяны с пауком существо с флейтой было его слугой — бестелесным первичным духом, помещенным с помощью черного колдовства в материальное органическое тело. Эта древняя раса давно исчезла, а бог и его слуга остались жить. Оба они

были уязвимы — их тела возможно были смертны, но люди не владели секретом оружия, достаточно мощного, чтобы их убить.

Клан моих друзей спокойно жил в долине несколько недель. Лишь вчера ночью Гром, охотившийся поблизости (еще одно, кстати, доказательство его отваги), к своему ужасу услышал завоораживающие переливы демонической музыки. Секундой позже до его ушей донеслись ужасающие звуки людских воплей, заглушаемые отвратительным чавканьем. Гром упал на землю и лежал так, уткнувшись лицом в траву и обхватив руками голову, не смея пошевелиться, до самого утра. На рассвете он, содрогаясь от страха, подошел к обрыву и посмотрел вниз в долину. Картина, открывшаяся пикту, даже издала, обратила его в паническое бегство. Затем охотнику пришло в голову, что следует предупредить остальных людей нашего племени. Уже направляясь к лагерю эсиров, он оглянулся и увидел меня, стоявшего на скале над долиной.

Пока Гром рассказывал, я сидел, подперев рукой голову и целиком погрузившись в пучину отчаяния. Современным языком невозможно выразить то чувство внутриплеменной связи, которое тогда играло исключительную роль в жизни любого мужчины и любой женщины. В мире, который со всех сторон грозил человеку клыками и когтями, где любая рука, кроме руки соплеменника, готова была нанести смертельный удар, инстинкт племенного родства был чем-то неизмеримо большим, нежели пустым звуком, каким он стал сейчас. Этот инстинкт тогда был не менее могуч, чем инстинкт самосохранения или продолжения рода и лишенные его человек не смог бы жить, как не смог бы он жить без сердца или без рук. И не могло быть

иначе. Только так, тесно сплотившись, мог род человеческий выжить в страшных условиях первобытного мира. Поэтому то личное горе, которое я пережил, увидев останки моих друзей, та тоска по безвозвратно ушедшим гибким, сильным юношам и веселым быстроногим девушкам, низвергли меня в море печали и ярости, глубина и сила которых не поддавались описанию. Я понуро сидел скрючившись, а Гром, уважая мою скорбь молчал, поглядывал то на меня, то на грозную долину, где поломанными зубьями безумных ведьм торчали над зеленой рошей проклятые колонны.

Я, Ньёрд, не был одним из тех, кто занимает себя досужими размышлениями. Я жил в мире, где царила физическая сила и за меня думали старейшины племени. Но не надо считать меня безмозглым животным. Итак, я сидел, и в моем мозгу, переполненным горем и болью, сначала туманно, затем все более явственно складывался план.

Я встал и вместе с Громом приступил к работе. Мы сложили на берегу озера огромную кучу из сухих веток, обломков шатерных стоек, поломанных древков копий. Тщательно собрав то, что осталось от людских тел, мы сложили наш скорбный груз на самый верх кургана, и я высек искру.

Темный густой дым устремился к небу, а я повернулся к Грому и потребовал, чтобы он отвел меня в джунгли, туда, где лежали охотничьи уголья великого Сатхи, прародителя змей. Пикт недоуменно посмотрел на меня. Даже лучшие из лучших пиктских охотников уступали дорогу этому грозному повелителю болот. Но моя воля подхватила Грома, словно вихрь, и он пошел со мной. Мы выбрались из Долины Потрескавшихся Камней, пересекли хребет и углубились в джунгли, держа на-

правление строго на юг. Это был долгий и трудный путь, но Гром в конце концов вывел меня к краю обширной болотистой низины. Ее целиком покрывал губчатый ил, в котором по щиколотки вязли наши ноги, из-под слоя гниющей растительности при каждом шаге брызгали вверх струйки теплой грязи. Гром сказал, что именно здесь время от времени появляется Сатха, великий змей.

Возблагодарите судьбу, что вам никогда не доведется встретиться с Сатхой. Никого, подобного ему, в наше время на Земле не осталось. Как плотоядные динозавры, как саблезубы, он был реликтом давно минувших эпох — еще более суровых и жестоких, чем последующие. Во времена Бронзового Века, однако, эти ужасные, покрытые прочнейшей чешуей первозмеи еще жили, хотя было их уже очень и очень мало. Каждая из них настолько же превосходила самого большого из современных питонов, насколько те превосходят дождевых червей. Из их клыков сочился яд, в тысячу раз более опасный, чем яд королевской кобры.

Сатха был воплощением и средоточием первобытного зла для всего живого на Земле. Легенды о нем навсегда вписаны в анналы демонологии. Именно он, прародитель змей, известен в мифологии стигийцев, а затем египтян, под именем Сета, для семитов Сатха был Левиафаном, а христиане нарекли его Искусителем или Сатаной. Он был ползучей смертью, настолько неумолимой, неотвратимой и ужасной, чтобы удостоиться обожествления.

Я несколько раз издалека наблюдал за тем, как, величаво извиваясь, его гигантское тело прокладывает путь сквозь густые джунгли, как он атакует очередную жертву. Могу лично засвидетельствовать, что огромный слон пал мертвым от одного-един-

ственного его укуса. Но я никогда не охотился на Сатху. Я — Ньёрд! — не побоявшийся сразиться с саблезубом, раньше никогда не решался становиться на его пути.

Теперь же я искал встречи с ним, искал в одиночку. Даже те горячие дружеские чувства, которые питал ко мне Гром, не смогли заставить его пойти со мной дальше. Однако перед расставанием он посоветовал мне вымазать грязью лицо и спеть песню смерти. Я пропустил его слова мимо ушей.

Среди вековых деревьев я нашел нечто похожее на звериную тропу и поставил на ней западню. Прежде всего я выбрал огромное дерево с толстым и тяжелым стволом, но мягкой волокнистой древесиной. Затем, обливаясь потом, я подрубил его мечом у самых корней и свалил так, что его верхушка улеглась на крону дерева поменьше, росшего по другую сторону тропы. Затем я обрубил нижние ветви лесного гиганта, вытесал тонкий прочный кол и острием его подпер верхушку колосса. Когда я срубил дерево-опору, тяжеленный ствол глубоко вдавил кол в землю, но я знал, что стоит мне сильнее потянуть за длинную и толстую лиану, заранее привязанную к нему, ловушка сработает.

Затем я решительно углубился в полумрак джунглей, куда почти не проникал свет солнца. Вдруг удушливый, отвратительный смрад рептилии ударил мне в ноздри, и над деревьями появилась, гипнотически покачиваясь из стороны в сторону, кошмарная голова Сатхи. Раздвоенный язык высовывался и прятался, огромные желтые глаза равнодушно вглядывались в меня. В узких зрачках светилась зловещая мудрость того неведомого мрачного мира, в котором не было места людям. Я отшатнулся и побежал.

Страх во мне не было, лишь какой-то странный холодок в области позвоночника и та удивительная ясность рассудка, при которой мир сбрасывает с себя покров тайны. Сатха, извиваясь, следовал за мной. Его стофутное тело желто-зелеными волнами перекачивалось через гниющие поваленные стволы в абсолютной гипнотической тишине. Клиновидная голова первоземца по размерам превосходила кабанию, толщина же туловища была в рост человека, чешуя переливалась тысячами цветов и оттенков. Я был для него такой же легкой добычей, как мышь для питона, но таких клыков, как у меня, не имела ни одна мышь на свете.

Я бежал быстро, прекрасно понимая, что от молниеносного выпада треугольной головы уйти не смогу. Сатху нельзя было подпускать близко. Я мчался по тропе, прислушиваясь к похожему на шелест травы под ветром шуршанию неумолимо нагоняющего меня гибкого тела.

Нас разделяло уже не более дюжины футов, когда я пробежал под западней. Обернувшись, я обнаружил, что под деревом уже скользит длинное блестящее тело. Схватившись обеими руками за лиану, я напряг мышцы и отчаянно рванул ее на себя — второй попытки быть уже не могло. Огромное бревно с грохотом обрушилось на чешуйчатое тело Сатхи примерно в шести футах за его головой. Я надеялся, что такой удар перешибет ему позвоночник, но не думаю, что это в действительности произошло. Гигантский змей извивался и крутился, могучий хвост ломал толстые деревья, словно сухие прутья. Когда древесный ствол рухнул на змея, его огромная голова мгновенно повернулась и стремительно атаковала нового врага. Мощные клыки вспороли кору, словно лезвия кинжалов.

Однако Сатха тут же понял, что сражается с неодошевленным противником, и снова повернул голову ко мне. Я стоял в безопасном отдалении. Исполинская рептилия выгнула покрытую чешуей шею и разинула пасть, обнажая полуторафutowой длины клыки. Яд, стекавший с них, способен был проесть насквозь даже камень.

Думаю, если бы не обломившийся здоровенный сук, пронзивший ему бок и прищипливающий Сатху к земле подобно гарпуну, гадина сумела бы выбраться из-под дерева. Ее шипение заглушало шум, поднятый обитателями джунглей, сразу же почувствовавшими падение владыки. Глаза змея, полные запретельной мудрости, вглядывались в меня с такой ненавистью, что у меня подкосились ноги. О да, он отлично знал, что это я поймал его. Я подошел настолько близко, насколько мне хватило отваги, тщательно прицелился и изо всех сил метнул свое тяжелое копье, целясь в точку сразу же за головой. Тяжелое древко пронзило тело змея насквозь и железное острие глубоко увязло в дереве. Я сильно рисковал: Сатхе далеко было до смерти, и я знал, что ему хватит мгновения, чтобы вырвать копье и освободиться, но этого мгновения у него уже не оказалось. Я подскочил вплотную, размахнулся и ударил изо всей силы мечом, перерубая ему глотку, а затем несколькими могучими ударами срубил напроць его клыкастую голову.

Дерганья и рывки пойманного Сатхи были ничем в сравнении с конвульсиями бившегося в агонии обезглавленного тела. Я оттащил подальше свой омерзительный трофей и, убедившись, что устроился вне досягаемости для смертоносных ударов могучего хвоста, принялся за дело. Сам Нобель — изобретатель динамита, не работал с большей осто-

рожностью, чем я тогда — малейшая ошибка грозила мгновенной смертью. Я вскрыл мешочки с ядом и погрузил в них наконечники своих стрел. Я тщательно следил за тем, чтобы только бронзовые острия имели контакт с этой страшной жидкостью, деревянные древки стрел этот фантастической силой яд обратил бы в труху в считанные секунды.

Тут из-за деревьев осторожно выглянул Гром — любопытство и страх за меня не дали ему усидеть в кустах, где я его оставил. Глаза и рот пикта широко раскрылись, когда он увидел голову Сатхи.

Несколько долгих часов вымачивались металлические острия в яде, пока не покрылись смертоносным зеленоватым налетом. Благородную бронзу сплошь испещряли мелкие черные точки — следы травления металла ядом. Затем, хотя ночь уже пала на джунгли и вокруг слышались порывки охотившихся хищников, мы с Громом при свете луны пустились в обратный путь и на рассвете добрались до скал, нависавших над Долиной Потрескавшихся Камней.

Перед тем, как спуститься в долину, я переломил свое копье и вознес молитвы Йомиру, в чертоги которого собирался. Затем я покрыл лицо и руки ритуальными узорами, как это принято у эсиров, отправляющихся на верную смерть. Утренняя ветер развеивал мою светлую гриву, когда я, обратив лик к восходящему над горным кряжем солнцу, пел свою песню смерти. Наконец, проверив лук, я направился вниз.

Гром не решился последовать за мной. Он упал лицом вниз на камни и завыл словно раненый пес.

Я прошел мимо озера, оставив в стороне тлеющие еще угли погребального костра и углубился в рощу. Между деревьев высились колонны — скосо-

боченные, бесформенные, невероятно древние. Деревья росли густо — свет самого солнца, казалось, мерк, запутавшись в раскидистых кронах. В зеленоватом полумраке передо мной вырастали очертания полурассыпавшихся циклопических стен огромного строения. У их подножия валялись в пыли груды осыпавшейся штукатурки и цельные скальные блоки.

Примерно в шести сотнях ярдов от храма на краю прилегающей к нему большой поляны возвышалась одиночная колонна высотой в семьдесят или восемьдесят футов. Время и непогода изрядно потрудились над нею, так что теперь любой ребенок из моего племени без труда вскарабкался бы на самый ее верх. Увидев эту колонну, я изменил первоначальный план.

Подойдя ближе, я, задрав голову, внимательно оглядел стены, на которых чудом держался купол крыши. Он был настолько дыряв, что напоминал скорей поросший мхом остов некоего сказочного животного. Быть может, некогда эти стены украшали какие-то знаки или иероглифы, но даже если это было так, их давно уже стерло время. Вход в храм стерегли гигантские колонны, а сам он был настолько широк, что через него свободно прошел бы десяток слонов, двигаясь бок о бок. Гигантский внутренний зал также заполняли ряды колонн, сохранившихся несколько лучше наружных. Каждую из них венчал плоский пьедестал. Подсознание тут же нарисовало туманные образы отвратительных существ, восседавших на этих пьедесталах, верша неведомые обряды, в те необозримые времена, когда сама вселенная была юной.

Алтаря не было. Только зияющее отверстие в каменном полу, вокруг которого стояли омерзи-

тельные статуи совершенно чуждых человеческому глазу пропорций. Я выворачивал из многочисленных каменных куч куски побольше и, один за другим, отправлял их в разверстый зев колодца. Я слышал, как они ударялись о стенки колодца, но так и не дождался грохота, свидетельствовавшего о том, что обомки, наконец, достигли дна. Камень за камнем проваливался в колодец, и каждый из них я сопровождал проклятием. Но вот, наконец, я смог различить звук, который не был отголоском падения камней. Из колодца поплыли чарующие звуки. Я заглянул в него: внизу, где-то глубоко во тьме, кипели какие-то смутные бесформенные тени.

По мере того как музыка становилась громче, я медленно отступал назад. Пройдя под аркой, я вышел наружу и остановился. Послышался скрежет и хруст камней, и секундой позже из-за колонны выскочило, приплясывая, какое-то существо. Отдаленно напоминавшее человеческое тело адского флейтиста было целиком покрыто густой шевелящейся порослью тонких волосков. Если и были у него уши, нос и рот, я их не заметил. Лишь пара светящихся багровых глаз таранилась на меня исподлобья. Это существо держало в по-паучьи искривленных тонких руках странные флейты, неведомым мне образом извлекая из них демонические аккорды. Приплясывая и подпрыгивая, оно приближалось ко мне.

Я осторожно извлек стрелу из своего колчана, натянул тетиву и послал свою вестницу смерти прямо в грудь плясуну. Тот рухнул бесформенной кучей, но музыка, к моему удивлению, звучала по-прежнему, хотя флейты выпали из казавшихся бескостными пальцев. Я подбежал к колонне и, не оглядываясь, вскарабкался по ней вверх. Добрав-

шись до плоской площадки, я глянул вниз и чуть не свалился от ужаса и неожиданности.

Из храма выползал его невероятный страж. Я готов был к встрече с неведомым чудовищем, пусть даже более злобным и свирепым, чем Сатха, но то, что я увидел, выходило за пределы человеческого восприятия, казалось воплощением ночного кошмара. Я не знаю, из каких глубин преисподней его вызвали тысячелетия назад и какая злая воля его породила; не могу даже сказать, что оно было животным в точном значении этого слова. Ни в одном из земных языков нет слова, которое могло бы послужить ему названием, и я, за неимением лучшего термина, буду называть его Червем. Могу лишь сказать, что древний демон, действительно, больше походил на червяка, чем на змею, на осьминога или на динозавра.

Сказать, что это проклятое чудовище было огромным — значило бы не сказать ничего. Рядом с ним мамонт показался бы карликом. Оно было белесым и слизисто-студенистым и, подобно червяку, волочило по земле свое бесформенное тело. Ужас Долины Потрескавшихся Камней имел широкие плоские щупальца и какие-то длинные мясистые выросты, назначение которых осталось для меня тайной. Был у него и длинный хобот, который сворачивался и разворачивался, подобно слоновьему. Несколько дюжин глаз, расположенных по кругу вокруг хобота, складывались из многих тысяч фасеток, переливавшихся яркими красками и постоянно изменявших цвет и оттенок. Я угадывал скрытый за ними могучий ум — не людской, не звериный, но рожденный во мраке демонический разум. Именно отзвук мыслей подобных созданий, мятущихся в черной бездне за границами нашей вселенной, зас-

тавляет нас просыпаться по ночам в холодном поту от собственного крика.

Я дрожал от страха, но оттянул тетиву до предела и выпустил в него стрелу. Чудовище напозало на меня, словно живая гора, подминая под себя кусты и мелкие деревья. Я слал, не целясь, стрелу за стрелой, благо промахнуться в столь гигантскую цель было невозможно. Стрелы вместе с оперением исчезали в трясущемся теле и каждая из них несла дозу яда, достаточную, чтобы убить стадо буйволов. Но чудовище, похоже, ни в малейшей степени не беспокоили ни мои стрелы, ни смертельный для всех иных существ яд. Оно даже не сбавило ход. И все это время в воздухе плыла сводящая с ума сладкая мелодия, лившаяся из валявшихся на земле флейт. Моя вера в удачное завершение моего предприятия таяла — даже яд Сатхи оказался бессильным против этого адского творения. Последнюю стрелу я послал в эту бледную, трясущуюся массу почти вертикально вниз — так близко подполз он к моему убежищу.

И вдруг я увидел, что цвет тела чудовища начал меняться. По горе студенистой плоти пробежала волна жуткой синевы, и подземная тварь забилась в конвульсиях, от которых земля содрогнулась. Червь обрушился на нижнюю часть предоставившей мне убежище колонны, превращая ее в щебень. Но прежде чем это произошло, я изо всех сил оттолкнулся ногами и прыгнул вперед, стараясь приземлиться на спину чудовища.

Губчатая масса спружинила под моими ногами. Я поднял меч обеими руками и по крестовину вбил его в податливое тело и тут же вытащил. Из ужасного, длиной в ярд, разреза извергся фонтан зеленой слизи. Секундой позже удар исполинского

щупальца смахнул меня со спины колосса как козявку и подбросил на три сотни футов вверх. Я, подобно смятому ветром листу, рухнул на кроны деревьев.

Этот удар переломал половину моих костей, а падение — вторую. Я не смог пошевелить ни рукой, ни ногой, когда инстинктивно попытался схватить меч и продолжить сражение. Что можно сделать с перебитым позвоночником и сломанным основанием черепа? Я не мог даже повернуть глаза. Но я увидел тварь, и вдруг отчетливо осознал, что, несмотря ни на что, победа осталась на моей стороне. Гигантское тело извивалось и выгибалось, щупальца бешено взбивали воздух, хобот гигантским хлыстом обрушивался на камни, превращая их в пыль. Тошнотворный белесый цвет Червя сменился бледной трупной зеленью. Бестия неуклюже развернулась и поползла назад к храму, поминутно останавливаясь и рывкая из стороны в сторону, словно корабль в бушующем море. Деревья трещали и ломались, когда она обрушивалась на них всей массой своего тела.

Я рыдал от бешенства, ибо не мог схватить свой меч и погибнуть с честью, утолив в сражении пылавшую в моей душе ярость. Но бога-червя уже коснулось крыло куда более сильного бога — бога смерти, и мой меч едва ли ускорил бы ее приход. Дьявольские флейты все еще исторгали из себя свою демоническую мелодию, песню смерти для чудовища.

Я видел, как монстр оплел щупальцами тело своего мертвого раба. Оно на секунду повисло воздетое в воздух, затем чудовище ударило им о стену храма с такой силой, что от мохнатого музыканта кроме кровавого пятна ничего не осталось. Лишь

после этого флейты, извергнув из своего нутра финальный аккорд, умолкли навсегда.

Червь, судорожно подергиваясь, дополз до края колодца. Тут его снова охватила волна изменений, сути которых я не смогу описать. Даже сейчас, когда пытаюсь обдумать это спокойно, я лишь смутно улавливаю краешком сознания метафизический смысл тех сверхъестественных кощунственных трансформаций, которые пережила сама первооснова материи, ее форма. Монстр втянулся в колодец и растворился в крошечной тьме, из которой появился, и я знал уже, что он мертв. В то же мгновение, когда тело чудовища исчезло в колодце, стены храма завибрировали, колонны выгнулись вовнутрь и лопнули с оглушительным треском, свод с грохотом обрушился вниз. Некоторое время в воздухе висела сплошная завеса пыли, деревья вокруг качались и шумели листвой, словно под ударами бури, затем все стихло. Сквозь павшую на меня кровавую пелену я увидел, что там, где прежде стоял храм, теперь возвышалась гора бесформенных каменных обломков. Все колонны в долине рухнули, превратившись в груды камней.

Воцарившуюся тишину нарушил горестный голос Грома, затянувшего песню скорби над моим телом. Я глазами попросил его вложить меч в мою руку. Этот человек понял меня и, сделав это, наклонился ко мне, чтобы выслушать то, что я хотел ему сказать, ибо отпущенный мне Йомиром срок подходил к концу.

— Пусть люди помнят, — удалось вымолвить мне. — Пусть весть о том, что здесь случилось, летит из деревни в деревню, из клана в клан, от племени к племени. Положите меня с луком и мечом в руках здесь, на этом самом месте, и насыпьте надо

мной курган. Если дух поверженного мною божества вернется из бездны, мой дух всегда будет готов принять бой.

Гром стонал и бил себя кулаками в грудь, когда смерть, наконец настигнув меня в Долине Ужаса, смежила мне веки.

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Т

о, о чем я хочу вам рассказать, не бред больного воображения. Я не сумасшедший. Все в моем рассказе основано на истинном знании, на памяти моего древнего народа. Ведь эта память — все, что осталось мне от моих предков, поработанных, но не покоренных.

Сейчас я нахожусь в своем уютном офисе на пятнадцатом этаже. Внизу шумят и грохочут машины, порождения бе-

зумной технологической цивилизации белых людей.

Из окна я вижу только кусок неба между громадами небоскребов. Если же посмотреть вниз — видны лишь серые асфальтовые полосы, по которым змеятся потоки автомобилей и пешеходов.

Это так не похоже на бескрайние просторы прерий, где неслышимая поступь колышит сухую траву. Здесь нет бесконечного одиночества степи.

Ничто не порождает видений и пророческих снов.

Все в этом мире, вся его механическая мощь направлена на низведение людей до уровня бездушных автоматов.

Посреди пустыни из стали и бетона память воскрешает мои прижизненные воплощения — Каменное Сердце, Сдиратель Скальпов, Мститель, Скачущий с Грозой.

Внешне я не похож на индейца. Я держусь так же легко и непринужденно в безукоризненно сшитом деловом костюме, как и отец мой в пончо, набедренной повязке и головном уборе из перьев. По-английски я говорю с легким техасским акцентом. Также владею французским, немецким и испанским. Я закончил колледж, преуспел в бизнесе, я светский человек. Я стал белым, но...

Память, унаследованная от предков, не оставляет ничего смутного в моих прежних воплощениях. Мою жизнь Каменного Сердца я помню так же, как свою нынешнюю, в качестве Джона Гарфилда. Пустыня из бетона и стали, раскинувшаяся за окном офиса, порой кажется мне не реальнее утреннего тумана на берегах Красной реки. Память ведет меня все дальше в прошлое. Вот дом, в котором я родился, в окружении темных гор Уичито. На опален-

ной, колышущейся под ветром траве пасется худой скот. Вот на фоне ослепительно синего неба высокий силуэт дома Куано Паркера.

Я всматриваюсь глубже. Больше нет высокого дома. По бесконечной коричневой прерии, по сухой траве, мимо индейских типи, словно ураган летит смуглый обнаженный воин.

И, хотя я не умею делать того, что присуще моему народу, — носить боевую раскраску, орудовать копьем, владеть луком, и хотя мои учителя гордились моими успехами и считали меня белым не только внешне, но и в душе, — во мне росла неудовлетворенность. Меня тянуло к чему-то, что появлялось в моих снах, пробуждая во мне инстинкты и память моего народа. По моему лицу нельзя было понять одолевающее меня беспокойство, ведь индейцы всегда скрывают свои чувства от чужих глаз. Но тягостное ощущение неприкаянности с возрастом возрастало. Сны становились все более яркими и живыми. Они стали влиять на мою реальную жизнь, ставя под угрозу мой статус цивилизованного человека. И всегда в этих снах присутствовал бронзовый всадник в развевающемся уборе из перьев. Он мчался на фоне грозы и огня.

И во мне порой просыпалось необъяснимое бешенство, дремущая тяга к насилию, к крови. Я стал бояться, что однажды ночью меня захлестнет эта темная, идущая из глубин подсознания жажда, и я пойду убивать, жестоко и беспричинно.

Будучи цивилизованным (во всяком случае внешне) человеком, я как мог сопротивлялся этим диким порывам, пытаюсь найти удовлетворение в футболе, боксе, борьбе. Но это не помогало, меня все больше тянуло к чему-то, мне самому не понятному. Наконец я был вынужден просить помощи. Пони-

мая, что белый врач или психотерапевт мне не поможет, я обратился к старому шаману по имени Орлиное Перо, которого отыскал в том округе, где родился.

Сидя напротив старого, завернувшегося в изорванное одеяло шамана, я рассказывал о том, что со мной происходит, изредка подкрепляясь мясом из котелка, стоявшего между нами. Орлиное Перо выслушал меня молча и потом долго сидел, опустив голову на грудь и касаясь подбородком ожерелья из зубов индейцев племени пауни. В тишине было слышно, как шуршит ветер по старым бизоньим шкурам, покрывавшим типи, в котором мы сидели. Наконец шаман заговорил:

— В твоей душе звучит зов предков. Ты происходишь из древнего рода. Дед твой был вместе с Петой Наконой и Одиноким Волком. Воин, которого ты видишь, — ты сам, каким ты был когда-то. Если ты не найдешь выход, то однажды духи предков смутят твой разум и ты начнешь убивать, а белые повесят тебя. Повешенный не может спеть Песню смерти. А каждый команч должен спеть ее, иначе его душа не сможет оторваться от тела и останется похороненной под землей. В нынешние времена ты не можешь выйти на тропу войны. Но против колдовства памяти есть другое колдовство, могучее и ужасное, мало кто из людей способен его пережить. Но ты команч, а любой команч после смерти отправляется поохотиться на белого бизона в Страну Счастливой Охоты, а спустя сто лет возрождается снова. Но из прежней жизни в его памяти остаются лишь смутные образы, а иногда он вообще ничего не помнит. Колдовство, о котором я говорю, способно заставить тебя вспомнить свои жизни.

Орлиное Перо помолчал, потом заговорил снова.

— Я хорошо помню свои воплощения. Помню, в чьих телах обитала моя душа, и могу общаться с великими Куно Паркером и его отцом Петой Наконой, с его дедом Железной Рубашкой, с Сатаной из племени киова, с Сидящим Бизоном из рода Огалалла и с другими, чей дух еще не возродился. Если у тебя хватит сил и храбрости пройти через этот колдовской обряд, вспомнить и снова пережить свои прошлые жизни, узнать о своей прежней доблести и силе, то это принесет тебе удовлетворение и станет твоим спасением.

То, что он мне предлагал, являлось как бы способом найти выход томящейся в моей душе врожденной свирепости, не выходя за рамки поведения, принятого в том обществе, в котором я теперь живу.

Я расскажу вам о ритуале, который помог мне вспомнить о моих прошлых воплощениях. Таинство происходило далеко в горах. Лишь Орлиное Перо был свидетелем этого. Муки, которые я испытал, не могли привидеться белому человеку даже во сне. Магия эта настолько древняя и тайная, что никто из всезнаек-антропологов никогда не знал о ней. Этой магией всегда владели команчи. Другие племена позаимствовали из нее очень многое: сиу — танец солнца, а арикара взяли у сиу часть ее для танца дождя. Но только шаман команчей владел ею в полной мере. В обряде этом не было ни танцев, ни монотонного пения и криков — ничего, кроме страстной безмолвной силы, преодолевающей боль во мраке звездной ночи.

Орлиное Перо глубоко вспорол мышцы на моей спине. Он сделал два надреза настолько глубоко, что шрамы от них остались и по сей день. Шаман

продел в них сыромятный ремень, туго стянул его и, перебросив конец ремня через ветвь дуба, вздернул меня над землей так, что ноги мои едва касались травы. Укрепив ремень, он стал бить в бубен, обтянутый кожей, содранной с живота вождя индейцев-липанов. Медленный монотонный рокот бубна шамана и обжигающий шепот холодного ветра усиливали жуткую боль в спине.

Казалось, ночь никогда не кончится. По небу плыли звезды, порывы ветра сменялись затишьем. И тут звук барабана стал меняться — в нем слышался стук копыт неподкованных коней. Крик совы превратился в предсмертный вопль древних воинов. Перед моим затуманенным от муки взором заглясали языки костра, вокруг которого пели и скакали черные фигуры. Сам я оказался не висящим на ветке дуба, а привязанным к столбу пыток. Я пел свою Песню смерти, а языки пламени все приближались к моим ногам. Во мне ожили и перемешались все мои бывшие воплощения, прошлое и настоящее слились в водоворот событий, образов. Я потерял чувство времени и пространства.

Последнее, что я видел, прежде чем потерять сознание, был бронзовый, в боевой раскраске воин-команч. Копыта его коня высекали искры.

На заре, когда я висел, лишившись чувств, Орлиное Перо привязал к моим ногам древние черепа бизонов. Под их тяжестью кожа и жилы порвались, и я упал на траву. Новая боль привела меня в сознание, и я понял, что испытал великое прозрение. Я снова был собой, но теперь знал о своих прошлых жизнях и, вспоминая прежние битвы и скитания, мог побороть тягу к насилию.

Из череды моих воплощений обнаружилось, что жизнь команча не всегда разделялась сотней лет.

Последний раз в роли воина я появился на Юго-Западе, звали меня Эзатемой и меня убили в битве при Адоб Уоллс в 1874 году. Между Эзатемой и Джоной Гарфилдом был слабый ребенок, родившийся в 1878 году, когда команчи убежали из резервации. Его оставили умирать где-то на западных равнинах. Нет смысла перечислять все тела, в которых я перебивал, ибо моя память скрывает воспоминания столь древние, что белый человек не в силах и представить. Еще живя в горах севернее Йеллоустоуна, мы уже были древним племенем, хотя еще не имели даже коней и использовали выючных собак. Белые историки считают, что это начало нашего развития, хотя я могу поведать о тех временах, когда на земле царил доисторический ужас.

Но я хочу рассказать о Сдирателе Скальпов, Каменном Сердце, так как это мое воплощение, видимо, ближе всего мне, Джону Гарфилду, человеку двадцатого века. Именно смутные воспоминания о нем смущали меня в юности, его я видел во снах. Рассказывая о нем, я буду пользоваться языком современного белого человека, и с точки зрения его мироощущения, чтобы моя история была понятна вам.

Нет смысла описывать сцены дремучей жестокости: они были естественны для Каменного Сердца, но вызовут отвращение в цивилизованном человеке. И цинизм, и утонченность цивилизации несравнимо слабее цинизма и утонченности древности. Я расскажу вам о встрече Каменного Сердца с Ужасом из Неведомых времен, более древнем, чем следы неведомой, забытой культуры на полуострове Юкатан.

Это произошло примерно в 1575 году. Более века назад команчи спустились с гор Шошони и

сделались племенем всадников. Сначала мы преследовали стада бизонов пешком от Большого Невольничьего озера до Мексиканского залива, вечно враждуя с кроу, киова, пауни и апачами. Появление лошадей изменило нашу жизнь, превратив в непобедимых воинов, которых запомнили от деревень черноногих на реке Бич-Хорн до испанских поселений Чихуахуа.

Считается, что лошади появились у нас в 1714 году, но это произошло к тому времени больше ста лет назад. Коронадо, искавший легендарные Города Сиболо, застал нас уже наездниками. В четыре года я, Каменное Сердце, ездил на лошади, как все дети моего племени, и сторожил табун.

Каменное Сердце, как и его соплеменники, был невысок, но крепок. Я расскажу вам о том, как получил это имя. Моего старшего брата звали Красный Нож. Среди команчей редко можно встретить братьев, которые ладят между собой. Я же всегда восхищался Красным Ножом.

То было время переселений. Мы не дошли тогда еще до каньона Пало Дуро, который впоследствии стал нашей вотчиной. Наши пастбища на севере все еще были за рекой Платт, но мы постепенно устремлялись к югу, вытесняя апачей. Спустя сто двадцать пять лет мы окончательно разбили их на реке Уичито, в кровавой битве, которая продолжалась целых семь дней. Те из апачей, кто уцелел, скрылись в горах Нью-Мексико. Но во времена Каменного Сердца прерии юга считались владением апачей, а мы чаще воевали с сиу.

Сиу и убили Красного Ножа. Им удалось внезапно напасть на нас на берегу реки Платт, недалеко от высокого холма, покрытого чахлой раститель-

ностью. Мы бросились к холму, дабы с его вершины подать дымовой сигнал, который увидели бы в стойбище. Врагов было около трех тысяч. Судя по всему, это было спланированное вторжение на нашу территорию.

Мне удалось добраться до холма, но конь Красного Ножа споткнулся, и мой брат был схвачен.

Я укрылся от стрел за гребнем холма и был уже готов запалить костер, но враги крикнули мне, что если я не подам сигнал, они не тронут меня, а Красный Нож умрет быстро и без мучений.

Красный Нож закричал:

— Поджигай! Подай сигнал нашему племени! Смерть сиу!

Я высек огонь и дым устремился к небу. Сиу в то время жестоко пытали моего брата, который только смеялся над ними и пел Песню смерти.

Сиу поняли, что им не удастся внезапно напасть на наше стойбище. Они усаkali прежде, чем на горизонте появилось облако пыли, поднятой копытами коней моих соплеменников.

За жизнь племени я заплатил жизнью брата и получил новое имя. Меня называли Каменным Сердцем. Месть стала целью моей жизни. Я убивал сиу снова и снова. Я стал Сдирателем Скальпов, Мстителем, Скачущим с Грозой.

Последнее имя я получил за то, что когда небо над прерией раздирали молнии и могучие удары грома заставляли дрожать даже самых бесстрашных воинов, я скакал, потрясая копьем и распевая свою военную песню. Ни люди, ни боги не интересовали меня. Мое сердце стало тверже камня, когда с холма я смотрел на то, как умирает мой брат. И только один раз страх вновь овладел мной. Об этом я и хочу рассказать.

В сентябре 1575 года небольшой отряд наших воинов отправился на юг, намереваясь напасть на испанские поселения. Сентябрь — месяц войны, месяц, когда команчи выходят на охоту за скальпами, женщинами и лошадьми. Во времена Каменного Сердца обычаю воевать в сентябре было не менее полувека.

В тот раз мы так и не добрались до Рио-Гранде. Свернув в сторону, мы напали на племя липанов у реки Сан-Саба. Это было неразумно, но мы были молоды и не усвоили еще, что лошади — важнее женщин и скальпов.

Мы напали на липанов неожиданно и многие из них лишились скальпов. Однако мы не учли, что липаны заключили мир с людоедами-тонкева, лютыми врагами команчей. Окончательно мы стерли их с лица земли только в 1864 году в Бразосбе, в их резервации Клир Форк. В той битве участвовал Эзатема и окунал руки в их кровь с такой радостью, словно помнил о далеком прошлом племени.

Но вернемся в 1575 год. Преследуя липанов мы внезапно столкнулись с отрядом тонкева и их союзниками — уичито. Враги объединились, и против сорока команчей выступило более пятисот воинов. Кроме того, мы привыкли сражаться на просторах прерий, а тонкева и уичито чувствовали себя в речных зарослях как дома.

Когда нам удалось оторваться от преследователей, нас осталось всего пятнадцать. Тонкева преследовали нас почти сто миль. Их ненависть к нам не знала границ. Людоеды верили, что боевой дух команча переходит к тому, кто его съест.

Двигаясь к югу, у горы Дабл-Форк мы встретили апачей, атаковали их и двинулись дальше. Однако

они нагнали нас. Наши лошади устали, мы были измотаны. После короткой схватки с апачами нас осталось пятеро. Только пять всадников из сорока перешли через хребет Кэпрок.

Я могу рассказать вам, что такое сражение в прериях. Обычно индейцы верхом, кружа, словно осы, осыпая противника стрелами, налетали, отступали и снова набрасывались на врага. Атака напоминала молниеносный бросок змеи.

Бой у Кэпрока совсем не походил на схватку между индейцами. Против сотни апачей сражались пятнадцать команчей. Мы просто бежали, изредка оборачиваясь, чтобы выпустить стрелу. Они догнали нас, когда закат уже догорал. Если бы это случилось раньше, рассказ о Каменном Сердце закончился, а его скальп висел бы в вигваме какого-нибудь апача.

Наступила ночь, и нам удалось оторваться от врагов. Голодные, усталые, на измученных лошадях, мы поднялись на Кэпрок. Нас осталось пятеро. Спешившись, мы вели коней в поводу. Двигаясь на север, мы отклонились к западу, вступив на земли, где не бывал ни один из команчей. Мы находились в самой сердцевине страны апачей и не надеялись добраться живыми до нашего лагеря на Симмароне. Но мы не сдавались и продолжали двигаться по каменной пустыне, где не росли даже кактусы, а копыта коней не оставляли следов.

Ближе к рассвету мы миновали какой-то рубеж. Точнее этого ощущения не выразить. В один миг все мы поняли, что вступаем в иной мир. Даже кони почувствовали это, они зафыркали, заржали, стали бить копытами и, не будь столь измучены, то убежали бы. Люди упали на колени, словно сбитые с ног неведомой силой.

Однако мы забрались столь далеко, что даже это нас не остановило. Поднявшись с земли, мы пошли дальше. Небо затянуло тучами, свет звезд потускнел и пропал совсем, ветер стих. Мы шли в полной тишине, пока не рассвело. В тусклом сером свете утра мы остановились.

Мы подумали, что оказались в стране духов. Вероятно, ночью мы пересекли границу, отделяющую этот мир от реального. Плоская и унылая равнина простиралась до горизонта. Тусклый туман окутывал окрестности. Даже свет взошедшего солнца был слабым и болезненным. Поистине, мы вступили в Темные Земли — мир, о котором до сих пор со страхом рассказывают чероки.

У самого горизонта мы заметили несколько белых вигвамов. Сев на лошадей, мы медленно приблизились к ним.

Перед нами лежал лагерь мертвых. Молча сидели мы на лошадях, окруженные белесым маревом.

— Это место заколдовано. Здесь нельзя оставаться, — сказал Котопа, содрогнувшись от ужаса.

Но я был Каменным Сердцем. Во мне страх умер. Я направился к ближайшему вигваму и откинул шкуру, закрывающую вход. И тут, хотя страх давно не посещал меня, я вздрогнул при виде обитателя этого вигвама.

Существовала древняя легенда, при жизни Каменного Сердца уже полузабытая. Давным-давно с севера пришло страшное племя. По пути на юг они убивали всех людей и уничтожали всех животных. Предание говорило о том, что люди Севера вышли в туман и исчезли в нем. Передо мной лежал воин этого племени.

Он был поистине ужасен, великан семи футов росту, с огромными, могучими руками. Тонкие губы,

выдающаяся вперед челюсть и покатый лоб вызывали отвращение и страх. Рядом с воином лежал топор из странного зеленоватого камня (это был нефрит, как я теперь знаю). Отточенное до неимоверной остроты лезвие было вставлено в рукоять из полированного черного дерева.

Увидев это оружие, мне страстно захотелось владеть им, хотя для схватки верхом оно казалось чересчур тяжелым. Я подцепил топор древком копы и вытащил его наружу.

— Не бойтесь, — сказал я своим спутникам. — Этот человек умер во сне. И хоть я не знаю, почему не сгнило его тело за столько лет и его не сожрали койоты, я возьму его топор себе.

И только я протянул руку, чтобы взять топор, как резкий крик заставил нас обернуться.

Нас окружали пауни. Во главе их была женщина. Размахивая боевым топором, она ринулась на нас. Мы узнали ее. Это была Кончита — женщина-воин из племени пауни. Часто во главе отрядов пауни она бросалась в дерзкие набеги на другие племена юга.

Я четко помню ее. Гибкая, сильная девушка. Почти нагая, в короткой расшитой бисером юбке. Крепкие ноги в мокасинах сжимали бока огромного скакуна. Две толстые черные косы свисали на голую спину. Алый рот приоткрыт в яростном крике.

Она была чистокровной испанкой, дочерью одного из офицеров Кортеса. Апачи похитили ее, когда она была младенцем. У апачей ее выкрали пауни и воспитали как индейскую девушку.

Мне было достаточно одного взгляда, чтобы это понять. Кончита с боевым кличем ринулась вперед, ее воины не отставали. Ее стремительное движение можно было определить именно словом «ринулась».

Всадница просто налетела на нас. Как и следовало ожидать, бой был коротким. Пяти измученным команчам на чуть не падающих лошадях пришлось выдерживать натиск двадцати сильных воинов. Передо мной оказался высокий воин со сплошь покрытым шрамами лицом. Ни мы, ни пауни не видели друг друга, пока не столкнулись. Когда в тумане они разглядели, что стрел в нас нет, то решили покончить с нами палицами и копьями.

Когда высокий воин попытался ударить меня копьем, я успел развернуть свою усталую лошадь и вонзил в его спину свое копье. В этот момент я заметил другого воина, приближавшегося ко мне слева, и, высвобождая копье, хотел снова развернуться. Но моя лошадь не выдержала; качнувшись, как легкая лодка на течении, она не повиновалась, и палица попала в мое плечо, сбросив на землю. Когда я с трудом поднялся, то увидел, что это был конь Кончиты, и сама всадница быстро спешила и занесла свой топор. Удара было не избежать, но девушка вдруг уставилась на что-то позади меня. Невольно я оглянулся.

Мои спутники были мертвы, успев убить пятерых пауни. Остальные замерли так же, как их предводительница, даже тот, который в этот момент снимал скальп с мертвого Котопы.

Там, куда все смотрели, сквозь разошедшийся туман стали проявляться очертания странного сооружения, напоминающего и одновременно не похожего на пуэбло индейцев с далекого запада. Как и те, оно было из кирпича и имело подобное очертание.

Вереница непонятных маленьких фигур, одетых в яркие одежды из перьев, которые напоминали те, что носят индейцы, вышла из здания. В руках у них

были кожаные веревки, кнуты и никакого оружия. Лишь у шедшего впереди, более высокого, мы заметили похожий на щит сверкающий металлический диск и медный молот. Мы ошеломленно смотрели на странных людей, когда они остановились перед нами.

Тут Кончита почувствовала опасность, отчаянно вскрикнула и подалась вперед, занеся топор. Но на схватившихся за оружие пауни обрушился невиданный гром — это шедший впереди человек ударил молотом в металлический диск. Этот страшный звук походил на физический удар. Люди бросились на землю и зажимали уши, крича от боли.

Но Каменное Сердце, команч, не знал страха. Мгновенно оказавшись на ногах, несмотря на сводящий с ума звук, я выхватил нож и прицелился в горло этому человеку. Но он снова ударил в гонг, и меня отбросило, как пушинку. Когда я падал, мне показалось, что земля и небо сейчас расколются от грохота.

Когда я снова обрел возможность что-либо чувствовать, оказалось, что мои руки связаны за спиной, а шею сдавливает кожаный ремень. Затем меня подняли и повели в город, который, правда, больше напоминал замок. То же произошло с Кончитой и ее воинами, кроме одного тяжело раненого, которого просто убили его же ножом. Один из взявших нас в плен заинтересовался топором, который я нашел в типи. Он долго его рассматривал, а потом взял с собой, с трудом закинув себе на плечо.

Еле дыша от ремней, стягивающих шею, мы приближались к замку, подгоняемые щелканьем сыромятных плетей. Человек, который вел Кончиту, не стегал ее, но, подгоняя, постоянно дергал за веревку. Дух поуни был сломлен. Эта ветвь, живущая у

потоков Симаррона, отличалась от северных пауни и была самая воинственная. Около 1641 года их уничтожила эпидемия оспы.

Унылость равнины нарушало небольшое возвышение, меньше холма. На нем и стоял замок, окруженный стеной, с воротами в ней. Плоские крыши располагались ступенями. На одной из крыш стоял человек в одеянии из блестящих — даже в сумерках — перьев. При нашем приближении он величественно махнул рукой и исчез в дверях. Изображенные на бронзовых столбах ворот пернатые змеи напомнили пауни об могучих царствах юга, порабовавших северные племена. И пауни, вздрогнув, отворачивались от изображений.

Пройдя через двор, мы по бронзовой лестнице попали в коридор и сразу поняли, что внутри замок не имеет ничего общего с пуэбло. Подобные дома строились на далеком юге, где джунгли кишат змеями. Это напомнило отзвуки древних легенд.

Мы очутились в круглом большом зале, освещаемом через отверстие в куполе. Перед черным каменным алтарем, на троне из человеческих костей возвышался тот человек, которого мы видели на крыше. Лицо этого высокого индейца поражало жестокостью и презрением ко всему человеческому. Ни пауни, ни даже Кончита не смогли выдержать его пронзительного взгляда. Но Каменное Сердце, команч, не ведал страха, и я спокойно встретил его взгляд. С минуту он смотрел на меня, затем заговорил на языке, который понимало большинство племен, ездивших на лошадях.

— Ты как дикий зверь, жаждущий крови. Тазветы не испугался?

— Я команч, мой топор и сейчас готов крушить врагов. Спроси у любого племени, боится ли чего-

нибудь Каменное Сердце! Если с команча по лоскуткам содрать кожу, то лоскутков будет меньше, чем убитых им воинов.

Как ни силен был страх пауни, они недовольно нахмурились от такого хвастовства.

Человека же на троне мои слова явно развеселили.

— Он крепкий воин. Тщеславие даст ему силу много вынести, — сказал он худошавому индейцу с гонгом, которого называл Ксототл. — Пускай побудет в последней камере.

— Куда прикажешь деть женщину, повелитель Тескатлипока? — спросил Ксототл, согнувшись в поклоне.

Кончита, помнившая ацтекские легенды, удивленно подняла глаза на странного повелителя, присвоившего себе имя одного из воплощений Солнца.

— Для нез подойдут Покои из Злата, — сказал тот, кого звали Тескатлипока, Повелитель Тумана. Затем его внимание привлек нефритовый топор, лежавший на алтаре.

— Я узнаю топор вождя северян Гуара, который поклялся, что его оружие прервет мою жизнь. Однако Гуар со всем племенем умерли в своих вигвамах много веков назад. Не будем вспоминать об этом. Пленных уведите, а с девушкой я поговорю вскоре. Потом же мы устроим развлечения, бывавшие при Золотых Царях.

В просторных помещениях, через которые мы шли в сопровождении конвоиров, на нас смотрели нагие, в золоте, женщины. Глядя на Кончиту, они издевательски смеялись.

В длинном коридоре находились камеры, куда нас и поместили. Всех, за исключением Кончиты, ее повели дальше.

Через какое-то время в мою камеру, где я сидел со связанными ногами, без еды и питья, вошел Повелитель Тумана.

— Не знающий страха команч, ты даже и не предполагаешь, как скоро тебя ждет такое, что ты станешь молить о смерти. Мне даже хочется пожалеть тебя,— сказал он с насмешкой, глядя на меня сверху вниз.

— Команч гордо стоит у столба пыток,— ответил я, чувствуя, как мое тело напряглось от дикой ярости. Врезавшиеся в него ремни, казалось, лопнут. Повелитель Тумана засмеялся и вышел из камеры.

О том, что происходило с Кончитой, я узнал позже. Ее отвели в верхний зал, где все, даже пол, было из золота. В зале стояло огромное золотое ложе, покрытое мехом каланов. Там Ксототл и оставил девушку — предварительно развязав. Закрывая дверь, он взглянул на нее с нескрываемым вожделением. Скоро в комнату величественно вошел Повелитель Тумана, закутанный в мантию, сопровождаемый гигантским змеем.

Он поведал девушке, что в своем древнем царстве был могущественным магом. Когда туда пришли толтеки, государство уже давно переживало упадок. Тогда он ушел далеко на север и, отгородив с помощью колдовского тумана место на этой равнине, основал свое царство.

Жившее в пуэбло индейское племя, на которое напали пришельцы с севера, обратились к нему за помощью. Колдовством он наслал на северян смерть, сделав обитателей пуэбло своими рабами. Умерших же северян он оставил в их собственных вигвамах, угрожая «спасенному» народу возродить их врагов в случае неповиновения. Под его жес-

токим гнетом люди вымирали, и теперь из всего народа осталось около сотни. Повелитель Тумана не был бессмертным, однако о смерти и не вспоминал, хотя появлялся в этих местах более тысячи лет назад.

Повелитель Тумана ушел, за ним уполз беспрестанно подчинявшийся ему змей. Много людей уничтожила эта отвратительная тварь.

Тем временем из своей камеры я услышал, как всех пауни, выведя из камер, куда-то гонят по коридору. Опять стало тихо, а потом я услышал душераздирающий, нечеловеческий вопль. Я не понимал, какое зверство надо было измыслить, чтобы заставить так кричать известных своей твердостью пауни. Ходила молва, что южане способны смеяться, в то время когда с них сдирают скальп. И тогда я понял, что страх перед неизвестным несравненно сильнее любого другого. Потому что, слушая эти звериные, исполненные боли звуки, я снова почувствовал давно не ведомое мне чувство. Страх запятнать честь своего народа, не выдержать пытки. Я пытался представить себе, что происходит снаружи, почему каждый несчастный издавал лишь один крик.

Ксототл тем временем вошел к Кончите. Глаза его источали похоть.

— Мне надоели наши женщины, а ты такая нежная и гибкая.

Грубо схватив девушку за плечи, он повалил ее на ложе. Кончита не оказала сопротивления, усыпив бдительность Ксототла. Изогнувшись, она выхватила из-за пояса насильника кинжал и воткнула ему в спину. Ксототл не издал ни звука: Кончита впилась в его рот губами, заглушая предсмертный хрип. Она пронзала его тело вновь и вновь, пока жизнь не оставила его.

Вскочив, она по-кошачьи бесшумно выскользнула за дверь, захватив еще один нож и лук со стрелами.

Спустя мгновение она уже склонялась надо мной. Ее черные глаза метали искры.

— Скорее! — прошептала Кончита. — Скоро умрет последний пауни! Докажи, что ты воин!

Как только был перерезан последний сыромятный ремень, я был на ногах с луком в руках и кинжалом на поясе.

Мы осторожно открыли дверь темницы и выпили в коридор, столкнувшись лицом к лицу с ошеломленным охранником. Я сломал ему шею прежде, чем он смог закричать или вытащить свой нож.

Мы поднялись по крутой лестнице и оказались в круглом зале без купола. Гигантский змей, свернувшись в кольца, шипя при нашем приближении, готовился броситься на нас. Я мгновенно прицелился и выпустил стрелу прямо в желтый глаз твари. Гадина скорчилась в страшной предсмертной судороге.

Миновав этот зал, мы попали в помещение, где в ужасных муках умирал последний из пауни. Повелитель Тумана обернулся к нам. Он был один. Стрела, выпущенная мной, отскочила от его груди, не причинив вреда. Вторая стрела также не смогла пронзить его.

С ножом в руке я бросился на врага. Мы сжимали друг друга смертельной хваткой, но мой нож не мог пробить тот магический панцирь, который колдун носил под мантией. Повелитель тумана отшвырнул меня прочь. Еще немного — и он пустит в ход магию... И вдруг Кончита выкрикнула:

— Мертвецы встают из вигвамов северян! Они идут сюда!

— Ты лжешь! — завопил колдун, но я заметил, как вмиг посерело его лицо. — Они мертвы! Они не могут восстать!

Он запнулся на полуслове, бросился к окну и тут же ринулся назад, почуввав ловушку. Но было поздно. Я успел схватить топор Гаура-северянина, грозное оружие былых веков. Не колеблясь ни мгновения, я метнулся к колдуну. В глазах Повелителя Туманов вспыхнул смертельный ужас. Топор расколол ему череп, и мозги разбрызгались по полу комнаты.

Грянул гром. Огненные шары пронесли над равниной. Мы с Кончитой бросились прочь, стремясь укрыться в безопасном месте. Но еще долго в ушах у нас звучали вопли тех, кто остался в замке.

Когда занялась заря, туман над равниной рассеялся. Нас окружали выжженные солнцем просторы, поросшие жухлой травой. Я взял девушку за руку.

— Нам пора. Отправимся к моему народу. Смотри, там пасутся лошади...

Но Кончита презрительно воскликнула, вырываясь:

— Еще чего, команчский пес! Да ты мне жизнью обязан! Ступай себе прочь. Ты и в рабы пауни не годишься!

Я не колебался ни мгновения. Ухватив девушку за черную косу, я швырнул ее ничком на землю, уперся ногой в плечо и, что было сил, отхлестал по голым ягодицам, пока Кончита не взмолилась о пощаде. Тогда я рывком поднял ее и потащил ловить лошадей. Она повиновалась, заливаясь слезами и потирая синяки. Вскоре мы двинулись на север, к становищу на реке. Лицо красавицы лучилось совершеннейшим довольством. И я понял, что отыскал наконец женщину, достойную Каменного Сердца, Скачущего С Грозой.

ВЕЧНЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Ранним утром в четверг, 11 июня 1936 года, Роберт Ирвин Говард, молодой писатель, публиковавший свои произведения в дешевых журналах, отошел от постели матери. Его взгляд, возможно, скользнул по открывавшейся за окном картине — по выжженной солнцем траве до деревянной ограды, отделявшей их участок от соседей, семьи по фамилии Батлер.

Хотя было всего чуть больше семи утра, становилось уже по-настоящему жарко. Солнце, зависшее над горизонтом, обещало еще один палящий день. Вокруг все замерло в тишине и спокойствии. Городок Кросс Плэйнс походил на развалившегося на солнце пса, задыхающегося от жары.

У Кросс Плэйнс было достаточно своих забот, чтобы обращать внимание на проблемы молодого человека, мало известного в городе. «Время, — как заметил один из местных жителей, — похоже, обошло Кросс Плэйнс стороной». Нефтяной бум двадцатых

годов с его процветанием сменился Великой Депрессией. Неглубокие нефтяные скважины очень скоро оказались истощенными, и люди, привлеченные в эти места лихорадкой наживы, разъехались кто куда. Создалось впечатление, что вместе с ними ушли и дожди. В городке установилась изнуряющая жара. Местные фермеры утверждали, что такой продолжительной засухи не помнят даже старожилы.

Казалось, зной не мешал только многочисленным стервятникам. На окрестных пастбищах происходил массовый падеж скота. Очень часто туши животных были чудовищно раздуты — скотина, пытаясь спастись от мучительного голода, жевала стебли кактуса опунции. Чтобы прекратить страдания несчастных животных, фермеры вынуждены были забивать их на мясо. Многие семьи в годы Депрессии существовали только за счет заготовленного впрок мяса да стручкового красного перца. Вдоль оград из колючей проволоки, тянувшихся на многие мили вдоль пастбищ, сушились на солнце растянутые шкуры животных. Надо сказать, что они выглядели куда привлекательнее, чем изъеденные червями и слепнями туши мертвой скотины, во множестве валявшиеся среди пастбищ.

Земля долго не могла оправиться после столь тяжкого испытания. Хотя после весенних дождей 1936 года вновь наполнилось водой озеро, вернулся в свое русло ручей, зазеленели прерии, но иссушенная зноем почва Западного Техаса и сами техасцы все еще носили следы страданий. Июнь снова выдался сухим и жарким.

Это была длинная ночь. Роберт Говард, должно быть, долго протирал воспаленные длительным ночным бдением глаза, перед тем, как в последний раз окинуть взглядом затемненную комнату. Тело его матери, лежащей в кровати, было иссушено туберкулезом, который, возможно, был осложнен раком. Последние несколько дней она никого не узнавала.

Мисс Мерримэн, ночная сиделка, которая заменяла иногда Роберта у постели матери, уже ушла домой. Он обратился к другой сиделке, миссис Грин, с вопросом, который уже задавал прошлой ночью своему отцу: «Скажите, она еще может прийти в сознание?»

Ее ответ был таким же, как у отца. Миссис Грин тихо прошептала: «Нет. Боюсь, что нет».

Перед лицом потери человека, придававшего основной смысл его существованию, Роберт Говард вышел из комнаты матери и отправился в свой кабинет, где на широком письменном столе стоял его старый разбитый «ундервуд». Упав на стул, он вставил в машинку лист бумаги и напечатал:

Труд завершен. Исчезло все.
Пир кончился печальный.
И лампы гаснут в тишине...
Что впереди?
Костер лишь погребальный.

(Пер. А. Андреева)

Затем он спустился в узкую прихожую, ни слова не сказав недавно нанятой кухарке, которая шаркала по кухне, готовя завтрак. Выйдя через заднюю дверь, он не взглянул на прощание на скромный белый дом, обшитый досками, где его отец, д-р Айзек Мордекай Говард, со своим гостем, д-ром Дж. Д. Диллом, сидели за утренним кофе. Кухарка не испытала ни малейшей тревоги, когда, бросив взгляд в окно, увидела, что Роберт садится в свой запыленный «шевроле-седан» выпуска 1931 года, припаркованный у забора с западной стороны дома. Она была уверена, что он собирается в город, купить утренние газеты — как делал это каждое утро. Когда «шевроле» отъехал, она спокойно вернулась к своим занятиям.

Достав из отделения для перчаток одолженный им автоматический кольт-380, Роберт Говард снял его с предохранителя. Он, должно быть, подумал о том, что сказал ему за день до этого доктор Дилл, старый друг семьи, который приехал из городка Райзинг Стар, чтобы быть с Говардами в тяжелые для них дни. Роберт спросил у него, возможно ли вернуть к жизни человека, у которого прострелена голова. Старый доктор на некоторое время задумался, а затем ответил, что известно несколько случаев, когда люди выживали, но им просто повезло — пуля проходила, не задев мозг.

Около восьми часов утра, сидя в своем автомобиле, Роберт Эрвин Говард выстрелил себе в голову. Таким образом он

пытался избавить себя от страдания при мысли о смерти матери. В четыре часа того же дня, примерно в то время, когда по улицам Кросс Плэйнс проходила поливальная машина, Роберт Говард скончался, не приходя в сознание. Мать Роберта, находившаяся в коме, также была избавлена от известия о смерти сына.

Эстер Говард последовала за своим сыном на следующий день. В последние часы своей жизни она не слышала, как барабанит по крыше их дома ливень, оплакивая ее безвременно ушедшего сына. В половине одиннадцатого прохладной благоухающей ночи миссис Говард не стало.

Мать и сын были похоронены в воскресенье 14 июня 1936 года на мемориальном кладбище Гринлиф в Браунвуде, городке, находящемся в сорока километрах, после совместной погребальной службы в баптистской церкви Кросс Плэйнс. Их свежие могилы были вырыты в земле, обильно политой дождем, шедшим в Браунвуде в течение трех дней подряд. В Западной Техасе есть поговорка, что посаженное в дождливый день непременно дает щедрые плоды.

• • •

Если это краткое описание смерти и возрождения Роберта Э. Говарда может показаться кому-то слишком мелодраматичным, можно заметить, что оно всего лишь соответствует его собственному вкусу. В одном из писем Говард признает в себе тягу к мелодраматизму, к которому были втайне склонны многие техасцы. Он полагал, что о некоторых известных преступниках, таких как Боб Оллинджер, Бат Мастерсон, Генри Платмер, помнили только потому, что их поступки были явно мелодраматичными. Особенно это касалось Бена Томпсона — про него Говард сказал, что вся жизнь этого человека походила на эффектную мелодраму, включая момент его смерти, когда он был застрелен в театре города Сан-Антонио.

Говард говорил своему другу Г. Ф. Лавкрафту, что будет последним, кто станет отрицать в себе подобные склонности, но было бы ошибкой предполагать, что мелодрама отрицает серьезность намерений. Нельзя с уверенностью сказать, что человек с Юго-Запада говорит неправду только потому, что он стесняется краски. Многие люди слишком поздно приходят к

пониманию, что обманщик не всегда может быть трусом, а хвастун может на самом деле осуществить свои похвальбы.

Своей смертью Роберт Говард доказал, что он человек слова, которого следует воспринимать всерьез. Все в городе смогли убедиться, что он не безвредный чудака, сражающийся с тенями, придумывающий кошмарные небылицы, публикуемые журналами ужасов.

После своей смерти Говард снискал признание среди обитателей Кросс Плэйнс, которого был полностью лишен при жизни. Смерть не щадит никого — ни дурного человека, ни хорошего, ни выдающегося, ни посредственного, ни молодого, ни старого, ни богатого, ни бедного. До того как Говард предал себя смерти, никому — разве что за исключением его матери и собаки — не пришло бы в голову, что он сможет так вырасти в их глазах. Потому что ни для кого не имело ни малейшего значения, существует или нет этот человек.

Покинув этот мир, Говард стал своим собственным адвокатом. Более не сдерживаемый привязанностью к матери, он показал свою внутреннюю силу. Когда он был мальчиком, мать оберегала его от жестокости школьных задира, а теперь он сам должен был защищаться от собственных страхов. Он должен был противостоять своей ярости в темной долине, по которой он шествовал, потому что матери не было рядом, чтобы защитить его, как она делала это в его детские годы в Темной Долине графства Пало Пинто. Он ушел из жизни как благородный человек, поскольку обратил на себя, ни на кого другого, ту ярость и злость, что отражались в его поведении, а позднее — в его рассказах.

Говард однажды подробно описал картину, носившую название «Стоик». На ней был изображен бичующий себя индеец, пытающийся таким образом заглушить горе, причиненное ему смертью сына.

Этот суровый образ стойкого индейца был идеалом Говарда. Он восхищался способностью человека выстоять под ударами судьбы, при поддержке лишь собственных упрямства и гордости, когда, кажется, весь мир выступает против. Человек не теряет собственного достоинства, если ему удастся, по крайней мере, твердо стоять на ногах и высоко держать голову. Не в силах соответствовать подобным установкам,

Роберт Говард пришел к выводу, что выбор иного пути для него невозможен.

• • •

Д-р Говард позже говорил, что Роберт был неутешен в своем горе; также доктор был совершенно уверен, что самоубийство его сына было вполне осознанным поступком. Он знал, что Роберт долгое время думал о смерти. Когда Роберт привел в порядок свои дела и уведомил отца о желании распорядиться своим небольшим имуществом, д-р Говард попытался отговорить его от ужасного поступка.

Однако, охваченному горем отцу пришлось почти смириться с решением своего сына. Когда, за день до своей смерти, Роберт отправился в Браунвуд и сделал все приготовления к похоронам, а вернувшись, заперся в своей комнате, где провел вечер, разбирая бумаги, д-р Говард испытывал необъяснимое спокойствие. Возможно, он пришел к выводу, что переубедить сына невозможно — или же просто устал от бесплодных попыток.

Д-р Говард отдавал себе отчет, что Роберт потерял себя. Может быть, он чувствовал неизбежность действий своего сына — как будто на него было наложено что-то вроде проклятия, с которым он был не в силах справиться. Д-р Говард знал, что почти болезненная привязанность его сына к матери возникла еще в детстве, потому что мать Роберта была ему единственным другом, а у него, доктора, занятого обширной частной практикой, всегда не хватало времени, чтобы принять участие в воспитании своего сына. Об этом удрученный отец писал друзьям Роберта Фрэнку Торбетту и Г. Ф. Лавкрафту вскоре после трагической смерти сына.

• • •

Роберт И. Говард — «Роберт» для членов семьи и «Боб» для нескольких близких друзей — был загадкой не только для своего отца, но и для значительно более молодых людей, хорошо его знавших. Тевис Клайд Смит, первый издатель и верный друг до конца жизни Говарда, часто испытывал огорчение из-за ожесточения Боба, его нередких упоминаний, свидетельствованных о склонности к самоубийству, беспричинных страхов по

поводу несуществующих врагов. Он писал, что Боб настолько серьезно ожидал нападения на него, что носил брюки на два дюйма короче, чем требовала тогдашняя мода, и высокие боксерские ботинки, поскольку желал в любой момент оказаться готовым защитить себя.

Труэтт Винсон, другой близкий друг Говарда, который вместе со Смитом был одним из членов писательского кружка в Браунвуде, замечал в Роберте совершенно необъяснимые качества, которые, например, помогли тому быстро сделаться его удачливым соперником в борьбе за внимание молодой учительницы местной школы. Винсон находил Говарда странным, хотя никогда не мог точно определить природу этой странности. Спокойный, образованный человек, Винсон с трудом переносил тяжелый характер своего друга. Он считал рассказы Говарда «вздором» и не скрывал своего мнения. Поэтому двое молодых людей редко обсуждали свое творчество.

Несмотря на то, что он не мог понять его, Винсон продолжал дружбу с Говардом. Ведь, как утверждал Винсон, Роберта не мог понять никто. Так что их дружба основывалась на том, что каждый принимал другого таким, какой он есть.

Э. Хоффман Прайс писал Лавкрафту, что некоторые считали Говарда «человеком с причудами, во многих отношениях провинциальным». Несмотря на это свое суждение, Прайс чувствовал к Роберту большую симпатию и добавлял, что вместе с тем Боб был «вежливым, обходительным, добрым и открытым». Прайс признавал сложность натуры Говарда, которую он описывал как состоящую из света и теней, настолько двойственную, что в ней часто проглядывала параноидальность, полную метаний и мрачных раздумий. Эта сложность осталась нерешенной проблемой для Прайса, который и восемнадцать лет спустя не прекратил попыток в ней разобраться.

Прайс полагал, что привязанность Говарда к дому и семье лишила его в детстве того общения, что необходимо ребенку для формирования ясного восприятия как себя, так и других — подобное понимание сейчас широко распространено в психологической литературе.

Даже Хэрролд Прис, которого в 1927 году познакомил с Робертом Труэтт Винсон, защищая здравость рассудка Говарда, приводя в доказательство его произведения, тем не менее считал

его «странным человеком». *«Чтение избранных стихотворений Говарда дало мне понять, что он навсегда остался для меня незнакомцем, хотя я и называл его своим другом»,* — писал Прис. Он сожалел, что этот «Тристан», как называл его двоюродный брат Говарда, Мэксив Эрвин, не нашел своей «Изольды», которая смогла бы разделить его сосредоточенность на матери.

* * *

По этим изложенным в письмах впечатлениям друзей можно предположить, что особенности, определявшие поведение Говарда, возникли значительно раньше, чем его постигло горе ожидания неминуемой смерти матери, и ее близкий уход стал лишь предлогом, а не причиной его самоубийства.

Когда Говардом овладевали приступы откровенности, он пытался олицетворять себя со своими предками, которыми, несомненно, гордился. В своем деле он считал себя первооткрывателем, так же, как его прадеды были пионерами дикого Запада. *«Я был первым»,* — говорил он, — *кто зажег факел литературы в этой стране, каким бы слабым ни было его пламя».*

Его труд был деятельностью одиночки. Говард стал писателем вопреки своему окружению, и заплатил за это одиночеством. Он писал: *«...нелегко заниматься делом, полностью чуждым людям, среди которых тебе определено быть судьбой».* Его профессия была действительно настолько чуждой его окружению, что немногие люди в Кросс Плэйнс пытались хотя бы понять живущего среди них нелюдимо молодого человека. Они предпочитали вообще не замечать его или же считать просто чудачком.

И кто сможет поставить в вину добропорядочным обывателям Кросс Плэйнс недостаток понимания? Говард и сам не полностью осознавал значение своего новаторства. Он был не только первым человеком в Западном Техасе, кто зарабатывал себе на жизнь трудом писателя, но также и первым американским прозаиком, освоившим новый литературный жанр — героическая фэнтези, жанр, теперь неразрывно связанный с его именем. Лишь сегодня, после почти пяти десятков лет относительного забвения, лучшие из его трудов получают мировое признание. Героические сюжеты его повествований,

богатство и яркость воображения, способность описывать волшебство и тайны делают его произведения действительно выдающимися.

Наиболее примечательными из всех творений Говарда являются рассказы, посвященные герою-варвару Конану из Киммерии, жившему в эпоху, придуманную самим писателем. Говард говорил так:

«...между годами, когда воды поглотили Атлантиду вместе с ее прекрасными городами, и годами возвышения сынов Ария, был загадочный век, когда блистали, подобно ярким звездам, великолепные королевства — Немедия, Офир, Бритунния, Гиперборея, Замора с ее темноволосыми женщинами, высокими башнями городов и таинственным логовом бога-паука, Зингара с ее рыцарями, Коф, граничащий с землями пастбищ Шема, Стигия с охраняемыми призраками ужасными склепами, Гиркания, чьи всадники были одеты в сталь, золото и шелка. Но самым сильным из них была Аквилония, господствующая на Западе континента. Сюда и прибыл Конан из Киммерии, чтобы поправить драгоценные троны владык своими крепкими, обутыми в сандалии ногами — вооруженный мечом загорелый черноволосый варвар, вор, грабитель и убийца, наделенный способностью испытывать как глубокую печаль, так и безудержное веселье».

Под пыльным небом Техаса Роберт Говард создал в своем воображении никогда не существовавший на самом деле мир. Щедрой рукой мастера он разбросал по континенту горы, непроходимые леса, усыпанные цветами луга, а также тайные силы Зла, что старше самого Времени. И в этот мир он поместил человека, оборванного и одинокого, но вооруженного длинным мечом, гордостью, отвагой и невероятной силой. Его создатель поставил перед варваром задачу превзойти все, достигнутое обыкновенным смертным.

Однако, похоже появление этого героя намного опередило свое время. Великолепный варвар и Хайборийский мир пребывали в небытии и забвении, лишь несколько лет назад с триумфом возродившись с рассыпающихся страниц старых журналов. Сегодня псевдоисторические повествования о гиганте-киммерийце, очаровавшие бесчисленное количество читателей, получили имя «героической фэнтези» и считаются многими ее любителями непревзойденными произведениями этого

жанра, за исключением разве что трилогии «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена.

Не вызывает сомнения, что миллионы читателей уже знакомы с великим киммерийцем как по посвященным его подвигам более двух десятков книг, так и появившимся впоследствии комиксам и первому художественному фильму о нем. Однако, для тех, кто мало знает о варваре, не помешает следующее описание. Конан — настоящий великан шести с половиной футов ростом и плечами профессионального борца, обладающий ловкостью леопарда. Его лицо обычно хранит угрюмое выражение, кожа потемнела от длительного воздействия солнца и ветров, под спадающей на плечи густой гривой спутанных черных волос сверкают холодным огнем яркие синие глаза.

Для любого, кто был знаком с Робертом Говардом, очевидно, что киммериец воплощает в себе все те качества, которыми особенно восхищался его создатель. Конан обладает невероятной силой, гибок и быстр в движениях, неутомим и бесстрашен в бою, привычен как к мечу, так и к любому другому оружию. Он сообразителен, хитер и уверен в себе, но испытывает в то же время трепет перед могуществом богов и не переносит колдунов и чародеев, способных своим темным искусством вызывать из мрачных преисподен страшных чудовищ и демонов.

Конан — бродяга, авантюрист и искатель приключений, не обремененный связями человеческих отношений. Золото или драгоценности для него не являются средством обогащения. В первую очередь его привлекает сам процесс — варвар ищет магические драгоценные камни, служащие глазами древним идолам, или тайники пиратов, охраняемые в скрытых в неприступных горах пещерах призраками или чудовищами.

Интересно заметить, что Конан многими чертами напоминает отца Роберта. Знавшие д-ра Говарда в молодости, отмечали импозантность его облика, раздражительность и вспыльчивость. Его густые темные волосы и яркие синие глаза производили сильное впечатление на всех, кто его видел, а властные манеры, которые он мог набрасывать на себя, словно плащ, заставляли повиноваться ему — и восхищаться. Видя близость этих

двух личностей, можно сделать вывод, что Роберт создал образ Конана из сокровенных тайников подсознания. По крайней мере, можно утверждать, что когда Говард начал писать рассказы про киммерийца, он упоминал в одном из своих писем: *«Конан просто возник у меня в мозгу, когда я остановился в маленьком пограничном городке в нижнем течении Рио-Гранде. Я не создавал его сознательно и намеренно. Он гордо выступил вперед как цельная личность и засадил меня за работу, описывающую его многочисленные приключения»*.

В другом письме, человеку вместе с ним печатавшемуся в журнале «Weird Tales», писателю по имени Кларк Эштон Смит, Говард, не упоминая о своем детском восприятии отца, пытается объяснить происхождение своего наиболее известного персонажа так:

«Может показаться неправдоподобной попытка связать термин «реализм» с Конаном, но я утверждаю, что невзирая на его невероятные приключения, это наиболее реалистичский персонаж, когда-либо созданный мною. Просто в нем сочетаются качества нескольких людей, и думаю, что именно поэтому он появился в моем сознании, когда я писал первый рассказ этой саги. Некий механизм моего подсознания соединил в нем основные черты различных боксеров, грабителей, контрабандистов, удачливых нефтедобытчиков, картежников-аферистов и честных тружеников, с которыми я когда-либо сталкивался — и в результате возник тот стусок энергии, который я назвал Конаном-киммерийцем».

«Конан» — старинное кельтское имя, которое носили несколько известных аристократов в средневековой Британии и некоторые герои ирландских преданий, стало превосходным именем для нового героя Говарда, будучи звучным и легко произносимым. При развитии этого образа в Конане осталось мало как от «способности испытывать глубокую печаль», так и от «безудержного веселья». Правда, в рассказе «Остров Черных Демонов» киммериец, присоединившись к шайке пиратов, проявил себя как человек, который *«громко хохотал, ревел непристойные песни на диалекте различных языков...»* Но в целом он представляется человеком с ровным характером — скорее суровым и подозрительным. Киммериец слишком погружен в свои цели, чтобы безудержно веселиться.

Кроме поисков сокровищ, гигант-варвар прилагает все силы, чтобы выжить, попадая в смертельно опасные ситуации. Сюжетом некоторых рассказов является выполнение задания, для которого его нанимают. Очень часто он мстит за причиненное ему или его друзьям зло — что является, без сомнения, ярким отражением мышления его создателя. И только в двух из двадцати с лишним историй про Конана, законченных Говардом, ключевой пружиной действия является страсть, испытываемая киммерийцем к женщине.

С интуитивной проникательностью великого рассказчика Роберт Говард, казалось, знал, что приключения Конана были мечтой — мечтой каждого молодого человека о свободе, силе, постоянной удаче. Он знал также, что мечтам не следует быть четко определенными, на них имеет смысл лишь намекнуть, чтобы мечтатель в своем воображении дорисовал картину, украсив ее своими личными подробностями. Поскольку читатель волен сочетать безудержную фантазию автора со своим не менее богатым воображением, читатели Конана могли легко обратить мечты Говарда в героические дерзания собственного сердца. В этом, по нашему мнению, и заключается тайна бессмертия отважного варвара из Киммерии.

• • •

С такой же отчетливостью возникало видение Робертом Говардом его Хайборийской эпохи. Он видел великолепные замки и мелкие деревушки, блистательные, окруженные высокими крепостными стенами города и величественные зубчатые башни, над которыми реют яркие флаги. Это была эпоха воинов, пиратов и воров с большой дороги; кроме того, это был мир, населенный множеством колдунов и чародеев, не очень-то заботящимися о человечестве богами и силами зла, способными поразить самое изощренное воображение.

Родина великого варвара — суровая горная страна Киммерия, которую он покинул, не достигнув еще и семнадцати лет, находилась на севере вымышленных Говардом Хайборийских земель. С ней граничил Асгард, суровые сыны которого сражались со стаями волков и сверхъестественными чудовищами. На неизведанных западных пределах континента лежали Пустоши Пиктов — область непроходимых лесов, населенных загадочным

древним народом, способным сражаться с яростью вышедших из преисподни демонов, чьи шаманы могли вызывать злобных духов убежденных сединами лесов.

Конан пришел в Хайборию с мечом в руке. О его странствиях и приключениях повествуется в восемнадцати историях, напечатанных при жизни Говарда; еще три рассказа к моменту его смерти не были изданы. Эти повести и их фрагменты, обнаруженные впоследствии Гленном Лордом, были закончены и изданы автором настоящего труда.

Говард настолько ярко описал снежные вершины, бескрайние знойные пустыни и сапфировые моря этого воображаемого мира, что перед очарованным взором читателя легко предстает карта Хайбории. И в самом деле, двое читателей «Weird Tales» так и сделали. Джон Д. Кларк и П. Шулер Миллер: первый — химик, второй — школьный администратор — нарисовали подробную карту Хайборийского мира и послали ее Роберту Говарду. Писатель изучил присланный ему набросок, сделал пару незначительных исправлений, и сказал своим поклонникам, что их карта соответствует той, что создал он в своем воображении. Карты Хайбории, представленные в каждом томе рассказов о Конане, берут свое начало именно из этого источника.

Иногда нас спрашивают: почему Конан-варвар обладает такой привлекательностью для любителей приключенческой литературы? Конан — это человек, способный бросить вызов самой Вселенной, герой, бесстрашно борющийся со смертельными врагами и в то же время опасющийся сверхъестественных злобных сил, против которых бессильны его крепкая рука и длинный меч. После засилья литературы о слабых бездельниках, несмотря на все свои недостатки преуспевающих в жизни, повести об эпических героях, таких как Конан, будоражат нашу кровь и заставляют понять, что каждый может рассчитывать только на себя и должен уметь шагать, расправив плечи, свободный от сомнений или страхов.

Некоторым читателям Конан представлялся не более чем наделенной разумом машиной, бездушным убийцей, упивающимся кровавыми битвами, столь же бесчувственным к людс-

ким страданиям, как он сам — к своей боли, характером без развития. По нашему мнению, это совсем не так, не согласился бы с этим мнением и Роберт Говард. Конан превращался — правда, надо признать, довольно медленно — из оборванного мальчишки, промышляющего воровством на улицах Шадизара, не умеющего ни читать, ни писать, незнакомого с обычаями цивилизованного мира, в короля, правящего самым могущественным государством Хайборийского мира, королевством Аквилония. Конан убивал, почти никогда не испытывая угрызений совести, но он редко делал это для собственного удовольствия. Он был готов убить, сражаясь, чтобы защитить себя или своих друзей, или чтобы завладеть каким-нибудь сокровищем, которое искренне считал своим по праву завоевателя.

Конан неукоснительно следовал своему собственному кодексу поведения. Как и у его создателя, у варвара мало друзей, но этим друзьям он верен до конца. Он редко доверяет мужчинам и почти никогда — женщинам, но с теми, кто пользуется его доверием, он честен и искренен. У него есть, хотя об этом и не упоминается явно, несколько родственников, к которым он был привязан, когда жил в своей дикой Киммерии — больше близких людей у него нет.

Относительно женщин простой кодекс чести киммерийца был строг так же, как и у его создателя. За исключением одного случая в юности, Конан никогда не пытался совершить насилие или оскорбить женщину — как словом, так и делом, — невзирая на то, была она одета в шелка и бархат или же лохмотья. Конечно, если дамы высказывали подобное желание, он охотно развлекался в их обществе, даже подвергая свою жизнь опасности. Однако, на протяжении долгого времени ни одна его связь с женщиной не затронула души варвара. Это продолжалось до тех пор, пока он не встретил Белит, прекрасную пиратку, которая стала первой настоящей любовью в его жизни. Много лет спустя, будучи властителем Аквилонии, Конан обещает спасшей его рабыне Зенобии сделать ее своей королевой. В основном же киммериец со свойственными ему пылом и энергией влюбляется в каждом рассказе в новую женщину и без какого бы то ни было сожаления покидает ее, когда история заканчивается. Даже когда женщина предает его, варвар не опускается до того, чтобы мстить ей — хотя и ворчит, что бы он с ней сотворил,

будь она мужчиной. Выдержка изменяет ему всего один раз, когда он сбрасывает предательницу с балкона в открытую выгребную яму во дворе трактира.

Возможно, такое сочетание грубой силы и сострадания к слабому полу обращено к тем читателям-мужчинам, кто мечтает о том, чтобы, избавившись от пут цивилизации, поправить общественную мораль. Подобный ход событий и подобный результат — всего лишь неисполнимая мечта, о чем узнал бы каждый, если бы, подобно Конану, провел бесчисленное число ночей под дождем и снегом, пробираясь по горам босиком, в лохмотьях, едва прикрывающих тело, умирая от голода или защищаясь от врага одним лишь сломанным клинком. Но как прекрасны эти мечты!

Существуют и другие причины продолжительного успеха произведений о Конане. В первую очередь, страстная энергия Говарда несет читателя на скачущем галопом коне. Безумный гнев и пылающая ненависть Конана воссоздают нам то смещение чувств, что бередили собственную душу писателя. Его восприятие красоты природы, от необъятного неба Техаса до крошечных лепестков лютика, обогащает и наши собственные чувства. Его на редкость реалистичное описание бесов, призраков и мерзких извивающихся созданий преисподен, которые завладевают каждым мужчиной или женщиной, жаждущими в душе разрушения, настолько впечатляет, что самый воинствующий материалист не удержится от дрожи, вспомнив о них в темноте ночи. И мир воображения Говарда, в котором он провел большую часть своей жизни, пытаясь вырваться из оков реальности, настолько возбуждает нашу более слабую фантазию, что мы, пусть и на короткое время, тоже способны сбежать из скучного мира повседневности в бескрайние земли героической фантастики.

Леон СПРЭГ ДЕ КАМП

ГОВАРД И КЕЛЬТЫ

Одним из серьезных увлечений Роберта Ирвина Говарда были кельты. Через всю свою жизнь он пронес немеркнувший интерес к истории, антропологии, археологии и мифологии этого древнего народа.

Этот интерес нашел отражение во многих новеллах Говарда. Кельтское влияние не так заметно в рассказах о Конане, хотя в псевдо-истории хайборийского мира он и назвал киммерийцев прародителями кельтов, но наиболее ярко его увлечение этим народом проявилось в цикле рассказов о Турлофе О'Брайане, Кормаке Мак Арте и других.

Ирландская письменность появилась в VI веке, то есть вскоре после крещения Ирландии, и восходит к латинскому алфавиту. Более ранняя письменность, подобно тевтонским рунам, судя по всему, использовалась большей частью для погребальных надписей и магических ритуалов. Временем же активного создания ирландской литературы можно считать XI—XII вв., когда с этой территории были изгнаны захватчики-викинги, и

местные вожди покорились английскому королю Генриху II. Именно тогда были созданы многие манускрипты, копии которых существуют и по сей день. Помимо прочих целей, перед писцами стояла задача записать историю своей страны.

Как и у других народов (например, у греков и евреев), когда историки попытались разобраться в материалах периода, предшествующего появлению письменности, на них хлынула лавина противоречивой и недостоверной информации, содержащейся в легендах и мифах. Много говорится там о странствиях древних ирландцев, расселившихся со своего острова чуть ли не по всему белому свету, а также о племенах, в разное время пытавшихся завоевать Ирландию.

Так, из одних сказаний мы узнаем, например, что часть протоирландцев отправились в Скифию. Их вел некий лорд Голам, который после совершенного убийства бежал в Египет, где фараон Нектанебо (IV век до н. э.) пожаловал ему жену. Другие якобы отплыли в Испанию, где стали известны как племя милесийцев.

Некоторые легенды повествуют, как в Ирландии высадился некий грек Парфолан (или Парфалон) со товарищи. За ним пришел Немед и немедийцы, его последователи, из Скифии и фоморы (или фоморийцы) из Африки. Позднее были еще фирболги из Греции. Последними появились милесийцы, которые на пути из Скифии миновали Египет и Грецию.

Из некоторых источников следует, что большинство из этих завоевателей стало жертвами междоусобных войн и чумы. Но наряду с ними существуют и другие, более поздние предания, где те же персонажи объявляются вновь, живые и здоровые. Более того, Гоидель, легендарный предок газлов, якобы встречался в Египте с самим Моисеем. Но тогда он должен был жить во втором тысячелетии до н.э. — если, конечно, допустить, что Моисей, вообще, когда-либо существовал. А ведь есть еще предания, соотносящие ирландцев с пророком Иеремией.... Судите сами, много ли правды могло быть во всех этих — пусть и прекрасных — легендах!

* * *

У Роберта Ирвина Говарда была часть ирландской крови, значительно разбавленная английской и шотландской — отсю-

да и его симпатия к кельтам. Когда, например, Лавкрафт возмущался тем, что ирландцы бунтуют против своего «законного правителя», Говард с горечью вспоминал о несправедливостях, творимых англичанами в Ирландии, начиная с 1166 года. Он читал романы Дона Бирна об Ирландии, но англо-норманнские герои этого автора никогда не вызывали у него сочувствия.

Подобно многим другим людям, увлеченным мифами и преданиями, Говард искренне пытался разобраться и упорядочить историю миграций различных племен в тех краях. И, подобно многим, утверждал, что в легендах не может не содержаться зерен истины — надо лишь суметь извлечь их. В традициях «Католической энциклопедии», он идентифицировал фирбоггов с белгами, поскольку корень *фир-* означает «человек». (Некоторые исследователи считают, что название этого племени может означать «люди с лодками», где *болг* — это лодка наподобие пироги, представляющая собой деревянный каркас, обтянутый шкурами.)

Говард внимательно изучал фонетику и орфографию ирландского языка, находя много общего у кельтского с латынью. Также он принимал участие в бесконечных дискуссиях на тему, какая из ветвей британских кельтов — газлы или кимри (бритты) — первыми высадились в Британии. Подобно Лавкрафту, он сперва попал под очарование арийской доктрины, которая относил ариев к нордическому расовому типу. Говард писал о том, как смуглые низкорослые коренные жители Британии были побеждены «светловолосыми голубоглазыми гигантами» — предполагаемыми арийскими кельтами. Правда, поскольку сам Говард был брюнетом, этому признаку он уделял куда меньше внимания, чем тот же Лавкрафт; собственно, у большинства его героев черные волосы.

Говард цитировал Беду Достопочтенного, который говорил, что и пикты, якобы, также появились из «Скифии». Парфолана он считал финикийцем, фоморов — датчанами, фирбоггов — белгами, а милесийцев и газлов — скифами. Более того, он утверждал, что и ахейцы Гомера были никем иным, как кельтами, опираясь на схожесть греческого и ирландского героического эпоса.

Говард также был зачарован пиктами. Об этом народе мало что известно, кроме того, что они населяли территорию Шот-

ландии во времена Рима и еще несколько столетий спустя. В безлесных областях Оркни и Шетланда они возводили довольно сложные постройки из каменных блоков. От них не осталось ни письменности, ни достоверных преданий. Некоторые исследователи, вообще, утверждают, что название пикты является ошибочным и не определяет конкретный народ, поскольку происходит от латинского слова *picti* — «раскрашенные». Да и сами римские источники были весьма расплывчаты на их счет, лишь изредка упоминая, что на севере Британии обитают некие «пикты и каледонцы», или даже, вообще, «каледонцы и прочие пикты».

В IX веке пикты попали под власть Кеннета Макальпина, вождя ирландского племени, осевшего в Аргилле, на западе Шотландии. Победе Кеннета над пиктами отчасти способствовало и то, что в это же самое время их территория подвергалась постоянным набегам норвежцев. Часть источников утверждает, будто Кеннет «уничтожил» пиктов. Но едва ли это утверждение стоит понимать буквально, поскольку в анналах говорится, что он правил пиктами еще добрых шестнадцать лет и ко дню своей смерти все еще именовался «правителем шотландцев и пиктов». К тому времени эти племена уже во многом смешались — говорят, и сам Кеннет был наполовину пиктом — и единственное, что изменилось под его властью в укладе пиктов, это то, что на смену их наречию пришел газльский язык. С той поры все подданные потомков Кеннета без разбору именовались шотландцами.

Говард подробно обсуждает эти теории в одном из своих писем к Лавкрафту. Многие авторитетные источники, утверждает он, идентифицируют пиктов с кельтами и даже германцами. Другие говорят, что они прибыли в Британию позднее бриттов, но прежде газлов. «Дикие пикты Галлоуэя», о которых упоминается в шотландских легендах, по его мнению, были смесью кельтов (кимри и газлов), германских и скандинавских племен, говорившими на «грубом наречии кимри». В строгом смысле этого слова, считал он, само название «пикты» относится к единственному племени, поселившемуся в Галлоуэе и смешавшемуся с местным населением. По внешним же данным Говард относил пиктов к средиземноморскому типу — то есть представлял их низкорослыми, смуглыми и черноволосыми.

Поэтому, создавая образ Брана Мак Морна, своего героя пикта, жившего в эпоху Римской империи, Говард наградил его смуглой кожей, черными глазами, темными волосами и «грацией пантеры». Типичных пиктов он описывал как «коренастых, с крепкими узловатыми руками, черными глазами навыкате, с покатым лбом, тяжелой нижней челюстью и жесткими, черными, как смоль, волосами». Однако когда пикты заняли свое место в Хайборийском мире — как ни странно — они лишились своих неандертальских черт и сделались более похожи на американских индейцев-ирокезов.

История миграций, завоеваний и культурных заимствований в Европе настолько сложна и полна неясностей, что даже самый тщательный исследователь вскоре теряет надежду детально разобраться в этой неразберихе. Также, обсуждая расовую принадлежность древних европейцев, нам нужно проявлять осторожность. Прежде всего нужно принимать во внимание, что сильнее всего расы отличаются между собой цветом кожи, волос и формой лица. Но именно эти детали сохраняются хуже всего во влажном климате северной Европы, и археологам почти никогда не удается сказать что-либо определенное на этот счет.

Человеческие черепа похожи между собой куда больше, чем их бывшие живые владельцы. Любой из нас без труда отличит шведа от японца или, скажем, от негра; но лишь эксперту удалось бы различить между собой их черепа, да и то с определенной вероятностью ошибки. Поэтому следует с осторожностью относиться к заявлениям некоторых антропологов, будто черепа каменного века, найденные при раскопках в Европе, имеют монголоидные или негроидные черты, или, например, черепа до-колумбовой эпохи в Америке выдают их родство с обитателями Австралии.

Кроме того, люди, живущие в любой местности различаются между собой по росту, комплекции и т. д. Насколько мы можем судить, так было всегда и везде. Так что, даже если в каком-то месте нам удастся отыскать скелет рослого широкоплечего мужчины, это необязательно должно означать, что именно так выглядели в ту пору все обитатели данного региона.

Многие года неандертальцев на картинках изображали согнутыми, обезьяноподобными карликами. Объяснялось это тем,

что первый полный скелет неандертальца, найденный при раскопках в Ляшпель-о-Сен, принадлежал старику, замученному артритом. Позднее ученые установили, что обычный неандерталец при ходьбе держался вполне прямо.

И все же некоторые факты относительно истории Британских островов наукой установлены с большей или меньшей степенью достоверности. Так, мы знаем, что люди обитали здесь еще за 2000 лет до н. э. Около 1700 года до н. э. появились первые завоеватели, вероятнее всего, с территории современной Испании. Они умели варить пиво, использовали медные орудия труда, знали торговлю. Именно в период их владычества в Стоунхендже был воздвигнут первый круг синих камней.

Век или два спустя появились первые арии — точнее, далекие потомки тех давних ариев, кочевых индоевропейских племен, расселившихся по всей Европе. К тому времени они настолько смешались с местными жителями, что первоначальный облик их в значительной мере изменился. Они принесли с собой бронзовое оружие, искусство управления колесницами, научили приручать лошадей. В это время в Стоунхендже возвели круг огромных камней из песчаника.

Новая волна ариев — люди с боевыми топорами — пришла на земли Британии к концу первого тысячелетия до н. э. Следующая, в IV веке до н. э. принесла с собой кельтов, охотников за головами. Пришедшие из Центральной Европы в VI веке до н. э., кельты к тому времени захватили Галлию и Испанию. Одновременно с Британией их племена захватили также Балканы и Анатолию. Они изготавливали железные орудия, воевали на колесницах, у которых на колесах были закреплены острые клинки, пахали землю, запрягая в плуг волов. Несомненной частью их вклада в мировую культуру явились также друиды.

В I веке до н. э. пришли белги, воинственные галло-германские племена. Они были мастерами работы по металлу, чеканили собственную монету. Но белгам удалось завоевать лишь юго-восточную часть Британии — когда пришли римляне.

Что касается пиктов, часть историков утверждает, что их родным языком был кельтский; другие считают их потомками до-арийских обитателей Британских островов, язык которых относился к совершенно иной группе. Подобные лингвистические парадоксы известны в Европе. Так, баскский язык, со-

хранившийся и поныне, не принадлежит к индо-европейской семье языков. А горы Кавказа можно считать настоящим живым музеем подобных лингвистических диалектов.

Пикты могли принадлежать к до-кельтским племенам, либо быть потомками любой из волн завоевателей. До нас дошли некоторые пиктские имена с надгробий времен Римской империи: Ресад, Спуссио, Кашутулакма, Блисблитут, Усконбутс, Уипо-намет, Уумпопула, Доронаух Нералес. На слух они не слишком напоминают индоевропейские имена, и еще менее — псевдо-ирокезские, которыми Говард награбил своих хайборийских пиктов. Впрочем, для детального рассмотрения этого вопроса нам нужен был бы профессиональный филолог.

В представлении Говарда набеги на Британские острова осуществляли синеглазые светловолосые гиганты, покоровшие живших там аборигенов, приземистых и смуглых, средиземноморского типа. И по сей день эти два расовых типа, уже порядком смешавшиеся, встречаются в Британии.

Однако, что бы ни утверждали Говард и Лавкрафт, у нас нет никаких причин считать, будто когда-либо в истории эти расы могли существовать в чистом виде. Во все времена жители любой местности в Европе являли собой самое причудливое сочетание расовых черт, и отыскать хоть одного их «чистого» представителя почти невозможно.

Это означает, что никогда не существовало расы чистых блондинов. Все дело в том, что в Северной Европе светлая кожа и волосы оказались благоприятным качеством, препятствовавшим возникновению у детей рахита, что немаловажно для областей, где наблюдается недостаток солнца. Дальше к югу, однако, эта черта уже делалась вредной. Отсюда и преобладание блондинов на севере. Но и там это не было сугубо доминирующим признаком, что явствует, например, из прозвища Черный, данного знаменитому вождю Халфдану. И подобных имен было немало, что свидетельствует в пользу теории смешанных расовых проявлений.

Вероятнее всего, расовые различия во многом определялись воздействием на людей климатических условий. Некоторые функции подобных расовых черт очевидны. Так, темная кожа, развитые потовые железы и жесткие курчавые волосы, создающие на голове подобие шлема, служат для того, чтобы

наилучшим образом приспособить негров к выживанию под жарким африканским солнцем. Коренастые монголы с их жесткими волосами, плоскими лицами с подкожной жировой прослойкой и узким разрезом глаз оптимально чувствуют себя в суровом ветренном климате Манчжурии и Сибири.

С развитием цивилизации эволюционная роль расовых различий снижается. Так что вполне можно предположить, что своего пика эти различия достигали за 2000 лет до н. э. Позднее, с развитием технологии человек стал меньше зависеть от климата, а создание различных средств передвижения способствовало миграциям и смешению племен между собой. Эти силы, которые толкали расы к слиянию, со временем оказались сильнее климатических факторов, изначально приведших к возникновению различных расовых типов.

Таким образом, после 2000 года до н. э. едва ли правомерно будет говорить, что среди скандинавов были одни ростлые голубоглазые блондины. С большей или меньшей достоверностью это еще можно было бы сказать о коренных обитателях британских островов, потомках завоевателей-северян. Черты средиземноморского типа были привнесены сюда позднее — с приходом первых завоевателей с территории современной Испании. Следующее вливание средиземноморской крови произошло уже при римлянах, когда здесь появились римские солдаты, торговцы, чиновники и т. д.

Маловероятно, чтобы до падения Западной Римской Империи в V веке на Британские острова попадало много скандинавов. Самые ранние записи о миграциях северян-поселенцев в Оркни относятся к 780 году. Затем последовали набеги датчан и норвежцев на Ирландию в 790-х годах и датчан на Англию — в 830-х. За разовыми набегами начались более массированные волны завоеваний. Отчасти эти попытки увенчались успехом во Франции и в Англии, и множество северян обосновались здесь, со временем приняв власть английских и французских королей.

На ранних этапах скандинавы были скорее хлебопашцами и рыбаками, чем воинами. Возможно, нрав их и в ту пору отличался кровожадностью (хотя это ничем не доказано), но отсутствие больших кораблей сдерживало их, заставляя бороться в основном друг с другом. Мощные боевые суда, которыми так прославились викинги, появились несколько позднее.

Собственно говоря, завоевание Британии тем же самым образом связано с развитием кораблестроения. И до римскую эпоху у скандинавов имелись лишь утлые лодочки, не больше современной спасательной шлюпки. А значит и все нападения осуществлялись лишь из тех мест, откуда до противоположного берега было рукой подать (например, в районе нынешнего Дувра).

К V веку навыки строительства судов нашли широкое распространение и дошли до германских племен. Вероятнее всего, за образец были взяты римские корабли, возводившиеся на верфях Галлии. С такими судами саксы и англы смогли ходить в куда более длительные походы, на которые никогда не отважились бы их предки.

К VI веку, с дальнейшим развитием кораблестроения, к делу подключились норвежцы и датчане. Суда викингов во многом напоминали римские галеры, но делались еще более крепкими и устойчивыми в расчете на бурные северные воды. Взрыв скандинавской активности на море, как только они научились строить подходящие корабли, сравним лишь с размахом плаваний европейцев в XV веке, когда был открыт компас, порох и усовершенствована парусная оснастка.

В рассказах Говарда, посвященных викингам, датчане и норвежцы захватывают Британию еще во времена владычества римлян. Разумеется, здесь мы имеем дело с вопиющим анахронизмом, однако удовольствие от рассказов от этого меньше не становится. Хотя Говард и был человеком весьма начитанным, познаниям его порой не хватало глубины.

Подлинная история Скандинавии начинается в период завоевания Британии, то есть около IX века. До этого времени существуют лишь мифы, легенды и сказания, где, конечно, содержится и зерна истинной истории — но не более, чем в «Одиссее» или Библии.

Судя по тому, что рассказывают о своих далеких предках сами скандинавы, эти «светловолосые гиганты» были редкостными негодяями. Больше всего восхищения вызывали вожди, которые с наибольшим успехом грабили земли соседей. Чтобы разрешить возникшие споры такой правитель чаще всего заманивал к себе соседа, прикрываясь заверениями в вечной любви и преданности, напоял его допьяна, а затем сжигал заживо вместе со свитой. Хотя о бытовой стороне их жизни известно

не так уж много, арабский историк ибн-Фадлан, который встречался со шведскими викингами на Волге в 920 году, называл их красивыми, но «самыми грязными из созданий божьих».

Большинство иммигрантов, вероятнее всего, пришли в Британию с ближайших берегов — из Галлии и Нидерландов. Эти люди принадлежали к тому же смешанному северно-средиземноморскому расовому типу, что и их соседи, обитавшие на другом берегу Ла-Манша.

До изобретения пороха у крупных, рослых воинов (таких, как северяне) имелось явное преимущество в бою. Они быстрее бегали, могли наносить более сильные удары и носить более тяжелые доспехи. Однако превосходство вооружения и воинская дисциплина противника могли лишить их такого преимущества. Когда Цезарь осадил крупный город в Галлии и начал сооружать осадные башни, *«Зрелище это сперва показалось им весьма забавным.... Как правило, галлы смотрели на нас сверху вниз,— пишет Цезарь,— поскольку, по сравнению с ними, мы выглядели низкорослыми и слабыми; и теперь они недоумевали, как столь ущербные существа своими немощными руками сумеют поднять такую огромную башню и водрузить на их крепостную стену...»*

И все же низкорослые, жилистые римляне Цезаря одержали победу. В наши дни численный перевес в войне уже практически не играет значения, как это поняли, в частности, Соединенные Штаты во Вьетнаме. Точно также уменьшилось значение расовой приспособленности к климатическим условиям, когда усовершенствовалась одежда, жилища, появились батареи и кондиционеры.

Отчет Цезаря может также создать преувеличенное впечатление, которое разделяют и многие современные авторы, о том, что римляне и галлы значительно различались внешне. Однако город, о котором шла речь в процитированных выше записках, был расположен на территории современной Бельгии, неподалеку от Льежа, и у нас нет ни малейших оснований считать, что бельгийцы того времени значительно отличались внешне от их далеких потомков. Конечно, в среднем бельгийцы выше ростом, чем итальянцы; но есть миллионы итальянцев,

которые выше ростом миллионов бельгийцев. Точно также шведы и шотландцы в среднем выше ростом, чем бельгийцы — но это лишь в среднем.

В общем, едва ли правомочно говорить о том, что в Британии раз за разом происходили набеги воинственных рослых блондинов на обитавших на островах скромных низкорослых brunetов — скорее уж наоборот. Вплоть до скандинавских набегов, начавшихся с IX века, население Британии, включая пиктов, отличалось более высоким ростом и светлыми волосами, чем их материковые соседи с южных земель — хотя и здесь едва ли эти различия были так уж велики. Однако у каждой новой волны завоевателей имелись свои преимущества: меди над камнем, бронзы над медью, железа над бронзой, римской выучки и дисциплины над кельтской ордой. И не раз, и не два маленькие смуглые южане бивали благородных здоровяков-северян.

Собственно говоря, до прихода на их земли римлян, саксонцев и викингов у кельтов даже не было городов в полном смысле этого слова. Имелись только крепости на островах и возвышенностях, где селился вождь с дружиной и куда, в случае опасности, сбегались окрестные крестьяне. Причина этого, вероятно, в том, что у кельтов земледелие было развито не достаточно для того, чтобы образовывались излишки, которые могли бы прокормить население города, не занятое сельским хозяйством.

Ну, а что же тогда сказать о легендах о Парфолане, фомирах и прочих? Увы, но для изучения подлинной истории Британии они не представляют ни малейшего интереса. Хотя в этих сказаниях наверняка содержится толика подлинных фактов, в отсутствие надежных свидетельств, не представляется возможным отделить их от наслоений выдумки. Это все равно, что искать в стогу сена не просто иголку, но иголку, как две капли воды похожую на соломинку.

Большинство легенд были записаны спустя многие столетия после событий, о которых в них повествуется. Так, основной источник, откуда черпается информация о миграциях различных племен в Ирландию — *«Сказание о Туане Мак-Карелле»* — относится к XII веку, тогда как события, там описываемые, произошли еще до первых походов Юлия Цезаря, то есть до 55

года до н. э. Вся эту тысячу лет Ирландия, в основном, оставалась неграмотной, а значит, легенды передавались из уст в уста. Но таким образом переданная информация может сохранять правдивость лишь на протяжении жизни первых нескольких поколений, после чего воспоминания о делах давно минувших дней перемежаются рассказами о событиях сравнительно недавних, а место реальных фактов постепенно занимает вымысел.

Поэтому нас не должно удивлять, что в ирландских сагах истинных исторических подробностей содержится не больше, чем, скажем, в Библии или в «Одиссее». Так, котел Дагды, где никогда не переводилась пища, можно сравнить с чудесными доспехами, которые выковал для Ахилла бог Гефест, либо с посохом Моисея, по желанию обращавшимся в змею и способным выбить воду из камня. В целом же, изучая мифы, мы сталкиваемся с почти неразрешимой задачей, пытаясь отделить в них зерна истины от плывев сказочной фантазии.

Кроме того, в дохристианскую эпоху ирландцы не были такими уж выдающимися мореходами, а потому едва ли могли знать о существовании таких стран как Скифия, Шумер, Греция или Египет, которые, однако, постоянно упоминаются в их поздних мифах. Это знание было привнесено в Ирландию монахами, которые последовали за святым Патриком, крестившим эту страну. Они привезли с собой библию, где упоминались все эти места, а также титул «фараон», ранее неизвестный ирландцам, и привезли произведения классической литературы, значительно обогатившие представления местных жителей о внешнем мире. Отсюда, например, ирландцы узнали о фараоне Нектанебо, о котором упоминали Плутарх и Ксенофон.

Ирландские историки того времени пытались создать историю своего мира, слив воедино новые знания (или то, что они считали таковыми — как легенду об исходе евреев из Египта) с собственными языческими мифами и легендами. То, что получилось у них в результате, имело отношения к подлинной истории не больше, чем та же «Одиссея» — к реальному миру Средиземноморья II тысячелетия до н. э., то есть практически никакого.

Кельтскими бардами владела страсть примирять между собой различные легенды, придумывая связи между ними, а

также объяснять происхождение имен и событий с помощью совершенно ложной этимологии и исторических вымыслов. Таким же образом Снорри Стурлусон, великий средневековый исландский историк, отождествил Асатру, бибель асов, божесть скандинавской мифологии, с реальной географической Азией. После принятия в этих краях христианства кельтские писцы старались сохранить древние сказания, выходявшие из них и приподня в соответствии с церковной традицией. Они приносили богов до смертных героев типа Кухулина или Ланселота. Точно также легендарные воители Ирландии — будто фирбонги или Туата Де Даннан — перестали всего, в первоначальных мифах являлись некими богами.

Несмотря на всю его любовь к Ирландии, Роберт Говард, конечно же, не был так наивен, чтобы принимать все кельтские легенды за чистую монету и не ставить своих кельтских предков на недосягаемый пьедестал. Именно из них, он считал (хотя это едва ли было справедливо), ему и наследство достался беспокойный, мятежный дух, не знавший покоя. Порой, в самые мрачные минуты, он проклинал свою «черную милезийскую кровь», которая наполняла его «бессмысленной тоской по черным звездам», в то время как «рыдающие ветры рвали на части его сердце». Эта кровь несла с собой «чужую сумрачную ярость», что сметала все на своем пути.

У всех народов и рас, как совершенно справедливо признавал Говард, имелись свои «подлецы и святые». Он признавал, что кельтам свойственны «предательство, зависть и безответственность», которые и привели в Ирландию англичан. Так оно и было на самом деле. В 1150-х годах папа Адриан IV, посчитав, что ирландские священники стали слишком независимыми, и передал Ирландию английскому королю Генриху II (хотя не имел ни малейшего права так ею распоряжаться), дабы этот правитель навел порядок среди мятежников. У Генриха хватало своих забот и без Ирландии, и он дал соизволение сильноному ирландскому вождю Дермоту Макмюрру собрать армию из норманнских наемников и занять трон.

Когда же норманны увидели Ирландию, то вскоре поняли, что им нет нужды отдавать Дермоту такой прекрасный

зеленый край, и предпочли воцариться там сами. У этих тяжеловооруженных рыцарей ирландские воины, не имевшие даже доспехов, вызвали глубочайшее презрение, и они не видели в них серьезных противников. Ирландцы, в свою очередь, утверждали, что сражаться без доспехов — признак истинной мужественности, однако, возможно, они лишь пытались скрыть тот факт, что их кузнецы еще не овладели этим искусством. Как бы то ни было, нашествие чужеземных рыцарей настолько подкосило боевой дух ирландцев, что они предпочли пойти на поклон к английскому королю (который, на самом деле, был французом по крови), в надежде, что тот избавит их от норманнов. Их надеждам не суждено было оправдаться.

Кстати, в ирландской истории эта цепь событий повторялась не единожды. Так, в 82 году Гней Юлий Агрикола, правитель Римской Британии, пытался завоевать Ирландию и посадить на трон некоего беглого князька, которого специально для этого держал в своем окружении. Правда, осуществить этот замысел римляне не успели.

Когда саксы захватили большую часть Англии, бритты закрепились на северо-западе, в Кемберленде. В VIII веке местный правитель Уриен Регедский провел несколько успешных военных операций против короля Теодорика и практически сумел изгнать норманнов с острова. Но, как гласят летописи, другой местный правитель, Моркант, организовал убийство Уриена, своего родича и союзника «из зависти к военному искусству, в котором тот так превосходил прочих владык».

История мало чему научила ирландцев. Во время антибританского восстания в начале XX века, самым отважным, блестящим и многообещающим ирландским лидером был Майкл Коллинз. После основания Ирландского Свободного Государства, он стал его главнокомандующим. А в 1922 году был подло убит из засады своими же бывшими сторонниками, радикальными республиканцами.

По словам Лорда Дансени, «во времена Империи ирландцам привольнее всего было служить в колониях. С детства их окружала атмосфера лести и предательства — так что никого не удивляло, когда с теми же вещами доводилось столкнуться на другом конце света».

И все же остается вопрос: откуда взялся этот пронизывающий всю нацию дух противоречия, раскольниковства? Ведь именно эта нетерпимость стала причиной того, что, несмотря на свой природный ум и отвагу, кельты потерпели поражение сперва от римлян в Галлии, затем от саксов в Британии и, наконец, от норманнов в Ирландии. Возможно, виной тому клановое устройство общества, которое порождает в людях верность только очень узкому кругу лиц, объединенных общим происхождением. При этом члены других кланов нередко мнятся врагами куда более опасными, чем любые чужеземцы.

Когда народ расколот на множество независимых племен или кланов, каждый из которых существует сам по себе, неизбежны раздоры, обиды и междоусобная грызня. И когда на горизонте объявляется некая новая сила (будь то римляне или саксы), часть кланов устремляется к ним, в надежде найти союзников против местных недругов. Они словно бы и не отдают себе отчета, что чужеземцы вскоре поглотят их всех, одного за другим. Так было, например, в 51 году в Британии: вождь силуров Каратак потерпел поражение и бежал в земли бригантов просить о помощи, — но правительница Киртимандуя велела заковать его в цепи и передать римлянам. Не стоит сомневаться, что вскоре и ее земли оказались под властью врага.

Тот же дух разобщенности в разное время проявлялся и у других народов: у греков в древности, у итальянцев — в Средние века, у индейцев — в ходе европейского завоевания, и наконец у нынешних арабов. Зачастую подобная раздробленность нации порождала блестящих личностей, вождей и полководцев. Но жизнеспособность такого общества невелика. Рано или поздно найдется могущественный противник, который поглотит его по частям. И, возможно, только тогда народ наконец осознает свое единство.

Леон СПРЭГ ДЕ КАМП

СОДЕРЖАНИЕ

БРАН МАК МОРН

Ожившее предание

Перевод с англ. Я. Забелина 7

Дети тьмы

Перевод с англ. И. Рошаль 27

Черви земли

Перевод с англ. В. Карчевский 49

Короли ночи

Перевод с англ. В. Карчевский 90

КОРМАК МАК АРТ

Тигры морей

Перевод с англ. Н. Дружинина 141

Мечи Северного моря

Перевод с англ. В. Карчевский 196

Ночь волка

Перевод с англ. В. Карчевский 227

Мерзкое святилище

Перевод с англ. В. Карчевский 253

ТУРЛОФ О'БРАЙЕН

Когда ушел седой бог

Перевод с англ. М. Николаева 271

Черный человек

Перевод с англ. И. Рошаль 317

Боги Бэл-Сагота

Перевод с англ. В. Карчевский 353

ДЖЕЙМС ЭЛЛИСОН

Шествующий из Валгаллы

Перевод с англ. М. Николаева 409

+ Долина червя (V)

Перевод с англ. И. Рошаль 459

Каменное сердце

Перевод с англ. И. Рошаль 491

Л. Спрэг де Камп. Вечный мечтатель 512

Л. Спрэг де Камп. Говард и кельты 527

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”,
Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

НОЧЬ ВОЛКА

Сага древних морей

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Екатерина Соболева*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Елена Посадова*

Технический редактор *Елена Шараева*

Корректор *Людмила Михайлова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.11.97.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 10 100 экз. Заказ 2439.

Издательство “Северо-Запад”. Лицензия ЛР № 071380

от 20.01.1997 г.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171

E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО “Харвест”. Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

...Он смотрел, как темные корабли взрезают драконьими носами густую прибрежную воду, где не отражался зеленый свет факелов. Еще миг и орды бесшумных теней хлынут на берег и вскоре тут не останется даже камней — только черная оплавленная земля, перемешанная с костями павших. Он видел то, что не видел ни один человек — до появления расы людей должно было пройти пять тысячелетий.

•Северо-Запад®